

УИЛЪЯМ ШЕКСПИР

УИЛЬЯМ ШЕКСПИР

Собрание сочинений
в 8 томах

МОСКВА
«ИНТЕРБУК»
1997

УИЛЬЯМ ШЕКСПИР

Том 2

Ричард III

Юлий Цезарь

Макбет

Трагедия о Кориолане

МОСКВА
«ИНТЕРБУК»
1997

УДК 820
ББК 84 (4 Вл)
Ш 41

С о с т а в и т е л ь
И. Шайтанов

Х у д о ж н и к
И. Беляева

ISBN 5-88589-027-7 (т.2)

ISBN 5-88589-025-0 © И.О.Шайтанов. Составление. 1992.

Ричард III
Хроника в 5 актах

Перевод
А. Радловой

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Король Эдуард IV.

Эдуард, принц Уэльский }
Ричард, герцог Йоркский } сыновья короля.

Георг (Джордж), герцог Кларенс }
Ричард, герцог Глостер, потом король Ричард III } братья
Генрих, граф Ричмонд, потом король Генрих VII. } короля.

Кардинал Борчер, архиепископ Кентерберийский.

Томас Ротрем, архиепископ Йоркский.

Джон Мортон, епископ Илийский.

Герцог Бекингем.

Герцог Норфолк.

Граф Серри, его сын.

Граф Риверс, брат королевы Елизаветы.

Маркиз Дорсет }
Лорд Грей } сыновья Елизаветы
Граф Оксфорд. } (от первого брака).

Лорд Хестингс.

Лорд Стенли.

Лорд Ловел.

Сэр Томас Воген.

Сэр Ричард Ретклиф.

Сэр Вильям Кетсби.

Сэр Джемс Тиррел.

Сэр Джемс Блент.

Сэр Уолтер Херберт.

Сэр Роберт Брекенбери, комендант Тауэра.

Сэр Вильям Брендон.

Кристофер Эрсуик, священник.

Священник.

Трессел }
Баркли } дворяне из свиты леди Анны.

Лорд-мэр Лондона.

Шериф Уилтширский.

Елизавета, королева и жена короля Эдуарда IV.

Маргарита, вдова короля Генриха VI.

Герцогиня Йоркская, мать короля Эдуарда IV.

Леди Анна, вдова Эдуарда, принца Уэльского, сына Генриха VI,

потом — жена короля Ричарда III.

Маленький сын и маленькая дочь герцога Кларенса.

Духи убитых Ричардом III людей, лорды, придворные,

слуги, рассыльные, писец, горожане, убийцы, гонцы, солдаты и другие.

Место действия — Англия.

А К Т I

СЦЕНА I

Лондон. Улица.

Входит Р и ч а р д, герцог Глостер.

Г л о с т е р

Здесь нынче солнце Йорка¹ злую зиму
В ликующее лето превратило;
Нависшие над нашим домом тучи
Погребены в груди глубокой моря.
У нас на голове — венок победный;
Доспехи боевые — на покое;
Весельем мы сменили бранный клич
И музыкой прелестной — грубый марш.
И грозноликий бой чело разгладил;
Уж он не скачет на конях в броне,
Гоня перед собой врагов трусливых,
А ловко прыгает в гостях у дамы
Под звуки нежно-сладострастной лютни.
Но я не создан для забав любовных,
Для нежного гляденья в зеркала;
Я груб; величья не хватает мне,
Чтоб важничать пред нимфою распутной.
Меня природа лживая согнула
И обделила красотой и ростом.
Уродлив, исковеркан и до срока
Я послан в мир живой; я недоделан,—
Такой убогий и хромой, что псы,
Когда пред ними ковыляю, лают.
Чем в этот мирный и тщедушный век
Мне наслаждаться? Разве что глядеть
На тень мою, что солнце удлиняет,

Да толковать мне о своем уродстве?
Раз не дано любовными речами
Мне занимать болтливый пышный век,
Решился стать я подлецом и проклял
Ленивые забавы мирных дней.
Я клеветой, внушением опасным
О прорицаньях пьяных и о снах
Смертельную вражду посеял в братьях—
Меж братом Кларенсом и королем.
И если так же справедлив и верен
Король Эдвард, как я лукав и лжив,
Сегодня будет Кларенс в заключение,
Ибо предсказано, что буква Г
Убьет наследников Эдварда. Мысли,
На дно души нырните!—Вот и Кларенс!

Входят Кларенс под стражей и Брекенбери.

День добрый, брат. Что значит эта стража
Вкруг вашей светлости?

Кларенс

Король, радея

О целости моей, велел отправить
Меня под этою охраной в Тауэр.

Глостер

Но почему?

Кларенс

Зовут меня — Георг.

Глостер

Увы, милорд, вы в этом невиновны;
В тюрьму бы надо крестных ваших бросить.
Или его величеству угодно,
Чтоб в Тауэре вас заново крестили?²
Но в чем же дело, Кларенс, расскажите.

Кларенс

Сказал бы, Ричард, если б знал; но я
Не знаю, право. Лишь одно известно,
Что снам и прорицаньям верит он.
Из азбуки изъял он букву Г.

Сказал ему какой-то чернокнижник,
Что буква Г опасна для него
И трон отнимет у его потомства.
Меня зовут Георг, и он решил,
Что это — я. Вот этот вздор—причина,
Что заточить меня велел король.

Г л о с т е р

Вот какова власть женщин над мужьями!
Вас посылает в Тауэр не король,
А леди Грей, жена его; она
До этих крайностей его доводит.
Она и брат ее благочестивый
Энтони Вудвил³ королю внушили
Отправить лорда-камергера в Тауэр,
Откуда он освобожден лишь нынче.
Не в безопасности мы здесь, нет, Кларенс.

К л а р е н с

В опасности здесь всякий, поклянусь.
Одни лишь родственники королевы
Да те гонцы, что между королем
И миссис Шор таскаются ночами,
Здесь в безопасности. Слыхали вы,
Как Хестингс умолял ее о воле?

Г л о с т е р

Молясь смиренно божеству ее,
Лорд-камергер свободу получил.
Скажу вам: думаю, что лучший путь нам
Снискать расположение короля—
Стать слугами, носить ее ливрею.
С тех пор как брат баб этих возвеличил,
Она да перезрелая вдова
Ревнивая—хозяйки в королевстве.

Б р е к е н б е р и

Прошу у ваших светлостей прощенья,
Король велел мне строго, чтоб никто—
Какого б званья ни был человек—
Беседы частной с герцогом не вел.

Г л о с т е р

Ну, что же? Вам угодно ль, Брекенбери,
Принять участие в беседе нашей?

Здесь не измена. Говорим, что мудр
Король, что королева благородна,
Почтенна, хороша и не ревнива;
У миссис Шор прелестная нога,
Рот алый, глазки, язычок веселый,
И что в чести родные королевы.
Вы, сэр, от этого не отречетесь.

Б р е к е н б е р и

До этого мне дела нет, милорд.

Г л о с т е р

До миссис Шор нет дела? Право, друг,
Всем, кроме одного, то дело делать
Наедине с ней лучше и тайком.

Б р е к е н б е р и

Какого одного, милорд?

Г л о с т е р

Ее супруга, малый. Ты предашь нас?

Б р е к е н б е р и

Милорд, молю вас извинить меня,
Но с герцогом беседу прекратите.

К л а р е н с

Тебе приказ дан—слушаться придется.

Г л о с т е р

Должны мы слушаться—в опале мы.—
Прощайте, брат. Иду я к королю.
И что бы ни пришлось для вас мне сделать,—
Хотя б сестрой назвать жену Эдварда,—
Все сделаю, чтоб вас освободить.
Опала брата для меня больнее
И горестней, чем думаете вы!

К л а р е н с

Да, никому ведь не легко из нас.

Г л о с т е р

Недолго вы пробудете в темнице:
Освобожу вас иль за вас паду.
Пока терпите.

К л а р е н с

Потерплю. Прощайте.

Кларенс, Брекенбери и стража уходят.

Г л о с т е р

Ступай; ты никогда уж не вернешься,
Простак мой Кларенс! Так тебя люблю я,
Что скоро дух твой я пошлю на небо,
Коль небо примет дар из наших рук.
Кто там идет? Освобожденный Хестингс!

Входит Хестингс.

Х е с т и н г с

Привет и добрый день, светлейший герцог!

Г л о с т е р

Вам также добрый день, лорд-камергер.
Приветствовать вас рад на вольной воле.
Как ваша милость вынесла темницу?

Х е с т и н г с

Как должно узнику, милорд,—с терпением;
Но буду жить, чтоб отблагодарить
Тех, кто причиной были заключения.

Г л о с т е р

Да, несомненно. Так же мыслит Кларенс.
Кто вам был враг, стал и ему врагом,
Над ним такое ж совершив насилие.

Х е с т и н г с

Обидно, что орел томится в клетке,
А ястреба и коршуны летают.

Г л о с т е р

Что делается за морем?

Х е с т и н г с

Да за морем неплохо; дома хуже:
Король и слаб, и болен, и печален;
Врачи весьма боятся за него.

Г л о с т е р

Плохая весть, клянусь святым я Павлом.
О, он давно вел пагубную жизнь
И царственное тело истощал;
Но слишком тяжело об этом думать.
В постели он лежит?

Х е с т и н г с

В постели.

Г л о с т е р

Идите; я последую за вами.

Хестингс уходит.

Надеюсь, он не выживет; но прежде
Пошлет на почтовых он брата к богу.
Я ж к Кларенсу его вражду усилию
Отточенной доводами ложью,
И если этот замысел удастся,
То Кларенсу не пережить и дня.
А там бог приберет и короля
И опростает в мире место мне.
Тогда на Анне Уорик я женюсь.
Что ж, что отца ее убил и мужа?
Быстрейший способ девке заплатить—
Стать мужем для нее и стать отцом.
Так поступлю не то что из любви,
А ради тайных замыслов моих,
Которых я, женись на ней, достигну.
Но раньше времени я размечтался...
Ведь дышит Кларенс, и Эдвард царит;
Лишь смерть их прибыль верную сулит.

Уходит.

СЦЕНА 2

Лондон.

Другая улица.

Вносят тело короля Генриха VI в гробу. Дворяне с алебардами и леди Анна в трауре сопровождают гроб.

Л е д и А н н а

Постойте! Опустите славный гроб!
Ужели славе быть похороненной?
Еще хочу над доблестным Ланкастром,

Над гибелью безвременной рыдать.—
Лик ледяной святого короля!
Бескровные останки царской крови!
Ты, бледный прах Ланкастерского дома!
Дано мне право дух твой призывать,
Чтоб слышал ты стенанья бедной Анны,
Жены Эдварда, сына твоего,
Убитого той самою рукой,
Что нанесла тебе вот эти раны!
Вот—окна, из которых жизнь ушла,—
В них лью бальзам бессильный бедных глаз.
Будь проклят тот, кто сделал это дело,
И дух того, кому хватило духу,
И кровь того, кто пролил кровь твою!
Пусть доля злая поразит мерзавца,
Что гибелью твоей нас обездолил,
Какой я жадам, паукам, ехиднам,
Всем гадам ядовитым не желаю!
А если у него дитя родится,
Пусть будет недоносок и урод,
Чтоб видом безобразным и ужасным
Мать, полную надежд, он поразил
И унаследовал отца пороки!
Жену ль возьмет—пускай она вдовою
Оплатит горше смерть его, чем я
Над юным мужем и тобою плачу.—
Идите в Чартси⁴, груз святой несите,
Что взят для погребения из церкви;
А как устанете, вы отдохните—
И снова я над королем поплачу.

Входит Г л о с т е р .

Г л о с т е р

Остановитесь! Ставьте гроб на землю.

Л е д и А н н а

Какой колдун врага сюда призвал⁵,
Чтоб набожному делу помешать?

Г л о с т е р

На землю труп, мерзавцы, иль, клянусь,
В труп превращу того, кто непослушен.

Д в о р я н и н

Милорд, уйдите; пропустите гроб.

Г л о с т е р

Прочь, грубый пес, и слушай приказанья.
Прочь алебарду, иль, клянусь святыми,
На землю сброшу я тебя пинком,
Негодный нищий, за твое нахальство!

Несущие гроб опускают его на землю.

Л е д и А н н а

Как? Вы дрожите? Все вы испугались?
Увы, не осуждаю вас: вы—люди,
А смертный взор пред дьяволом бессилен.
Уйди, ужасное орудье ада!
Ты властен был над этим смертным телом,—
Душа тебе не отдана; уйди.

Г л о с т е р

Молю тебя, святая, не бранись.

Л е д и А н н а

Уйди, проклятый дьявол, не мешай нам.
Ты адом сделал радостную землю,
Проклятьями и стонами наполнил.
Коль радуется тебе вид гнусных дел—
Вот образец твоей кровавой бойни.—
О, посмотрите, джентльмены, раны
Застылые открылись, кровь течет!—
Красней, красней, обрубок безобразный;
Перед тобою льется эта кровь
Из жил холодных, где уж нету крови.
Неслыханный и дикий твой поступок
Неслыханнейший вызвал здесь потоп.
Бог, кровь ты создал, отомсти за смерть!
Земля, кровь пьешь ты, отомсти за смерть!
О небо, молнией убей убийцу!
Земля, раскройся и пожри его,
Как королевскую ты кровь пожрала,
Что выпущена дьявольской рукой.

Г л о с т е р

Миледи, милосердие вам чуждо,—
Добро за зло и за проклятье—благодать.

Л е д и А н н а

Чужд подлецу закон людской и божий,
А лютый зверь и тот ведь знает жалость.

Г л о с т е р

Не знаю жалости—вот и не зверь я.

Л е д и А н н а

О чудо! Дьявол правду говорит.

Г л о с т е р

Еще чудеснее, что ангел злится.—
Позвольте, совершенство среди женщин,
В моих предполагаемых злодействах
Пред вами мне, как должно, оправдаться.

Л е д и А н н а

Позволь мне, среди всех мужчин зараза,
За все известные твои злодейства
Тебя, проклятого, еще проклясть.

Г л о с т е р

Ты, чью красу бессилен описать я,
Немного потерпи: я обелюсь.

Л е д и А н н а

Ты, чье уродство сердце не измыслит,
Лишь удавившись, обелиться можешь.

Г л о с т е р

Отчаяньем лишь очерню себя.

Л е д и А н н а

Отчаяньем ты можешь оправдаться,
Себе достойно отомстив за тех,
Кого ты недостойно убивал.

Г л о с т е р

А если не убил их?

Л е д и А н н а

Значит, живы?

О нет, мертвы! Тобой убиты, пес.

Г л о с т е р

Мной муж ваш не убит.

Л е д и А н н а

Так, значит, жив он?

Г л о с т е р

Нет, умер он—убит рукой Эдварда.

Л е д и А н н а

Лжет глотка подлая! Видала меч твой
Еще от крови теплым Маргарита,—
Тот меч, которым ты уж раз грозил ей;
Но братья отклонили острие.

Г л о с т е р

Ее злым языком я вызван был,
Что приписал мне без вины вину их.

Л е д и А н н а

Ты вызван был твоим кровавым духом,
Что только бойню видит и во сне.
Убил ты короля?

Г л о с т е р

Да, признаю.

Л е д и А н н а

Признал ты, гад? Так пусть признает бог,
Что проклят будешь ты за злое дело.—
О, был он ласков, чист и милосерден!

Г л о с т е р

На небесах ему приличней быть.

Л е д и А н н а

На небесах он, где не будешь ты.

Г л о с т е р

Пускай благодарит—туда он послан,
Где быть ему пристойней, чем средь нас.

Л е д и А н н а

Тебе ж пристало только быть в аду.

Г л о с т е р

Нет, место есть еще... Сказать посмею ль?

Л е д и А н н а

Тюрьма?

Г л о с т е р

Нет, ваша спальня.

Л е д и А н н а

Пускай беда живет там, где ты спишь.

Г л о с т е р

Так это есть, пока не сплю я с вами.

Л е д и А н н а

Я полагаю.

Г л о с т е р

Это так. Миледи,
Оставим остроумья поединок
И к разговору мирному вернемся.
Не правда ли, причина ранней смерти
Эдварда, Генриха Плантагенетов
Хулы достойна так же, как палач?

Л е д и А н н а

Ты был причиной и орудьем смерти.

Г л о с т е р

Нет, ваша красота—причина смерти:
Она во сне тревожила меня,
Звала убить весь мир, чтоб час один
Прожить, прижавшись к вашей нежной груди.

Л е д и А н н а

Когда б я это думала, убийца,
Ногтями б эту красоту содрала.

Г л о с т е р

Глазам не вынести красы погибель;
При мне не надругались бы над ней.
Мне ваша красота—вся радость, так же
Как миру—солнце. Свет она и жизнь.

Л е д и А н н а

Пусть мраком станет свет твой, смертью—жизнь.

Г л о с т е р

Себя клянeshь. Ты—жизнь моя и смерть.

Л е д и А н н а
О, если б так, тебе б я отомстила.

Г л о с т е р
Раздор наш против естества. Нельзя
Мстить человеку, что тебя так любит.

Л е д и А н н а
Раздор разумен наш и справедлив—
Желанье отомстить убийце мужа.

Г л о с т е р
Тот, кто лишил тебя, миледи, мужа,
Тебе поможет лучшего добыть.

Л е д и А н н а
На всей земле нет лучшего, чем он.

Г л о с т е р
Есть. Вас он любит больше, чем умерший.

Л е д и А н н а
Кто он?

Г л о с т е р
Плантагенет.

Л е д и А н н а
Его так звали.

Г л о с т е р
Да, имя то же, но покрепче нрав.

Л е д и А н н а
Где он?

Г л о с т е р
Он здесь.

Леди Анна плюет на Глостера.

Ты на меня плюешь?

Л е д и А н н а
Тебя бы ядом оплевала я.

Г л о с т е р

Не место яду на губах столь нежных.

Л е д и А н н а

Но место яду на гнуснейшей жабе.
Прочь с глаз моих! Ты для меня—злой яд.

Г л о с т е р

О милая, твои глаза мне—яд.

Л е д и А н н а

Пускай убьют тебя, как василиски.

Г л о с т е р

Пускай убьют—лишь умереть бы сразу!
Они меня разят живою смертью⁶.
Из глаз моих они исторгли слезы
Постыдные, соленные, ребячьи,
Из глаз, не знавших жалостливых слез.
Когда над Ретлендом меч поднял Клиффорд
И, жалкий мальчика услышав стон,
Отец мой Йорк и брат Эдвард рыдали;
Когда рассказывал отец твой грозный
О смерти моего отца, слезами
Рассказ свой прерывая, как дитя;
Когда у всех залиты были лица,
Как деревья дождем,—в тот час печальный
Мои глаза пренебрегли слезами,
Но то, что вырвать горе не могло,
Ты сделала, и я ослеп от плача.
Ни друга, ни врага я не молил,
И нежно-льстивых слов не знал язык мой.
Теперь краса твоя—желанный дар.
Язык мой говорит и молит сердце.

Леди Анна смотрит на него с гневом.

Ты губы гневом не криви: они
Не для презрения—для поцелуев.
Простить не может мстительное сердце—
Тогда возьми вот этот острый меч,
Ударь меня и выпусти на волю
Ты сердце, что тебя боготворит:
Нагую грудь удару открываю;
О смерти на коленях я молю.

(Открывает грудь.)

Леди Анна пытается ударить его мечом.

Не медли, нет: я Генриха убил;
Но красота твоя—тому причина.
Поторопись: я заколол Эдварда;
Но твой небесный лик меня принудил.

Леди Анна роняет меч.

Мечь подыми иль подыми меня.

Л е д и А н н а

Встань, лицемер. Тебе хочу я смерти,
Но палачом твоим быть не желаю.

Г л о с т е р

Скажи, чтоб сам себя убил,—убью.

Л е д и А н н а

Сказала я.

Г л о с т е р

Но это было в гневе.

Лишь повтори,—и тот же, кто убил
Любовь твою, тебя любя,—убьет,
Любя тебя, любовь, что всех вернее,
И ты причиной будешь двух смертей.

Л е д и А н н а

Твое б мне сердце знать!

Г л о с т е р

Язык о нем сказал.

Л е д и А н н а

Боюсь, что оба лгут.

Г л о с т е р

Тогда нет правды в людях.

Л е д и А н н а

Ну, спрячьте меч в ножны.

Г л о с т е р

Скажите, что мы в мире.

Л е д и А н н а

Узнаешь после ты.

Г л о с т е р

И подлежде жить ли мне?

Л е д и А н н а

Все люди так живут.

Г л о с т е р

Прими кольцо мое.

Л е д и А н н а

Но своего не дам.

Надевает кольцо на палец.

Г л о с т е р

Мое кольцо как тесно сжало палец!
Так сердце бедное мое—в тебе.
Носи их оба: оба ведь твои.
И если б бедный твой покорный раб
Мог милость выпросить еще одну,
Его б ты вечным счастьем одарила.

Л е д и А н н а

Какую милость?

Г л о с т е р

Оставьте грустные заботы эти
Тому, кто в трауре быть должен первый,
А вы теперь же в Кросби⁷ удалитесь.
После того как я похороню
Достойного монарха в храме Чартси
И гроб его слезами оболью,
Я тотчас поспешу, чтоб вас увидеть.
Молю вас ради разных тайных целей
Мне милость оказать.

Л е д и А н н а

От всей души. Какая радость мне,
Что видела я покаянье ваше?—
Баркли и Трессел, вы со мной пойдете.

Г л о с т е р

Со мной проститесь.

Л е д и А н н а

Вы не заслужили;

Но раз вы лести учите меня,
Вообразите, что простилась с вами.

Леди Анна, Баркли и Трессел уходят.

Г л о с т е р

Возьмите тело.

Д в о р я н е

В Чартси нам, милорд?

Г л о с т е р

В Уайт-Фрайерс⁸, господа; меня там ждите.

Уходят все, кроме Глостера.

Кто обольщал когда-нибудь так женщин?
Кто женщину так обольстить сумел?
Она—моя! Но не нужна надолго.
Как! Я, убивший мужа и отца,
Я ею овладел в час горшей злобы,
Когда здесь, задыхаясь от проклятий,
Она рыдала над истцом кровавым!
Против меня был бог, и суд, и совесть,
И не было друзей, чтоб мне помочь.
Один лишь дьявол да притворный вид.
Мир—и ничто. И все ж она моя.
Ха-ха!

Уж своего она забыла мужа,
Эдварда храброго, что мной в сердцах
Убит три месяца тому назад.
Пленительного юношу такого,
Который был бы так красив и смел,
И мудр, и королевской чистой крови,
Уж больше в целом мире не найти.
Она свой взор теперь к тому склонила,
Кто принца нежного скосил в цвету
И дал ей вдовью горькую постель,—
Ко мне, не стоящему пол-Эдварда,
Ко мне, уродливому и хрому!
Я герцогство против гроша поставлю,
Что до сих пор в себе я ошибался.
Клянусь, хоть это мне и непонятно,
Я для нее мужчина хоть куда.
Что ж, зеркало придется покупать
Да завести десятка два портных,
Что нарядить меня бы постарались.

С тех пор как влез я в милость сам к себе,
На кой-какие я пойду издержки.
Но прежде сброшу этого в могилу,
Потом пойду к возлюбленной стонать.
Пока нет зеркала,—свети мне, день,
Чтоб, проходя, свою я видел тень.

Уходит.

СЦЕНА 3

Лондон. Дворец.

Входят королева Елизавета, Риверс и Грей.

Р и в е р с

Немного потерпите, королева:
Король поправится, конечно, скоро.

Г р е й

От вашей боли он болеет хуже.
Прошу вас, ради бога, успокойтесь;
Его живым весельем развлеките.

К о р о л е в а Е л и з а в е т а

Что станется со мной, когда умрет он?

Р и в е р с

Одна беда вас ждет—потеря мужа.

К о р о л е в а Е л и з а в е т а

Такого мужа потерять—все беды.

Г р е й

Вас бог благословил прекрасным сыном:
Он в смерти короля утешит вас.

К о р о л е в а Е л и з а в е т а

Он очень юн, и юность всю его
Доверил Глостеру король, тому,
Кто ни меня, ни вас совсем не любит.

Р и в е р с

Уже правителем назначен он?

Королева Елизавета
Все решено, хоть назначенья нет.
Когда скончается король, так будет.

Входят Бекингем и Стенли.

Грей

Сюда идут лорд Бекингем и Стенли.

Бекингем

Приветствуем душевно королеву!

Стенли

И молим бога радость ей вернуть!

Королева Елизавета

На это пожелание, лорд Стенли,
Едва ль аминь графиня Ричмонд скажет.
Хоть вам она жена, милейший лорд,
И нас не любит, верьте, что я вам
За эту дерзость злобой не плачу.

Стенли

Не верьте, королева, клевете
Тех, кто ее пред вами очернил.
Но если в обвиненьях есть и правда,
То к слабостям ее не будьте строги:
Они в ней от болезни, не от злобы.

Риверс

Милорд, видали короля вы нынче?

Стенли

Вот только что с милордом Бекингемом
Его величество мы навестили.

Королева Елизавета

Похоже ли на улучшение, лорды?

Бекингем

Да, государыня; король был весел.

Королева Елизавета

Дай бог, чтоб так. Вы говорили с ним?

Бекингем

Дц, королева. Хочет примирить он
Милюрда Глостера и ваших братьев,
А также всех их с лордом-камергером.
Перед собой он всем велел явиться.

Королева Елизавета

Дай бог, да только этому не быть,
Боюсь, что счастьем нашему—конец.

Входят Глостер, Хестингс и Дорсет.

Глостер

Таких обид не стану я терпеть!
Кто те, что жаловались королю,
Что будто бы я груб и не люблю их?
Клянусь, должно быть, дорог им король,
Что сплетнями его тревожат слух.
За то, что я не льстив, не сладкогласен,
В лицо не улыбаюсь, как француз,
Не кланяюсь с учтивостью мартышки,—
Считаюсь я злокозненным врагом!
Ужели человек прямой не может
Спокойно жить, чтоб простотой его
Не пользовались плуты и пройдохи?

Риверс

О ком здесь ваша светлость говорит?

Глостер

Да о тебе, в ком чести светлой нет!
Когда тебе вредил я, обижал
Тебя или твоих? Кого из шайки?
Чума на вас! Не может наш король,—
Храни его господь на горе вам!—
Спокойно миг прожить, чтоб не терзали
Вы жалобами гнусными его.

Королева Елизавета

Брат Глостер, вы ошиблись. Сам король—
Не под влияньем чьих-нибудь искательств,
А собственною королевской волей—
Послал за вами. Видно, он заметил
Вражду, что вы питаете ко мне
И к братьям всем моим и к сыновьям,—

Вражду, что в ваших действиях ясна.
Поэтому решил он разобратъ
И устранить причины неприязни.

Г л о с т е р

Не знаю я. Так плох стал свет, что совы
Летают там, где места нет орлу.
С тех пор как каждый шут здесь дворянин,
Дворяне скоро все шутами станут.

К о р о л е в а Е л и з а в е т а

Мы знаем ваши мысли, герцог: зависть,
Что в милости мои друзья и я.
Дай бог нам никогда в вас не нуждаться!

Г л о с т е р

Пока бог дал, что нам нужна есть в вас.
Наш брат в тюрьме по вашим наущеньям,
А я в немилости,—и все дворянство
В пренебреженье. Каждый день возводят
В дворянство тех, кому не то что двор,
Но кол вчера в диковинку казался.

К о р о л е в а Е л и з а в е т а

Клянусь тем, кто меня от скромной жизни
На тяжкие высоты эти поднял,
Что против герцога я никогда
Его величество не возбуждала,
Но защищала Кларенса пред ним.
Позорным, лживым подозреньем вашим,
Милорд, меня вы подло оскорбили.

Г л о с т е р

Посмеете вы отрицать, что Хестингс
Лишь из-за вас посажен был в тюрьму?

Р и в е р с

Посмеет, потому...

Г л о с т е р

Посмеет, сэр. Кто этого не знает?
Она посмеет больше, чем отречься:
Посмеет в возвышенье, сэр, помочь вам,
Потом отречься в том, что помогала,

И приписать всю честь заслугам вашим.
Чего ж ей не посметь? Клянусь, посмеет...

Р и в е р с

Ну, что «клянусь»?

Г л о с т е р

Клянусь, за короля посмеет выйти,
За холостого, милого мальчишку,
Да ваша бабка хуже замуж вышла.

К о р о л е в а Е л и з а в е т а

Лорд Глостер, слишком долго я сносила
Упреки грубые и осмеянье.
Клянусь, я государю сообщу
Об оскорблениях, что я претерпела.
Уж лучше было б мне батрачкой быть,
Чем королевой, что должна терпеть
Пренебрежение, травлю и насмешки.
Не радость быть английской королевой.

Входит сзади королева Маргарита.

К о р о л е в а М а р г а р и т а
(в сторону)

Молю, чтоб бог убавил эту радость!
Твой сан, и трон, и честь—мои по праву.

Г л о с т е р

Грозите вы всё королю сказать?
Скажите, не щадя: всё, что сказал я,
Решусь я подтвердить пред королем,
Хотя бы Тауэр мне грозил за это.
Пора мне говорить: мой труд забыт.

К о р о л е в а М а р г а р и т а
(в сторону)

Да, дьявол, помню я твои труды:
Убит тобой был в Тауэре король мой,
При Тьюксбери—мой бедный сын Эдвард.

Г л о с т е р

Когда еще вы не царили оба,
В делах великих вашего супруга

Я вьючной клячей был, бичом врагов
И другом щедрым всех его друзей.
Чтоб кровь его возвысить, отдал кровь я.

К о р о л е в а М а р г а р и т а

(в сторону)

Кровь лучшую, чем в вас обоих, лил ты.

Г л о с т е р

В те годы вы и муж ваш Грей стояли
На стороне Ланкастерского дома.—
Вы также, Риверс.—Не был ли убит
В Сент-Олбенсе супруг ваш в их рядах?
И если вы забыли, вам напомню,
Чем были вы до этого, чем стали,
А также чем я был и чем я стал.

К о р о л е в а М а р г а р и т а

(в сторону)

Ты был убийцей подлым и остался.

Г л о с т е р

Несчастный Кларенс Уорика оставил¹⁰,
Нарушил клятву—бог, ему прости!

К о р о л е в а М а р г а р и т а

(в сторону)

Бог, покарай его!

Г л о с т е р

Он перешел на сторону Эдварда,
Венец ему он добыл, и за это
Бедняга заключен. О, дай мне, боже,
Кремневое, как у Эдварда, сердце
Иль жалостное, нежное мое
Ему отдай! Я прост и глуп для мира.

К о р о л е в а М а р г а р и т а

(в сторону)

Оставь наш мир и спрячься в ад, бесстыжий
И гнусный демон,—там царить ты должен!

Р и в е р с

Лорд Глостер, в эти трудные года,—
Хоть выставить хотите нас врагами,—

Мы шли за нашим королем законным.
Будь вы — король, мы также шли б за вами.

Г л о с т е р

Будь я король! Уж лучше буду я
Раносчиком. Прочь эту мысль из сердца!

К о р о л е в а Е л и з а в е т а

И точно: мало радостей узнали б,
Милорд, когда б вы стали королем.
Поверьте, так же мало их нашла я,
Став королевой в этом государстве.

К о р о л е в а М а р г а р и т а
(в сторону)

Немного радости здесь королеве:
Да, королева я, и я несчастна.
Терпеть все это больше не могу.

Выходит вперед.

Эй, вы, пираты! Что ж вы разругались?
Награбленное делите добро?
Вы не дрожите, глядя на меня?
Коль вы как подданные не склонялись,—
Теперь, мятежники, вы трепещите!
А, благородный хам, ты отвернулся!

Г л о с т е р

Что, злая ведьма, хочешь от меня?

К о р о л е в а М а р г а р и т а

Пересчитать хочу твои злодеяния;
Лишь сделав это, отпущу тебя.

Г л о с т е р

Не изгнана ли ты под страхом смерти?

К о р о л е в а М а р г а р и т а

Да, изгнана. Но мне изгнание хуже,
Чем смерть, что дома поразит меня,—
Отдать ты должен мне супруга, сына!

(Королеве Елизавете.)

Ты—королевство, вы же все—покорность.
Все горести мои—по праву ваши;
А радость вы украли у меня.

Г л о с т е р

Когда отца ты моего венчала
Венцом бумажным, проклял он тебя.
Потом своим безжалостным глумленьем
Ты реки слез из глаз его исторгла.
Чтоб осушить их, герцогу дала ты
Платок в невинной Ретленда крови.
И то проклятье горестной души,
Взывая к мести, пало на тебя.
Бог, а не мы, за это дело мстит.

К о р о л е в а Е л и з а в е т а

Бог справедлив, и мстит он за невинных.

Х е с т и н г с

О дело мерзкое—убить ребенка!
Жестокое, неслыханное дело!

Р и в е р с

Бездушные—и те тогда рыдали.

Д о р с е т

Все мщенье призывали на тебя.

Б е к и н г е м

Нортемберленд был там,—он тоже плакал.

К о р о л е в а М а р г а р и т а

Как! Пред моим приходом вы ругались,
Друг другу горло чуть не перегрызли,—
Теперь против меня вся ваша злоба?
Ужель проклятье Йорка больше значит,
Чем гибель Генриха, Эдварда гибель,
Потеря власти и мое изгнание?
И все за жалкого того мальчишку?
Проклятье может долететь до неба?
Раздвиньтесь, тучи, дайте путь проклятьям!
Да сгинет от обжорства ваш король,
Что королем стал, короля сгубив!
Эдвард, принц Уэльский, сын твой—за Эдварда,
Что сыном был моим и принцем Уэльским,
Безвременно пусть сгинет злою смертью!
Ты, королева, власть переживи,
Как я, несчастнейшая королева!
Живи подольше и оплачь детей;

Гляди, как я гляжу, на королеву,
Укравшую твои права и сан!
Будь долговечней счастья своего,
А умирая горестно, ты будешь
Не королева, не жена, не мать!
Вы зрителями были, Риверс, Хестингс,
Дорсет, когда кровавыми ножами
Зарезан был мой сын,—молю я бога,
Чтобы никто из вас своею смертью
Не умер! Чтоб злой случай вас сгубил!

Г л о с т е р

Заклятья кончила ты, злая ведьма?

К о р о л е в а М а р г а р и т а

Забыв тебя? Нет, пес, ты стой и слушай.
Когда у бога про запас есть язвы
И хуже тех, что на тебя зову я,
Пусть их хранит, пока грехи твои
Созреют, и тогда лишь поразит
Тебя, что в бедном мире мир разрушил!
Пусть совесть душу изгрызет твою!
Всю жизнь друзей своих считай врагами,
Врагов друзьями лучшими считай!
Пусть сон коснется грешных глаз твоих
Лишь для того, чтоб в тяжких сновиденьях
Рой гнусных дьяволов тебя пугал!
Горбун ты, недоношенный свиньей!¹¹
Ты, заклеянный в час, когда родился,
Как раб природы, как отродье ада!
Ты, чрева материнского позор!
Ты, семя мерзкое отцовских чресл!
Бесчестное отребье.

Г л о с т е р

Маргарита!

К о р о л е в а М а р г а р и т а

Эй, Ричард!

Г л о с т е р

Что?

К о р о л е в а М а р г а р и т а

Тебя я не звала.

Г л о с т е р

Тогда прошу простить. А я подумал,
Что злобно так меня ты обозвала.

К о р о л е в а М а р г а р и т а
Ну да, тебя. Но мне ответ не нужен.
Дай мне проклятие мое окончить!

Г л о с т е р

Его я кончил именем твоим.

К о р о л е в а Е л и з а в е т а
Себя вы прокляли своим проклятьем.

К о р о л е в а М а р г а р и т а
Ты, крашенная горе-королева!
Ты, блеск пустой моей судьбы счастливой!
На паука раздувшегося сахар
Ты сыплешь, путаясь в его сетях.
О глупая, нож точишь на себя!
Наступит день—меня умолишь ты
Проклясть с тобой кривую, злую жабу!

Х е с т и н г с

Довольно, лгунья, бешеных проклятий!
Не раздражай нас на беду себе.

К о р о л е в а М а р г а р и т а
Позор на вас! Меня вы разъярили.

Р и в е р с

Услугой было б—научить вас долгу.

К о р о л е в а М а р г а р и т а
Чтоб долг исполнить, мне должны служить вы.
Я—королева, подданные—вы;
И, мне служа, исполните вы долг свой.

Д о р с е т

Она—безумная; не спорьте с ней.

К о р о л е в а М а р г а р и т а
Молчите, маркизенок. Наглы вы!
Ваш новый герб едва лишь установлен.
Судить ли может новое дворянство

О горе тех, кто потерял его?
Тот, кто высоко, вихрям всем подвержен,
И, падая, он вдребезги разбит.

Г л о с т е р

Совет, клянусь, не плох. Маркиз, учитесь.

Д о р с е т

Относится он также к вам, милорд.

Г л о с т е р

Да, верно. Но рожден-то я высоко.
Кто на вершине кедра свил гнездо,
Тот с ветром—друг и солнца не боится.

К о р о л е в а М а р г а р и т а

Увы, но он на солнце тень бросает.
Свидетель сын мой: он в тени смертельной.
Ты злобной тучей скрыл его лучи
И в вечный мрак загнал его сиянье,
И свили в нашем вы гнезде гнездо.—
О ты, всевидящий, не потерпи,
И кровью пусть они за кровь заплатят!

Б е к и н г е м

Хоть постыдитесь! Смилуйтесь! Довольно!

К о р о л е в а М а р г а р и т а

Нет милости и нет стыда во мне.
Не милостивы были вы со мной,
Бесстыдно вы надежды все убили.
Жестокость—милость, срам—вся жизнь моя;
И в сраме—бешенство печали дышит.

Б е к и н г е м

Ну, полно, полно!

К о р о л е в а М а р г а р и т а

Лорд Бекингем, твою целую руку
В знак дружбы и союза. Пусть тебя
И дом твой честный счастье посетит.
Одежд не запятнал ты нашей кровью,—
Тебя мое проклятье не коснется.

Б е к и н г е м

Пусть не коснется и других. Проклятья
К губам их произнесших пристают.

К о р о л е в а М а р г а р и т а

О нет, они должны лететь на небо,
Чтоб божий тихо спящий мир нарушить.
О Бекинге, ты пса остерегайся;
Виляя, он кусает, и укус
Отравленных его зубов—смертелен.
Не знайся с ним, его ты берегись.
Грех, смерть и ад отметили его,
И слуги их ему подчинены.

Г л о с т е р

Лорд Бекинге, что вам она сказала?

Б е к и н г е м

Внимания не стоит это, герцог.

К о р о л е в а М а р г а р и т а

Как! Ты глумишься над советом добрым,
И льстишь ты черту, что тебе опасен?
О, вспомни это в день, когда печалью
Твое пронзит он сердце, и скажи:
«Пророчицей была ты, Маргарита».—
Пусть каждого из вас он ненавидит,
А вы его и всех вас вместе—бог.

Уходит.

Х е с т и н г с

Ах, от проклятий волосы встают.

Р и в е р с

И у меня. Зачем она на воле?

Г л о с т е р

Я не сужу. Клянусь святою девой,
Она так много претерпела зла.
Я каюсь в том, чем перед ней виновен!

К о р о л е в а Е л и з а в е т а

Не помню, чтоб я вред ей нанесла.

Г л о с т е р

Однако вред тот вам пошел на пользу.
Я делал слишком горячо добро
Тому, кто холодно об этом помнит.
Вот Кларенс дорого за это платит:
Он в хлев засажен, чтобы там жиреть.
Прости, господь, тех, кто виновен в этом!

Р и в е р с

Как добродетельно, благочестиво—
Молиться за нанесших нам обиды!

Г л о с т е р

Так делаю всегда я,
(в сторону)
зная дело:
Кляня других, себя бы проклял я.

Входит К е т с б и.

К е т с б и

Король вас приглашает, королева.
(Глостеру.)

И вашу светлость.

(Другим.)

Также вас, милорды.

К о р о л е в а Е л и з а в е т а
Иду я, Кетсби.—Вы со мной, милорды?

Р и в е р с

За вами мы идем.

Уходят все, кроме Глостера.

Г л о с т е р

Творю я зло—и сам о зле горланю;
И беды тайные, что создал я,
Тяжелым грузом на других валю.
Пред простаками, вроде Бекингема
Иль Стенли, я над Кларенсом рыдаю,
Которого я сам в тюрьму упрятал;
И говорю, что леди Грей с родней

На брата натравила короля.
Они, мне веря, подстрекают к мести
Вогену, Риверсу и Грею. Я же
Вздыхаю, повторяя из писанья,
Что бог велит платить добром за зло.
Так прикрываю гнусность я свою
Обрывками старинных изречений,
Натасканными из священных книг.

В х о д я т д в о е у б и й ц.

Но тише! Вот идут мои ребята.—
Что, смелые и верные друзья,
Идете вы закончить это дело?

П е р в ы й у б и й ц а

Идем, милорд. За пропуском пришли мы,
Чтоб в Тауэр допустили нас к нему.

Г л о с т е р

Подумал я об этом; вот, возьмите.
Окончив дело, приходите в Кросби,
Но дело делайте внезапно, крепко;
Ему вы не давайте защищаться.
Ведь Кларенс—говорун и может вас
Растрогать, если говорить дадите.

П е р в ы й у б и й ц а

Тишш...
Милорд, не бойтесь, мы болтать не станем.
Плохой делега—говорун; поверьте,
Не языки, а руки пустим в ход.

Г л о с т е р

Дурак льет слезы; если ж вам придется
Заплакать, то посыплются каменья.
Вы нравитесь мне, молодцы. За дело!
Идите же скорей.

П е р в ы й у б и й ц а

Милорд, идем.

У х о д я т.

СЦЕНА 4

Лондон. Тауэр.

Входят Кларенс и Брекенбери.

Брекенбери

Милорд, как грустно нынче вы глядите!

Кларенс

Провел я горестную ночь. Она
Снов страшных и уродливых видений
Была полна. Я господом клянусь,
Такой второю ночью не купил бы
Я мира целого счастливых дней,—
Так ужасов была она полна.

Брекенбери

Какой же сон вы видели, милорд?

Кларенс

Мне снилось, что из Тауэра бежал я,
На корабле в Бургундию плыву.
Со мною брат мой Глостер; будто он
Все из каюты выманить меня
На палубу желает; мы глядим
На Англию и все припоминаем
Дни тяжкие войны Ланкастера с Йорком
И все невзгоды наши; будто мы
Идем по шаткой палубе; вдруг Глостер
Споткнулся; удержать его хотел я,
Но, падая, меня толкнул он за борт
В катящуюся бездну волн морских.
И будто—боже!—тяжко мне тонуть.
Какой ужасный шум воды в ушах!
Как мерзок вид уродливых смертей!
Я видел сотни кораблей погибших
И потонувших тысячи людей,
Которых жадно пожирала рыба;
И будто по всему морскому дну
Разбросаны и золотые слитки,
И груды жемчуга, и якоря,
Бесценные камни и брильянты;
Засели камни в черепах, глазницах,—
Сверкают, издеваясь над глазами,
Что некогда здесь жили, оболещают

Морское тинистое дно, смеются
Над развалившимися костяками.

Б р е к е н б е р и

Но как в предсмертную минуту вы
Поспели тайны моря рассмотреть?

К л а р е н с

Казалось, все я видел. Много раз
Старался умереть я,—злое море
Держало душу, не давая ей
Лететь в пустой и вольный чистый воздух,
И зажимало в трепетной груди,
Которая едва не разрывалась,
Стараясь в море душу изрыгнуть.

Б р е к е н б е р и

От этой муки не проснулись вы?

К л а р е н с

Нет-нет, и сон мой длился после смерти.
Тут буря началась в моей душе,
И будто мрачный лодочник, воспетый
Поэтами, через поток печальный
Меня в край вечной ночи перевез.
Скитальческую душу первый встретил
Мой знаменитый тесть, великий Уорик,
И крикнул мне: «Какая кара, Кларенс,
Клятвопреступника ждет в черном царстве?»
И он исчез. И вот за ним другая
Тень—ангела со светлыми кудрями¹²,
Намокшими в крови: и мне кричит:
«Здесь Кларенс, лживый, вероломный Кларенс,
Злодей, под Тьюксбери меня убивший.
Тащите, фурии, его на муку!»
Тут легион чертей вокруг меня
Кружиться стал и завывать мне в уши
Так гнусно, что от этих страшных криков,
Дрожа, проснулся я. И долго после
Мне все казалось—я еще в аду:
Так было впечатленье сна ужасно.

Б р е к е н б е р и

Милорд, не диво, что вы испугались:
От одного рассказа жутко мне.

Кларенс

Ох, сторож, сторож, все, что сделал я
И что теперь меня же уличает,—
Все было для Эдварда. Как он платит!
О боже, если горькие молитвы
Не могут гнев твой укротить,—карай
Меня за зло, но пощади жену
Невинную мою, детей несчастных!—
Мой сторож, посиди со мной, прошу.
Мне тяжело и хочется уснуть.

Брекенбери

Я посижу, милорд. Бог с вами, спите!

Кларенс засыпает.

Печаль ломает бдение и сон,
В ночь утро превращает, в полдень—ночь,
Властителям для славы титул дан
И внешний блеск—за внутреннюю тяжесть;
И целым миром горестных забот
Они за призрак славы часто платят.
Меж титулами их и нищетой
Одна лишь разница—почет пустой.

Входят двое убийц.

Первый убийца

«И, кто здесь?

Брекенбери

Что тебе нужно, малый, и как ты сюда забрался?

Первый убийца

Нужен мне Кларенс, а забрался я на своих собственных ногах.

Брекенбери

Что так быстро?

Второй убийца

Лучше, сэр, быстро, чем мешкотно. Без дальних разговоров
покажи ему приказ.

Дает Брекенбери бумагу, которую тот читает.

Брекенбери

По этому приказу должен вам
Я выдать герцога. Не стану я

О том, что это значит, рассуждать,—
Хочу я чистым быть и от сужденья,—
Вот здесь ключи; вот герцог в кресле спит.
Я к королю иду и сообщу,
Что должность вам я передал свою.

Первый убийца

Ладно, сэр, это разумный выход. Будьте здоровы.

Брекенбери уходит.

Второй убийца

Что ж? Мы его стукнем во время сна?

Первый убийца

Нет, а то он скажет, что мы трусили, когда проснется.

Второй убийца

Когда проснется? Дурак! Он не проснется до Страшного суда.

Первый убийца

Зато на Страшном суде скажет, что мы убили его во время сна.

Второй убийца

Страшное слово—суд! Во мне пробудилось что-то вроде угрызений совести.

Первый убийца

Ты что, испугался?

Второй убийца

Я не боюсь убить его, потому что у меня на то есть приказ. Я боюсь быть за убийство проклятым. А от этого никакой приказ меня не спасет.

Первый убийца

Я думал, что ты твердо решился.

Второй убийца

Я твердо решился оставить ему жизнь.

Первый убийца

Ну, я пойду обратно к герцогу Глостеру и скажу ему это.

Второй убийца

Нет, прошу тебя, подожди немного. Я надеюсь, что моя нервная причуда пройдет. Они у меня всегда длятся не дольше, чем успеешь сосчитать до двадцати.

Первый убийца

Ну, а как ты себя теперь чувствуешь?

Второй убийца

По правде говоря, несколько крупниц совести во мне еще сохранилось.

Первый убийца

Вспомни о награде, которую мы получим, когда дело будет сделано.

Второй убийца

Черт с ним, пусть умирает! Я забыл о награде.

Первый убийца

Где же теперь твоя совесть?

Второй убийца

В кошельке герцога Глостера.

Первый убийца

Значит, когда он раскроет свой кошелек, чтобы оттуда достать нам деньги, вылетит и твоя совесть?

Второй убийца

Наплевать, пусть вылетает, никому она не нужна.

Первый убийца

А вдруг она к тебе обратно прилетит?

Второй убийца

Не стану я с ней больше возиться. Совесть—опасная штука. Она превращает человека в труса. Человек хочет украсть—совесть его осуждает. Человек хочет побожиться—совесть его удерживает. Человек хочет переспать с женой соседа—совесть его выдает. Совесть—стыдливый, кричащий бес, который бунтует в человеческой груди и мешает во всех делах. Этот самый бес заставил меня однажды вернуть кошелек с золотом, который я случайно

нашел. Он всякого человека сделает нищим. Его вышибают из всех городов и сел как опасную штуку, и всякий, кто хочет ладно жить, должен постараться прожить собственным умом и без всякого совестливого беса.

Первый убийца

Ай, ай! Вот он сейчас у меня под локтем вертится и убеждает не убивать герцога.

Второй убийца

Ты этому черту не верь, не впускай его в себя, а то он в тебя заберется, чтоб лишить тебя сил.

Первый убийца

Я достаточно силен: не так-то легко меня оседлать.

Второй убийца

Ты ладно говоришь, как порядочный человек, который дорожит своей репутацией. Ну что же, приниматься за работу?

Первый убийца

Стукни его по башке рукояткой меча, а потом бросим в бочку с мальвазией, которая стоит в той комнате.

Второй убийца

Вот хорошая выдумка! Сделаем из него славную настойку.

Первый убийца

Тише, он просыпается! Хлопнуть его?

Второй убийца

Нет, мы еще с ним побеседуем.

Кларенс

(просыпаясь)

Где сторож мой? Дай мне стакан вина.

Второй убийца

Сейчас вы получите достаточно вина, милорд.

Кларенс

Во имя бога, кто ты?

Второй убийца

Человек, как и вы.

К л а р е н с
Но ты не королевской крови.

В т о р о й у б и й ц а
Зато у нас кровь почестнее вашей.

К л а р е н с
Твой голос будто гром, а взгляд—трусливый.

В т о р о й у б и й ц а
Да потому, что голосом моим
Король вещает, а смотрю я сам.

К л а р е н с
Как ты темно и страшно говоришь.
Глаза грозят мне. Отчего бледны вы?
Кто вас послал? Зачем пришли сюда?

О б а у б и й ц ы
Чтоб, чтоб, чтоб...

К л а р е н с
Чтоб меня убить?

О б а у б и й ц ы
Да, да.

К л а р е н с
У вас едва сказать хватило духу.
А сделать это духу в вас не хватит.
Чем я обидел вас, друзья мои?

П е р в ы й у б и й ц а
Не нас обидели вы—короля.

К л а р е н с
Помирился мы снова с королем.

В т о р о й у б и й ц а
Нет, никогда, милорд; готовьтесь к смерти.

К л а р е н с
Из всех людей на свете вас избрали
Убить невинного? В чем я виновен?

Какие доказательства и где?
И следствие кто вел? И кто решение
Внушил судье? И кто же тот судья,
Что к горькой смерти присудил меня?
Пока законно я не обвинен,
Мне смертью незаконно угрожать.
Молю вас верой в искупление, кровью.
Бесценной, пролитой Христом за нас,—
Уйдите и меня не убивайте!
Проклятое затеяли вы дело.

П е р в ы й у б и й ц а

Мы по приказу делаем то дело.

В т о р о й у б и й ц а

И тот, кто это приказал,—король наш.

К л а р е н с

О глупый! Ведь король над королями
Приказ свой на скрижалях написал:
Чтоб ты не убивал! И ты преступишь
Его закон в угоду человеку?
О, берегись: его рука карает
И на ослушника ложится тяжко.

В т о р о й у б и й ц а

И та же кара на тебя ложится
За клятвопреступление и убийство.
Ты, причастясь святых даров, поклялся
За дом Ланкастеров верно воевать.

П е р в ы й у б и й ц а

И, как предатель имени господня,
Нарушил клятву ты: нож вероломный
Всадил ты в сердце сына короля.

В т о р о й у б и й ц а

Которого ты клялся защищать.

П е р в ы й у б и й ц а

Как нам грозишь ты божеским законом,
Когда его ты до конца нарушил?

К л а р е н с

Рали него, увы, я согрешил,
Рали Эдварда, брата моего.
О нет,
Не он послал вас убивать меня:
Он, как и я, виновен в том грехе.
И если бог карать меня захочет,
О знайте, покарает он открыто.
Не спорьте же с его рукой всесильной:
Ему путей не нужно беззаконных,
Чтоб поразить обидчиков своих.

П е р в ы й у б и й ц а

А кто ж тебя назначил палачом,
Когда Плантагенет прекрасный, кроткий
Во цвете лет тобою был убит?

К л а р е н с

Любовь к Эдварду-брату, дьявол, гнев.

П е р в ы й у б и й ц а

Твой брат, любовь к нему, наш долг, твой грех
Повелевают нам убить тебя.

К л а р е н с

Когда вы брата любите, меня
Не ненавидьте,—брата я люблю.
Быть может, вы подкуплены? Так я
Пошлю вас к брату Глостеру. Идите ж;
За жизнь мою дороже он заплатит,
Чем брат Эдвард заплатит вам за смерть.

В т о р о й у б и й ц а

Ошиблись вы—вас ненавидит Глостер.

К л а р е н с

О нет, он любит, и ему я дорог.
Пойдите же к нему.

В т о р о й у б и й ц а

Ну да, пойдем.

К л а р е н с

Напомните ему, как Йорк, отец наш,
Победною рукой благословил
Трех сыновей своих и наказал им

Любить друг друга. Верно, он не думал,
Что эта дружба разобьется. Это
Скажите Глостеру, и он заплачет.

Первый убийца
Камнями, как учил он плакать нас.

Кларенс
Не клевете на него—он нежен.

Первый убийца
Да, да,
Как снег во время жатвы. Не надейтесь!
Он нас прислал сюда, чтоб вас убить.

Кларенс
Не может быть! Когда мы расставались,
Он плакал обо мне, и обнимал,
И обещал мне, горестно вздыхая,
Стараться о моем освобожденье.

Второй убийца
Он так и делает, освобождая
Вас от земных тягот для райских благ.

Первый убийца
Милорд, миритесь с небом перед смертью.

Кларенс
Святые чувства есть в душе у вас,—
Советуете с богом мне мириться,—
А к собственной душе совсем вы слепы?
Убийством этим боретесь вы с богом.
Поверьте, тот, кто вас послал убить,
Возненавидит вас же за убийство.

Второй убийца
Что делать?

Кларенс
Пожалейте и спасите!

Первый убийца
Жалеют только бабы или трусы.

К л а р е н с

Безжалостен лишь зверь, дикарь иль дьявол,
А кто из вас, когда б он принцем был
И был в тюрьме, как я, и увидал
Убийц, таких, как вы, к нему пришедших,
О жизни б не молил?
Мой друг, в твоих глазах я вижу жалость!
О, если не лгуны твои глаза,
Со мною за меня ты умолай,
Как ты молил бы, будь в моей беде.
О сжальтесь, бедняки, над бедным принцем!

В т о р о й у б и й ц а

Милорд, назад взгляните.

П е р в ы й у б и й ц а (убивая его)

Вот! Вот! А если этого вам мало,
В мальвазии сейчас вас утоплю.

Уходит с трупом.

В т о р о й у б и й ц а

Кровавое, отчаянное дело!
Я, как Пилат, омыть хотел бы руки
От этого проклятого убийства!

Входит п е р в ы й у б и й ц а.

П е р в ы й у б и й ц а

Эй ты, чего ж ты мне не помогаешь?
Узнает герцог, как ленился ты.

В т о р о й у б и й ц а

Уж лучше б он узнал, что спас я брата.
Возьми все деньги и скажи ему:
В убийстве герцога я горько каюсь.

Уходит.

П е р в ы й у б и й ц а

А я не каюсь. Убирайся, трус!—
В какую бы дыру мне труп запрятать,
Пока его не велено зарыть?
Уйду подальше, получив награду:
Как все откроется, здесь быть не надо.

Уходит.

А К Т II

СЦЕНА I

Лондон. Дворец.

Входят больной король Эдуард, королева Елизавета, Дорсет, Риверс, Хестингс, Бекингем, Грей и другие.

Король Эдуард

Сегодня доброе я дело сделал.
Союз ваш тесный берегите, пэры.
Я каждый день от бога жду посланца,
Что призовет меня. Душа моя
На небо в мире отлетит теперь:
Я на земле мир для друзей устроил.
Риверс и Хестингс, протяните руки:
Конец вражде, клянитесь в вечной дружбе.

Риверс

Клянусь я богом, чист от злобы я.
Рука скрепляет верную любовь.

Хестингс

Я в том же счастьем своим клянусь!

Король Эдуард

Передо мной пустых вы бойтесь клятв,
Иначе царь царей вас уличит
В обмане тайном и на смерть осудит,
Которую друг другу принесете.

Хестингс

Не знать мне счастья, если я лукавлю!

Риверс

И мне, коль Хестингса я не люблю!

Король Эдуард

Не исключенье здесь вы, королева,
Ни Дорсет, вы, наш сын, ни Бекингем,—

Друг с другом враждовали вы. Жена,
Любите Хестингса; для поцелуя
Ему вы руку протяните. То,
Что делаете, делайте от сердца.

К о р о л е в а Е л и з а в е т а

Вот, Хестингс,

(протягивает руку для поцелуя)

никогда не вспомню больше
Я прежнюю вражду,—клянусь всем счастьем.

К о р о л ь Э д у а р д

Дорсет, целуй его. А вы, лорд Хестингс,
Маркиза полюбите от души.

Д о р с е т

Я обещаю, что в союзе нашем
Я никогда любви не изменю.

Х е с т и н г с

Ни я, милорд,—клянусь.

Обнимаются.

К о р о л ь Э д у а р д

Теперь, лорд Бекингом, союз скрепите,
Обнявши всю родню моей жены.
Обрадуйте меня вы единеньем.

Б е к и н г е м
(королеве)

Коль Бекингом когда-нибудь вражду
На вашу милость обратит, отринув
Долг и любовь,—пусть бог меня накажет
Враждою тех, чьей дружбы жду всех больше;
И если друг понадобится мне
И буду в нем уверен я, пусть он
Окажется предателем лукавым.
Молю об этом бога, если вам
И вашим я душой не буду предан.

Обнимаются.

К о р о л ь Э д у а р д

Целебный эликсир, лорд Бекингом,—
Обет ваш сердцу моему больному.

Лишь брата Глостера недостает,
Чтоб мирный договор наш закрепить.

Б е к и н г е м

Вот, кстати, здесь и благородный герцог.

Входит Г л о с т е р.

Г л о с т е р

Склоняюсь пред четою королевской.—
Светлейшим пэрам добрый день желаю.

К о р о л ь Э д у а р д

День добрый истинно мы провели
И сотворили милосердья дело;
Любовью, миром мы вражду сменили
Среди обидчивых и гордых пэров.

Г л о с т е р

Благое дело, государь, свершили,
А если кто из этого собранья
По подозренью или по доносу
Меня врагом считает;
Иль если в гневе, иль по неразумью
Кому-нибудь обиду я нанес
Из здесь присутствующих, я хотел бы
Просить его о мире и о дружбе.
Вражда мне—смерть; ее я ненавижу
И дружбы добрых всех людей желаю.—
Вас первую молю я, королева,
О милости, что службой заслужу я.—
И вас, кузен мой Бекингем, о том же
Прошу, коль ссоры между нами были.—
И вас, лорд Риверс и лорд Грей, хоть вы
И без причины на меня сердились.—
Вас герцоги и лорды, всех прошу.
Я в Англии не знаю человека,
К кому б я более вражды питал,
Чем только что родившийся ребенок,
И за свое смиренье славлю бога.

К о р о л е в а Е л и з а в е т а

Мы этот день, как праздник, будем чтить.
Да прекратит господь все несогласья!—
Теперь, ваше величество, прошу вас,
Чтоб вами брат наш Кларенс возвращен был.

Г л о с т е р

Вам предложил любовь я, королева,
Чтоб надо мной пред королем глумились?
Все знают—благородный герцог умер!

Все встают с мест.

Не оскверняйте прах его насмешкой.

Р и в е р с

Все знают, что он умер? Но он жив!

К о р о л е в а Е л и з а в е т а

О небеса! Как мир жесток и лжив!

Б е к и н г е м

Я так же бледен, как и все, лорд Дорсет?

Д о р с е т

Да, добрый лорд, и никого здесь нет,
Кто сохранил бы на щеках румянец.

К о р о л ь Э д у а р д

Как! Кларенс мертв? Был отменен приказ!

Г л о с т е р

Бедняк по первому приказу умер.
Приказ тот вестник окрыленный нес;
Второй приказ нес мешкотный калека,
И он едва поспел к похоронам.
Есть люди ниже кровью и душой,
Что к помыслам кровавым были ближе,
И попустил господь, чтоб бедный Кларенс
Погиб, а тех никто не заподозрил!

Входит С т е н л и.

С т е н л и

О милости молю вас, государь!

К о р о л ь Э д у а р д

Прошу тебя, молчи. Душа тоскует.

С т е н л и

О, выслушайте просьбу, иль не встану.

Г л о с т е р
Бог опрометчивости плод. Видали,
Как при известии о смерти брата
Преступные родные королевы
Вдруг побледнели? О, они виновны
В поступке короля! Бог отомстит им!
Пойдемте, лорды, короля утешим.

Б е к и н г е м
Мы следуем за вами.

Уходят.

СЦЕНА 2

Дворец.

Появляются герцогиня Йоркская с двумя детьми Кларенса.

С ы н К л а р е н с а
Скажите, бабушка, отец наш умер?

Г е р ц о г и н я Й о р к с к а я
Нет, мальчик мой.

С ы н К л а р е н с а
Зачем же плачете и бьете в грудь,
Кричите: «Кларенс, мой несчастный сын!»

Д о ч ь К л а р е н с а
На нас глядите, головой качая,
Сиротами нас горькими зовете,
Когда отец наш благородный жив?

Г е р ц о г и н я Й о р к с к а я
Внучата милые, ошиблись вы,
Я плачу о болезни короля,
А не о смерти вашего отца.
О тех, кого уж нет, напрасны слезы.

С ы н К л а р е н с а
Так, значит, бабушка, он все же умер?
Король, наш дядя, в этом виноват.

Накажет бог его. Я помолюсь,
Чтоб бог его за это наказал.

Д о ч ь К л а р е н с а
Я тоже помолюсь.

Г е р ц о г и н я Й о р к с к а я
Молчите, дети! Любит вас король.
Вам, несмышленышам, и не понять,
Кто в смерти вашего отца виновен.

С ы н К л а р е н с а
Все поняли мы. Добрый дядя Глостер
Сказал нам, что король жену послушал,—
В тюрьму запрятал нашего отца.
И, говоря мне это, дядя плакал
И целовал меня, жалел, просил
Его отцом считать и обещал
Любить меня как собственного сына.

Г е р ц о г и н я Й о р к с к а я
Ах, лаской ложь умеет прикрываться,
Личиной добродетели—порок!
Он сын мой и мой срам; но эту лживость
Он высосал не из моих сосков.

С ы н К л а р е н с а
Ужели, бабушка, наш дядя лжет?

Г е р ц о г и н я Й о р к с к а я
Да, мальчик мой.

С ы н К л а р е н с а
Я не поверю.—Ах, что там за шум?

Входит королева Елизавета с распущенными волосами; за нею
Риверс и Дорсет.

К о р о л е в а Е л и з а в е т а
Кто помешает мне вопить и плакать,
Терзать себя и на судьбу роптать?
Отчаянью себя отдам я в жертву
И стану я врагом самой себе!

Г е р ц о г и н я Й о р к с к а я
Что значит эта сцена иступленья?

Королева Елизавета

Тригическое действие свершилось.

Эдвард, мой муж, твой сын, король наш—мертв!

Погиб наш корень—как ветвям расти?

Иссяк в них сок—как не засохнуть им?

Живя, рыдайте иль умрите сразу,

Чтоб души наши душу короля

Нагнали иль за ней понесли покорно

Туда, где в вечном мире он царит.

Герцогиня Йоркская

Ах, я сочувствую твоей печали!

Твой славный муж—мой сын; его оплачу.

Оплакала достойного я мужа;

Жила я, глядя на его детей.

Теперь два зеркала его лица

Разбиты вдребезги зловерной смертью.

Осталось на горе одно—кривое:

В то зеркало глядясь, позор свой вижу.

Ты—мать, хотя вдовою стала ты.

Остались дети, чтоб тебя утешить;

А у меня смерть вырвала супруга,

Из слабых рук исторгла костыли:

Эдварда с Кларенсом. Твои стенанья—

Лишь половина всех моих стенаний:

В моих слезах твои потонут слезы.

Сын Кларенса

Не плакали вы, тетя, об отце,—

И вам мы нынче плакать не поможем.

Дочь Кларенса

Осталось неоплаканным сиротство,—

Пусть будет неоплаканным вдовство.

Королева Елизавета

Мне в плаче ваша помощь не нужна;

Я не бесплодна—иначе могу родить.

Пусть все ручьи в моих глазах сольются,

Чтоб с помощью царицы вод—луны

Могла я затопить весь мир слезами

О милом муже, о моем Эдварде!

Дети Кларенса

И об отце, о Кларенсе любимом!

Герцогиня Йоркская
И об обоих сыновьях моих.

Королева Елизавета
Опорой был моей Эдвард,—погиб он.

Дети Кларенса
Опорой нашей Кларенс был,—погиб он.

Герцогиня Йоркская.
Опорой оба были мне,—погибли.

Королева Елизавета
Была ли для вдовы ужасней смерть?

Дети Кларенса
Была ли для детей ужасней смерть?

Герцогиня Йоркская
Была ль для матери ужасней смерть?
Увы, увы мне! Мать я всех скорбей:
В моей печали все печали их.
Я вместе с нею плачу об Эдварде,—
Она со мной о Кларенсе не плачет.
С детьми о Кларенсе я вместе плачу,—
Со мной они не плачут об Эдварде.
Все трое обо мне, несчастной трижды,
Все слезы выплачьте—я скорбь вскормила,
И я ее стенаньем утолю.

Дорсет
О бабушка любезная, утешьтесь;
Неблагодарно бога вы гневите.
В делах зовут того неблагодарным,
Кто, получив займы из щедрых рук,
Заем свой неохотно отдает.
А восставать на бога много хуже
За то, что царственный заем, вам данный,
У вас потребовал обратно он.

Риверс
Как мать заботливая, королева,
Подумайте о сыне вашем, принце.
За ним скорей пошлите: пусть его
Венчают королем; в нем—утешенье.

В гробу Эдварда схороните скорбь,—
И трон Эдварда радость вам вернет.

Иолинг Глостер, Бекингем, Стенли, Хестингс
и Ретклиф.

Г л о с т е р

Сестра, утешьтесь. Все должны рыдать мы
Над нашей закатившейся звездой;
Но горе нам не утопить слезами.—
Простите, ваша светлость, мать моя,—
Не видел вас. Прошу вас на коленях
Меня благословить.

Герцогиня Йоркская
Благослови, господь! Да ниспошлет он
Тебе смирение, и любовь, и верность!

Г л о с т е р
(в сторону)

Аминь. И умереть мне добрым старцем,—
Конец всех материнских пожеланий.
Как герцогиня это пропустила?

Б е к и н г е м

Вы, принцы грустные, вы, лорды, пэры,
Несущие груз тяжелой общей боли,
Утешимся взаимною любовью.
До жатвы короля скосила смерть,
Но сын его, как новый колос, зреет.
Окончена вражда сердец надменных,
Разрозненное связано и слито.
Должны мы эту связь беречь, хранить.
Я думаю, что хорошо послать
За принцем в Ледло¹³ небольшую свиту,
Чтоб в Лондоне его короновать.

Р и в е р с

Милорд, но почему же небольшую?

Б е к и н г е м

Да потому, милорд, что в многолюдстве
Вражды едва залеченные раны
Открыться могут,—что всего опасней
В державе молодой, без государя,
В ней конь без сдерживающей узды

Летит, куда захочется ему.
Не только что беду, но страх беды,
Мне кажется, предупредить должны мы.

Г л о с т е р

Король нас всех друг с другом помирил,
И договору верен я останусь.

Р и в е р с

Я также; также все, я полагаю.
Но договор наш юн, и мы должны
Беречь его от мнимого разрыва,
Который может возбудить толпа¹⁴.
Я соглашаюсь с лордом Бекингемом—
Послать за принцем небольшой отряд.

Х е с т и н г с

Я также соглашаюсь.

Г л о с т е р

Пусть будет так. Пойдемте же, решим,
Кого мы в Ледло спешно посылаем.
(Герцогине Йоркской.)

Сударыня,
(королеве Елизавете)

и вы, сестра, согласны
Советом в этом деле нам помочь?

К о р о л е в а Е л и з а в е т а и г е р ц о г и н я Й о р к с к а я

Всем сердцем, герцог.

Уходят все, кроме Глостера и Бекингема.

Б е к и н г е м

Милорд, кого б за принцем ни послали,
Нельзя нам с вами дома оставаться.
Дорогой я придумаю, как цели
Добиться нам и принца отдалить
От наглых родственников королевы.

Г л о с т е р

Двойник мой, мой советник, мой оракул,
Пророк! Кузен мой добрый, как дитя,
Я управленью твоему веряюсь.
Ну, в Ледло! Остаться здесь не надо.

Уходят.

СЦЕНА 3

Лондон. Улица.

Входят с разных сторон два горожанина.

Первый горожанин
Сосед, день добрый! Вы куда спешите?

Второй горожанин
Скажу вам правду, я себя не помню.
Слыхали вести?

Первый горожанин
Да, король наш умер.

Второй горожанин
Плохие вести; уж добра не ждите.
Боюсь, вся наша жизнь пойдет тут прахом.

Входит третий горожанин.

Третий горожанин
Соседи, здравствуйте.

Первый горожанин
День добрый, сэр.

Третий горожанин
Вы слышали, Эдвард наш добрый умер?

Второй горожанин
Да, это правда, сэр. Спаси нас бог!

Третий горожанин
Тревожное нам время предстоит.

Первый горожанин
Нет, нет; даст бог, наследник будет править.

Третий горожанин
Беда стране, где царствует ребенок.

Второй горожанин
Найдутся уж советники, наверно,
Пока он малолетний, править будут;
Как вырастет он и созреет, сам
Отлично будет нами управлять.

Первый горожанин
При Генрихе Шестом все было так же:
Он королем стал, будучи младенцем.

Третий горожанин
Все было так? Нет, видит бог, не так:
Тогда страной совет мудрейших правил;
Тогда король был окружен дядьями,
Чья доблесть королю была защитой.

Первый горожанин
У принца есть дядья, и с двух сторон.

Третий горожанин
Уж лучше были б только по отцу,
Иль по отцу их не было бы вовсе;
А то, избави бог, они заспорят
О том, кто ближе,—все на нашу шею.
Опасен герцог Глостер, и горды,
Надменны королевы нашей братья;
И бедная страна не отдохнет,
Пока предел их власти не положен.

Первый горожанин
Мы зря боимся; полно, будет ладно.

Третий горожанин
Когда на небе тучи — плащ надень;
Зима близка, коль листопад большой,
А солнце село — всякий ночи жди;
Не вовремя дожди — наступит голод.

Все ладно может быть, но я не верю:
Мы божьей милости не заслужили.

Второй горожанин
Нет, правда, все сердца дрожат от страха.
Ты с кем ни говори, — глядит он грустно,
И полон ужаса печальный взгляд.

Третий горожанин
Пред бедствием всегда бывает так:
Божественным чутьем мозг человека
Предчувствует опасность. Так и в море —
Пред бурей подымается вода.
Положимся на господ. — Куда вы?

Второй горожанин
За нами присылали из суда.

Третий горожанин
За мною тоже. Вместе мы пойдем.

Уходят.

СЦЕНА 4

Лондон. Дворец.

Входят архиепископ Йоркский, малолетний герцог
Йоркский, королева Елизавета и
герцогиня Йоркская.

Архиепископ Йоркский
Вчера они уж были в Нортемптоне¹⁵,
А нынче в ночь приедут в Стони-Стретфорд.
Здесь завтра или послезавтра будут.

Герцогиня Йоркская
Не терпится мне принца увидеть.
Я думаю, он очень сильно вырос.

Королева Елизавета
Мне говорят, что нет, и сын мой Йорк
Его уже намного перерос.

Герцог Йоркский
Да, мама, но расти б я не хотел.

Герцогиня Йоркская
Но почему? Ведь хорошо — расти.

Герцог Йоркский
За ужином недавно мы сидели,
И дядя Риверс мне сказал, что брата
Я перерос. Тут дядя Глостер молвил:
«Трава дурная хорошо растет».
С тех пор уж я и не хочу расти.
Я лучше буду маленьким цветком,
Чем длинным, безобразным сорняком.

Герцогиня Йоркская
Вот как, вот как! Но эта поговорка
Не подошла к тому, кто говорил:
Он в детстве был так хил, так плохо рос,
Что если б поговорка оправдалась,
Он вырос бы милейшим человеком.

Архиепископ Йоркский
Но так же и случилось, герцогиня.

Герцогиня Йоркская
Да; но у матери сомненья есть.

Герцог Йоркский
А, право, если б я тогда подумал
Над тем, как дядя рос, я пошутил бы
Покрепче, чем он надо мной шутил.

Герцогиня Йоркская
Как? Расскажи мне, маленький мой Йорк.

Герцог Йоркский
Да, говорят, что дядя рос так быстро,
Что будто корки мог он разгрызать,
Когда ему два дня всего лишь было.
А у меня в два года вырос зуб.
Что, бабушка, зубастая ведь шутка?

Герцогиня Йоркская
Кто это рассказал тебе, мой мальчик?

Герцог Йоркский
Кормилица его.

Герцогиня Йоркская
Да ведь она
До твоего рожденья умерла.

Герцог Йоркский
Тогда уж я не знаю, кто сказал.

Королева Елизавета
Остер мальчишка! Слишком дерзок ты.

Архиепископ Йоркский
Не надо вам на мальчика сердиться.

Королева Елизавета
У стен есть уши.

Входит гонец.

Архиепископ Йоркский
Гонец! Какие вести?

Гонец
Такие, что сказать их нелегко.

Королева Елизавета
Здоров ли принц?

Гонец
Здоров он, королева.

Герцогиня Йоркская
С какими ж ты вестями?

Гонец
Лорд Грей, лорд Риверс и сэр Томас Воген —
Под стражею отправлены все в Помфрет.

Герцогиня Йоркская
Кто приказал?

Гонец
Два герцога могучих —
Глостер и Бекингем.

Королева Елизавета
Но в чем вина их?

Г о н е ц

Все, что я знал, я вам уже открыл.
За что и почему арестовали
Обоих, мне, миледи, неизвестно.

К о р о л е в а Е л и з а в е т а
Увы, увы! Я вижу, дом наш гибнет.
Лань нежную схватил жестокий тигр,
И наглое бросается тиранство
На беззащитный и невинный трон.
Входите ж, кровь, опустошенье, смерть!
Конец всего я вижу, как по карте.

Г е р ц о г и н я Й о р к с к а я
Проклятые дни смут, междоусобий,
Уж сколько вас глаза мои видали!
В борьбе за трон погиб супруг мой Йорк;
А сыновья то падали, печалю,
То возвышались, радуя меня.
А одолев врагов, между собой
В бой смертный победители вступали—
На брата брат и кровь на кровь родную.
Безумное насилие, прекрати
Свое неистовство иль дай мне смерть,
Чтоб мне на смерти больше не глядеть!

К о р о л е в а Е л и з а в е т а
Идем, идем, мой сын, скорее в храм.
(Герцогине Йоркской.)

Прощайте.

Г е р ц о г и н я Й о р к с к а я
С вами вместе я пойду.

К о р о л е в а Е л и з а в е т а
Зачем идти вам?

А р х и е п и с к о п Й о р к с к и й
Королева, в путь.
Все драгоценности свои возьмите.
Я передам вам вверенную мне
Печать¹⁶, и сохрани меня господь,
Как сохранить хочу я вас и ваших.
Идем. Я провожу вас в храм святой.

Уходят.

А К Т III

СЦЕНА 1

Лондон. Улица.

Трубы.

Исходит маленький принц Уэльский, Глостер, Бекингем, кардинал Борчер, Кетсби и другие.

Бекингем

Принц, в Лондоне привет вам, в вашем доме ¹⁷.

Глостер

Привет, кузен, властитель дум моих.
Печальны вы, устали вы с дороги?

Принц Уэльский

Нет, дядя, хоть в ней тяготы и были,
Что скучной сделали ее и тяжкой.
Я больше дядей ожидал при встрече.

Глостер

Принц милый, чистота и юность ваша
Мешают вам понять всю лживость мира.
Вы судите еще о человеке
По внешности, а знает бог один,
Как часто внешность с сердцем не в ладу.
Те, кого ждали вы, опасны были;
Вы слышали лишь сладкие их речи,
Не видя яда, скрытого в сердцах.
Храни вас бог от лживых всех друзей!

Принц Уэльский

Храни господь! Но ведь они не лживы.

Г л о с т е р

Принц, вас приветствовать идет лорд-мэр.

Входит лорд-мэр Лондона со свитой.

Л о р д-м э р

Храни вас бог, наш принц, на много лет!

П р и н ц У э л ь с к и й

Благодарю вас, сэр,

(свите)

и вас всех также.

Лорд-мэр со свитой уходит.

Я думал, мать моя и брат мой Йорк
Навстречу выехать к нам поспешат.
Что за ленивец Хестингс! Не идет он
Сказать нам, едут ли они или нет.

Входит Хестингс.

Б е к и н г е м

Ну, в добрый час! Здесь Хестингс, весь в поту.

П р и н ц У э л ь с к и й

Привет, милорд. Что, наша мать приедет?

Х е с т и н г с

Бог весть и почему — не знаю я,
Но королева-мать и брат ваши Йорк
Укрылись в божьем храме. Юный герцог
Хотел со мной идти встречать вас, принц,
Но не пустила матушка его.

Б е к и н г е м

Фу, странная, сварливая причуда!
Лорд-кардинал, угодно ль будет вам
Уговорить сейчас же королеву,
Чтоб герцога она послала к принцу?
А если вам откажет, пусть лорд Хестингс
Его из рук ревнивых вырвет силой.

К а р д и н а л

Лорд Бекингем, коль слабым красноречьем
Могу я королеву убедить, —

Иль будет герцог Йорк. Но если просьбы
Его не тронут, боже сохрани
Убежища священные права
Нарушить нам! Нет, ни за что на свете
И таком грехе я не приму участия.

Б е к и н г е м

Упримы вы, милорд, и неразумны,
И церемонны очень, старомодны.
Припомните его невинный возраст.
Иде, взяв его, мы не нарушим права
Убежища. Оно осталось в силе
Для тех, кто делом заслужил его,
Или для тех, кому нужна защита,
А герцогу убежище не нужно,
И для него убежища там нет.
Я полагаю, взяв его оттуда,
Вы не нарушите закон и право.
Убежище для взрослых есть людей,
А для детей доселе не бывало.

К а р д и н а л

Милорд, меня вполне вы убедили.—
Желаете ль идти со мной, лорд Хестингс?

Х е с т и н г с

Пойду, милорд.

П р и н ц У э л ь с к и й

Милорды добрые, поторопитесь.

Кардинал и Хестингс уходят.

Скажите, дядя, если брат придет,
До коронации где будем жить мы?

Г л о с т е р

Где вашему высочеству угодно.
Но я советовал бы день или два
Прожить вам в Тауэре, там отдохнуть.
Тем временем себе вы изберете
Здоровое, приятное жилище.

П р и н ц У э л ь с к и й

Мне кажется, что Тауэр — хуже всех.
Милорд, его построил Юлий Цезарь?

Б е к и н г е м

Любезный принц, он зданье заложил¹⁸;
Достроили его века другие.

П р и н ц У э л ь с к и й

Из летописи это вам известно
Иль только по изустному преданью?

Б е к и н г е м

Из летописи знаем это, принц.

П р и н ц У э л ь с к и й

А если бы, милорд, не записали
Все это в летописи, все же правда
Ведь перешла бы через все века
Из уст в уста до Страшного суда?

Г л о с т е р

(в сторону)

Кто в детстве так умен, живет недолго.

П р и н ц У э л ь с к и й

Что вы сказали, дядя?

Г л о с т е р

Что слава без письмен живет недолго,
(в сторону)

Как Кривда¹⁹ в представленье, придаю
Я слову два различные значенья.

П р и н ц У э л ь с к и й

Великий человек был Юлий Цезарь,
Был вскормлен ум всей доблестью его,
А доблести умом запечатлел он²⁰.
Так смерть над властелином не властна:
Он хоть и мертв, но в славе жив поныне. —
Я что-то вам скажу, лорд Бекингем...

Б е к и н г е м

Что, принц любезный?

П р и н ц У э л ь с к и й

А то, что, если вырасту большим,
Старинные владенья отвоюю

У Франции обратно иль умру
И воином, как королем я жил.

Г л о с т е р

Горячая и бурная весна
Коротенькое лето предвещает.

Иходит малолетний герцог Йоркский, Хестингс и
кардинал Борчер.

Б е к и н г е м

Ну, в добрый час, подходит герцог Йоркский.

П р и н ц У э л ь с к и й

Как поживает Ричард Йорк, наш брат?

Г е р ц о г Й о р к с к и й

Прекрасно, государь. Так должно звать вас.

П р и н ц У э л ь с к и й

Да, к вашему и моему несчастью,
Скончался тот, кто этот сан носил,
И смерть его лишила сан величья.

Г л о с т е р

Как поживает герцог Йорк, кузен наш?

Г е р ц о г Й о р к с к и й

Благодарю вас, дядя. Ах, милорд,
Сказали вы, что лишь сорняк высок;
А принц, мой брат, меня уж перерос.

Г л о с т е р

Ну да, милорд.

Г е р ц о г Й о р к с к и й

И потому сорняк он?

Г л о с т е р

О милый мой кузен, так не скажу я.

Г е р ц о г Й о р к с к и й

Тогда вы с ним любезней, чем со мной.

Г л о с т е р

Как государь, он мной повелевает,
А вас, как родственника, я люблю.

Герцог Йоркский
Прошу вас, дайте мне кинжал ваш, дядя.

Глостер
Кинжал, мой маленький кузен? Возьмите.

Принц Уэльский
Вы кланчите, мой брат?

Герцог Йоркский
У дяди лишь, который даст охотно.
Безделка это, и ему не жаль.

Глостер
Я большего для вас не пожалею.

Герцог Йоркский
Ах, большего? Ну, меч дадите мне?

Глостер
Охотно, если б он поменьше был.

Герцог Йоркский
Ах, вы щедры на мелкие подарки,
А в большем вы откажете: «Не кланчи».

Глостер
Для вашей светлости тяжел мой меч.

Герцог Йоркский
Он и тяжелый был бы легок мне.

Глостер
Хотите взять мой меч, милорд-малыш?

Герцог Йоркский
Да, и благодарить вас, так назвав.

Глостер
Как?

Герцог Йоркский
Да малышом.

П р и н ц У э л ь с к и й

Несдержан на язык наш герцог Йоркский;
Но дядя с ним умеет обходиться.

Г е р ц о г Й о р к с к и й

Да, а ходить со мною он умеет?
Над нами принц смеется, милый дядя,
Считает он, что можете ходить вы
Со мною на спине, как с обезьянкой.

Б е к и н г е м

Как рассуждает он остро и ловко!
Чтобы над дядюшкой смягчить издевку,
Как мило над собою он смеется!
Так юн и так лукав — на удивленье!

Г л о с т е р

(принцу Уэльскому)

Угодно ль вам проследовать, милорд?
А я с кузеном нашим Бекингом
Отправляюсь к вашей матушке просить,
Чтобы она вас в Тауэре встречала.

Г е р ц о г Й о р к с к и й

Как! В Тауэр вы идете, государь?

П р и н ц У э л ь с к и й

Милорд-правитель этого желает.

Г е р ц о г Й о р к с к и й

Я в Тауэре спокойно не засну.

Г л о с т е р

Чего бояться вам?

Г е р ц о г Й о р к с к и й

Да дяди Кларенса жестокой тени:
Сказала бабушка, он там убит.

П р и н ц У э л ь с к и й

Я мертвых дядей вовсе не боюсь.

Г л о с т е р

Ну, а живых, надеюсь, тоже?

П р и н ц У э л ь с к и й

Пока они живут, я не боюсь.
С тяжелым сердцем, с мыслями о них
Иду я в Тауэр.

(Герцогу Йоркскому.)

Ну, идем, милорд.

Трубы.

Уходят все, кроме Глостера, Бекингема и Кетсби.

Б е к и н г е м

Милорд, ведь этот маленький болтун
Своею хитрой матерью подучен
Над вами непристойно насмехаться!

Г л о с т е р

О, несомненно. А мальчишка боек,
И дерзок, и хитер, остер и смел.
Весь в мать он с головы до пят пошел.

Б е к и н г е м

Оставим их. — Ну, Кетсби, подойди.
Ты клялся наши планы выполнять
И ото всех скрывать решения наши.
Ты ведь слышал, что по дороге в Лондон
Об этом деле толковали мы?
Как думаешь, легко ль нам убедить
Вильяма, лорда Хестингса, что должен
Взойти на королевский трон лорд Глостер,
Над славным островом став королем?

К е т с б и

Чтя память короля, он любит принца:
Противником его не станет он.

Б е к и н г е м

О Стенли что ты думаешь? Как он?

К е т с б и

Поступит точно так же он, как Хестингс.

Б е к и н г е м

Ну, хорошо. Теперь иди, мой Кетсби,
И осторожно Хестингса пощупай,
Как к делу нашему он отнесется,
И пригласи его на завтра в Тауэр
() коронации поговорить.
Когда найдешь, что к нам он расположен,
Его подбодри, расскажи все дело;
А если сух и несговорчив будет,
Таким же будь и, прекратив беседу,
Нам настроенье сообщи его.
На завтра предстоит собрать совет;
Тебе большое дело мы поручим.

Г л о с т е р

Приветствуй от меня милорда, Кетсби.
Скажи, что куче злых его врагов
В помфретском замке завтра пустят кровь.
Пусть поцелует миссис Шор послаще²¹
На радостях от этой доброй вести.

Б е к и н г е м

Наладь же это дело, добрый Кетсби.

К е т с б и

Изю всех сил, милорды, постараюсь.

Г л о с т е р

До ночи весть вы подадите нам?

К е т с б и

Подам, милорд.

Г л о с т е р

Мы оба в Кросби будем в это время.

Б е к и н г е м

Что делать нам, когда заметим мы,
Что Хестингс в заговор наш не вступает?

Г л о с т е р

Отрубим голову ему — и все!
Смотри, когда я буду королем,
Потребуй графство Херифорд, которым
Эдвард Четвертый, брат мой, обладал.

Б е к и н г е м

Потребую из ваших рук я дара.

Г л о с т е р

И ты увидишь, что получишь это.
Пойдем пока поужинаем. После,
Переварив наш заговор, обсудим.

Уходят.

СЦЕНА 2

Перед домом Хестингса.

Входит г о н е ц.

Г о н е ц

Милорд, милорд!

Х е с т и н г с

(из дома)

Кто там стучит?

Г о н е ц

От лорда Стенли я.

Х е с т и н г с

(из дома)

Который час?

Г о н е ц

Четыре скоро.

Входит Х е с т и н г с.

Х е с т и н г с

Не спится лорду Стенли этой ночью?

Г о н е ц

По порученьям судя, видно, так.
Во-первых, вам он шлет поклон, милорд.

Х е с т и н г с

Ну, а затем?

Г о н е ц

Затем, милорд, он сообщает вам,
Что видел сон, как будто вепрь сорвал
Шлем с головы его²²; затем доносит,
Что нынче будет два собрания разных,
И на одном решиться может то,
Что на другом обоих вас загубит.
Поэтому он спрашивает вас,
Желаете ль сегодня спешно с ним
Скакать на север от беды грозящей,
Которую почуяла душа?

Х е с т и н г с

Вернись-ка, малый, к лорду своему;
Скажи, что два собрания нам не страшны,
Что он и я — в одном мы заседаем,
В другом же — друг мой Кетсби: все, что нас
Коснулось бы и нам бедой грозило,
Сейчас же будет точно мне известно.
Скажи ему, что вздорны опасенья;
А что до снов, — ужели он так прост,
Чтоб верить шуткам беспокойной дремы?
От вепря же бежать, когда на нас
Он не идет, — лишь возбуждать его
Охотиться за новою добычей.—
Иди и пригласи ко мне милорда:
Пойдем мы в Тауэр с ним, и он увидит,
Что с нами очень ласков будет вепрь.

Г о н е ц

Иду, милорд, и все я передам.

Уходит.

Входит К е т с б и.

К е т с б и

Привет мой благороднейшему лорду!

Х е с т и н г с

Привет мой вам; вы рано встали, Кетсби.
Что слышно в нашем шатком королевстве?

К е т с б и

Да, верно, все в нем валится, милорд.
Боюсь, что на ноги ему не встать,
Пока не будет Ричард венценосцем.

Х е с т и н г с

Что? Венценосцем? То есть королем?

К е т с б и

Ну да, милорд.

Х е с т и н г с

Скорей дам голову свою срубить,
Чем так переместить венец позволю.
Ты думаешь, он целит на него?

К е т с б и

Клянусь, что да. Он думает, что сразу
Вы станете сторонником его,
И потому вам добрую шлет весть:
Сегодня родственников королевы,
Врагов всех ваших, в Помфрете казнят.

Х е с т и н г с

Ну, да об этом плакать я не стану:
Они всегда врагами были мне.
Но чтоб за Ричарда я голос подал,
Наследника прямого обездолил,—
Нет, богом я клянусь, скорей умру!

К е т с б и

Дай бог вам быть всегда при этом мненье.

Х е с т и н г с

Но я и через год смеяться буду,
Что дожил я до гибели людей,
Навлекших на меня гнев короля.
Послушай, Кетсби...

К е т с б и

Что скажете, милорд?

Х е с т и н г с

Что не пройдет и двух недель, как я
Упрячу кой-кого, кто и не ждет.

К е т с б и

Милорд, как тяжело умирать тому,
Кто к смерти не готовился, не ждал!

Х е с т и н г с

Чудовищно! Чудовищно! Случилось
Так с Риверсом, и Вогеном, и Греем.
И так случится кое с кем, кто верит,
Что безопасен он, как ты да я.
А нас ведь Бекингом и Ричард любят!

К е т с б и

Высоко принцы ценят вас, я знаю.

(В сторону.)

Высоко голову твою воткнут.

Х е с т и н г с

Конечно, это все я заслужил.

Входит С т е н л и.

А что же вы рогадины не взяли?
Бойтесь вепря вы, а безоружны!

С т е н л и

Милорд, день добрый.— Кетсби, добрый день. —
Вы можете шутить, но, я клянусь,
Не нравятся мне эти два совета.

Х е с т и н г с

Своей, милорд, я жизнью дорожу,
Как вы — своей; и никогда мне жизнь
Такою драгоценной не казалась.
Вы думаете, был бы я так счастлив,
Когда б не знал, что безопасны вы?

С т е н л и

Те помфретские лорды выезжали
Из Лондона в веселом настроенье
И в безопасность верили свою.
Им опасаться не было причины, —

А солнце их как рано закатилось!
Внезапная та месть меня пугает,
Дай бог, чтоб трусом оказался я!
Идем мы в Тауэр? Утро уж настало.

Х е с т и н г с

Ну, полно, с вами я. Известно ль вам,
Милорд, что эти господа сегодня
Голов своих лишатся?

С т е н л и

Уж лучше было б шляпы снять с их судей,
Чем головы за верность с них снимать.
Милорд, пойдете.

Входит р а с с ы л ь н ы й.

Х е с т и н г с

Вперед идите. С этим славным малым
Поговорим.

С т е н л и и К е т с б и уходят.

Как поживаешь, друг?

Р а с с ы л ь н ы й.

К услугам вашей милости, отлично.

Х е с т и н г с

Скажу тебе, что я живу получше,
Чем при последней встрече нашей. Я
Тогда под стражей шел по наущению
Злых родственников королевы в Тауэр;
Теперь скажу, — но ты молчи об этом, —
Что нынче тех врагов моих казнят,
А я в чести, какой не знал я прежде.

Р а с с ы л ь н ы й

Бог ваше счастье да хранит, милорд!

Х е с т и н г с

Спасибо; выпей за мое здоровье

(Бросает ему кошелек.)

Р а с с ы л ь н ы й
Благодарю, милорд.

Уходит.

Входит священник.

С ь я щ е н н и к
Милорд, я счастлив ~~видеть~~ вашу милость.

Х е с т и н г с
Благодарю тебя, сэр Джон, всем сердцем.
Я за последнюю ~~вам~~ должен службу;
В субботу приходите — заплачу вам.

Входит Бекингем.

Б е к и н г е м
С священником, милорд, вы говорите?
Друзьям он вашим в Помфрете нужней;
Милорд, вам исповедоваться рано.

Х е с т и н г с
О них я тоже тотчас же подумал,
Когда отца святого повстречал.
Идете в Тауэр вы?

Б е к и н г е м
Иду туда, милорд, но ~~недолго~~.
Я прежде вас ~~оттуда~~ ~~возвращусь~~.

Х е с т и н г с
Конечно, я останусь там обедать.

Б е к и н г е м
(~~в сторону~~)
И ужинать; но этого не знаешь.
Пойдемте вместе.

Х е с т и н г с
Я к ~~услугам~~ вашим.

Уходят.

СЦЕНА 3

Помфретский замок.

Входит Ретклиф со стражей, ведущей Риверса, Грея и Вогена на казнь.

Ретклиф

Ну, выводите узников сюда.

Риверс

Позволь тебе сказать, сэр Ричард Ретклиф:
Увидишь нынче ты, как умирают
За долг, и честь, и верность государю.

Грей

Бог, принца сохрани от вашей своры,
Проклятая вы шайка кровопийц!

Воген

Вы вззоете о том, что жили вы.

Ретклиф

Кончайте же; истек срок вашей жизни.

Риверс

О Помфрет! О кровавая тюрьма,
Для благородных пэров роковая!
За стенами преступными твоими
Ричард Второй зарублен насмерть был!
Чтобы тебя сильнее осрамить,
Зловещая, тебя своею кровью
Напоим мы.

Грей

На нас проклятье Маргариты пало
За то, что Ричарду мы помогали,
Когда он ее сына заколол.

Риверс

И Ричарда она, и Бекингема,
И Хестингса тогда же прокляла.
Услышь, господь, о них ее молитву,

Как нынче ты ее молитве внял
О нас! Но только за сестру мою,
За царственных ее детей, о боже,
Прими кровь нашу верную, что ныне
Прольется, сам ты знаешь, незаконно!

Р е т к л и ф

Поторопитесь, пробил час ваш смертный.

Р и в е р с

Обнимемся, мой Грей, мой Воген, здесь;
До новой встречи в небесах — прощайте!

Уходит.

СЦЕНА 4

Тауэр.

Идут Бекингем, Стенли, Хестингс, епископ Илий-
ский, Ретклиф, Ловел и другие лорды и садятся за стол.

Х е с т и н г с

Мы, пэры благородные, собрались,
Чтоб коронации назначить день.
Назначьте ж этот день, во имя божье.

Б е к и н г е м

Для коронации готово ль все?

С т е н л и

Готово все, лишь день нам неизвестен.

Е п и с к о п И л и й с к и й

Мне кажется, что день счастливый завтра.

Б е к и н г е м

Правителя известно ль мнение здесь?
К милорду герцогу кто ближе всех?

Е п и с к о п И л и й с к и й

Вы, герцог, легче всех могли б узнать.

Б е к и н г е м

Кто? Я, милорды? Но мы только знаем
Друг друга лица, не сердца, — и он
Меня не знает, как я вас не знаю,
И мнение его мне неизвестно. —
Лорд Хестингс, вы близки с ним.

Х е с т и н г с

Ко мне, я знаю, герцог благосклонен;
Но я его о дне коронованья
Не спрашивал, и он не поверял мне,
Что светлости его благоугодно. —
Но вы, милорды, назовите день.
Я вместо герцога подам свой голос:
Он, верно, не обидится на это.

Входит Г л о с т е р.

Е п и с к о п И л и й с к и й

Ну, в добрый час, сюда идет сам герцог.

Г л о с т е р

Милорды и кузены, добрый день.
Сегодня я проспал; но, я надеюсь,
Мое отсутствие не помешало
Делам, что должен был закончить я.

Б е к и н г е м

Когда б на реплику вы не вошли,
Сыграл бы Хестингс вашу роль, милорд;
Хочу сказать: за вас он голос подал
О том, когда нам короля венчать.

Г л о с т е р

На это мог решиться только Хестингс,
Он знает нас и любит нас сердечно.

Х е с т и н г с

Благодарю, милорд.

Г л о с т е р

Милорд епископ!

Е п и с к о п И л и й с к и й

Милорд?

Г л о с т е р

Недавно я у вас в Холборне
И сиду видал прекрасную клубнику.
Пожалуйста, за ней сейчас пошлите.

Е п и с к о п И л и й с к и й

С большою радостью пошлю, милорд.

Уходит.

Г л о с т е р

(Бекингему)

Кузен, сказать мне надо вам два слова.

(Отводит его в сторону.)

Уж с Хестингсом наш Кетсби говорил,
Но был горяч упрямый дворянин:
Скорей отдаст он жизнь, чем согласится,
Чтоб отдал трон сын короля его, —
Почтительно его так называл он.

Б е к и н г е м

Уйдите ненадолго; я за вами.

Г л о с т е р и Б е к и н г е м у х о д я т .

С т е н л и

Торжественный же выбрали мы день;
Но завтра, кажется мне, слишком рано.
Еще не все готово у меня,
Как будет, если этот день отложим.

Входит епископ Илийский.

Е п и с к о п И л и й с к и й

А где же лорд-правитель? За клубникой
Я уж послал.

Х е с т и н г с

Сегодня герцог весел и любезен:
Наверно, что-нибудь ему приятно —
Так ласково здоровается он.
Нет в христианском мире человека,
Кто искреннее был в любви и злобе;
Тут по лицу сейчас же видно сердце.

С т е н л и

Что ж видите сегодня вы в лице?
Что сердце вам сегодня обещает?

Х е с т и н г с

Клянусь, что он никем здесь не обижен;
А был бы, — сразу бы в глазах прочли.

С т е н л и

Дай бог, чтоб было так, как вы сказали.

Входят Г л о с т е р и Б е к и н г е м.

Г л о с т е р

Скажите мне, что заслужили те,
Кто покушается на жизнь мою
Проклятым колдовством и тело мне
Бесовским чарованьем истощает?

Х е с т и н г с

Любовь, что я питаю к вам, милорд,
Велит мне ревностнее всех желать
Суда и кары; кто б злодей тот ни был,
Заслуживает смерти он, милорд.

Г л о с т е р

Пусть взор ваш засвидетельствует зло.
Смотрите, околдован я: рука,
Как ветка пораженная, иссохла.
Жена Эдварда, пакостная ведьма,
В союзе с непотребной шлюхой Шор,
Тавро такое наложила мне.

Х е с т и н г с

Ну, если сделали они то дело...

Г л о с т е р

Как «если»! Покровитель гнусной шлюхи!
Ты «если» говоришь? Предатель ты!
Прочь голову ему! Клянусь святыми,
Обедать я не стану до тех пор,
Пока ее не принесут. Должны вы,
Ретклиф и Ловел, дело это сделать.
Все, кому дорог я, идем за мной.

Уходят все, кроме Хестингса, Ретклифа и Ловела.

Х е с т и н г с

О горе, горе Англии! Не мне!
Предотвратить я это мог, безумный.
Но сие у Стенли шлем сорвал злой вепрь —
Я этим пренебрег, я не бежал.
Три раза спотыкался конь мой нынче
И перед Тауэром встал на дыбы,
Как бы почуя с отвращеньем бойню.
О, нужен мне сейчас священник тот.
Я каюсь, что рассыльному сказал,
Что торжествую я, что всех врагов
Моих сегодня в Помфрете казнят,
А я в почете, в милости живу.
О Маргарита, тяжело ныне пало
На жалкую главу твое проклятье!

Р е т к л и ф

Ну, исповедь живей! Пора обедать
Уж герцогу, ждет вашей головы он.

Х е с т и н г с

О милость быстротечная людей!
Стремимся мы сильнее к ней, чем к божьей.
Кто понадеялся на вашу ласку,
Живет, как пьяный мореход на мачте;
От каждого движенья может он
Упасть в глубины роковые волн.

Л о в е л

Ну, ну, довольно! Бесплезны вопли.

Х е с т и н г с

Кровавый Ричард! Бедная земля!
Ужасное, невиданное время
Тебе пророчу. — Ну, идем на плаху.
Несите голову ему мою.
Тот, кто смеется, сам уж на краю.

Уходят.

СЦЕНА 5

Перед стенами Тауэра.

Входят Глостер и Бекингем в заржавленных, очень плохих
доспехах.

Г л о с т е р

Кузен, умеешь ты дрожать, бледнеть
И на полслове прерывать дыхание,
И говорить, и снова замолкать,
Как будто ты от страха обезумел?

Б е к и н г е м

Изображу я трагика любого,
При каждом слове буду озиаться,
Дрожать и содрогаться от безделки,
Боясь опасности. И мрачный взор,
Притворная улыбка — все к услугам,
Все мне готово службу сослужить
Для выполнения предназначенья.
Где ж Кетсби? Он ушел?

Г л о с т е р

Смотри, лорд-мэра он сюда ведет.

Входит лорд-мэр и Кетсби.

Б е к и н г е м

Лорд-мэр...

Г л о с т е р

Спустить подъемный мост!

Б е к и н г е м

Чу, барабан!

Г л о с т е р

Вы стены осмотрите, Кетсби.

Б е к и н г е м

Лорд-мэр, позвали вас мы...

Г л о с т е р

Гляди назад и защищайся, — враг!

Б е к и н г е м

Пусть нас хранит бог и невинность наша!

Г л о с т е р

Терпенье, здесь друзья — Ретклиф и Ловел.

Их ходят Ретклиф и Ловел с головой Хестингса.

Л о в е л

Пот голова изменника пред вами:

Казнен опасный и коварный Хестингс.

Г л о с т е р

(плачет)

Как я любил того, о ком я плачу!

Считал его невиннейшим созданием

Из всех живущих в христианском мире;

В него, как в книгу, вписывал мой дух

Своих тайнейших мыслей вереницу.

Так прикрывать постыдный свой порок

Личиной добродетели умел он,

Что кроме явного его греха, —

Хочу сказать о связи с миссис Шор, —

В нем не было заметно ни пятна.

Б е к и н г е м

Да, он был самый скрытный и лукавый
Изменник на земле.

Представить можете иль хоть поверить

(Заступничеством неба живы мы

И говорим), что этот злой предатель

Задумал нынче и в самом совете

Меня и лорда Глостера убить.

Л о р д - м э р

Ужели он задумал?

Г л о с т е р

Что, турки мы, неверные мы, что ли,

Что против правил и законов наших

Мы б скорой смерти предали злодея?

Но крайняя опасность положенья,

Мир Англии, спасенье нашей жизни

Принудили нас казнь ту совершить.

Л о р д - м э р

Бог да хранит вас! Смерть он заслужил.
Вы правильно, милорды, поступили:
Другим злодеям не повадно будет.
Я от него добра уже не ждал
С тех пор, как он связался с миссис Шор.

Г л о с т е р

Решили мы, что должен умереть он,
Как только вы на казнь, милорд, придете;
И лишь поспешность этих двух друзей
Слегка веленье наше изменила.
Хотелось нам, милорд, чтоб вы слышали,
Что говорил злодей, как он сознался
В том, как и для чего он изменил, —
Тогда могли б вы это сообщить
Всем гражданам, чтоб не было ни плача
О казни той, ни рассказней о нас.

Л о р д - м э р

Мой добрый лорд, слова мне ваши — то же,
Как если б сам все видел я и слышал.
Не сомневайтесь, принцы, сообщу я
Достойным гражданам, как в этом деле
Вы правильно и честно поступили.

Г л о с т е р

Хотелось нам, чтоб были вы при казни,
Чтоб избежать нам злобных мнений света.

Б е к и н г е м

Пришли вы позже, чем желали мы,
Но подтвердите все, что говорим.
Прощайте же, почтеннейший лорд-мэр.

Л о р д - м э р уходит.

Г л о с т е р

За ним, за ним, кузен мой Бекингем!
Ты за лорд-мэром в ратушу спеши.
В толпе в момент удобной ты шепни
О том, что дети короля — ублюдки;
Припомни, как Эдвардом был казнен
Глупец один за то лишь, что сказал,
Что сын его наследует корону, —

А он шутил о вывеске своей;
() похоти Эдварда ты вверни.
Как с зверской жадностью менял он женщин;
Как лез к чужим служанкам он и женам;
Как сердце дикое и яркий глаз
Без удержу кидались на добычу.
Потом издалека меня затроньте,
(скажите — в год, когда рожала мать
Эдварда ненасытного, отец мой,
Достойный Йорк, во Франции сражался
И, сопоставив сроки, не признал он,
Чтоб им ребенок этот зачат был.
Да, впрочем, это видно по лицу —
Он с Йорком славным вовсе был не схож.
Но этого касайтесь осторожно:
Вы знаете, что мать моя жива.

Б е к и н г е м

Сыграю я оратора, милорд,
Как если б о награде золотой²³
Старался для себя. Милорд, прощайте.

Г л о с т е р

Когда удастся дело, всех ведите
В Бейнардский замок²⁴. Там меня найдете
Среди епископов, отцов ученых.

Б е к и н г е м

Иду — и к трем иль четырем часам
Из ратуши вестей дождетесь вы.

Уходит.

Г л о с т е р

Идите, Ловел, поскорей за Шоу;
(к Кетсби)

А ты — за братом Пенкером²⁵. Обоих
Просите через час в Бейнарде быть.

Л о в е л и К е т с б и уходят.

Теперь отдать приказ мне тайный надо,
Чтобы отродье Кларенса убрали,

Да повелеть, чтоб ни одна душа
До принцев молодых не допускалась.

Уходит.

СЦЕНА 6

Лондон. Улица.

Входит писец с бумагой в руке.

Писец

Вот лорда Хестингса здесь приговор;
Он набело красиво переписан,
Чтоб нынче быть прочитанным в соборе.
Заметьте, как подстроено все ловко.
Одиннадцать часов его писал я, —
Его прислал мне Кетсби прошлой ночью, —
И столько же его вчерне писали,
А пять часов тому назад жил Хестингс,
Не уличен, и чист, и на свободе.
Да, свет таков! Кто может быть так глуп,
Чтоб сразу умысла здесь не увидеть?
Но кто посмеет показать, что видит?
Плох свет и хуже будет с каждым днем,
Когда такое зло творится в нем.

Уходит.

СЦЕНА 7

Двор Бейнардского замка.

Входят с одной стороны Глостер, с другой — Бекингем.

Глостер

Ну как? Что горожане говорят?

Бекингем

Да что! Пречистой девою клянусь,
Безмолвствуют, не говорят ни слова.

Г л о с т е р

Сказал, что дети Эдварда ублюдки?

Б е к и н г е м

Ну да. Сказал о договоре брачном²⁶
И с леди Люси и о том, который
Во Франции послом был заключен;
О похоти сказал и о насилиях
Над горожанами, о казнях страшных
За пустяки; о том, что он ублюдок,
Что не похож он вовсе на отца;
Потом о вашем сходстве говорил я, —
Что вылитый отец вы и лицом
И благородством духа несравненным;
Шотландские победы ваши вспомнил,
И твердость на войне, и разум в мире;
Я говорил, что вы щедры, смиренны
И добродетельны; я ничего
Не упустил, что было б вам полезно.
Когда же кончил речь, я предложил
Всем тем, кто родине желает блага,
Кричать: «Да здравствует король наш Ричард!»

Г л о с т е р

Ну, а они кричали?

Б е к и н г е м

Помилуй бог, ни слова не сказали,
Как будто камни или истуканы,
И, бледные, глядели друг на друга.
Я стал их упрекать, спросил у мэра,
Что значит это дерзкое молчанье.
Он отвечал, что не привык народ
К таким речам, что здесь глашатай нужен.
Тогда его заставил повторить я
Мои слова. Сказал он: «герцог то»
Да «герцог се», а от себя ни слова.
Как кончил он, тут молодцы мои
Вверх шапки кинули, поодаль стоя,
И жидко крикнули: «Король наш Ричард!»
Воспользовался этой горстью я,
Сказал: «Друзья и граждане, спасибо.
Рукоплескания и клики ваши —
Знак мудрости и к Ричарду любви.
На этом я закончил и ушел.

Г л о с т е р

Вот глыбы безъязычные! Молчали?

Б е к и н г е м

По правде говоря, молчали.

Г л о с т е р

Что ж, с присными лорд-мэр сюда придет?

Б е к и н г е м

Он скоро будет. Страх изобразите;
Не сразу соглашайтесь слушать их;
Молитвенник в руках держите; стойте
Меж двух священников, мой добрый лорд.
Об этом я им проповедь скажу.
На просьбы не склоняйтесь: точно дева,
Твердите «нет», а все же принимайте.

Г л о с т е р

Ну, если будете вы так же сильно
Просить, как я отказываться буду,
Все к доброму концу мы приведем.

Б е к и н г е м

На галерею! Там лорд-мэр стучится.

Г л о с т е р уходит.

Входят лорд-мэр и горожане.

Приветствую я вас, лорд-мэр. Все жду,
Не согласится ль герцог нас принять.

Входит К е т с б и.

На просьбу что милорд ответил, Кетсби?

К е т с б и

Мой благородный лорд, он просит вас
Зайти хоть завтра или послезавтра.
Сейчас он с преподобными отцами
Святому размышленью предается;
Для дел мирских покинуть не хотел бы
Своих благочестивых он занятий.

Б е к и н г е м

Вернитесь, Кетсби, к герцогу; скажите,
Что я, лорд-мэр, а также горожане
С намереньем серьезным, в важный час,
Пришли, чтоб с герцогом поговорить.

К е т с б и

Сейчас все это доложу ему.

Уходит.

Б е к и н г е м

Да, не похож наш герцог на Эдварда!
Днем не валяется в срамной постели,
А молится он, стоя на коленях;
Он с парой куртизанок не шалит —
С двумя монахами проводит время;
Не спит он, чтобы тело разжирело,
А молится, чтоб дух обогатить.
Счастливой Англия была б, когда
Принц этот добрый стал бы ею править!
Но я боюсь, его нам не склонить.

Л о р д - м э р

Бог да хранит нас от его отказа!

Б е к и н г е м

Боюсь, что он откажет.

Входит К е т с б и.

Ну, Кетсби, что сказал теперь милорд?

К е т с б и

Он удивляется, что вы собрали
Такую силу граждан, чтоб прийти.
Осведомлен не будучи об этом,
Бойтся он, что цель у вас дурная.

Б е к и н г е м

Жалею, что кузен мой благородный
Во мне подозревает злые мысли.
Клянусь, сюда пришли мы с чистым сердцем.
Вернитесь к герцогу, скажите это.

Когда возьмутся набожные души
За четки, их не оторвать от них:
Так сладок им молитвенный восторг.

Наверху появляется Г л о с т е р между двумя епископами.
К е т с б и возвращается.

Л о р д - м э р

Смотрите, герцог между двух духовных!

Б е к и н г е м

Для принца христианского — подпора,
Что бережет от суетных желаний.
Смотрите, и молитвенник в руках —
Святого человека украшение, —
Плантагенет светлейший, герцог славный,
Склони благоприятный слух к мольбам.
Прости нас, что осмелились прервать мы
Усердие твоих молитв святых.

Г л о с т е р

Милорд, таких не нужно оправданий.
Прошу я вас простить меня, милорд,
Что, с рвением богу моему служа,
Сначала я друзей моих не принял.
Но бросим это. Чем могу служить вам?

Б е к и н г е м

Да тем же, чем послужите и богу
И добрым людям, что живут без власти.

Г л о с т е р

Боюсь, я что-то совершил, что город
Обидою считает, и пришли вы,
Чтобы невежеством меня корить.

Б е к и н г е м

Да, совершили. Но, послушав нас,
Вы можете грех искупить, милорд.

Г л о с т е р

Да, в христианском я краю живу.

Б е к и н г е м

Так знайте же, что грех ваш — то смиренье,
С каким вы гордый и высокий трон,
И ваше место, ваших предков власть,
И званье ваше, и права рожденья,
И дома королевского всю славу
Пилой и хилой ветви отдаете.
Для блага Англии мы будим вас
От кротости сонливых ваших мыслей.
Теряет остров собственные члены;
Рубцами срама лик обезображен,
Ползучие растенья обвились
Вкруг царского ствола, и он ушел
Уж по плечи в бездонную пучину
Ничтожества и черного забвенья.
Чтоб остров наш спасти, всем сердцем просим,
Светлейший герцог, это бремя взять
По управленью нашим королевством;
Не как правитель, опекун, наместник,
Не как смиренный исполнитель власти, —
Как кровный и наследственный король
Должны державою своей вы править.
Вот почему с толпою этих граждан, —
С друзьями, почитающими вас, —
По просьбе их усердной я пришел,
Чтоб с ними вместе умолять вас, герцог.

Г л о с т е р

Для званья моего, что лучше будет —
Уйти в молчанье или горьким словом
Вас упрекнуть за предложение ваше?
Коль промолчу, вы можете решить,
Что, онемев от честолюбья, принял
Я золотое иго царской власти,
Что вы в безумье мне надеть хотите;
И если я за ваше пожеланье,
Что выражает верную любовь,
Вас упрекну, — друзей я огорчу.
И потому, чтоб избежать укоров
И недоразумений с двух сторон,
Ответ вам окончательный даю:
Благодарю вас за любовь, но я
Не заслужил таких высоких просьб.
Ведь даже если б не было препятствий

И путь мой к трону был бы так же ясен,
Как ясно право моего рожденья,—
Так нищ я духом, а мои пороки
Так велики и так многообразны!
Скорей бы спрятался я от величья,
Чем, этого величья домогаясь,
Стал в испареньях славы задыхаться:
Мой челн не вынес бы морей могучих.
Но, слава богу, я не нужен вам.
Я слишком слаб, чтоб вам помочь в нужде.
Плод царский древо царское дало нам;
Пройдут года незримо, плод созреет,
С достоинством займет великий трон
И царствованьем осчастливит нас.
Слагаю на него то, что хотели б
Вы на меня сложить, — его права
И сан, что дан ему звездой счастливой.
Не дай мне бог на это посягнуть!

Б е к и н г е м

Милорд светлейший, совестливы вы;
Но ваши доводы, как разглядишь их,
Неубедительны и щекотливы.
Эдвард — сын брата вашего? Согласен;
Но он не сын его жены законной.
Ваш брат был с леди Люси обручен,
Чему живой свидетель — ваша мать.
А после он заочно обручился
С сестрою короля французов, Боной.
Просительница жалкая²⁷ обеих
Их отстранила: бедная вдова,
Увядающая мать взрослых сыновей,
Уже на склоне лучших дней своих
Его распутный взор обворожила
И вовлекла, власть захватив над ним,
В паденье гнусное и двоеженство.
С ней в беззаконной связи прижил он
Эдварда, что мы принцем величаем.
Я мог бы привести покрепче довод,
Но, почитая тех, кто жив еще,
Грань точную я языку поставил.
Итак, милорд, возьмите на себя
Достоинство, предложенное вам, —
И если не для нас, не для страны,
То чтобы вывести ваш славный род

И порчи, что гнездилась в нем годами,
На путь прямого престолонаследья.

Л о р д - м э р

Вас молят граждане, милорд; решайтесь!

Б е к и н г е м

Не отвергайте их любви, милорд!

К е т с б и

О, дайте радость им, исполнив просьбу!

Г л о с т е р

Увы, зачем мне этот груз забот?
Не создан я для трона, для величья.
Прошу вас, на меня не обижайтесь —
Я не могу и не хочу вам сдаться.

Б е к и н г е м

Усердье и любовь мешают вам
С престола свергнуть этого ребенка:
Сын вашего он брата; все мы знаем,
Как сердцем женственны вы и нежны,
Как вы добры к своей родне, а также
И к людям всех сословий.
Но знайте,— вы уступите или нет, —
'Эдварда сын не будет королем.
Другого мы посадим на престол,
Чтоб род ваш посрамлен был и погиб.
Так порешив, мы оставляем вас. —
Идемте, граждане. К чертям все просьбы!

Г л о с т е р

О, не бранись, мой милый Бекингем.

Бекингем и горожане уходят.

К е т с б и

Верните, герцог, их и согласитесь.

Другой из приближенных Глостера
Всей Англии отказ ваш — злое горе.

Г л о с т е р

Вы целый мир забот хотите дать мне!—

Зови обратно их.

К е т с б и уходит.

Я не из камня,
И нежная мольба пробила сердце,
Хоть против этого и дух и совесть.

Входят Бекингем и другие.

Мой Бекингем и мудрые мужи,
Раз вы решили на плечи взвалить
Мне эту власть, я должен терпеливо,
Хочу иль нет, тяжелый груз нести.
Но если безобразный срам, злословье
За вашим принуждением вслед придут,—
Да будет мне щитом насилие ваше
От грязной клеветы и от бесчестья.
Бог видит, видите теперь и вы,
Как от желаний этих я далек.

Л о р д - м э р

Храни вас бог! Все видим, все и скажем.

Г л о с т е р

Сказавши это, скажете лишь правду.

Б е к и н г е м

Я с титулом вас поздравляю ныне:
Да здравствует король английский Ричард!

В с е

Аминь.

Б е к и н г е м

Угодно ль завтра вам короноваться?

Г л о с т е р

Когда хотите, если так решили.

Б е к и н г е м

Мы завтра к вашей светлости придем
И радостно прощаемся сегодня.

Г л о с т е р

Вернемся к набожным занятиям нашим.—
Прощайте же, кузен, друзья, прощайте.

Уходит.

А К Т IV

СЦЕНА I

Перед Тауэром.

Выходят с одной стороны — королева Елизавета, герцогиня Йоркская и маркиз Дорсет; с другой — леди Анна, герцогиня Глостерская, следи Маргаритой Плантагенет, маленькой дочерью Кларенса.

Герцогиня Йоркская

Кто к нам идет? Плантагенета внучка
И милая с ней вместе Анна Глостер.
Они идут, клянусь я жизнью, в Тауэр
Приветствовать сердечно милых принцев.—
День добрый, дочь моя!

Леди Анна

Пошли господь
Обеим вам счастливый, ясный день!

Королева Елизавета

И также вам, сестра! Куда идете?

Леди Анна

Да в Тауэр, и не дальше я иду,
С таким же полным сердцем, как и вы,
Поздравить благородных принцев наших.

Королева Елизавета

Благодарю, сестра. Войдем мы вместе.

Входит Брекенбери.

А вот и комендант сюда идет.—
Вы можете сказать нам, комендант,
Как поживают принц и герцог Йоркский?

Б р е к е н б е р и
Здоровы, королева. Но, простите,
Никак к ним допустить вас не могу,
Король мне это крепко наказал.

К о р о л е в а Е л и з а в е т а
Король? Какой король?

Б р е к е н б е р и
Прошу прощенья: лорд-протектор, то есть...

К о р о л е в а Е л и з а в е т а
От сана королевского спаси
Его господь! Между детьми моими
И мною он решился грань поставить?
Я мать — кто преградит мне к ним дорогу?

Г е р ц о г и н я Й о р к с к а я
Я — мать отца их и хочу их видеть.

Л е д и А н н а
Я по родству им тетка — мать в любви к ним.
Веди меня. На свой беру я страх
Проступок твой по службе; не страшись.

Б р е к е н б е р и
Нет, госпожа, так я не поступлю.
Я связан клятвой, потому простите.

Уходит.

Входит С т е н л и.

С т е н л и
(герцогине Йоркской)
Когда бы часом позже я вас встретил,
Приветствовал бы я вас, герцогиня,
Как мать двух королев.

(Леди Анне.)

О госпожа,
Должны скорее вы идти в Уестминстер:
Там с Ричардом венчают вас на царство.

Королева Елизавета
Шпурки разрежьте мне скорей, скорее!
Или волю сердце вы мое пустите!
А то от вести смертной упаду.

Леди Анна
Песть гнусная! О гибельная новость!

Дорсет
Ну, успокойтесь. — Матушка, что с вами?

Королева Елизавета
Не говори со мной; беги, мой Дорсет!
Смерть за тобой несется по пятам:
Зловеще имя матери твоей.
Чтоб смерть и ад тебя здесь не настигли,
Ты за море, ты к Ричмонду беги,
Спасайся, торопись из живодерни;
Счет трупов ты собой не умножай:
Не дай проклятью Маргариты сбыться,
Что я умру, все потеряв при жизни,—
Венец английский, мужа и детей.

Стенли
Совет ваш, королева, очень мудр.—
(Дорсету.)

Воспользуйтесь недолгими часами.—
Я сыну напишу²⁸, и эти письма
Получите вы от меня в пути.
Поторопитесь, вам пора идти.

Герцогиня Йоркская
О горе сеющий злосчастья ветер!
Проклятая утроба, ложе смерти!
Ты выкинула василиска в мир,
Чей неминуемый смертелен взгляд!

Стенли
(леди Анне)
Идите ж, королева. Дело спешно.

Леди Анна
С великим отвращеньем я иду.
Пусть обруч золотой каленой сталью
Мне ляжет на чело и мозг прожжет;
Пусть ядом умастят меня и смерть

Меня постигнет прежде, чем услышу:
«Храни, о боже, нашу королеву!»

К о р о л е в а Е л и з а в е т а

Иди, бедняжка!
Я славе не завидую твоей;
Зла не желай себе, чтоб нас утешить.

Л е д и А н н а

Увы, я зла себе уж пожелала!
Когда пришел тот, кто супругом стал мне,
За телом Генриха в слезах я шла,—
Его едва отмыты были руки
От крови ангела, что был мне мужем,
И от его отца пречистой крови,—
О, я взглянула Ричарду в лицо:
«Будь проклят, — говорю, — я молода,
А ты меня вдовою старой сделал!
Как женишься, тоска к твоей постели
Привяжется; жена — когда найдешь ты
Безумную — твоею смертью будет
Несчастнее, чем я потерей мужа!»
Проклятья не успела б повторить я,
В столь краткий срок медовыми словами
Моим он женским сердцем овладел.
Мое ж проклятье на меня упало.
С тех пор не знают отдыха глаза,
И часа одного в его постели
Я не вкусила золотого сна.
От снов его ужасных просыпаюсь...
Дочь Уорика — меня он ненавидит,
И скоро он развяжется со мной.

К о р о л е в а Е л и з а в е т а

Прощай! Тебя жалею я, бедняжка.

Л е д и А н н а

О вашей скорби всей душой скорблю!

Д о р с е т

Прощай, несчастная, идешь ты к славе!

Л е д и А н н а

Прощай, печальный, с нею ты простился!

Герцогиня Йоркская
(Дорсету)

Ты к Ричмонду иди! Твой спутник — счастье.
(Анне.)

Ты — к Ричарду! Храни тебя господь.
(Елизавете.)

Ты — в церковь! Мысль благую бог пошлет.
А я — в могилу: мир, покой там ждет.
Жила я восемьдесят горьких лет:
Час радости — неделя скорби вслед.

Королева Елизавета
Останься, погляди со мной на Тауэр,—
Ты, камень старый, пожалей малюток,
Которых скрыл в твоих стенах завистник!
Ты, люлька жесткая для малых деток!
Ты, нянька грубая, пестун суровый,
С детьми моими ласков, Тауэр, будь!
Прощай, боль бешеная рвет мне грудь.

Уходят.

СЦЕНА 2

Лондон. Дворец.

Входят Ричард, одетый как король, с короной на
голове; Бекингем, Кетсби, паж и другие.

Король Ричард
Все отойдите. — Бекингем, кузен мой!

Бекингем
Что, государь, угодно?

Король Ричард
Дай руку.

(Садится на трон.)

По совету твоему
И с помощью твоей король здесь — Ричард.
На день ли краткий эта слава нам,
Иль долго ею наслаждаться будем?

Бекингем
Пускай живет она и навсегда.

К о р о л ь Р и ч а р д

Ах, Бекингем, теперь я испытаю,
Из чистого ли золота ты отлит.
Жив маленький Эдвард. Меня ты понял?

Б е к и н г е м

Скажите, государь любезный...

К о р о л ь Р и ч а р д

Сказал уж я. Хочу быть королем.

Б е к и н г е м

Ведь вы король, мой государь великий.

К о р о л ь Р и ч а р д

Как! Я король? Ну да! Но жив Эдвард.

Б е к и н г е м

Да, правда, государь.

К о р о л ь Р и ч а р д

Конец печальный —
Что будет жить Эдвард. «Да, государь!»
Кузен, ты не был до сих пор так глуп.
Ясней? Хочу, чтоб умерли ублюдки,
Чтоб это выполнено было сразу.
Что скажешь? Отвечай мне сразу, кратко.

Б е к и н г е м

Как вашему величеству угодно.

К о р о л ь Р и ч а р д

Эх! Ты — как лед, и стыну я невольно
От ледяной учтивости твоей.
Скажи мне, на их смерть согласен ты?

Б е к и н г е м

Вздохнуть мне дайте, государь, подумать...
Тогда на это прямо я отвечу.
Я скоро сообщу решение вам.

Уходит.

К е т с б и

(тихо, одному из присутствующих)

Король сердит. Как он кусает губы!

К о р о л ь Р и ч а р д

Уж лучше с меднолобыми глупцами,
(С мальчишками мне говорить, чем с теми,
Кто осторожно на меня глядит.
Стал боязлив надменный Бекингом.—
'И, малый!

П а ж

Я здесь, милорд.

К о р о л ь Р и ч а р д

Не знаешь ли, кто, золотом прельщенный,
Решился бы на темное убийство?

П а ж

Один есть недовольный дворянин,
Чьи средства скромные и гордый дух
Не ладят. Золото его прельстит
Сильней ораторов на что угодно.

К о р о л ь Р и ч а р д

А как зовут его, скажи мне.

П а ж

Тиррел.

К о р о л ь Р и ч а р д

Его немного знаю. Ну, зови.

П а ж уходит.

Увертливый и хитрый Бекингом
Мне близким уж советником не будет.
Без устали со мною шел он вместе;
Теперь вздохнуть он хочет?

Входит С т е н л и.

Ну что, какие вести?

С т е н л и

Слышал я, будто за море бежал
Лорд Дорсет и соединился там
Он с Ричмондом.

Отходит в сторону.

К о р о л ь Р и ч а р д
К е т с б и

К е т с б и

Что, государь?

К о р о л ь Р и ч а р д

Слух распусти повсюду,
Что леди Анна тяжело заболела;
А я велю ее держать в затворе.
Да дворянина поищи в мужья
Для дочки Кларенса, из захудалых.
Сын — глуп, и потому он мне не страшен.
Спишь, что ли? Я сказал: слух распусти,
Что королева Анна умирает.
Ну, шевелись! Мне очень важно в корне
Пресечь надежды, что вредить мне могут.

К е т с б и уходит.

Дочь брата в жены я себе возьму,
А то мой трон — на хрупком хрустале.
Зарезав братьев, на сестре жениться!
Неверный путь! Но нет уже помех.
Я в кровь вошел, и грех мой вырвет грех;
И слезы жалости мне не идут.

Входят паж и сэр Джемс Тиррел.

Так Тиррелом тебя зовут, скажи мне?

Т и р р е л

Джемс Тиррел и слуга покорный ваш.

К о р о л ь Р и ч а р д

Покорный ли?

Т и р р е л

Милорд, вы испытайте.

К о р о л ь Р и ч а р д

Решишься друга моего убить?

Т и р р е л

Готов, милорд;
Но предпочел бы двух врагов убить.

К о р о л ь Р и ч а р д

Ну, ладно. Есть два кровные врага,
Враги покоя и помеха сну.
Я на руки сдаю тебе их, Тиррел,—
Ублюдков тех, что в Тауэре сидят.

Т и р р е л

Велите только доступ к ним мне дать,—
И я от страха вас освобожу.

К о р о л ь Р и ч а р д

Как музыка — слова твои! Стань ближе.
Вот пропуск; подойди и дай мне ухо.

(Шепчет ему на ухо.)

Ну, вот и все. Скажи, что все готово,—
Я полюблю и отличу тебя.

Т и р р е л

Все сделано, милорд.

К о р о л ь Р и ч а р д

Услышим ли мы, Тиррел, о тебе
Еще до сна?

Т и р р е л

Услышите, милорд.

Уходит.

Входит Б е к и н г е м.

Б е к и н г е м

Мой государь, последний ваш приказ,
Который вы мне дали, я обдумал.

К о р о л ь Р и ч а р д

Оставим. Дорсет к Ричмонду бежал.

Б е к и н г е м

Я слышал эту новость.

К о р о л ь Р и ч а р д

Он пасынок ваш, Стенли, — берегитесь.

Б е к и н г е м

Милорд, прошу обещанного дара,
Ведь ваша честь была тому порукой:

Вы обещали — графство Херифорд
И всем, что есть в нем, буду я владеть.

К о р о л ь Р и ч а р д
(к Стенли)

Смотрите, Стенли, за женой своей;
И если Ричмонду она напишет
Письмо, то вы ответите за это.

Б е к и н г е м

Что скажите, милорд, на эту просьбу?

К о р о л ь Р и ч а р д

Я помню, предсказал когда-то Генрих
Шестой, что Ричмонд будет королем.
Тогда был Ричмонд хнычущим мальчишкой.
Быть может... королем...

Б е к и н г е м

Мой государь!

К о р о л ь Р и ч а р д

Но почему пророк тогда же мне
Не предсказал, что я его убью?

Б е к и н г е м

Мой сударь, вы графство обещали...

К о р о л ь Р и ч а р д

Ричмонд... Я в Эксетере был недавно,
И мэр любезно замок показал мне
И назвал Руджмонтом²⁹. Я содрогнулся:
Какой-то бард ирландский предсказал мне:
«Увидев Ричмонд, долго жить не будешь».

Б е к и н г е м

Мой государь!

К о р о л ь Р и ч а р д
Который час?

Б е к и н г е м

Осмелюсь вашей милости напомнить
О вашем обещанье.

К о р о л ь Р и ч а р д
Ну да; который час?

Б е к и н г е м
Сейчас бьет десять.

К о р о л ь Р и ч а р д
Пусть бьет.

Б е к и н г е м
Но почему «пусть бьет», милорд?

К о р о л ь Р и ч а р д
Да потому, что, как дурак, ты бьешься,
И клянчишь, и мешаешь думать мне.
Дарить сегодня я не расположен.

Б е к и н г е м
Тогда скажите прямо! Да иль нет?

К о р о л ь Р и ч а р д
Тшш... Тшш...
Ты мне мешаешь; я не расположен.
Уходят все, кроме Бекингема.

Б е к и н г е м
Ах, так презрение — награда мне?
Для этого его короновал я?
О, вспомни Хестингса — и в Брекнок³⁰ в путь,
Чтоб голову спасти мне как-нибудь.
Уходит.

СЦЕНА 3

Там же.
Входит Т и р р е л.

Т и р р е л
Кровавое свершилось злодеянье,
Ужасное и жалкое убийство,
В каком еще не грешен был наш край!
Дайтон и Форрест, купленные мною,
Чтоб в бойне жесточайшей поработать,
Два стервеца, два кровожадных пса,

Мне говоря о жалостном убийстве,
Растроганные, плакали, как дети.
«Вот так,—сказал мне Дайтон,—дети спали».—
«Так, — Форрест перебил, — обняв друг друга
Невинными и белыми руками.
Их губы, как четыре красных розы
На летней ветке, целовались нежно.
Молитвенник лежал на их подушке;
И это все во мне перевернуло;
Но дьявол...» — тут мой негодяй замолк,
И Дайтон продолжал: «Мы задушили
Сладчайшие, нежнейшие создания,
Которые природа сотворила».
Раскаяньем и совестью терзаясь,
Они умолкли; я оставил их.
Весть королю кровавому принес я.
Вот он идет.

Входит король Ричард.

Привет вам, государь!

Король Ричард

Весть добрую услышу ль, славный Тиррел?

Тиррел

Когда исполненное порученье —
Добро для вас, то радуйтесь: оно
Исполнено.

Король Ричард

Ты трупы видел их?

Тиррел

Да, видел.

Король Ричард

И зарыл их, милый Тиррел?

Тиррел

Священник Тауэра похоронил их;
А где — по правде вам сказать, не знаю.

Король Ричард

Ты после ужина ко мне приди,
О смерти их расскажешь по порядку.
Тем временем подумай о награде,

И я желание твое исполню.
Прощай.

Т и р р е л уходит.

Ну, сына Кларенса я крепко запер,
А дочь я замуж выдал кое-как;
Эдварда дети — в лоне Авраама;
Простилась королева Анна с миром.
Я знаю, Ричмонд целит в дочь Эдварда,
Елизавету. Через этот брак
Уверенней глядит он на корону;
Но я веселым женихом пойду к ней.

Входит К е т с б и.

К е т с б и

Мой государь!

К о р о л ь Р и ч а р д
Что ломишься! С плохой иль доброй вестью?

К е т с б и

С плохой, милорд: у Ричмонда Джон Мортон;
С валлийцами в союзе Бекингом
Уж выступил, и войско все растет.

К о р о л ь Р и ч а р д
Гораздо мне опасней Ричмонд с Или³¹,
Чем Бекингом с своим разбойным сбродом.
Не надо мне трусливых рассуждений:
Они — рабы медлительных отсрочек;
Им вслед ползет улиткою бессилье.
Мне будет натиск с огненным крылом—
Меркурием, божественным гонцом!—
Сбирай войска! Советом будет щит.
Не надо медлить — в поле враг стоит.

Уходят.

СЦЕНА 4

Перед дворцом.

Входит королева Маргарита.

К о р о л е в а М а р г а р и т а
Созрело благоденствие врагов
И льется в гниlostную смерти пасть.
В пределах этих пряталась хитро я,

Ущерб врагов моих подстерегая.
И вижу я ужасное начало.
Во Францию уеду, но надеюсь,
Что горек, черен будет их конец.
Куда мне спрятаться, злосчастной? Кто там?

Отходит в сторону.

Входят королева Елизавета и герцогиня
Йоркская.

Королева Елизавета

О дети нежные мои! О принцы!
О бедные, нецветшие цветы!
Коль в воздухе витают ваши души
И вечной нет обители у вас,—
Ко мне на легких крыльях вы слетите,
Чтобы стенанья матери услышать!

Королева Маргарита
(в сторону)

Слетите к ней, скажите: кровь за кровь.
Ночь погасила утро и любовь.

Герцогиня Йоркская
Бесчисленные беды надломили
Мой голос, и язык мой тих и нем.
Эдвард Плантагенет, зачем ты умер?

Королева Маргарита
(в сторону)

Плантагенет Плантагенету долг
Свой смертный заплатил, Эдвард — Эдварду.

Королева Елизавета
Зачем, господь, ты от ягнят бежал
И в волчью пасть их бросил? Или спал ты,
Когда такое дело совершалось?

Королева Маргарита
(в сторону)

Как и в тот час, что Генрих пал и сын мой.

Герцогиня Йоркская
Жизнь мертвая и взор слепой, дух смертный,
Срам мира, труп, украденный из гроба,
И книга скорбная печальных дней,
Найди покой на той земле законной,
Что незаконно кровью опоили!

Садится на землю.

Королева Елизавета

Земля, дала бы ты могилу мне,
Как место грустное ты мне даешь!
И б не садилась, кости б я сложила.
Ах, чье страданье больше моего?

Садится рядом с нею.

Королева Маргарита

(выходя вперед)

А если старая печаль почтенней,
Покажите мне почет по старшинству
И превосходству горя моего.

Садится рядом с ними.

И если сообща скорбеть мы можем,
Скажите ваше горе, я — свое.
Эдвард, мой сын, был Ричардом убит;
И Генрих, муж мой, Ричардом убит;
И твой Эдвард был Ричардом убит;
И Ричард твой был Ричардом убит.

Герцогиня Йоркская

(Маргарите)

Жил Ричард мой — его убила ты.
Жил Ретленд — помогла его убить ты.

Королева Маргарита

Жил Кларенс твой — он Ричардом убит.
Из логова твоей утробы выполз
Пес дьявольский, что к смерти всех нас гонит.
Еще без глаз он был, но уж зубаст,
Чтобы терзать ягнят и кровь лакать;
Созданий божьих гнусный истребитель
И величайший на земле тиран,
Что среди тленья царствует и воплей,—
Его ты выпустила из утробы,
Чтоб он в могилы нас скорей загнал.
О боже праведный и справедливый,
Благодарю за то, что жадный пес
Плод тела материнского сжирает,
И плакать ей приходится с другими!

Герцогиня Йоркская

О Генриха жена! Не смейся горю;
Я слезы проливала над твоим.

Королева Маргарита

Терпи меня. На мщенье голодна я;
Теперь я насыщаюсь видом горя.
Эдвард твой умер, что убил Эдварда;
За моего убит второй Эдвард:
И Йорк твой — лишь привесок: кровь обоих
Не оплатила мне Эдварда кровь.
И Кларенс мертв твой, что убил Эдварда,
И зрители трагедии ужасной—
Распутный Хестингс, Риверс, Воген, Грей—
В могилах мрачных все уж задохнулись.
Но Ричард, черный маклер ада, жив:
Для ада покупает души он,
Туда их шлет. Но скоро, скоро, скоро
Конец наступит жалкий, всем желанный.
Земля зияет, и пылает ад,
И дьяволы вопят, святые молят,
Чтоб он скорей отсюда был извергнут.
Из жизни вымарай его, о боже,
Чтоб я, дожив, могла сказать: «Сдох пес!»

Королева Елизавета

Ты напророчила, что будет время—
Тебя я умолю проклясть со мною
Кривую жабу, паука, пиявку...

Королева Маргарита

Тебя судьбы моей пустым сияньем
Звала я, крашеною королевой,
Подобьем лживым моего величья,
Прологом радостным ужасной драмы.
Ты вознеслась, чтоб сброшенной быть в бездну;
Тебе даны в насмешку были дети;
Теперь ты — сон о том, чем ты была.
Цветной значок — цель выстрелов опасных,
Величья вывеска, пузырь, и вздох,
И королева только на подмостках.
Где твой супруг? Где братья, сыновья?
Где радости твои? Кто на коленях
Кричит: «Храни, о боже, королеву»?
Склоненные и лстивые где пэры?
Бегущий за тобой толпой народ?
Припомни все; смотри, что ты теперь.
Ты не жена — несчастная вдова;
Не радостная — плачущая мать;
Не милуешь — о милостях ты молишь;
Последняя раба в короне бед;
Ты презирала — презираю я;

Тебя боялись все — ты всех боишься.
Уж не слушают твоих велений,
Уж повернулось колесо судьбы,
И отдана ты времени в добычу.
О том, чем ты была, осталась память,
Чтобы пытать тебя, чем стала ты.
Ты место отняла мое — теперь
Ночью по праву часть моих печалей.
Несешь ты нынче половину груза,
Но скоро с головы усталой ношу
Всю на тебя переложу. Прощай,
Бед королева! Франция — путь мой;
Там над английской посмеюсь бедой.

Королева Елизавета

Останься здесь, искусница в проклятиях,
И научи, как клясть моих врагов!

Королева Маргарита

Не знай ночного сна и днем постись;
Сравни живое горе с мертвым счастьем;
Преувеличь красу своих детей
И гнусности того, кто их убил.
Чем чище жертва, изверг тем черней,—
Тебя научит это клясть сильней.

Королева Елизавета

Тупы слова... Меня б ты научила!

Королева Маргарита

Печалью ты б их быстро наточила.

Уходит.

Герцогиня Йоркская

Зачем страданью изобилье слов?

Королева Елизавета

Воздушные ходатаи печали,
Летучие преемники веселья
И бедные ораторы скорбей!
Слова хоть не помогут ничему,
Но с ними легче сердцу моему.

Герцогиня Йоркская

А если так, язык свой развяжи.
Пойдем, словами горькими задушим

Проклятого мы сына моего,
Что задушил твоих сыночков бедных.
Чу, барабан! На вопли будь щедра.

Входит под звуки труб и барабанов король Ричард.

Король Ричард
Кто пресекает мне в походе путь?

Герцогиня Йоркская
Та, что пресечь могла все злодеянья,
Что совершил ты, гад, когда б тебя
В утробе окаянной задавила.

Королева Елизавета
Ты спрятал лоб под золотым венцом.
Клейму б там быть, коль правом было б право!
Убийством принца добыл ты венец
И смертью сыновей моих и братьев.
Скажи, злодей, где сыновья мои?

Герцогиня Йоркская
О жаба гнусная, где брат твой Кларенс?
И Нед Плантагенет, его дитя?

Королева Елизавета
Где добрый Хестингс, Риверс, Воген, Грей?

Король Ричард
Тревогу бейте и трубите, трубы.
Чтоб небо не слыхало глупых баб,
Что лают на помазанника божья!

Трубы и барабаны.

Ко мне приветливо и терпеливо
Вы обращайтесь, или вопли ваши
Я бранным шумом тотчас заглушу.

Герцогиня Йоркская
Ты сын ли мой?

Король Ричард
Да, слава богу, и отцу и вам.

Герцогиня Йоркская
Тогда без гнева гнев мой выноси.

Король Ричард

Или мне похож я нравом, герцогиня,
Или упрёки плохо выношу.

Герцогиня Йоркская

О, дай сказать!

Король Ричард

Но слушать я не буду.

Герцогиня Йоркская

И в словах я буду ласковой и кроткой.

Король Ричард

И краткой, матушка: я тороплюсь.

Герцогиня Йоркская

Торопишься? А я тебя ждала,
Вот весть как, в смертных муках и страданиях.

Король Ричард

И вот, чтоб прекратить их, я родился.

Герцогиня Йоркская

Родился ты, клянусь распятым я,—
И стала адом бедная земля.
Младенчество твое мне тяжким было,
И школьником ты бешен был и дик,
И юношей неукротим и дерзок,
А возмужав, ты стал хитер, коварен,
Высокомерен и кровав, — опасен
Тем, что под простотой ты злобу скрыл.
Назвать ты можешь ли единый час,
Когда меня порадовал собой?

Король Ричард

Да нет, пожалуй; разве что случайно,
Когда вы завтракали без меня.
Когда вам так не мил я, мне позвольте,
Не оскорбляя вашу милость видом,
Идти в поход. Бей, барабан!

Герцогиня Йоркская

Послушай!

Король Ричард
Горьки слова у вас.

Герцогиня Йоркская
Одно лишь слово;
С тобой не буду больше говорить.

Король Ричард
Ну!

Герцогиня Йоркская
Иль справедливо бог тебя убьет,
Не дав с победою домой вернуться,
Иль я умру от старости и горя,—
Но я тебя уж больше не увижу.
Носи с собой тягчайшее проклятье;
Пусть утомит тебя оно в день битвы
Твоих доспехов тяжких тяжелей!
На стороне врагов — мои молитвы,
И души нежные детей Эдварда
Подымут дух у недругов твоих,
Им принесут победу и успех.
Кровав ты был, и кровью кончишь ты;
Жил в сраме — и умрешь средь срамоты.

Уходит.

Королева Елизавета
Сильней бы клясть тебя, да нету сил.
Я на слова ее «аминь» скажу.

Хочет уйти.

Король Ричард
Постойте, с вами надо говорить мне.

Королева Елизавета
Уж сыновей и принцев не осталось
Тебе под нож, а дочери мои
Не царствовать — монашествовать будут,
Поэтому их жизни не лишай.

Король Ричард
У вас осталась дочь — Елизавета:
Она красива, царственна, мила.

Королева Елизавета
Или — смерть ей? О, оставь ей жизнь!
Испорчу я ее, обезображу,
Скажу, что изменила я Эдварду,
Наброшу на нее покров позора;
Чтоб ей кровавой смерти не бояться,
Скажу, что не Эдварда дочь она.

Король Ричард
Каким бесчестить? Царская в ней кровь!

Королева Елизавета
Чтоб жизнь ее спасти, я отрекусь.

Король Ричард
Но эта кровь — ей лучшая защита.

Королева Елизавета
И эту кровь ее погибли братья.

Король Ричард
Иградебна жизни их была звезда.

Королева Елизавета
Друзья дурные жить им помешали.

Король Ричард
Для всех неотвратим судьбы закон.

Королева Елизавета
Свое безбожье ты судьбой считаешь?
Другой бы смерть моих детей была,
Когда б другую жизнь тебе дал бог.

Король Ричард
Вы говорите, будто я убил их!

Королева Елизавета
Конечно! У племянников ты отнял
Родню и волю, королевство, жизнь.
И чья б рука сердца их ни пронзила,
Я знаю — руку ту твой дух направил.
Был нож убийцы туп, пока его
О сердце ты кремневое свое
Не наточил и не послал его

В груди ягнят несчастных пировать.
Когда б от горя горе не слабело,
Я мальчиков моих не назвала б,
Пока в глаза тебе, как якорями,
Ногтями б не впилась и, как челнок,
В заливе смерти потерявший снасти
И паруса, разбилась бы я в щепки
О грудь скалистую твою, о Ричард.

К о р о л ь Р и ч а р д

Так сильно, как успеха я желаю
Себе в походах и кровавых войнах,
Так дому вашему желаю блага,
Чтоб вред загладить, что я вам нанес!

К о р о л е в а Е л и з а в е т а

Что в небесах еще скрываться может?
Что вскрыется ко благу моему?

К о р о л ь Р и ч а р д

Миледи, возвышение детей.

К о р о л е в а Е л и з а в е т а

На плаху? Чтоб там головы оставить?

К о р о л ь Р и ч а р д

На высоту величия и счастья
И на вершину славы всей земной.

К о р о л е в а Е л и з а в е т а

Ласкай же рассказами скорбь мою.
Каким почетом, честью и величьем
Ты можешь одарить моих детей?

К о р о л ь Р и ч а р д

Все, что имею, самого себя
Отдать готов я твоему дитяти.
Лишь в Лете опечаленной души
Скорее утопи воспоминанье
О зле, что будто я тебе нанес.

К о р о л е в а Е л и з а в е т а

Будь кратким, а иначе кротость эта
Короче будет твоего рассказа.

Король Ричард
Май, дочь твою я всей душой люблю.

Королева Елизавета
Мать дочери моей душой всей верит.

Король Ричард
Но что вы верите?

Королева Елизавета
В то, что ее ты всей душою любишь,
Как всей душой ее любил ты братьев,
А я благодарю тебя всем сердцем.

Король Ричард
Не искажай поспешно мысль мою.
Я говорю! Твою люблю я дочь;
Вснец английской королевы дам ей.

Королева Елизавета
Кто ж будет королем у королевы?

Король Ричард
Кто королевой сделает ее.

Королева Елизавета
Как! Ты?

Король Ричард
Ну да. Что думаете вы?

Королева Елизавета
Как к ней посватаешься?

Король Ричард
Научите:
Вам лучше нрав ее знаком, чем мне.

Королева Елизавета
Меня слушаешься?

Король Ричард
Да, всем сердцем.

Королева Елизавета
Пошли ей с тем, кто братьев умертвил,

Два сердца их кровавых: на одном
«Эдвард» ты вырежешь, «Йорк» на другом;
Когда она заплачет, дай платок ей,—
Как подала когда-то Маргарита
Платок кровавый твоему отцу;
Скажи, что он напитан красным соком
Из тел ее убитых братьев; пусть
Она глаза свои платком тем вытрет.
А если не полюбит и тогда,
Пошли ей список дел твоих прекрасных:
Что дядю Кларенса ее убил,
И дядю Риверса, да из любви к ней
Покончил с доброй ее теткой Анной.

К о р о л ь Р и ч а р д

Вы надо мной смеетесь. Путь ли это —
Понравиться?

К о р о л е в а Е л и з а в е т а

Ведь ты никак переменить не можешь
Обличье, чтобы Ричардом не быть,
Все эти преступления совершившим.

К о р о л ь Р и ч а р д

Скажи, что все я сделал из любви к ней.

К о р о л е в а Е л и з а в е т а

Она тебя лишь ненавидеть может,
Купив любовь такой ценой кровавой.

К о р о л ь Р и ч а р д

Что сделано, того уж не исправить.
Ошибки часто люди совершают.—
Приходится в них каяться потом.
У ваших сыновей венец я отнял.
Но, каясь, дочери его даю.
Детей утробы вашей я убил,
Но заменю я их потомством новым
От вашей дочери и от меня:
Название бабки по любви не меньше,
Чем обожаемое имя — мать.
Внучата — дети, лишь коленом ниже,
От вашей же любви, от вашей крови;
Но только та в стенаньях их родит,

Ради кого страданья вы узнали.
Вы в молодости мучились детьми,
Мои же — старость вашу успокоят.
Вы сына потеряли — короля,
Но этим королевой стала дочь.
Я не могу всего вам возвратить, —
Примите то, что я вам дать могу.
Лорд Дорсет, сын ваш, с трепетной душой,
Мятежником блуждает на чужбине,—
Домой его союз наш возвратит
К великим почестям, высоким званьям:
Король, муж дочери прекрасной вашей,
Звать будет Дорсета любимым братом,
И матерью вас будет звать король.
И все развалины ужасных дней
Поднимутся с удвоенным богатством.
Да, перед нами — золотые дни!
И слезы, что вы пролили когда-то,
Восточным жемчугом вернутся к вам.
Их в двадцать раз повысится цена.
И нарастут на них проценты счастья.
Идите ж к дочери, о мать моя!
Ей опытом своим внушите смелость;
Пусть слух готовит к ласковым речам,
И в сердце нежном пламя честолюбья
Зажгите и принцессе расскажите
О сладких, нежных свадебных часах.
Когда я покараю Бекингема,
Ничтожного мятежника, глупца,
Приду в венце победном, дочь твоя
На ложе победителя возляжет,
Возьмет мою победную добычу
И цезаря, как Цезарь, победит.

К о р о л е в а Е л и з а в е т а

Как лучше мне сказать? Что брат отца
Супругом хочет быть ее? Иль дядя?
Иль тот, кто братьев и дядей убил?
Под именем каким тебя представлю,
Чтоб бог, закон, любовь ее и честь
Могли потворствовать, тебе внимая?

К о р о л ь Р и ч а р д

Скажи: мир Англии — в союзе этом.

Королева Елизавета
Войной придется мира ей достичь.

Король Ричард
Король ей может повелеть, но молит.

Королева Елизавета
Король всех королей ей не велит.

Король Ричард
Она могучей королевой будет.

Королева Елизавета
Чтобы над саном плакать, как и мать.

Король Ричард
Скажи, что буду век ее любить.

Королева Елизавета
Но долго ли продлится этот век?

Король Ричард
Всю жизнь ее я нежен буду с ней.

Королева Елизавета
Но долго ль нежная продлится жизнь?

Король Ричард
Как небо и природа пожелают.

Королева Елизавета
Как ад и Ричард захотят того.

Король Ричард
Властитель я, но подданный ее.

Королева Елизавета
Ей, подданной, противна эта власть.

Король Ричард
Красноречивой будь, чтоб мне помочь.

Королева Елизавета
Речь честная от простоты успешней.

Король Ричард
Так просто расскажи любовь мою.

Королева Елизавета
Но просто и бесчестно — будет грубо.

Король Ричард
Сужденья ваши все пусты и мелки.

Королева Елизавета
О нет! Они зарыты глубоко,
Как дети мертвые мои зарыты.

Король Ричард
Не трогайте тех струн — ведь все прошло.

Королева Елизавета
Замолкну, когда струны сердца лопнут.

Король Ричард
Святым Георгом, орденом Подвязки
И королевским я венцом клянусь...

Королева Елизавета
Два первых осрамил, украл ты третье.

Король Ричард
Клянусь...

Королева Елизавета
Ничем! Нет клятвы для тебя!
Святой Георг лишен тобою чести,
Запятнан рыцарской Подвязки орден,
И обесславлен краденый венец.
Ты хочешь, чтоб поверили тебе,—
Клянись тем, что еще не оскорбил ты.

Король Ричард
Клянусь я светом...

Королева Елизавета
Полн твоих злодейств он.

Король Ричард
Отца могилой...

Королева Елизавета
Жизнь твоя — ей срам.

Король Ричард
Самим собой...

Королева Елизавета
Себя ты опозорил.

Король Ричард
Ну, богом...

Королева Елизавета
Бога оскорбил всех боле.
Когда бы ты боялся божьей клятвы,
Ты б не разбил согласие, что устроил
Король — супруг мой, не убил бы братьев.
Когда бы клятвы этой ты боялся,
Не на тебе б сиял металл державный,
А сына нежный лоб он украшал бы,
И оба принца жили бы! Теперь,
Клятвопреступник, ты их уложил,
Как ласковых товарищей, вдвоем
В могилу. Там их пожирают черви.
Чем клясться будешь?

Король Ричард
Будущим своим.

Королева Елизавета
Ты будущее прошлым запятнал;
И у меня слез хватит для того,
Чтоб зло твое и в будущем оплакать.
Есть дети беспризорные — отцов их
Убил ты; слез до старости им хватит.
Отцы есть, чьих детей зарезал ты;
Всю жизнь они, как травы, будут сохнуть.
Нет, не клянись ты будущим — оно
Злодейством прежним все искажено.

Король Ричард
Клянусь, я каюсь так же, как хочу
Себе успеха в этом бранном деле!
Пусть сам себя я уничтожу! Пусть
Отнимет небо у меня все счастье!

Пусть день не даст мне света, ночь — покоя,
Пусть звезды против дел моих восстанут,
Когда всем сердцем, свято, чисто, верно
И преданно я не люблю твою
Прекрасную и царственную дочь!
В ней все мое блаженство и твое.
А без нее — тебя, меня, весь край
И многих христиан ждет злое горе,
И смерть, и разрушение, и гибель.
Лишь брак наш это может отворотить.
Лишь брак наш должен это отворотить.
Мать милая, — так звать тебя мне надо,—
Будь перед ней ходатаем моим;
Скажи, чем буду я — не чем я был;
Что заслужу — не то, что заслужил я.
О благе государственном скажи ей
И замыслов великих не губи.

Королева Елизавета
Не дьявол ли меня здесь искушает?

Король Ричард
Но дьявол к благу ведь тебя ведет.

Королева Елизавета
Чтоб быть собою, мне себя забыть?

Король Ричард
Одно лишь зло вам память причиняет.

Королева Елизавета
Но все же ты убил моих детей!

Король Ричард
В утробе дочери их схороню;
И в ней они, как феникс, возродятся
И явятся на свет вам в утешенье.

Королева Елизавета
Мне ль дочь мою склонять к такой любви!

Король Ричард
Так матерью счастливой станешь ты.

Королева Елизавета
Иду. Скорей письмо мне напиши —
И от меня ее узнаешь волю.

Король Ричард
Снеси ей этот поцелуй.
(Целует ее.)
Прощай.

Елизавета уходит.

Растаяла, пустая дура-баба!

Входит Ретклиф, за ним Кетсби.

Ну что, какие вести?

Ретклиф
У западного берега, милорд,
Флот сильный появился, и туда
Неверные друзья толпой бегут,
Но без оружия и не для боя.
Все думают, что Ричмонд флот ведет
И на море подмоги ожидает,
Что с берега подаст лорд Бекингом.

Король Ричард
Скорее шлите к Норфолку гонца:
Ретклиф... ты сам иль Кетсби... Где же он?

Кетсби
Здесь, государь.

Король Ричард
Ты — к Норфолку,—
(Ретклифу)
ты к Солсбери спеши;
Когда приедешь...
(К Кетсби.)
Хам беспечный, глубокий,
Чего стоишь и к герцогу не едешь?

Кетсби
Скажите вашу волю, государь,—
От вас что герцогу сказать я должен?

К о р о л ь Р и ч а р д
Да, верно, добрый Кетсби... Ты скажи,
Чтоб поскорей все войско он собрал
И в Солсбери он встретился со мной.

К е т с б и

Иду.

Уходит.

Р е т к л и ф

Что в Солсбери прикажет делать мне
Ваше величество?

К о р о л ь Р и ч а р д

Тебе — что делать? Сам туда я еду!

Р е т к л и ф

Велели, государь, туда скакать мне.

К о р о л ь Р и ч а р д

Я передумал, сэр, я передумал.

Входит С т е н л и.

Ну, что у вас за вести?

С т е н л и

Нет, государь, особенно хороших,
Но также и худых особо нет.

К о р о л ь Р и ч а р д

Вот так загадка — ни худых, ни добрых!
Чего кругом ты скачешь сотни миль,
Когда прямым путем короче скажешь?
Какие ж вести?

С т е н л и

Вышел в море Ричмонд.

К о р о л ь Р и ч а р д

Пусть это море поглотит его!
Беглец трусливый! Что ему там делать?

С т е н л и

Могу предполагать лишь, государь...

К о р о л ь Р и ч а р д
«Предполагать», сэр? Что предполагать?

С т е н л и
Что с Дорсетом и Бекингемом вместе
Идет сюда он требовать венца.

К о р о л ь Р и ч а р д
Что? Трон мой пуст? Иль выпал меч из рук³²?
Иль мертв король? Или страна без власти?
Не я ль — живой наследник Йорка? Кто,
Как не наследник Йорка, здесь король?
Скажи, куда он по морю идет?

С т е н л и
Я этого не знаю, государь,

К о р о л ь Р и ч а р д
Чтоб вашим государем стать, идет он.
Зачем идет валлиец, ты не знаешь?
А я боюсь, бежать к нему ты хочешь.

С т е н л и
Напрасно подозренье, государь.

К о р о л ь Р и ч а р д
А где ж твои войска, чтоб их отбить?
Где ленники твои? Твои где слуги?
На западный они умчались берег,
Чтоб в высадке мятежникам помочь!

С т е н л и
Нет, государь, на севере они.

К о р о л ь Р и ч а р д
Друзья холодные! Зачем им север,
Когда на западе должны служить нам?

С т е н л и
Король могучий, не было приказа.
Угодно будет отпустить меня —
Я соберу друзей и встречу вас
Там, где угодно будет государю.

К о р о л ь Р и ч а р д

Ну да, ты хочешь к Ричмонду добратся.
Нет, я тебе не верю.

С т е н л и

Государь,
Причины нет меня подозревать:
Изменником я не был и не буду.

К о р о л ь Р и ч а р д

Ну ладно.
Иди собирай войска; но здесь оставь
Георга, сына. Будь же сердцем крепок,
Чтоб крепко голова его держалась

С т е н л и

Порукой он, что буду верен я.

Уходит.

Входит первый гонец.

П е р в ы й г о н е ц

Великий государь, из Девоншира
Я весть привез от преданных друзей.
Сэр Эдвард Кортни, брат его прелат,
Высокомерный Экстерский епископ,
С союзниками подняли восстание.

Входит второй гонец.

В т о р о й г о н е ц

Мой повелитель, графство Кент восстало,
И к Гиллфордам все новые подходят
Друзья; растут их силы с каждым часом.

Входит третий гонец.

Т р е т и й г о н е ц

Отряды Бекингема, государь...

К о р о л ь Р и ч а р д

Прочь, сын! И ты поешь о смерти песню?
(Бьет его.)
На, вот тебе. Носи получше вести.

Т р е т и й г о н е ц

Принес я, государь, вам весть о том,
Что бурею внезапною и ливнем
Рассеяны отряды Бекингема;
Что сам он убежал совсем один,
Неведомо куда.

К о р о л ь Р и ч а р д

Прости меня!

Вот кошелек тебе, чтоб синяки
Твои лечить. Объявлена награда
Тому, кто к нам предателя доставит?

Т р е т и й г о н е ц

Объявлена награда, государь.

Входит четвертый гонец.

Ч е т в е р т ы й г о н е ц

Лорд Дорсет и сэр Томас Ловел бунт
В Йоркшире подняли, мой государь;
Но весть вторая успокоит вас:
Бретонский флот рассеян бурей; Ричмонд
На берег Дорсетширский выслал лодку,
Чтоб расспросить отряд на берегу—
Союзники они ему иль нет.
Они ответили, что Бекингом их
Послал к нему; но Ричмонд не поверил
И, паруса подняв, пошел в Бретань.

К о р о л ь Р и ч а р д

Вперед, вперед! Оружье пригодится —
И если не для боя с иноземцем,
То чтоб своих мятежников карать.

Входит Кетсби.

Мой государь, захвачен Бекингом.
Весть эта добрая, но есть похуже;
Сказать ее вам все же надо: Ричмонд
У Милфорда с могучим войском вышел.

К о р о л ь Р и ч а р д
Скорее в Солсбери! Мы здесь болтаем,
А можем выиграть иль проиграть
Наш царский бой. Пусть кто-нибудь доставит
Мне Бекингема. Ну, вперед, за мной.

Трубы.

Все уходят.

СЦЕНА 5

В доме лорда Стенли.

Исходят Стенли и священник Кристофер Эрсуик.

С т е н л и

Сэр Эрсуик, вот что Ричмонду скажи:
Кровавый боров у себя в хлеву
Заложником Георга Стенли держит;
И, если я восстану, голова
Георга, сына моего, слетит.
Лишь этот страх пристать к вам не дает мне.
Скажи, где царственный наш Ричмонд нынче?

С в я щ е н н и к

Он в Уэльсе, в Пембруке иль Харфордуэсте.

С т е н л и

А кто с ним из людей, известных нам?

С в я щ е н н и к

Сэр Уолтер Херберт, знаменитый воин.
Сэр Гилберт Толбот и сэр Вильям Стенли,
Великий Пембрук, Оксфорд, сэр Джемс Блент
И Райс ап-Томас с кучей храбрецов,
И много именем и делом знатных;
И все они войска ведут на Лондон,
Коль по пути им не придется драться.

С т е н л и

Ты Ричмонду привет мой отвези;
Скажи ему, что королева рада
Ему дать в жены дочь Елизавету.
Из этого письма он все узнает.
Прощай.

Уходят.

А К Т V

С Ц Е Н А I

Солсбери. Открытое место.

Входят шериф Уильтширский и стража
с Бекингемом, которого ведут на казнь.

Б е к и н г е м

Король мне не позволит говорить с ним?

Ш е р и ф

Нет, добрый лорд; с судьбою примиритесь.

Б е к и н г е м

Эдварда дети, Воген, Риверс, Грей,
Святой король наш Генрих, принц Эдвард,
Вы все, погубленные потаенно
Бессовестным и гнусным беззаконьем,—
О, если вы с печалию и гневом
Глядите с облаков на этот час,
Возвеселитесь гибелью моею!
Сегодня день поминовенья мертвых?

Ш е р и ф

Да, сэр.

Б е к и н г е м

День поминанья судным днем мне будет,
Я в этот день при короле Эдварде
Звал на себя погибель, если я
Его детей и братьев обману;
И в этот день звал гибель на себя
От Ричарда, кому всех больше верил.
Пришел, пришел ты, поминальный день,
И стал днем мести за мои грехи!
Всевидающий, которым я шутил,

Той ложной клятвой поразил меня
И то дал вправду, что просил я зря.
Так направляет он оружие злых
В их собственную грудь. Как тяжко пало
Проклятье королевы Маргариты:
«Когда тебя пронзит он скорбью, скажешь:
Пророчицей была ты, Маргарита!»
Пойдем, там плаха для меня стоит,
Да будет зло за зло и стыд за стыд.

Уходят.

СЦЕНА 2

Поле близ Темуорта.

Входят с барабанами и знаменами Ричмонд, Оксфорд,
Милент, Херберт и другие военачальники с войсками.

Ричмонд

Вы, по оружию верные друзья,
Измученные игом тирании,
До сердца нашей родины дошли мы,
Не встретивши препятствий на пути.
От лорда Стенли, моего отца,
Здесь бодрое письмо я получил.
Кровавый, злой и беззаконный боров,
Поля и виноградники топтавший,
Как теплые помои, пивший кровь
И выедавший внутренности ваши
Из вас, как из корыта,—гнусный боров
Залег здесь, как мы только что узнали,
У Лестера, в одном лишь переходе.
Во имя бога, храбрые друзья,
Одним кровавым, смертным испытаньем
Мы жатву мира вечного пожнем!

Оксфорд

В душе у нас по тысяче мечей,
Чтобы сразить преступного убийцу.

Херберт

Его друзья переметнутся к нам.

Б л е н т

Нет у него друзей,—друзья из страха
Его покинут в горестной нужде.

Р и ч м о н д

Тем лучше нам! Вперед, во имя бога!
Лети, надежда, ласточки быстрее;
Король с ней—бог среди смертных королей.

Уходят.

СЦЕНА 3

Босуортское поле.

Входят король Ричард, вооруженный, герцог Норфолк,
граф Серри и другие

К о р о л ь Р и ч а р д

Разбить шатры здесь, на Босуортском поле.—
Лорд Серри, почему вы так печальны?

С е р р и

Мой дух бодрей, чем взгляд мой, в десять раз.

К о р о л ь Р и ч а р д

Лорд Норфолк...

Н о р ф о л к

Государь, я здесь пред вами.

К о р о л ь Р и ч а р д

Ударов нам не избежать, мой Норфолк!

Н о р ф о л к

Не избежать ни им, ни нам ударов.

К о р о л ь Р и ч а р д

Сюда — шатер! Я нынче здесь ночую.

Солдаты расставляют шатер.

А завтра — где? Ну ладно, все равно.
Изменников известны силы нам?

Н о р ф о л к

Их тысяч шесть иль семь, никак не больше.

К о р о л ь Р и ч а р д

Так, значит, мы сильнее их в три раза;
И с нами имя короля, как крепость,—
А этого недостает врагу.—
Скорей шатер!—Пойдемте, господа.
Осмотрим местность, и людей искусных
С собой возьмем, и всем распорядимся.
Отбросим же медлительность и лень:
Нас, господа, ждет завтра трудный день.

Уходят.

Входят с другого конца поля Р и ч м о н д, сэр В и л ь я м
Б р е н д о н, О к с ф о р д и другие военачальники.
С о л д а т ы ставят шатер Ричмонда.

Р и ч м о н д

Усталое уж закатилось солнце;
След колесницы огненной его
Пророчит нам на завтра день прекрасный.—
Сэр Брендон, вы штандарт мой понесете.—
В шатер мне принести чернил, бумаги:
Там план сраженья начерчу и всем
Военачальникам места назначу,
На точные отряды разделю
Все небольшое наше войско.—Оксфорд,
Сэр Брендон и сэр Херберт, здесь побудьте.
Граф Пембрук со своим полком остался.—
Мой добрый Блент, привет ему снесите
И попросите в два часа утра
Прийти ко мне в шатер. Еще скажите,
Мой добрый капитан,—вам не известно,
Где лорда Стенли полк расположился?

Б л е н т

Когда его знамена я не спутал
С чужими, в чем вполне уверен я,
Его отряд южнее на полмили
Стоит от сильных королевских войск.

Р и ч м о н д

Мой милый Блент, коль это не опасно

Для жизни, способ вы найдите к Стенли
Снести вот это важное письмо.

Б л е н т

Я это сделаю, клянусь я жизнью.
Бог да пошлет вам тихий сон, милорд.

Р и ч м о н д

Прощайте, Блент.—Пойдемте, господа,
Поговорим о завтрашнем сраженьи
В моем шатре; здесь воздух очень резок.

Все входят в шатер.

Подходят к своему шатру король Ричард, Норфолк,
Ретклиф, Кетсби и другие.

К о р о л ь Р и ч а р д

Который час?

К е т с б и

Час ужина, милорд;
Уж било девять.

К о р о л ь Р и ч а р д

Ужинать не буду.
Чернил, бумаги дай.
Исправили мой шлем—удобней стал он?
Снесли мое оружие в шатер?

К е т с б и

Да, государь, для вас уж все готово.

К о р о л ь Р и ч а р д

На пост свой поспеши, мой добрый Норфолк,
И выбери нам верных часовых.

Н о р ф о л к

Иду, мой государь.

К о р о л ь Р и ч а р д

Ты с жаворонком встань, мой славный Норфолк.

Н о р ф о л к

Исполню, государь.

Уходит.

К о р о л ь Р и ч а р д
К е т с б и !

К е т с б и

Я здесь.

К о р о л ь Р и ч а р д
Ты к Стенли вестника пошли,
Чтоб до восхода он свои войска
Привел,—иначе сын его Георг
Падет в слепую яму вечной ночи.

К е т с б и уходит.

(Одному из слуг.)
Налей стакан вина и дай ночник.
В бой Серри³³ белого мне оседлай
И копыа осмотри, легки ль и крепки.—
Ретклиф!

Р е т к л и ф
Что, государь?

К о р о л ь Р и ч а р д
Нортемберленда грустного ты видел?

Р е т к л и ф
Да, видел; он и с ним граф Томас Серри
До сумерек по лагерю бродили,
Подбадривая воинов своих.

К о р о л ь Р и ч а р д
Ну, хорошо. Дай мне стакан вина,
Во мне веселья духа нынче нет,
Ни бодрости, к которой я привык.
Поставь стакан. Чернила приготовил?

Р е т к л и ф
Да, государь.

К о р о л ь Р и ч а р д
Прощай; и стражу там мою проверь.
А на рассвете приходи в шатер
Помочь надеть доспехи мне. Прощай.

Ретклиф и другие слуги уходят.
Входят в шатер Ричмонда Стенли, лорды и слуги.

С т е н л и

На шлем твой я победу призываю!

Р и ч м о н д

Мой отчим благородный, все те блага,
Что ночь таит, пусть даст она тебе!
Скажи, как мать любимая моя?

С т е н л и

Ее благословенье я принес:
О Ричмонде все молится она.
Но к делу! Тихие часы скользят,
И на востоке мрак густой светлеет.
Нужда мне кратким быть велит. Готовь
Свои войска для боя рано утром;
Свою судьбу отдай на суд кровавый
Ударов и войны смертельно зоркой.
Как только я смогу (теперь нельзя мне),
Я время обману и появлюсь
Тебе помочь в сомнительном сраженье,
Но стать теперь в твоих рядах не смею—
Иначе брата твоего Георга
Казнят тотчас же на глазах отца.
Прощай. Опасно нам и недосуг
Слова учтивой дружбы говорить,
Обмениваясь нежными речами.
Бог да пошлет нам вольно исполнять
Обряды нежной дружбы!
Прощай, прощай; будь смел и торопись!

Р и ч м о н д

Милорда Стенли проводите, лорды.—
Хоть дух тревожен, все ж заснуть хочу,
А то меня придавит сон свинцовый,
Когда нужны победные крыла.
Покойной ночи, лорды и дворяне.

Уходят все, кроме Ричмонда.

О ты, чьим воином себя считаю,
Взгляни на воинов моих с любовью,
Вложи им в руки правый меч возмездья,—
Пусть сокрушат их тяжкие удары
Противников злокозненные шлемы!
Да будем мы орудием отмщенья,

Чтоб восхвалить тебя победой нашей!
Тебе свой дух бессонный отдаю,
Пока я век своих не опускаю.
И в бдении и в сне храни меня!

Засыпает.

Появляется дух принца Эдуарда, сына Генриха VI.

Д у х Э д у а р д а

(Ричарду)

Как бремя, завтра ляжет на тебя
Эдвард Плантагенет, принц Уэльский! Вспомни,
Как в Тьюксбери меня во цвете лет
Зарезал ты. Отчайся и умри!

(Ричмонду.)

Будь весел, Ричмонд. Души оскорбленных
Убитых принцев за тебя стоят.
Сын Генриха тебя поддержит, Ричмонд.

Появляется дух короля Генриха VI.

Д у х Г е н р и х а V I

(Ричарду)

Когда я жил, помазанное тело
Ты дырами смертельными пробил.
Припомни все, отчайся и умри:
Генрих велит, отчайся и умри!

(Ричмонду.)

Будь победителем, святой и добрый!
Тебе предрекший королевство Генрих—
Во сне с тобой: будь счастлив и живи!

Появляется дух Кларенса.

Д у х К л а р е н с а

(Ричарду)

Как бремя, завтра лягу на тебя
Я, смытый в смерть твоим вином проклятым,
Предательски тобой убитый Кларенс!
В бою ты вспомни завтра обо мне,
Меч вырони — отчайся и умри!

(Ричмонду.)

Ланкастра отпрыск, за тебя молитвы

Обиженные дети Йорка шлют.
Пусть ангелы хранят твой меч; будь счастлив!

Появляются духи Риверса, Грея и Вогена.

Д у х Р и в е р с а

(Ричарду)

Как бремя, завтра лягу на тебя
Я — Риверс! О, отчайся и умри!

Д у х Г р е я

(Ричарду)

Ты завтра Грея вспомни — и отчайся!

Д у х В о г е н а

(Ричарду)

Припомни Вогена, в преступном страхе
Меч вырони, отчайся и умри!

В с е т р о е

(Ричмонду)

Вставай! Обиды наши уж вонзились
В грудь Ричарда. Вставай и побеждай!

Появляется дух Хестингса.

Д у х Х е с т и н г с а

(Ричарду)

Кровав и грешен, ты в грехе проснешься
И жизнь свою в кровавой битве кончишь!
Лорд Хестингс я—отчайся и умри!

(Ричмонду.)

Невинная душа, вставай, вставай!
Вооружайся, бей и побеждай!

Появляются духи двух маленьких принцев.

Д у х и п р и н ц е в

(Ричарду)

Детей, тобою в Тауэре убитых,
Ты вспомни, Ричард. Ляжем мы свинцом
На грудь твою, потянем в смерть и гибель!
Велим тебе: отчайся и умри!

(Ричмонду.)

Спи мирно, Ричмонд, радостно проснись.
От вепря ангелы тебя хранят!
Родоначальником стань королей!
Эдварда дети мы. Живи, будь счастлив!

Появляется дух леди Анны.

Д у х л е д и А н н ы
(Ричарду)

О Ричард, Анна жалкая твоя,
Твоя жена, что сна с тобой не знала,
Теперь твой сон тревогою волнует.
В бою ты вспомни завтра обо мне,
Меч вырони, отчайся и умри!
(Ричмонду.)

Спокойная душа, спокойно спи!
Победу пусть тебе трубят рога!
Молилась о тебе жена врага.

Появляется дух Бекингема.

Д у х Б е к и н г е м а
(Ричарду)

В борьбе за трон я первый помогал,
Последним пал от твоего злодейства.
В бою о Бекингеме вспомни, вспомни
И в ужасе умри от злодеяний!
О крови грезь, о смерти — до зари;
Лишившись сил, в отчаянье умри!

(Ричмонду.)

Я умер, не поспев тебе помочь,
Будь духом бодр и смел. Да сгинет ночь!
И ангелы и бог с тобой в бою,
А Ричард перед бездной на краю!

Духи исчезают.

Ричард просыпается.

К о р о л ь Р и ч а р д

Коня сменить! Перевяжите раны!
Помилуй боже! — Шш... Все это сон.
О совесть робкая, как мучишь ты!
Огни синеют. Мертв полночный час.

В поту холодном трепетное тело.
Боюсь себя? Ведь никого здесь нет.
Я — я, и Ричард Ричардом любим.
Убийца здесь? Нет! Да! Убийца я!
Бежать? Но от себя? И от чего?
От мести, сам себе я буду мстить?
Увы, люблю себя. За что? За благо,
Что самому себе принес? Увы!
Скорее сам себя я ненавижу
За зло, что самому себе нанес!
Подлец я! Нет, я лгу, я не подлец!
Шут, похвали себя. Шут, не хвались.
У совести моей сто языков,
Все разные рассказывают сказки,
Но каждый подлецом меня зовет.
Я клятву нарушал — как много раз!
Я счет убийствам страшным потерял.
Грехи мои — чернее нет грехов —
В суде толпятся и кричат: «Винювен!»
Отчаянье! Никто меня не любит.
Никто, когда умру, не пожалеет.
Как им жалеть, когда в самом себе
К себе я жалости не нахожу?
Казалось мне, все души мной убитых
Сошлись в шатер и каждый звал на утро
Возмездие на голову мою.

Входит Р е т к л и ф.

Р е т к л и ф

Мой государь!

К о р о л ь Р и ч а р д

Черт! Кто здесь?

Р е т к л и ф

Я, Ретклиф, сэр! Уж дважды петухи
Приветствовали утро громким криком.
Друзья уж встали и вооружились.

К о р о л ь Р и ч а р д

О Ретклиф, мне приснился страшный сон!
Как думаешь, верны ль друзья нам будут?

Р е т к л и ф

Конечно, государь.

К о р о л ь Р и ч а р д

Боюсь я, Ретклиф...

Р е т к л и ф

Нет, государь мой, теней вы не бойтесь.

К о р о л ь Р и ч а р д

Клянусь, что эти тени нынче ночью
Сильнее ужас Ричарду внушили,
Чем десять тысяч воинов живых,
Которых жалкий Ричмонд поведет.
Еще далек рассвет. Пойдем со мной;
Подслушаем, что говорят в шатрах—
Не думает ли кто-нибудь бежать.

Уходят.

Р и ч м о н д просыпается; в его шатер входят л о р д ы.

Л о р д ы

День добрый, Ричмонд!

Р и ч м о н д

Прошу прощенья, бдительные лорды,
Что я, как лежебок, еще валяюсь.

Л о р д ы

Как спали вы, милорд?

Р и ч м о н д

Сладчайший сон, нежнейшие из грез,
Когда-либо приснившиеся людям,
Меня минувшей ночью посетили.
Мне снилось: души Ричардом убитых
Пришли ко мне, победу возвещая.
Клянусь, что сердце радостно ликует,
Такой прекрасный вспоминая сон.
Уж утро позднее, — скажите, лорды?

Л о р д ы

Сейчас четыре будет.

Р и ч м о н д

Пора, вооружась, полки вести.

Выходит к войскам.

Уж с вами говорил я, земляки,
И больше говорить теперь не время.
Одно запомните — что бог и право
Сражаются на нашей стороне.
Молитвы всех святых и всех убитых
Послужат нам высокою стеной.
Из всех врагов один лишь Ричард нам
Желает гибели, себе — победы.
Да кто врагов ведет? Друзья, ведь правда,
Что он тиран кровавый и убийца,
В крови поднявшийся, в крови живущий,
Не разбиравший средств, ведущих к цели,
Убивший тех, кто средством в этом был;
Фальшивый камень, ставший драгоценным
Лишь от фольги английского престола,
И человек, что божьим был врагом.
Вы против божьего врага деретесь—
Бог сохранит вас, как своих солдат;
Коль вы потрудитесь тирана свергнуть,
Заснете сладко вы, убив тирана;
Сражаетесь с врагом земли своей,
Земля родная вам воздаст сторицей;
Сражаетесь, чтоб жен своих спасти,—
Как победителей вас жены встретят;
Детей спасаете вы от меча,
И старость вашу внуки успокоят.
Во имя бога и во имя права—
Вперед, знамена, и вперед, мечи!
А я, если дерзка моя попытка,
Готов как выкуп лечь холодным трупом
Здесь, на земле холодной; но успех
Последний из всех вас со мной разделит.
Трубите, трубы, весело и бодро;
Господь! Святой Георг! Победа! Ричмонд!

Уходят.

Входят Ричард, Ретклиф, свита и войска.

К о р о л ь Р и ч а р д
Что говорит Нортемберленд о нем?

Р е т к л и ф
Что Ричмонд не умеет воевать.

К о р о л ь Р и ч а р д
Сказал он правду. Серри что сказал?

Р е т к л и ф
Сказал с улыбкою: «Для нас тем лучше».

К о р о л ь Р и ч а р д
Он прав; конечно, так оно и есть.

Бьют часы.

Который час? Подай мне календарь.
Кто видел нынче солнце?

Р е т к л и ф
Не видал я.

К о р о л ь Р и ч а р д
Оно светить не хочет; а по книге
Уж час тому назад оно взошло.
Кому-нибудь день этот черным будет.—
Ретклиф!

Р е т к л и ф
Я здесь.

К о р о л ь Р и ч а р д
Не хочет солнце показаться,
И небо хмурится над нашим войском.
Хотел бы я, чтоб эти слезы были
Земной росой. Сегодня света нет!
Но это точно так же для меня,
Как и для Ричмонда. И то же небо
С печалью той же на него глядит.

Входит Н о р ф о л к.

Н о р ф о л к

Вооружайтесь! В поле уж враги.

К о р о л ь Р и ч а р д

Живей! Покройте чепраком коня!
Велите Стенли привести полки;
Сам в бой я поведу своих солдат.
И вот приказ мой по моим войскам:
Во всю длину развернут будет фронт
Пехотными и конными рядами;
Стрелков на середину мы поставим;
Джон, герцог Норфолк и граф Томас Серри
И конницу ведут и пехотинцев.
Когда построятся, за ними следом
Пойдем и мы, и будут наши силы
Отборной конницей окрылены.
Святой Георг за нас! Что скажешь, Норфолк?

Н о р ф о л к

Приказ хорош, воинственный монарх.
Но вот что нынче я в шатре нашел.

Подает ему бумагу.

К о р о л ь Р и ч а р д

«Джек Норфолк, ты дерзок, но все равно:
Хозяин твой Дикон³⁴ уж продан давно».
Придумана врагами эта штука.—
Идите ж, господа, все по местам,
Да не смутят пустые сны наш дух:
Ведь совесть — слово, созданное трусом,
Чтоб сильных напугать и остеречь.
Кулак нам—совесть, и закон нам—меч.
Сомкнитесь смело на врага вперед,
Не в рай, так в ад наш тесный строй войдет.

(Обращаясь к войскам.)

Я все сказал; что вам еще сказать?
Припомните, с кем боретесь вы нынче:
Со стадом плутов, беглецов, бродяг,
С бретонской сволочью и жалкой гнилью,
Что выблевала полная земля³⁵
Для гнусных подвигов и разрушений.
Был мирен сон ваш, мира вас лишили;
У вас земля, красивы ваши жены—

Им надо землю взять, жен обесчестить.
А кто ведет их? Жалкий тот нахлебник,
Что жил у матери моей в Бретани,
Молокосос, что холод испытал,
Лишь по снегу гуляя в башмаках!
Сметем же плетью за море бродяг,
Французских крыс, из-за моря пришедших.
Постыла жизнь голодным попрошайкам,
Которым без надежды на грабеж
От нищеты повеситься пришлось бы.
Коль битым надо быть, пусть бьют нас люди—
Не выродки бретонские, которых
На родине топтали наши предки;
Побив, ублюдков оставляли им.
Такой возьмет наш край и будет спать
С твоей женой иль дочь твою похитит?

Издали доносятся бой барабанов и звуки труб.

Чу, трубы! В бой, дворяне! В бой, кресгьяне!
Стрелки, стреляйте в голову врагу!
Пришпорьте гордых коней! Вскочь! И в кровь!
Ломайте копыя, изумляйте небо!

Входит г о н е ц.

Что Стенли говорит? Ведет полки он?

Г о н е ц

К вам, государь, идти он отказался.

К о р о л ь Р и ч а р д

Долой же голову его Георга!

Н о р ф о л к

Враги уже болото перешли;
Георгу казнь назначьте после боя.

К о р о л ь Р и ч а р д

В груди забились тысяча сердец.
Вперед знамена—и врага разите!
Старинный наш пароль, «святой Георг»,
Вдохни в нас злобу огненных драконов!
Над шлемами победа реет. В бой!

Уходят.

СЦЕНА 4

Другая часть поля.

Шум сражения.

Входит Норфолк с войском, к нему навстречу — Кетсби

Кетсби

На помощь к нам! На помощь! Чудеса
Невиданные там король творит,
Навстречу всем опасностям кидаясь.
Коня под ним убили; пеший бьется,
И Ричмонда в глотке смерти он ищет.
На помощь, добрый лорд, иль все погибло!

Входит король Ричард.

Король Ричард

Коня, коня! Венец мой за коня!

Кетсби

Спасайтесь, государь! Коня достану.

Король Ричард

Раб, жизнь свою поставил я и буду
Стоять, покуда кончится игра.
Мне кажется, шесть Ричмондов здесь в поле!
Убил я пятерых, но цел единый.
Коня, коня! Венец мой за коня!

Уходят.

СЦЕНА 5

Другая часть поля.

Шум битвы.

Входят король Ричард и Ричмонд, сражаясь; Ричмонд
убивает короля Ричарда и уходит. Отступление войск короля Ричарда.

Трубы. Входят Ричмонд, Стенли, несущий корону,
лорды и войско.

Ричмонд

Оружью слава вашему и богу!
Победа наша; сдох кровавый пес.

С т е н л и

Надежды оправдал ты, славный Ричмонд.

(Подает ему корону.)

Вот он, давно похищенный венец.
Я с мертвой головы кровавой твари
Сорвал его, чтоб увенчать тебя:
Носи его на радость и на благо.

Р и ч м о н д

И бог великий скажет нам: аминь!
Скажите мне скорей: жив юный Стенли?

С т е н л и

Он жив и в Лейстере нас ждет, милорд,
Куда пойдем мы, если вы велите.

Р и ч м о н д

Кто с двух сторон из знати пал в сраженье?

С т е н л и

Джон герцог Норфолк и лорд Уолтер Феррерс,
Сэр Роберт Брекенбери и сэр Брендон.

Р и ч м о н д

С почетом должным их предать земле
И объявить прощенье всем солдатам,
Которые с повинной к нам придут.
А причастившись тайн, соединим
Мы с Белой розой Алую навек,
И единенью улыбнется небо,
Что долго хмурилось на их вражду.
Предатель лишь «аминь» не скажет нам.
О, долго Англия была безумна,
Сама себя терзала в исступленье:
Брат брата убивал в слепом бою,
Отец убийцей был родного сына,
Сын по приказу убивал отца.
Повинны в этом Йорки и Ланкастры:
Раздор их дикий рвал на части мир.
Теперь же Ричмонд и Елизавета,
Наследники двух царственных домов,
Соединятся божьим изволением!

А если бог благословит, их дети
Вернут на землю нежноликий мир,
И благоденствие, и изобилье!
А если меч предательский восстанет
И снова дни кровавые вернет,
И Англия кровавыми слезами
Вновь обольется,—меч, господь, разбей,
Не дай увидеть торжество обмана.
Междоусобий затянулась рана.
Спокойствие настало. Злоба, сгинь!
Да будет мир! Господь изрек: аминь!

Уходят.

Юлий Цезарь

Трагедия в 5 актах

Перевод
М. Зенкевича

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Юлий Цезарь ¹		
Октавий Цезарь	}	триумвиры после смерти Цезаря.
Марк Антоний		
Марк Эмилий Лепид		
Цицерон	}	сенаторы.
Публий		
Попилий Лена		
Марк Брут	}	заговорщики против Юлия Цезаря.
Кассий		
Каска		
Требоний		
Лигарий		
Деций Брут		
Метелл Цимбр		
Цинна		
Флавий	}	трибуны.
Марулл		
Артемидор Книдский,		учитель риторики.
Прорицатель.		
Цинна, поэт.		
Другой поэт.		
Луцилий	}	друзья Брута и Кассия.
Титиний		
Мессала		
Юный Катон		
Волумний		
Варрон	}	слуги Брута.
Клит		
Клавдий		
Стратон		
Луций		
Дарданий		
Пиндар, слуга Кассия.		
Кальпурния, жена Цезаря.		
Порция, жена Брута.		

Сенаторы, граждане, стража, служители и пр.

Место действия—Рим; окрестность Сард²; окрестность Филипп.

А К Т I

СЦЕНА I

Рим. Улица.

Входят Флавий, Марулл и толпа граждан.

Ф л а в и й

Прочь! Расходитесь по домам, лентяи.
Иль нынче праздник? Иль вам неизвестно,
Что, как ремесленникам, вам нельзя
В дни будничные выходить без знаков
Своих ремесл?—Скажи, ты кто такой?

П е р в ы й г р а ж д а н и н

Я, сударь, плотник.

М а р у л л

Где ж кожаный передник и отвес?
Зачем одет ты в праздничное платье?—
Ты, сударь, кто такой?

В т о р о й г р а ж д а н и н

По правде говоря, сударь, перед хорошим ремесленником я, с вашего позволения, только починщик.

М а р у л л

Какое ремесло? Ответь мне толком.

В т о р о й г р а ж д а н и н

Ремесло, сударь, такое, что я надеюсь заниматься им с чистой совестью; ведь я, сударь, залатываю чужие грехи.

Марулл

Какое ремесло? Эй ты, бездельник.

Второй гражданин

Прошу вас, сударь, не расходитесь: ежели у вас что-нибудь разойдется, я вам залатаю.

Марулл

Что мелишь ты? Меня латать ты хочешь, грубиян!

Второй гражданин

Да, сударь, залатаю вам подошвы.

Флавий

Так, значит, ты сапожник?

Второй гражданин

Воистину, сударь, я живу только шилом: я вмешиваюсь в чужие дела — и мужские, и женские — только шилом. Я, сударь, настоящий лекарь старой обуви; когда она в смертельной опасности, я ее излечиваю. Все настоящие люди, когда-либо ступавшие на воловьей коже, ходят только благодаря моему ремеслу.

Флавий

Что ж не работаешь сегодня дома?
Зачем людей по улицам ты водишь?

Второй гражданин

Затем, сударь, чтобы они поизносили свою обувь, а я получил бы побольше работы. В самом деле, сударь, мы устроили себе праздник, чтобы посмотреть на Цезаря и порадоваться его триумфу!

Марулл

Порадоваться? А каким победам?
Каких заложников привел он в Рим,
Чтоб свой триумф их шествием украсить?
Вы камни, вы бесчувственней, чем камни!
О римляне, жестокие сердца.
Забыли вы Помпея? Сколько раз
Взбирались вы на стены и бойницы,
На башни, окна, дымовые трубы
С детьми в руках и терпеливо ждали
По целым дням, чтоб видеть, как проедет

По римским улицам Помпей великий.
Вдали его завидев колесницу,
Не вы ли поднимали вопль такой,
Что содрогался даже Тибр, услышав,
Как эхо повторяло ваши крики
В его пещерных берегах?
И вот вы платье лучшее надели?
И вот себе устроили вы праздник?
И вот готовитесь устлать цветами
Путь триумфатора в крови Помпея?
Уйдите!
В своих домах падите на колени,
Моля богов предотвратить чуму,
Что, словно меч, разит благодарных!

Ф л а в и й

Ступайте, граждане, и соберите
Всех неимущих и для искупленья
Ведите к Тибру их, и лейте слезы,
Пока течение низкое, поднявшись,
Не поцелует берегов высоких.

Все г р а ж д а н е уходят.

Смотри, смягчились даже грубияны;
Они ушли в молчанье виноватом.—
Иди дорогой этой в Капитолий;
Я здесь пойду; и если где увидишь,
Снимай все украшения со статуй.

М а р у л л

Но можно ль делать это?
У нас сегодня праздник Луперкалий³.

Ф л а в и й

Что ж из того! Пусть Цезаря трофеи
На статуях не виснут. Я ж пойду,
Чтоб с улиц разгонять простой народ;
И ты так делай, увидав скопление.
Из крыльев Цезаря пощиплем перья,
Чтоб не взлетел он выше всех других;
А иначе он воспарит высоко
И в страхе рабском будет нас держать.

Уходят.

СЦЕНА 2

Площадь.

Трубы. Входят Цезарь, Антоний, который должен участвовать в беге; Кальпурния, Порция, Деций, Цицерон, Брут, Кассий и Каска; за ними большая толпа, и среди нее прорицатель.

Цезарь

Кальпурния!

Каска

Молчанье! Цезарь говорит.

Музыка смолкает.

Цезарь

Кальпурния!

Кальпурния

Мой господин!

Цезарь

Когда начнет Антоний бег священный,
Встань прямо на пути его.—Антоний!

Антоний

Великий Цезарь?

Цезарь

Не позабудь коснуться в быстром беге
Кальпурнии; ведь старцы говорят,
Что от священного прикосновенья
Бесплодие проходит.

Антоний

Не забуду.

Исполню все, что Цезарь повелит.

Цезарь

Ступайте и свершите все обряды.

Музыка.

Прорицатель

Цезарь!

Цезарь

Кто звал меня?

Каска

Эй, тише! Замолчите, музыканты!

Музыка смолкает.

Цезарь

Кто из толпы сейчас ко мне взывал?
Пронзительнее музыки чей голос
Звал — «Цезарь!» Говори же: Цезарь внимлет.

Прорицатель

Остерегись ид мартовских⁴.

Цезарь

Кто он?

Брут

Пророчит он тебе об идах марта.

Цезарь

Пусть выйдет он. Хочу его я видеть.

Касска

Выдь из толпы, пред Цезарем предстань.

Цезарь

Что ты сказал сейчас мне? Повтори.

Прорицатель

Остерегись ид марта.

Цезарь

Он бредит. Что с ним говорить. Идемте.

Трубный сигнал. Все, кроме Брута и Кассия, уходят.

Кассий

Пойдешь ли ты на празднество смотреть?

Брут

Нет.

Кассий

Прошу, иди.

Брут

Я не любитель игр, и нет во мне
Той живости, как у Антония.
Но не хочу мешать твоим желаньям
И ухожу.

К а с с и й

Брут, с некоторых пор я замечаю,
Что нет в твоих глазах той доброты
И той любви, в которых я нуждаюсь.
В узде суровой, как чужого, держишь
Ты друга, что тебя так любит.

Б р у т

Кассий,

Ошибся ты. Коль взор мой омрачен,
То видимую скорбь я обращаю
Лишь к самому себе. Я раздираем
С недавних пор разладом разных чувств
И мыслей, относящихся к себе.
От них угрюмей я и в обращение;
Пусть не печалятся мои друзья—
В число их, Кассий, входишь также ты,—
К ним невниманье вызвано лишь тем,
Что бедный Брут в войне с самим собой
Забыл выказывать любовь к другим.

К а с с и й

Так, значит, я твоих не понял чувств;
Поэтому в груди я затаил
Немало дум, внимания достойных.
Свое лицо ты можешь, Брут, увидеть?

Б р у т

Нет, Кассий; ведь себя мы можем видеть
Лишь в отражении, в других предметах.

К а с с и й

То правда.
И сожаления достойно, Брут,
Что не имеешь ты зеркал, в которых
Ты мог бы доблесть скрытую свою
И тень свою увидеть. Ведь я слышал,
Что многие из самых лучших римлян
(Не Цезарь славный), говоря о Бруте,
Вздыхая под ярмом поработенья,
Желали бы, чтоб Брут открыл глаза.

Б р у т

В опасности меня ты вовлекаешь.
Ты хочешь, чтобы я искал в себе
То, чего нет во мне.

К а с с и й

Поэтому, Брут, выслушай меня:
И так как ты себя увидеть можешь
Лишь в отраженье, то я, как стекло,
Смирненно покажу тебе твой лик,
Какого ты пока еще не знаешь,
Во мне не сомневайся, милый Брут:
Я не болтун и не унижу дружбы,
Случайному знакомству расточая
Слова любви; вот если б ты узнал,
Что льщу я людям, обнимаю их,
А после поношу; что на пирах
Всем пьяницам я открываю тайны,
Тогда ты мог бы мне не доверять.

Трубы и крики.

Б р у т

Что там за крик? Боюсь я, что народ
Избрал его в цари.

К а с с и й

А, ты боишься?
Так, значит, этого ты не желаешь.

Б р у т

Нет, Кассий, хоть его я и люблю.
Но для чего меня ты держишь здесь?
И что такое сообщить мне хочешь?
Коль это благу общему полезно,
Поставь передо мной и честь и смерть,
И на обеих я взгляну спокойно⁵.
Богам известен выбор мой: так сильно
Я честь люблю, что смерть мне не страшна.

К а с с и й

В тебе я эту доблесть знаю, Брут,
Она знакома мне, как облик твой,
И я о чести буду говорить.
Не знаю я, как ты и как другие
Об этой жизни думают, но я
И не могу, и не желаю жить
Склоняясь в страхе перед мне подобным.
Родились мы свободными, как Цезарь;
И вскормлены, как он; и оба можем,

Как он, переносить зимою стужу.
Однажды в бурный и ненастный день,
Когда Тибр гневно бился в берегах,
Сказал мне Цезарь: «Можешь ли ты, Кассий,
За мною броситься в поток ревущий
И переплыть туда?» Услышав это,
Я в воду бросился, как был, в одежде,
Зовя его, и он поплыл за мной.
Поток ревел, но, напрягая мышцы,
Его мы пересекали, разбивая,
И, с ним борясь, упорно плыли к цели.
Но не доплыли мы еще, как Цезарь
Мне крикнул: «Кассий, помоги, тону».
Как славный предок наш Эней из Трои
Анхиза вынес на своих плечах⁶,
Так вынес я из волн ревущих Тибра
Измученного Цезаря; и вот
Теперь он бог, а с ним в сравненьи Кассий
Ничтожество, и должен он склоняться,
Когда ему кивнет небрежно Цезарь.
В Испании болел он лихорадкой.
Когда был приступ у него, я видел,
Как он дрожал. Да, этот бог дрожал.
С трусливых губ его сбежала краска,
И взор, что держит в страхе целый мир,
Утратил блеск. Я слышал, как стонал он.
Да, тот, чьи речи римляне должны
Записывать потомкам в назиданье,
Увы, кричал, как девочка больная:
«Поддай мне пить, Титиний!»—Как же может,
О боги, человек настолько слабый
Величественным миром управлять
И пальму первенства нести?

Крики. Трубы.

Б р у т

Опять они кричат!
Я думаю, то знаки одобренья,
И почестями вновь осыпан Цезарь.

К а с с и й

Он, человек, шагнул над тесным миром,
Возвысаясь, как Колосс⁷; а мы, людишки,

Слуем у ног его и смотрим—где бы
Найти себе бесславную могилу.
Порой своей судьбою люди правят.
Не звезды, милый Брут, а сами мы
Виновны в том, что сделались рабами.
Брут и Цезарь! Чем Цезарь отличается от Брута?
Чем это имя громче твоего?
Их рядом напиши, — твое не хуже.
Произнеси их, — оба также звучны.
И вес их одинаков, и в заклатье
«Брут» так же духа вызовет, как «Цезарь».
Клянусь я именами всех богов,
Какою пищей вскормлен Цезарь наш,
Что вырос так высоко? Жалкий век!
Рим, ты утратил благородство крови.
В какой же век с великого потопа⁸
Ты славился одним лишь человеком?
Кто слышал, чтоб в обширных стенах Рима
Один лишь признан был достойным мужем?
И это прежний Рим необозримый,
Когда в нем место лишь для одного!
Мы от своих отцов не раз слышали,
Что Брут — не ты, а славный предок твой⁹—
Сумел бы от тирана Рим спасти,
Будь тот тиран сам дьявол.

Б р у т

Уверен я в твоей любви и знаю,
К чему ты хочешь побудить меня.
Что думаю о нынешних делах,
Я расскажу тебе потом; сейчас же,
Во имя нашей дружбы, я прошу,
Не растравляй меня. Все, что еще добавишь,
Я выслушаю. Мы отыщем время,
Чтобы продолжить этот разговор.
А до тех пор, отважный друг, запомни:
Брут предпочтет быть жителем деревни,
Чем выдавать себя за сына Рима
Под тем ярмом, которое на нас
Накладывает время.

К а с с и й

Я рад, что слабые мои слова
Такую искру высекли из Брута.

Б р у т

Окончен бег, и Цезарь к нам идет

Входит Цезарь и его свита.

К а с с и й

Когда пойдут, тронь Каску за рукав,
И он с обычной едкостью расскажет,
Что важного произошло сегодня.

Б р у т

Так сделаю, но, Кассий, посмотри—
У Цезаря на лбу пылает гнев,
Все, как побитые, за ним идут;
Кальпурния бледна; у Цицерона
Глаза, как у хорька, налиты кровью.
Таким он в Капитолии бывает,
Когда сенаторы с ним несогласны.

К а с с и й

Нам Каска объяснит, что там случилось.

Ц е з а р ь

Антоний!

А н т о н и й

Цезарь?

Ц е з а р ь

Хочу я видеть в свите только тучных,
Прилизанных и крепко спящих ночью.
А Кассий тощ, в глазах холодный блеск.
Он много думает, такой опасен.

А н т о н и й

Не бойся, Цезарь; не опасен он;
Он благороден и благонамерен.

Ц е з а р ь

Он слишком тощ! Его я не боюсь:
Но если бы я в страхе был подвержен,
То никого бы так не избегал,
Как Кассия. Ведь он читает много
И любит наблюдать, насквозь он видит
Дела людские; он не любит игр

И музыки, не то что ты, Антоний.
Смеется редко, если ж и смеется,
То словно над самим собой с презрением
За то, что не сумел сдержать улыбку.
Такие люди вечно недовольны,
Когда другой их в чем-то превосходит,
Поэтому они весьма опасны
Я говорю, чего бояться надо,
Но сам я не боюсь на то я Цезарь.
Стань справа, я на это ухо глух,
Откройся, что ты думаешь о нем.

Цезарь сигнал. Цезарь и его свита, кроме Каски, уходят

К а с к а

Ты дернул за рукав меня. В чем дело?

Б р у т

Да, Каска. Расскажи, что там случилось,
Чем Цезарь огорчен.

К а с к а

А разве не были вы с ним?

Б р у т

Тогда б не спрашивал о том, что было.

К а с к а

Ну, ему предложили корону, и когда ему поднесли ее, то
он отклонил ее слегка рукой, вот так; и народ начал
сражаться

Б р у т

А во второй раз почему кричали?

К а с к а

Из-за того же.

К а с с и й

А в третий? Ведь они кричали трижды?

К а с к а

Из-за того же.

Б р у т

Ему корону предлагали трижды?

Клянусь, что трижды, и он трижды отталкивал ее, и
каждым разом все слабее, и, когда он отталкивал, мои до-
стопочтенные соседи орали

К а с с и й

Кто подносил корону?

К а с к а

Кто? Антоний.

Б р у т

Любезный Каска, расскажи подробней.

К а с к а

Пусть меня повесят, но я не смогу рассказать подробно: это было просто шутовство; я всего и не заметил. Я видел, как Марк Антоний поднес ему корону; собственно, это была даже и не корона, а скорее коронка, и, как я вам сказал, он ее оттолкнул раз, но, как мне показалось, он бы с радостью ее ухватил. Затем Антоний поднес ее ему снова, и он снова оттолкнул ее, но, как мне показалось, он едва удержался, чтобы не вцепиться в нее всей пятерней. И Антоний поднес ее в третий раз, и он оттолкнул ее в третий раз, и каждый раз, как он отказывался, толпа орала, и неистово рукоплескала, и кидала вверх свои пропотевшие ночные колпаки, и от радости, что Цезарь отклонил корону, так заразила воздух своим зловонным дыханием, что сам Цезарь чуть не задохнулся; он лишился чувств и упал; что касается меня, то я не расхохотался только из боязни открыть рот и надыхаться их вонью.

К а с с и й

Но отчего лишился Цезарь чувств?

К а с к а

Он упал посреди площади с пеной у рта, и язык у него отнялся.

Б р у т

Понятно, он страдает ведь падучей.

К а с с и й

Не Цезарь, нет, но ты, и я, и Каска,
Мы все падучей этою страдаем.

К а с к а

Не понимаю, на что ты намекаешь, но я сам видел, как Цезарь упал. Назови меня лжецом, если разный сброд не стоял и не свистел ему, так же как актерам в театре, когда они нравятся или не нравятся.

Б р у т

Что он сказал потом, придя в себя?

К а с к а

Клянусь, перед тем как упасть, заметив, что чернь радуется его отказу от короны, он распахнул одежду и предложил им перерезать ему горло. Будь я человеком дела, я бы поймал его на слове, провалиться мне в преисподнюю как последнему негодяю. Да, он упал. А когда пришел в себя, он сказал, что если сделал или сказал что-нибудь неподходящее, то просит милостиво извинить это его болезнью. Три или четыре девки рядом со мной завопили: «О, добрая душа» — и простили его от всего сердца; но они не стоят внимания; если бы даже Цезарь заколол их матерей, они все равно вели бы себя так же.

Б р у т

И после этого ушел он мрачный?

К а с к а

Да.

К а с с и й

А Цицерон что-нибудь сказал?

К а с к а

Да, но только по-гречески.

К а с с и й

Что же он сказал?

К а с к а

Почем я знаю, пусть я ослепну, если я хоть что-нибудь понял; но те, которые понимали его, пересмеивались и показывали головой, однако для меня это было греческой тарбарщиной. Могу сообщить вам еще одну новость: Марулл и Флавий за снятие шарфов со статуй Цезаря лишены права произносить речи. Прощайте. Там было еще много глупостей, да я всего не упомянул.

К а с с и й

Не придешь ли ты вечером ко мне на ужин?

К а с к а

Я зван в другое место.

К а с с и й

Так не зайдешь ли завтра на обед?

К а с к а

Да, если я буду жив, а ты не откажешься от приглашения и твой обед будет стоить того.

К а с с и й

Отлично. Я жду тебя.

К а с к а

Жди. Прощайте оба.

Уходит.

Б р у т

Каким же простаком он стал теперь,
А в школе был таким живым и быстрым.

К а с с и й

Он и сейчас такой при исполнении
Отважных и достойных предприятий.
Поверь, его медлительность притворна,
А неотесанность—приправой служит
К остротам, чтобы с лучшим аппетитом
Их переваривали.

Б р у т

Да, это так. Теперь тебя оставляю.
А завтра, если хочешь, я приду
К тебе для разговора, или ты
Приди ко мне, я буду ждать тебя.

К а с с и й

Приду к тебе. А ты о Риме думай.

Б р у т уходит

Брут, благороден ты; но все ж я вижу,
Что благородный твой металл податлив.

Поэтому-то дух высокий должен
Общаться лишь с подобными себе.
Кто тверд настолько, чтоб не соблазниться?
Меня не терпит Цезарь. Брута ж любит.
Когда б я Брутом был, а он был Кассий,
Ему б я не поддался¹⁰. Нынче ж ночью
Ему под окна я подброшу письма,
Как будто бы они от разных граждан;
В них напишу, что имя Брута читится
Высоко в Риме, намекнув при этом
На властолюбье Цезаря туманно.
Покрепче, Цезарь, свой престол храни:
Встряхнем его, иль хуже будут дни.

Уходит.

СЦЕНА 3

Улица. Гром и молния.

Входят с противоположных сторон К а с к а с обнаженным
мечом и Ц и ц е р о н.

Ц и ц е р о н

Привет, о Каска. Цезаря домой
Ты проводил? Но чем ты так взволнован?

К а с к а

А ты спокоен, если вся земля
Заколебалась вдруг? О, Цицерон,
Я видел, как от бури расщеплялись
Дубы ветвистые, как океан
Вздымался гордо, пенясь и бушуя,
До угрожающих туч достигая;
Но никогда до нынешнего дня
Я бури огненной такой не видел.
Иль там, на небесах, междоусобье,
Иль мир наш, слишком надерзив богам,
Побудил их на разрушенье.

Ц и ц е р о н

Что ж более чудесного ты видел?

К а с к а

Какой-то раб — его в лицо ты знаешь —
Вверх поднял руку левую, и вдруг

Она, как двадцать факелов, зажглась,
Не тлея и не чувствуя огня.
Затем — мой меч еще в ножны не вложен—
У Капитолия я встретил льва.
Взглянув свирепо, мимо он прошел,
Меня не тронув; там же я столкнулся
С толпой напуганных и бледных женщин.
Они клялись, что видели, как люди
Все в пламени по улицам бродили.
Вчера ж ночная птица в полдень села
Над рыночною площадью, крича
И ухая. Все эти чудеса
Совпали так, что и сказать нельзя:
«Они естественны, они обычны».
Я думаю, что зло они вещают
Для той страны, в которой появились.

Ц и ц е р о н

Да, наше время странно, необычно:
Но ведь по-своему толкуют люди
Явления, смысла их не понимая.
Придет ли Цезарь в Капитолий завтра?

К а с к а

Да, и Антонию он поручил
Сказать тебе, что завтра он придет.

Ц и ц е р о н

Прощай же, Каска; грозовое небо
Не для гуляний.

К а с к а

Цицерон, прощай.

Ц и ц е р о н уходит.

Входит К а с с и й.

К а с с и й

Кто это?

К а с к а

Римлянин.

К а с с и й

То голос Каски.

К а с к а

Твой слух хорош. Ну, Кассий, что за ночь!

К а с с и й

Ночь добрая для доблестных людей.

К а с к а

Кто знал, что будет небо так грозить?

К а с с и й

Все знавшие, что мир несчастьем полон.

Я, например, по улицам бродил,

Предав себя зловещей этой ночи.

И, распахнувшись, Каска, как ты видишь,

Открыл я грудь свою ударам молний;

Когда ж твердь неба голубой зигзаг

Раскалывал, я выставлял себя

Как цель под ослепительную вспышку.

К а с к а

Зачем же так ты небо испытуешь?

Удел людской наш — в страхе трепетать,

Когда нам боги в знамениях шлют

Ужасных вестников для устрашения.

К а с с и й

Ты, Каска, туп. В тебе нет искры жизни,

Что в каждом римлянине есть, иль ты

Ее не чувствуешь совсем. Ты бледен,

И перепуган, и дивишься в страхе

При виде гнева странного небес;

Но если поразмыслишь над причиной

Того, что духи и огни блуждают,

Что звери неверны своим повадкам,

Что старцев превзошли умом младенцы,

Что все они, внезапно изменив

Своей природе и предначертанью,

Чудовищами стали, — ты поймешь,

Что небо в них вселило этот дух,

Их сделав знаменьем предупреждения

О бедствии всеобщем.

Тебе могу назвать я человека,

Он, с этой ночью схож,

Гремит огнем, могилы разверзает

И в Капитолии, как лев, рычит.

Не выше он тебя или меня
По личным качествам, но стал зловещ
И страшен, как все эти изверженья.

К а с к а

На Цезаря ты намекаешь, Кассий?

К а с с и й

Кто б ни был он. Ведь и сейчас у римлян
Тела и мышцы те же, что у предков.
Но — жалкий век! В нас дух отцов угас,
И нами правит материнский дух,
Ярму мы подчиняемся по-женски.

К а с к а

Сенаторы вновь завтра соберутся,
Чтоб Цезаря провозгласить царем;
И будет он везде — на суше, в море,
Но не в Италии — носить корону.

К а с с и й

Я знаю, где носить кинжал я буду:
От рабства Кассий Кассия избавит.
Так, боги, вы даете слабым силу
И учите тиранов побеждать;
Ни камни башен, ни литые стены,
Ни подземелья душные, ни цепи
Не могут силу духа удержать;
Жизнь, если ей тесны затворы мира,
Всегда себя освободить сумеет.
Я это знаю, пусть весь мир узнает,
Что по желанию я могу с себя
Стряхнуть гнет тирании.

Снова гром.

К а с к а

Как и я!

У каждого раба в руках есть средство
Освободиться от своих оков.

К а с с и й

Так почему же Цезарь стал тираном?
Несчастный! Разве мог бы стать он волком,
Когда б не знал, что римляне — бараны;
Пред римлянами-ланями он лев.

Кто хочет развести скорей огонь,
Тот жжет солому. Римляне, вы щепки,
Вы мусор, коль годитесь лишь на то,
Чтоб освещать ничтожество такое,
Как Цезарь. Но куда меня, о скорбь,
Ты завлекла? Быть может, я открылся
Рабу угодливому; что ж, готов
К ответу я. Ведь я вооружен,
И все опасности я презираю.

К а с к а

Ты с Каской говоришь; он не болтун,
Не зубоскал. И вот моя рука:
Сплоти людей, чтоб зло предотвратить,
И ни на шаг тогда я не отстану
От вожака.

К а с с и й

Союз наш заключен.
Узнай же, Каска, я уже склонил
Немало благородных, честных римлян,
Чтоб разделить со мною предприятие
С опасным и почетным завершением.
Они, собравшись, ждут меня сейчас
Под портиком Помпея; в ночь такую
На улицах пустынно и безлюдно,
И даже небо мрачное похоже
На дело, что готовы мы свершить,—
Кроваво так же, огненно и грозно.

К а с к а

Остерегись, идет поспешно кто-то.

Входит Ц и н н а.

К а с с и й

Я по походке Цинну узнаю.
Он друг наш. — Цинна, ты куда спешишь?

Ц и н н а

Ищу тебя. Кто здесь? Метеллий Цимбр?

К а с с и й

Нет, это Каска. К нам и он примкнул.
Скажи, меня там ожидают, Цинна?

Ц и н н а

Я Каске рад. Но как ужасна ночь!
Из нас кой-кто чудесное увидел.

К а с с и й

Там ждут меня? Скажи.

Ц и н н а

Да, ждут.

О, Кассий, если б мог ты
И доблестного Брута к нам привлечь.

К а с с и й

Доволен, Цинна, будь: письмо вот это
На преторское кресло положи,
Чтоб Брут его нашел; другое ж брось
К нему в окно; а это, третье, воском
К статуе Брута древнего прилепишь.
У портика Помпея ждем тебя.
Брут Деций и Требоний тоже там?

Ц и н н а

Все, кроме Цимбера; он за тобой
Пошел в твой дом. Я быстро все исполню
И письма все, как ты велел, подброшу.

К а с с и й

И приходи потом в театр Помпея.

Ц и н н а уходит.

Должны с тобой мы, Каска, до рассвета
Увидеть Брута дома: ведь сейчас он
Наш на три четверти и целиком
Наш будет после этой новой встречи.

К а с к а

Народ глубоко почитает Брута.
То, что казалось бы в нас преступленьем,
Поддержкою своею, как алхимик,
Он в доблесть претворит и в добродетель.

К а с с и й

Ты верно понял, в чем его значенье
И для чего он нужен нам. Идем,
Ведь за полночь уже, мы до рассвета
Его разбудим, и он будет наш.

Уходят.

А К Т II

СЦЕНА I

Рим. Сад Брута.

Входит Б р у т.

Б р у т

Эй, Луций, встань!
По звездам распознать я не могу,
Далеко ль до утра. Проснись, эй, Луций, пробудись!
О, если б мог я так же крепко спать.
Живее, Луций! Эй, проснись же, Луций!

Входит Л у ц и й.

Л у ц и й

Ты звал, мой господин?

Б р у т

В покой мой принеси светильник, Луций.
Когда зажжешь, то позови меня.

Л у ц и й

Все будет сделано, мой господин.

Уходит.

Б р у т

Да, только смерть его: нет у меня
Причины личной возмущаться им,
Лишь благо общее. Он ждет короны;
Каким тогда он станет—вот вопрос.
На яркий свет гадюка выползает,
И осторожней мы тогда ступаем.
Короновать его—ему дать жало,

Чтоб зло по прихоти он причинял.
Величье тягостно, когда в разладе
Власть со страданьем. Я не замечал,
Чтоб в Цезаре его пристрастья были
Сильнее разума. Но ведь смирение—
Лишь лестница для юных честолюбий:
Наверх взбираясь, смотрят на нее,
Когда ж на верхнюю ступеньку встанут,
То к лестнице спиною обратятся
И смотрят в облака, презрев ступеньки,
Что вверх их возвели. Вот так и Цезарь.
Предотвратим же это. Пусть причины
Для распри с ним пока еще не видно,
Решим, что, как и все, он, возвеличась,
В такие ж крайности потом впадет.
Пусть будет он для нас яйцом змеиным,
Что вылупит, созрев, такое ж зло.
Убьем его в зародыше.

Входит Л у ц и й.

Л у ц и й

Светильник я зажег, мой господин.
Кремень искал я у окна и вот
Нашел письмо с печатью, но его
Там не было, когда я спать пошел.

(Подает письмо.)

Б р у т

Приляг опять, еще не рассвело.
Не мартовские ль иды завтра, мальчик?

Л у ц и й

Не знаю, господин.

Б р у т

Взгляни же в календарь и мне скажи.

Л у ц и й

Сейчас, мой господин.

Уходит.

Б р у т

По небу так сверкают метеоры,
Что я могу читать при свете их.

(Вскрывает письмо и читает.)

«Ты спишь, о Брут: проснись, познай себя.
Иль Рим... Воспрянь, рази, спасай».
«Ты спишь, о Брут: проснись».
Такие подстрекательства мне часто
Побрасывали, и я их читал.
«Иль Рим...». Как должен это я дополнить?
Иль Рим под игом одного? Как, Рим?
Из Рима предками моими изгнан
Тарквиний был, когда он стал царем.
«Воспрянь, рази, спасай». Меня зовут
Воспрянуть и спасти? О Рим, клянусь,
Что, если будешь ты спасен, спасенье
Получишь ты от Брутовой руки!

Входит Л у ц и й.

Л у ц и й

Четырнадцать дней мартовских прошло.

Стук за сценой.

Б р у т

Так. Отвори ступай; стучится кто-то.

Л у ц и й уходит.

Я сна лишился с той поры, как Кассий
О Цезаре мне говорил.
Меж выполнением замыслов ужасных
И первым пробуждением промежутков
Похож на призрак иль на страшный сон:
Наш разум и все члены тела спорят,
Собравшись на совет, и человек
Похож на маленькое государство,
Где вспыхнуло междоусобье.

Входит Л у ц и й.

Луций

Мой господин, у входа брат твой Кассий¹¹,
Тебя он хочет видеть.

Брут

Он один?

Луций

Пришли с ним и другие.

Брут

Ты знаешь их?

Луций

Нет, господин мой: головы склонив,
Они одеждой лица закрывали.
И я не мог черты их разглядеть,
Как ни старался.

Брут

Пусть они войдут.

Луций уходит.

То заговорщики. О заговор,
Стыдишься ты показываться ночью,
Когда привольно злу. Так где же днем
Столь темную пещеру ты отыщешь,
Чтоб скрыть свой страшный лик? Такой и нет.
Уж лучше ты его прикрой улыбкой:
Ведь если ты его не приукрасишь,
То сам Эреб¹² и весь подземный мрак
Не помешают разгадать тебя.

Входят заговорщики: Кассий, Каска, Деций,
Цинна, Метелл Цимбр и Требоний.

Кассий

К тебе мы вторглись, твой покой нарушив,
Брут, здравствуй. Разбудили мы тебя?

Брут

Я встал уже, и я не спал всю ночь.
Знакомы ль мне пришедшие с тобой?

К а с с и й

Ты знаешь каждого из них, и каждый
Тебя глубоко чтит, и каждый хочет,
Чтоб о себе ты был того же мнения,
Как лучшие из римлян о тебе,
Требоний здесь.

Б р у т

Приветствую его.

К а с с и й

Вот Деций Брут.

Б р у т

Привет мой и ему.

К а с с и й

Вот Каска, вот и Цинна, вот и Цимбер.

Б р у т

Привет им всем!
Что за бессонные заботы встали
Меж вашим сном и ночью?

К а с с и й

Могу ль тебе сказать?

Брут и Кассий шепчутся.

Д е ц и й

Вот где восток. Не правда ль, там светает?

К а с к а

Нет.

Ц и н н а

Не прав ты, кромка облаков сереет,
То первые предвестники рассвета.

К а с к а

Сознайтесь же, что оба вы ошиблись.
Я покажу мечом, где всходит солнце;
Сейчас, весной, на повороте года,
Оно встает гораздо ближе к югу.
Два месяца пройдет—и луч рассвета

Мы северней увидим. А сегодня
Заря за Капитолием блеснет.

Б р у т

Все, как один, мне дайте ваши руки.

К а с с и й

И подтвердим решение нашей клятвой.

Б р у т

Не надо клятв. Коль нас не побуждают
Вид скорбный граждан, собственная мука,
Зло, что царит кругом,—коль мало вам
Таких причин, — то лучше разойдемся,
Чтобы на ложе праздности возлечь,
И пусть надменно тирания правит,
Готовя смертный жребий нам. Но если
В тех побужденьях пламени довольно,
Чтоб трусы им зажглись и закалился
Дух плавкий женщин, то, сограждане,
Что, кроме дела нашего, нас может
К восстанью побудить? Иль не порукой
Нам скрытность римлян, что сказали слово
И не отступятся? Какая клятва
Нужна, когда мы честно обязались,
Что это будет или мы падем?
Пускай клянутся трусы, и жрецы,
И падаль дряхлая, и те страдальцы,
Что терпят зло. Клянутся в темном деле
Лишь те, кому не верят. Не пятняйте
Высокодоблестного предприятия
И непреклонного закала духа
Предположеньем, что нужны нам клятвы
Для дела нашего. Иль в каждой капле
Той крови благородной, что течет
У римлянина каждого, есть примесь
Нечистая, раз может он нарушить
Хоть в чем-нибудь свое же обещанье.

К а с с и й

Не стоит ли склонить и Цицерона?
Я думаю, он тоже будет с нами.

К а с к а

Нельзя нам упускать его.

Ц и н н а

Конечно.

М е т е л л

Мы правы. Серебро его волос
Нам купит общее расположение.
Все будут восхвалять нас, говоря,
Что ум его направил наши руки;
И нашу юность, наш порыв мятежный
Он скроет величавостью своей.

Б р у т

О нет, ему не надо открываться.
Он никогда поддерживать не станет
Того, что начали другие.

К а с с и й

Верно.

К а с к а

Он непригоден нам.

Д е ц и й

Один ли только Цезарь должен пасть?

К а с с и й

Ты, Деций, прав. И было бы неверно,
Чтоб Марк Антоний, Цезарев любимец,
Его бы пережил; мы в нем найдем
Врага лукавого; его приемы
Известны нам, уж он-то ухитрится
Нам навредить. Предупредим опасность,
Пусть вместе с Цезарем падет Антоний.

Б р у т

Не слишком ли кровав наш путь, Кай Кассий,—
Снять голову, потом рубить все члены?
В смертоубийстве гнев, а после злоба.
Антоний—лишь часть Цезарева тела.
Мы—жертв заклатели, не мясники.
Мы против духа Цезаря восстали,
А в духе человеческом нет крови.
О, если б без убийства мы могли
Дух Цезаря сломить! Но нет, увы,
Пасть должен Цезарь. Милые друзья,

Убьем его бесстрашно, но не злобно.
Как жертву для богов его заколем,
Но не изрубим в пищу для собак;
Пусть наши души, как хозяин хитрый,
К убийству подстрекают слуг, а после
Бранят для вида. Идя на это дело,
Должна вести не месть, а справедливость.
Когда так выступим, то все нас примут
За искупителей, не за убийц.
А об Антонии не стоит думать;
Что может сделать Цезаря рука,
Когда он обезглавлен?

К а с с и й

Опасаюсь

Я все ж его: он Цезарю так предан.

Б р у т

Не стоит, Кассий, говорить о нем.
Коль Цезаря он любит, пусть умрет
С тоски по нем—вот все, что может сделать.
И то навряд ли: слишком уж он предан
Увеселеньям, сборищам, распутству.

Т р е б о н и й

Он не опасен нам. Пускай живет.
Он после сам над этим посмеется.

Бьют часы.

Б р у т

Чу! Бьют часы.

К а с с и й

Пробило три часа.

Т р е б о н и й

Пора нам уходить.

К а с с и й

Но неизвестно,
Решится ли сегодня выйти Цезарь;
Он с некоторых пор стал суеверен,
Оставив мнение прежнее свое
О снах и разных предзнаменованиях.

Узнав об ужасах и чудесах,
() небывалых страхах этой ночи,
Услышав предвещения авгуров,
(Он в Капитолий не пойдет, быть может.

Д е ц и й

() нет, не бойтесь! Если так решит он,
(Отговорю его. Он любит слушать,
Что ловят деревом единорога¹³,
Медведя—зеркалом, слона же—ямой,
Силками—льва, а человека—лестью.
Скажу ему, что лезть он ненавидит,—
И он доволен будет этой честью.
Мне предоставьте.
Сумею я его разубедить
И привести из дома в Капитолий.

К а с с и й

Нет, лучше вместе все придем за ним.

Б р у т

К восьми часам—и уж никак не позже!

Ц и н н а

Пусть соберутся все без опоздания.

М е т е л л

Ведь Цезарем обижен Кай Лигарий
За то, что он Помпея восхвалял.
И как никто из вас о нем не вспомнил!

Б р у т

Поэтому, Метелл, зайди к нему;
Меня он любит, и не без причины.
Пришли его, и с ним я сговорюсь.

К а с с и й

Восходит утро. Брута мы оставим.
Расстанемся, наш уговор запомнив,
И римлянами выкажем себя.

Б р у т

Друзья, смотрите весело и бодро,
И пусть наш вид не выдаст тайных целей;
Играйте так, как римские актеры,

И без запинки исполняйте роли.
Итак, желаю доброго вам утра!

Все, кроме Брута, уходят.

Как, Люций! Вновь уснул! Что ж, упивайся
Медвяной тягостной росой дремоты;
Не знаешь ты тех призраков, видений,
Которыми забота мозг наш мучит;
Ты спишь так крепко.

Входит П о р ц и я.

П о р ц и я

Брут, мой господин!

Б р у т

Что, Порция? Что ты так рано встала?
Для хрупкого здоровья твоего
Опасна эта утренняя сырость.

П о р ц и я

Как и тебе. Ты нелюбезно, Брут,
Мое покинул ложе, а вчера
Вдруг встал от ужина и стал ходить,
Вздыхая и скрестив в раздумье руки.
Когда ж спросила я тебя, в чем дело,
То на меня ты посмотрел сурово,
Потом, рукою проведя по лбу,
В ответ ногой нетерпеливо топнул.
Настаивала я, но ты молчал
И гневным мановением руки
Дал знак мне удалиться; я ушла,
Боясь усилить это недовольство,
Владевшее тобою, и надеясь,
Что просто ты находишься не в духе,
Как иногда случается со всяким.
Но ты не ешь, не говоришь, не спишь,
И если б вид твой так же изменился,
Как изменился нрав твой, то тебя,
Брут, не узнала б я. Мой повелитель,
Открой же мне причину этой скорби.

Б р у т

Я не совсем здоров, и это всё.

П о р ц и я

Брут мудр, и если бы он заболел,
То меры принял бы для излечения.

Б р у т

Я и лечусь. Спать, Порция, иди.

П о р ц и я

Как, болен Брут—и для леченья бродит
Полуодет и впитывает сырость
Туманного рассвета? Болен Брут—
И, крадучись, постель он покидает,
Чтоб подвергаться злой заразе ночи,
Чтобы холодный и нечистый воздух
Болезнь его усилил? Нет, мой Брут;
Недуг опасный твой в душе гнездится,
И я по праву и по положенью
Должна узнать причину; на коленях
Былой красой тебя я заклинаю,
И клятвами твоими, и той клятвой
Великой, что в одно связала нас,—
Открой мне, как себе, как половине
Своей, всю скорбь; скажи, кто те, что
К тебе зашли, шесть или семь их было,—
И даже здесь они скрывали лица.

Б р у т

Встань, Порция. Встань, нежная моя!

П о р ц и я

Я б не склонялась, будь, как встарь, ты нежен.
Скажи мне, Брут: быть может, по закону
Жене запрещено знать тайны мужа?
Быть может, мой супруг, я часть тебя,
Но с тем ограничением, что могу
Делить с тобой лишь трапезы и ложе
И изредка болтать? Но неужели
Лишь на окраине твоих утех
Я жить должна?¹⁴ Иль Порция для Брута
Наложницею стала, не женой?

Б р у т

Я чту тебя как верную супругу,
Такую ж близкую, как капли крови
В моем печальном сердце.

П о р ц и я

А если так, то знать хочу я тайну.
Пускай я женщина, но ведь меня
В супруги благородный Брут избрал;
Пускай я женщина, но ведь меня
Все доброй славой чтут как дочь Катона.
С таким супругом и с таким отцом—
Поверь мне, Брут, тверда я, как мужчина.
Откройся мне, и тайну я не выдам;
Иль твердость я свою не доказала,
Когда себе я рану нанесла
Сюда в бедро? Коль это я стерпела,
То тайну мужа я не выдам.

Б р у т

Боги,
Да буду я такой жены достоин.

Стук за сценой.

Стучат. На время, Порция, уйди.
Доверю вскоре сердцу твоему
Моей души тревогу,
Все думы, и заботы, и сомненья,
Из-за которых я угрюм и хмур.
Уйди скорее.

П о р ц и я уходит.

Кто стучится, Луций?

Входят Луций и Лигарий.

Л у ц и й

С тобою хочет говорить больной.

Б р у т

То Кай Лигарий, присланный Метеллом.
Ступай, мой мальчик.—Здравствуй, Кай Лигарий.

Л и г а р и й

Мне трудно говорить, и всё же—здравствуй!

Б р у т

Некстати, храбрый Кай, твоя повязка!
О, если бы ты был сейчас здоров!

Л и г а р и й

Я выздоровлю, если Брут мне скажет,
Что есть для подвига достойный повод.

Б р у т

Лигарий, есть для подвига предлог.
Да, повод есть—достойный из достойных.

Л и г а р и й

Клянусь богами Рима, я здоров!
Недуги, прочь! О римлянин великий,
Потомок славный доблестного предка!
Ты, словно заклинатель, оживил
Мой омертвелый дух. Скажи: готов я
С любой неодолимой силой биться
И победить. Так что же надо делать?

Б р у т

Нам нужно возвратить больным здоровье.

Л и г а р и й

Отняв притом здоровье у кого-то?

Б р у т

Да. Расскажу тебе, в чем дело, Кай,
Дорогою к тому, к кому пойдем,
Чтоб это совершить.

Л и г а р и й

Идем скорей.
Воспламенившись, за тобой пойду—
На что, не знаю сам: с меня довольно,
Что Брут меня ведет.

Б р у т

За мною следуй.

Уходят.

СЦЕНА 2

Дом Цезаря.

Гром и молния. Входит Цезарь в ночной одежде.

Цезарь

И небо и земля разверзлись ночью;
Во сне Кальпурния кричала трижды:
«На помощь, Цезаря хотят убить!»
Эй, слуги!

Входит слуга.

Слуга

Господин мой?

Цезарь

Скажи жрецам, чтоб закололи жертву,
И прорицанья их мне сообщи.

Слуга

Исполню, господин.

Уходит.

Входит Кальпурния.

Кальпурния

Как, Цезарь? Ты уйти из дома хочешь?
Не должен ты сегодня выходить.

Цезарь

Нет, Цезарь выйдет: ведь всегда опасность
Ко мне крадется сзади, но, увидев
Мое лицо, тотчас же исчезает.

Кальпурния

Ты знаешь, Цезарь, я не суеверна,
Но я теперь боюсь. Сказал мне стражник,
Что ужасы такие он видал,
Каких себе представить мы не можем.
На улице вдруг львица окотилась;
Могилы выплюнули мертвецов;
По правилам военного искусства
Меж туч сражались огненные рати,
И кровь бойцов кропила Капитолий,

Был ясно слышен грозный грохот битвы:
Стонали раненые, ржали кони...
По улицам метались привиденья,
Ужасным воем поражая слух.
О, Цезарь. Это все необычайно,
И я страшусь.

Цезарь

Как можно избежать
Судьбы, нам предназначенной богами?
Нет, Цезарь выйдет; знамения эти
Даны не только Цезарю, а всем.

Кальпурния

В день смерти нищих не горят кометы.
Лишь смерть царей огнем вещает небо.

Цезарь

Трус умирает много раз до смерти,
А храбрый смерть один лишь раз вкушает!
Из всех чудес всего необъяснимей
Мне кажется людское чувство страха,
Хотя все знают—неизбежна смерть
И в срок придет.

Входит слуга.

Что говорят авгуры?

Слуга

Советуют, чтоб ты не выходил.
Из жертвы внутренности вынимая,
Они в животном сердца не нашли.

Цезарь

Так посрамить желают боги трусость:
Скотиною без сердца Цезарь был бы,
Когда б из страха дома он остался.
Не будет этого: опасность знает,
Что Цезарь поопаснее ее.
Мы—как два льва, два брата-близнеца.
Из нас двоих я старше и страшней.
Нет, Цезарь выйдет.

Кальпурния

О, увы, в тебе
Самонадеянность убила мудрость.

Не выходи сегодня; пусть мой страх
Тебя удержит дома, а не твой,
Пошлем мы Марк Антония в сенат.
Пусть скажет он, что болен ты сегодня.
Прошу тебя об этом на коленях.

Цезарь

Антоний скажет им: я нездоров;
Чтоб ублажить тебя, останусь дома.

Входит Деций.

Цезарь

Вот Деций Брут, он передаст им это.

Деций

Приветствую тебя, достойный Цезарь!
Пришел я проводить тебя в сенат.

Цезарь

Ты вовремя пришел, чтоб отнести
Сенаторам приветствие мое,
Сказать, что к ним прийти я не могу.
Ложь—не могу, и вовсе ложь—не смею.
Я не хочу прийти; скажи так, Деций.

Кальпурния

Скажи, он болен.

Цезарь

Цезарь—им солжет?

Затем ли я так далеко в победах
Простер над миром длань, чтоб опасаться
Седобородым правду говорить?
Скажи им, Деций,—Цезарь не придет.

Деций

Великий Цезарь, объяснить им надо,
В чем дело, а не то осмеян буду,
Когда им передам слова.

Цезарь

Во мне причина—не хочу прийти,
И этого довольно для сената.
Но я тебя люблю и потому
Тебе открою все. Меня жена,

Кальпурния, удерживает дома.
Ей снилось, будто статуя моя
Струила, как фонтан, из ста отверстий
Кровь чистую и много знатных римлян
В нее со смехом погружали руки.
Сон кажется ей знаменьем зловещим,
И, на колени встав, она молила,
Чтобы остался я сегодня дома.

Д е ц и й

Но этот сон неверно истолкован.
Значение его благоприятно:
Из статуи твоей струилась кровь,
И много римлян в ней омыло руки,
И это значит, что весь Рим питаем
Твоею кровью и что знать теснится
За знаками отличья и наград.
Вот все, что сон Кальпурнии вещает.

Ц е з а р ь

Ты сон ее истолковал отлично.

Д е ц и й

Да, если внемлешь ты моим словам.
Узнай же, что сенаторы решили
Корону поднести тебе сегодня.
Узнав, что ты не явишься, они
В решение поколеблются, и слово
Крылатое из уст в уста пойдет:
«Прервем сенат, пока хороших снов
Супруга Цезарева не увидит».
Коль ты не выйдешь, то шептаться будут:
«А Цезарь испугался!»
Прости меня, о Цезарь, лишь любовь
К твоим делам велит сказать мне правду;
Мой разум подчинен любви.

Ц е з а р ь

Нелепы страхи все твои, Кальпурния!
И стыдно мне, что я поддался им.—
Подайте тогу, я иду.

Входят Публий, Брут, Лигарий, Метелл, Каска,
Требоний и Цинна.

А вот и Публий, он пришел за мной.

П у б л и й

С добрым утром, Цезарь.

Ц е з а р ь

Здравствуй, Публий,—

Как, Брут, и ты сегодня встал так рано?—

Тебе привет мой, Каска.—Кай Лигарий,

И Цезарь не был так к тебе враждебен,

Как лихорадка, что тебя сгноила.—

Который час?

Б р у т

Пробило восемь, Цезарь.

Ц е з а р ь

Благодарю я всех вас за вниманье.

Входит А н т о н и й.

Как, и Антоний! Ночь в пирах проводит

И все же встал. Антоний, с добрым утром!

А н т о н и й

Великий Цезарь! С добрым утром!

Ц е з а р ь

Пусть приготовят всё.

Я виноват, что ждать вас заставляю.

А, Цинна, и Метелл, и ты, Требоний.

С тобою будет разговор особый,

Ко мне сегодня должен ты прийти.

Будь ближе, чтобы о тебе я помнил.

Т р е б о н и й

Да, Цезарь.

(В сторону.)

И так близко, что друзьям

Твоим захочется, чтоб я был дальше.

Ц е з а р ь

Друзья, пойдем со мной вина отведасть,

А после вместе выйдем как друзья.

Б р у т
(в сторону)

Так только кажется тебе, о Цезарь,
И мысль об этом мучит сердце Брута.

Уходят.

СЦЕНА 3

Улица около Капитолия.

Входит А р т е м и д о р, читая письмо.

А р т е м и д о р

«Цезарь, остерегайся Брута; опасайся Кассия; держись
дальше от Каски; следи за Цинной; не доверяй Требонию;
обойдай за Метеллом Цимбером; Деций Брут тебя не лю-
бит, ты оскорбил Кая Лигария. У всех этих людей одно на-
мерение, и оно направлено против Цезаря. Если ты не
осмергнешь, будь осмотрителен: доверчивость расчищает
путь для заговора. Да защитят тебя всемогущие боги!
Твой друг Артемидор».

Здесь подожду, пока он не пройдет,
И, как проситель, дам ему письмо.
Душа скорбит о том, что доблесть может
Пасть от зубов завистничества злого.
Прочтешь письмо, о Цезарь,—будешь жить;
А нет—так Судьбы в заговоре с ними.

Уходит.

СЦЕНА 4

Другая часть той же улицы, перед домом Брута.

Входят П о р ц и я и Л у ц и й.

П о р ц и я

Прошу тебя, беги к сенату, мальчик;
И не расспрашивай, скорей иди.
Что ж ты стоишь?

Л у ц и й

Не знаю порученья.

П о р ц и я

Хотела б я, чтоб ты назад вернулся
Скорей, чем порученье дам тебе.
О твердость, будь со мной и между сердцем
И языком моим воздвигни гору!
Мужчина духом, женщина я силой.
Как трудно женщине не выдать тайну.
Ты здесь еще?

Л у ц и й

Что, госпожа, мне делать?
Бежать до Капитолия, вернуться
Сюда назад—и больше ничего?

П о р ц и я

Мне сообщи, как выглядит мой муж.
Ведь вышел он больным; и посмотри,
Что Цезарь делает, кто близ него.—
Чу, мальчик. Что за шум?

Л у ц и й

Не слышу, госпожа.

П о р ц и я

Так слушай лучше.
Я слышу, гул внезапный и мятежный
Из Капитолия доносит ветер.

Л у ц и й

Не слышу ничего.

Входит прорицатель.

П о р ц и я

К нам подойди.
Откуда ты?

П р о р и ц а т е л ь
Из дому, госпожа

П о р ц и я

Который час?

П р о р и ц а т е л ь
Девятый, госпожа.

П о р ц и я

Отправился ли Цезарь в Капитолий?

П р о р и ц а т е л ь

Нет, госпожа; я здесь стою и жду,
Когда пройдет он мимо в Капитолий.

П о р ц и я

Ты хочешь Цезарю подать прошение?

П р о р и ц а т е л ь

Да, госпожа, и, если Цезарь будет
Так милостив к себе, чтобы мне внять,
Я попрошу, чтоб он был добр к себе.

П о р ц и я

Узнал ты, что ему грозит опасность?

П р о р и ц а т е л ь

Покуда нет еще, но может быть.
Прощайте. Эта улица тесна.
За Цезарем спешащая толпа
Сенаторов, и преторов, и разных
Просителей здесь слабого задавит.
Найду просторней место, чтобы Цезарь
Меня услышал, мимо проходя.

Уходит.

П о р ц и я

И я должна уйти. Ах, горе мне,
Как слабо сердце женщины. О Брут,
Пусть делу твоему поможет небо.
Ведь мальчик слышал. Есть у Брута просьба,
Но Цезарь ей не внемлет.—Сил нет больше.
Беги с моим поклоном к Бруту, Луций;
Скажи, что весела я, и назад
Мне принеси ответ его скорее.

Уходят в разные стороны.

А К Т III

СЦЕНА I

Рим. Перед Капитолием. Заседание сената.
Толпа народа; среди нее Артемидор и
прорицатель.

Трубы.

Входят Цезарь, Брут, Кассий, Каска, Деций,
Метелл, Требоний, Цинна, Антоний, Лепид,
Попилий, Публий и другие.

Цезарь

Настали иды марта.

Прорицатель

Но, Цезарь, не прошли.

Артемидор

Привет, о Цезарь, прочитай письмо.

Деций

Требоний просит, чтоб ты на досуге
Прочел его смиренное прошение.

Артемидор

Прочти мое сперва, оно тебя
Касается. Прочти, великий Цезарь.

Цезарь

Что нас касается, пойдет последним.

Артемидор

Не медли, Цезарь; прочитай сейчас.

Цезарь

Иль он с ума сошел?

П у б л и й

Эй ты, дорогу!

К а с с и й

Что подаешь на улице прошение?
Ступай же в Капитолий.

Цезарь идет вверх к сенату, остальные—за ним.

П о п и л и й

Желаю я успеха вам сегодня.

К а с с и й

Успеха в чем, Попилий?

П о п и л и й

До свиданья.

Направляется к Цезарю.

Б р у т

А что сказал Попилий Лена?

К а с с и й

Он пожелал успеха нам сегодня.
Боюсь, что заговор открыт.

Б р у т

Смотри, он к Цезарю подходит.

К а с с и й

Не медли, Каска, помешать, нам могут.
Что делать, Брут? Кошь заговор раскрыт,
Иль Кассий, или Цезарь не вернется,
Я заколю себя.

Б р у т

Будь тверже, Кассий,
То не о нас Попилий говорит,
Смеется он, и Цезарь так спокоен.

К а с с и й

Требоний действует: смотри, как он
Антония уволит за собой.

А н т о н и й и Т р е б о н и й уходят Цезарь и сенаторы
занимают свои места.

Д е ц и й

Так где же Метелл? Пускай вперед он выйдет
И Цезарю свою изложит просьбу.

Б р у т

Он вышел; ближе следуйте за ним.

Ц и н н а

Ты, Каска, первым нанесешь удар.

К а с к а

Готовы ль все?

Ц е з а р ь

Какие непорядки
Должны исправить Цезарь и сенат?

М е т е л л

Великий и могущественный Цезарь,
Ты видишь, Цимбр перед тобой смиренно
Склоняется.

Опускается на колени.

Ц е з а р ь

Предупреждаю, Цимбр,
Что пресмыканье и низкопоклонство
Кровь зажигают у людей обычных
И прежнее решение иль указ
В игрушку превращают. Но не думай,
Что Цезарь малодушен, как они,
Что кровь его расплавить можно,
Чем кровь безумцев, то есть сладкой лестью,
Низкопоклонством и виляньем псиным.
Твой брат изгнанью предан по декрету;
Коль будешь ты молить и унижаться,
Тебя, как пса, я отшвырну с дороги.
Знай, Цезарь справедлив и без причины
Решенья не изменит.

М е т е л л

Чей голос более, чем мой, достоин,
Чтобы великий Цезарь внял мольбе
О возвращенье брата моего?

Б р у т

Не лстя, твою целую руку, Цезарь,
Молю тебя о том, чтоб Публий Цимбр
Из ссылки был тобою возвращен.

Ц е з а р ь

Как, Брут?

К а с с и й

Прощенье, Цезарь, милость, Цезарь!
К твоим ногам склоняется и Кассий
С мольбой о том, чтоб Цимбра ты простил.

Ц е з а р ь

Будь я, как вы, то я поколебался б,
Мольбам я внял бы, если б мог молить.
В решеньях я неколебим, подобно
Звезде Полярной: в постоянстве ей
Нет равной среди звезд в небесной тверди.
Все небо в искрах их неисчислимых;
Пылают все они, и все сверкают,
Но лишь одна из всех их неподвижна;
Так и земля населена людьми,
И все они плоть, кровь и разуменье;
Но в их числе лишь одного я знаю,
Который держится неколебимо,
Незыблемо; и человек тот—я.
Я это выкажу и в малом деле:
Решив, что Цимбр из Рима будет изгнан,
Решенья своего не изменю.

Ц и н н а

Великий Цезарь!

Ц е з а р ь

Иль Олимп ты сдвинешь?

Д е ц и й

О Цезарь!..

Ц е з а р ь

Брут—и тот молил напрасно.

К а с к а

Тогда пусть руки говорят!

Каска первый, затем остальные заговорщики и Марк Брут
поражают Цезаря.

Ц е з а р ь

И ты, о Брут¹⁵! Так падай, Цезарь!

Умирает.

Ц и н н а

Свобода! Вольность! Пала тирания!
По улицам об этом разгласите.

К а с с и й

На ростры поднимитесь и кричите:
«Свобода, вольность и освобождение!»

Б р у т

Народ, сенаторы, не бойтесь, стойте!
Смотрите: властолюбья долг оплачен!

К а с к а

Взойди на ростру, Брут.

Д е ц и й

И Кассий тоже.

Б р у т

Где Публий?

Ц и н н а

Он здесь и потрясен восстаньем этим!

М е т е л л

Смотрите, чтобы Цезаря друзья
Не вздумали...

Б р у т

Пустая болтовня!—Не бойся, Публий;
Мы ни тебе, ни римлянам другим
Вреда не причиним,—скажи всем это.

К а с с и й

Оставь нас, Публий; ведь народ нахлынет
И старости твоей не пощадит.

Б р у т

Уйди; пусть отвечают за деянье
Свершившие его.

Возвращается Т р е б о н и й.

К а с с и й

Антоний где?

Т р е б о н и й

В свой дом в смятенье скрылся.
Бегут, вопя, мужи и жены, дети,
Как в Судный день.

Б р у т

Узнаем судьб решение;
Мы знаем, что умрем, но люди тщатся
Как можно дольше дни свои продлить.

К а с к а

Тот, кто отнимет двадцать лет у жизни,
Отнимет столько же у страха смерти.

Б р у т

Раз так, то смерть есть благо. Были мы
Друзьями Цезарю, его избавив
От страха смерти.—Римляне, склонитесь,
Омоем руки Цезаревой кровью¹⁶
По локоть и, мечи обрызгав ею,
Идемте все немедленно на форум
И, потрясая красное оружие,
Воскликнем все: «Мир, вольность и свобода!»

К а с с и й

Склонясь, омойтесь. Ведь пройдут века,
И в странах, что еще не существуют,
Актеры будут представлять наш подвиг.

Б р у т

И снова кровью истечет наш Цезарь,
Лежащий здесь, у статуи Помпея,
Как прах ничтожный.

К а с с и й

Да, и каждый раз

Нас, совершивших это, назовут
Людьми, освободившими отчизну.

Д е ц и й

Пора нам уходить.

К а с с и й

Да, вместе выйдем:
Брут впереди, а мы за ним; пусть видят,
Что в Риме нет сердец смелей и лучше.

Входит слуга.

Б р у т

Кто там идет? Антония посланец.

С л у г а

Так, Брут, велел мой господин склониться,—
Так Марк Антоний приказал мне—пасть
И, распростершись, так тебе сказать:
Брут благороден, мудр, и храбр, и честен;
Велик был Цезарь, царствен, смел и добр.
Скажи, что Брута я люблю и чту,
А Цезаря боялся, чтил, любил.
И если Брут дозволит, чтоб Антоний
Мог невредим к нему прийти узнать,
Чем Цезарь заслужил такую смерть,
То Брут живой ему дороже будет,
Чем мертвый Цезарь, и себя он свяжет
С судьбой и делом доблестного Брута
Среди опасностей и смут грядущих
Как верный друг. Так говорит Антоний.

Б р у т

Он—римлянин и доблестный и мудрый,
Его всегда я чтил.
Скажи, что если он придет сюда,
То все узнает и, ручаюсь честью,
Уйдет нетронут.

С л у г а

Он сейчас придет.

Уходит.

Б р у т

Я думаю, он станет нашим другом.

К а с с и й

О, если б так. Его я опасуюсь,
И, как всегда, предчувствие мое
Меня в том не обманет.

Входит А н т о н и й.

Б р у т

Вот он идет. Привет, о Марк Антоний!

А н т о н и й

Великий Цезарь! Ты лежишь во прахе?
Ужели слава всех побед, триумфов
Здесь уместилась? Так покойся с миром.—
Все ваши замыслы мне неизвестны,
Кому еще хотите кровь пустить;
Коль мне, то самый подходящий час—
Час смерти Цезаря, и нет оружия
Достойнее того, что обагрилось
Чистейшею и лучшей в мире кровью.
Прошу вас,—если вам я неугоден,
Пока дымятся кровью ваши руки,
Меня убейте. И тысячетье
Прожив, не буду к смерти так готов;
Нет места лучшего, нет лучшей смерти,
Чем пасть близ Цезаря от ваших рук,
От вас, решающих все судьбы века.

Б р у т

Антоний, смерти не проси у нас.
Мы кажемся кровавы и жестоки—
Как наши руки и деянье наше;
Но ты ведь видишь только наши руки,
Деяние кровавое их видишь,
А не сердца, что полны сострадания.
Лишь сострадание к общим бедам Рима—
Огонь мертвит огонь, а жалость—жалость—
Убило Цезаря. Но для тебя
Мечи у нас притуплены, Антоний,
И наши руки, так же как сердца,
В объятия тебя принять готовы
С любовью братской, с дружбой и почетом.

К а с с и й

В раздаче новых почестей и ты
С другими наравне получишь голос.

Б р у т

Будь терпелив, пока мы успокоим
Народ, который вне себя от страха.
Тогда мы объясним тебе причины.
За что, я, Цезаря всегда любивший,
Его убил.

А н т о н и й

Я знаю вашу мудрость.
Кровавые мне ваши руки дайте;
И первому, Марк Брут, тебе жму руку;
Второму руку жму тебе, Кай Кассий;
Тебе, Брут Деций, и тебе, Метелл;
И Цинне, и тебе, мой храбрый Каска;
Последним ты, но не в любви, Требоний.
Патриции—увы!—что я скажу?
Доверие ко мне так пошатнулось,
Что вправе вы сейчас меня считать
Одним из двух—иль трусом, иль льстецом.—
О, истинно тебя любил я, Цезарь!
И если дух твой носится над нами,
То тягостнее смерти для тебя
Увидеть, как Антоний твой мирится
С убийцами, им руки пожимая
Здесь, о великий, над твоим же трупом!
Имей я столько ж глаз, как ты ранений,
Точащих токи слез, как раны—кровь,
И то мне было б легче, чем вступать
С убийцами твоими в соглашение.
Прости мне, Юлий. Как олень затравлен¹⁷,
Ты здесь лежишь, охотники ж стоят,
Обагрены твоею алой кровью.
Весь мир был лесом этого оленя.
А он, о мир, был сердцем для тебя.
Да, как олень, сражен толпою знати,
Ты здесь лежишь.

К а с с и й

Марк Антоний!

А н т о н и й

Прости меня, Кай Кассий.
О Цезаре так скажут и враги,
В устах же друга то простая скромность.

К а с с и й

Не порицаю, что его ты хвалишь,
Но с нами как себя ты поведешь?
Скажи, решил ли ты стать нашим другом,
Иль не рассчитывать нам на тебя?

А н т о н и й

Я руки ваши жал, но я отвлекся
От этого, на Цезаря взглянув.
Друзья, я с вами весь и вас люблю,
И я надеюсь, вы мне объясните,
Чем и кому был Цезарь так опасен.

Б р у т

Иначе б диким зрелищем то было.
Но побужденья наши так высоки,
Что, будь ты сыном Цезаря, Антоний,
Ты внял бы им.

А н т о н и й

Лишь этого хочу.
А сверх того прошу я вас, чтоб тело
Дозволили мне вынести на площадь
И на похоронах его с трибуны,
Как подобает другу, речь держать.

Б р у т

Да, Марк Антоний.

К а с с и й

Брут, одно лишь слово.

(Тихо, Бруту.)

Не знаешь сам, что делаешь: нельзя
Нам допускать, чтоб речь держал Антоний;
Как знать, не возбудит ли он народ
Своею речью?

Б р у т

Ты меня прости.
Сам на трибуну первым я взойду

И разъясню, за что убит был Цезарь;
Скажу, что будет говорить Антоний
С согласия нашего и разрешенья,
Что праху Цезаря мы отдадим
Все почести, какие подобают.
Нам это только пользу принесет.

К а с с и й

Как знать, что будет. Мне это не любо.

Б р у т

Итак, возьми прах Цезаря, Антоний.
В надгробной речи нас не порицай,
Но Цезарю воздай хвалу как должно,
Сказав, что это разрешили мы;
А иначе ты будешь отстранен
От похорон; и говорить ты будешь
С трибуны той же самой, что и я,
Когда окончу речь.

А н т о н и й

Быть по сему.

Мне большего не надо.

Б р у т

Приготовь же

Прах Цезаря и приходи на форум.

Все, кроме Антония, уходят.

А н т о н и й

Прости меня, о прах кровоточащий,
Что кроток я и ласков с палачами.
Останки благороднейшего мужа,
Кому в потоке времени нет равных.
О, горе тем, кто эту кровь пролил!
Над ранами твоими я пророчу,—
Рубиновые губы уст немых
Открыв, они через меня вещают—
Проклятье поразит тела людей;
Гражданская война, усобиц ярость
Италию на части раздерут;
И кровь и гибель будут так привычны,

Ужасное таким обычным станет,
Что матери смотреть с улыбкой будут,
Как четвертует их детей война;
И жалость всякую задушит дикость;
Дух Цезаря в погоне за отмщеньем,
С Гекатою из преисподней выйдя,
На всю страну монаршьим криком грянет:
«Пощады нет!»—и спустит псов войны,
Чтоб злодеянье вся земля узнала
По смраду тел, просящих погребенья.

Входит слуга.

Ты послан от Октавия, не так ли?

С л у г а

Да, Марк Антоний.

А н т о н и й

Цезарь писал ему, чтоб в Рим он прибыл.

С л у г а

Он получил письмо и скоро будет.
Тебе же устно он передает...

(Увидев тело.)

О Цезарь!

А н т о н и й

Великодушен ты; уйди и плачь.
Скорбь заразительна; ~~твои~~ глаза,
Увидев перлы скорби на твоих,
Слезятся. Где сейчас твой господин?

С л у г а

Стал на ночь лагерем, семь миль от Рима.

А н т о н и й

Спешి назад, скажи, что здесь случилось:
Рим в трауре, в опасном возбужденье,
И Рим Октавию небезопасен;
Так передай ему. Нет, подожди.
Мы вместе тело вынесем на площадь,
Там буду речь держать и попытаюсь

Узнать, как отзывается народ
На злодеянье этих кровопийц;
И сообразно этому потом
Октавию доставишь донесенье.
Ну, помогай.

Уходят, унося труп Цезаря.

СЦЕНА 2

Форум.

Входят Брут, Кассий и толпа граждан.

Граждане
Хотим мы знать причину! Объясните!

Брут
Друзья, за мной и слушайте меня.—
Ты ж, Кассий, избери другую площадь,
Толпу разделим.—
Кто хочет выслушать меня, останьтесь;
Кто хочет, пусть за Кассием идет;
Мы объясним, зачем для блага всех
Убит был Цезарь.

Первый гражданин
Брута буду слушать.

Второй гражданин
Я Кассия послушаю, а после,
Всё выслушав, их доводы сравним.

Кассий уходит с частью граждан. Брут всходит на роstrу.

Третий гражданин
Молчанье! Говорит достойный Брут.

Брут
Терпенье до конца.

Римляне, сограждане и друзья! Выслушайте, почему я поступил так, и молчите, чтобы вам было слышно; верьте мне ради моей чести и положитесь на мою честь, чтобы поверить; судите меня по своему разумению и пробудите

ниши чувства, чтобы вы могли судить лучше. Если в этом собрании есть хоть один человек, искренне любивший Цезаря, то я говорю ему: любовь Брута к Цезарю была не меньше, чем его. И если этот друг спросит, почему Брут восстал против Цезаря, то вот мой ответ: не потому, что я любил Цезаря меньше, но потому, что я любил Рим больше. Что вы предпочли бы: чтоб Цезарь был жив, а вы умерли рабами, или чтобы Цезарь был мертв и вы все жили свободными людьми? Цезарь любил меня, и я его оплакиваю; он был удачлив, и я радовался этому; за доблести я чтил его; но он был властолюбив, и я убил его. За его любовь—слезы; за его удачи—радость; за его доблести—почет; за его властолюбие—смерть. Кто здесь настолько низок, чтобы желать стать рабом? Если такой найдется, пусть говорит,—я оскорбил его. Кто здесь настолько одичал, что не хочет быть римлянином? Если такой найдется, пусть говорит,—я оскорбил его. Кто здесь настолько гнусен, что не хочет любить свое отечество? Если такой найдется, пусть говорит,—я оскорбил его. Я жду ответа.

В с е

Такого нет, Брут, нет.

Б р у т

Значит, я никого не оскорбил. Я поступил с Цезарем так, как вы поступили бы с Брутом. Причина его смерти записана в свитках Капитолия; слава его не умалена в том, в чем он был достоин, и вина его не преуменьшена в том, за что он поплатился смертью.

Входят Антоний и другие с телом Цезаря.

Вот его тело, оплакиваемое Марком Антонием, который хотя и непричастен к его убийству, но выиграет от этого—он будет жить в республике. В таком же выигрыше будет и любой из вас. С этим я ухожу,—и так же, как я поразил моего лучшего друга для блага Рима, так сохраню я этот кинжал для себя, если моей отчизне потребуется моя смерть.

В с е

Живи, о Брут! Живи! Живи!

П е р в ы й г р а ж д а н и н

С триумфом отнесем его домой.

Второй гражданин
Воздвигнем статую ему, как предкам¹⁸.

Третий гражданин
Пусть станет Цезарем.

Четвертый гражданин
В нем увенчаем
Все лучшее от Цезаря.

Первый гражданин
Проводим его домой с почетом.

Брут
Сограждане!

Второй гражданин
Брут говорит. Молчанье.

Первый гражданин
Потише, эй!

Брут
Друзья, позвольте, я уйду один,
А вас прошу с Антонием остаться.
Почтенье праху Цезаря воздайте,
А также славе доблестной его,
О них в надгробном слове Марк Антоний
Здесь с позволения нашего вам скажет.
Я уйду, а вы не расходитесь,
Пока Антоний речи не закончит.

Уходит.

Первый гражданин
Останемся Антония послушать.

Третий гражданин
Антоний благородный, на трибуну
Ты поднимись.—Послушаем его.

Антоний
Обязан Бруту я за позволение
Здесь речь держать.

Всходит на ростру.

Четвертый гражданин
Что он сказал о Бруте?

Третий гражданин
Что он обязан Бруту разрешеньем
Здесь перед нами всеми речь держать.

Четвертый гражданин
Пусть говорит почтительней о Бруте.

Первый гражданин
Ведь Цезарь был тиран.

Третий гражданин
В том нет сомненья,
Но, к счастью, от него избавлен Рим.

Второй гражданин
Послушаем Антония. Молчанье!

Антоний
О римляне!

Все
Послушаем его.

Антоний
Друзья, сограждане, внимайте мне.
Не восхвалять я Цезаря пришел,
А хоронить. Ведь зло переживает
Людей, добро же погребают с ними.
Пусть с Цезарем так будет. Честный Брут
Сказал, что Цезарь был властолюбив.
Коль это правда, это тяжкий грех,
За это Цезарь тяжко поплатился:
Здесь с разрешенья Брута и других,—
А Брут ведь благородный человек,
И те, другие, тоже благородны,—
Над прахом Цезаря я речь держу.
Он был мне другом искренним и верным,
Но Брут назвал его властолюбивым,
А Брут весьма достойный человек.
Гнал толпы пленников к нам Цезарь в Рим,
Их выкупом казну обогащая;
Иль это тоже было властолюбьем?

Стон бедняка услыша, Цезарь плакал,
А властолюбье жестче и черствей;
Но Брут назвал его властолюбивым,
А Брут весьма достойный человек.
Вы видели, во время Луперкалий
Я трижды подносил ему корону,
И трижды он отверг—из властолюбья?
Но Брут назвал его властолюбивым,
А Брут весьма достойный человек.
Что Брут сказал, я не опровергаю,
Но то, что знаю, высказать хочу.
Вы все его любили по заслугам,
Так что ж теперь о нем вы не скорбите?
О справедливость! Ты в груди звериной,
Лишились люди разума. Простите;
За Цезарем ушло в могилу сердце.
Позвольте выждать, чтоб оно вернулось.

Первый гражданин
В его словах как будто много правды.

Второй гражданин
Выходит, если только разобратся,—
Зря Цезарь пострадал.

Третий гражданин
А я боюсь,
Его заменит кто-нибудь похуже.

Четвертый гражданин
Вы слышали? Не взял короны Цезарь;
Так, значит, не был он властолюбив.

Первый гражданин
Тогда они поплатятся жестоко.

Второй гражданин
От слез глаза его красны, как угли.

Третий гражданин
Всех благородней в Риме Марк Антоний.

Антоний
Вчера еще единым словом Цезарь
Всем миром двигал; вот он недвижим,

Без почестей, пренебрегаем всеми.
О граждане, когда бы я хотел
Поднять ваш дух к восстанью и отмщенью,
Обидел бы я Кассия и Брута,
А ведь они достойнейшие люди.
Я не обижу их, скорей обижу
Покойного, себя обижу, вас,
Но не таких достойнейших людей.
Вот здесь пергамент с Цезаря печатью,
Найденный у него,—то завещанье.
Когда бы весь народ его услышал,—
Но я читать его не собираюсь,—
То раны Цезаря вы лобызали б,
Платки мочили бы в крови священной,
Просили б волосок его на память
И, умирая, завещали б это
Как драгоценнейшее достоянье
Своим потомкам.

Ч е т в е р т ы й г р а ж д а н и н
Прочти нам завещанье, Марк Антоний.

В с е

Прочти нам Цезарево завещанье!

А н т о н и й

Друзья, терпенье. Мне нельзя читать.
Нельзя вам знать, как Цезарь вас любил.
Вы—люди, а не дерево, не камни;
Услышав Цезарево завещанье,
Воспламенитесь вы, с ума сойдете;
Не знаете вы о своем наследстве,
А иначе—о, что бы здесь свершилось!

Ч е т в е р т ы й г р а ж д а н и н
Мы слушаем. Читай скорей, Антоний,
Прочти нам Цезарево завещанье.

А н т о н и й

Терпенье. Можете вы подождать.
О завещанье я вам проболтался,
Боюсь обидеть тех людей достойных,
Что Цезаря кинжалами сразили.

Четвертый гражданин
Достойных! Нет, предатели они.

Все
Читай нам завещанье!

Второй гражданин
Они злодеи, убийцы. Читай же завещанье!

Антоний
Хотите, чтоб прочел я завещанье?
Над прахом Цезаря все станьте кругом,
Я покажу того, кто завещал.
Могу ль сойти? Вы разрешите мне?

Все
Сходи.

Второй гражданин
Спускайся.

Антоний сходит с ростры.

Третий гражданин
Мы разрешаем.

Четвертый гражданин
Станьте в круг.

Первый гражданин
От тела и носилок отойдите.

Второй гражданин
Место Антонию, благородному Антонию!

Антоний
Так не теснитесь. Расступитесь шире.

Все
Назад! Назад! Раздайтесь!

Антоний
Коль слезы есть у вас, готовьтесь плакать.
Вы эту тогу знаете; я помню,
Как Цезарь в первый раз ее надел:

То было летним вечером, в палатке,
В тот день, когда он нервиев разбил.
Смотрите! След кинжала—это Кассий;
Сюда удар нанес завистник Каска,
А вот сюда любимый Брут разил;
Когда ж извлек он свой кинжал проклятый,
То вслед за ним кровь Цезаря метнулась,
Как будто из дверей, чтоб убедиться—
Не Брут ли так жестоко постучался.
Ведь Брут всегда был Цезарев любимец,
О боги, Цезарь так любил его!
То был удар из всех ударов злейший:
Когда увидел он, что Брут разит,
Неблагодарность больше, чем оружие,
Его сразила; мощный дух смутился,
И вот, лицо свое закрывши тогой,
Перед подножием статуи Помпея,
Где кровь лилась, великий Цезарь пал.
Сограждане, какое то паденье!
И я и вы, мы все поверглись ниц,
Кровавая ж измена торжествует.
Вы плачете; я вижу, что вы все
Растроганы: то слезы состраданья.
Вы плачете, увидевши раненья
На тоге Цезаря? Сюда взгляните,
Вот Цезарь сам, убийцами сраженный.

Первый гражданин
О скорбный вид!

Второй гражданин
О благородный Цезарь!

Третий гражданин
Злосчастный день!

Четвертый гражданин
Предатели, убийцы!

Первый гражданин
О зрелище кровавое!

Второй гражданин
Мы отомстим!

В с е

Мечь! Восстанем! Найти их! Сжечь! Убить!
Пусть не один предатель не спасется!

А н т о н и й

Сограждане, постойте.

П е р в ы й г р а ж д а н и н

Молчанье! Марк Антоний говорит.

В т о р о й г р а ж д а н и н

Мы слушаем его, мы пойдем за ним, мы умрем с ним.

А н т о н и й

Друзья мои, я вовсе не хочу,
Чтоб хлынул вдруг мятеж потоком бурным.
Свершившие убийство благородны;
Увы, мне неизвестны побужденья
Их личные, они мудры и честны
И сами все вам могут объяснить.
Я не хочу вас отворать от них.
Я не оратор, Брут в речах искусней;
Я человек открытый и прямой
И друга чтит; то зная, разрешили
Мне говорить на людях здесь о нем.
Нет у меня заслуг и остроумья,
Ораторских приемов, красноречья,
Чтоб кровь людей зажечь. Я говорю
Здесь прямо то, что вам самим известно:
Вот раны Цезаря—уста немые,
И я прошу их—пусть вместо меня
Они заговорят. Но будь я Брутом,
А Брут Антонием, тогда б Антоний
Воспламенил ваш дух и дал язык
Всем ранам Цезаря, чтоб, их услышав,
И камни Рима, возмуться, восстали.

В с е

Восстанем мы!

П е р в ы й г р а ж д а н и н

Сожжем дотла дом Брута!

Т р е т и й г р а ж д а н и н
Скорее заговорщиков ловите!

А н т о н и й
Внемлите мне, сограждане, внемлите!

В с е
Молчанье, эй! Антоний говорит.

А н т о н и й
Друзья, восстали вы, еще не зная,
Чем Цезарь заслужил любовь такую.
Увы, не знаете; я вам открою;
Забыли вы о завещанье.

В с е
Он прав: узнать нам надо завещанье.

А н т о н и й
Вот завещанье с Цезаря печатью.
Он римлянину каждому дает,
На каждого по семьдесят пять драхм.

В т о р о й г р а ж д а н и н
О, благородный Цезарь! Месть за смерть!

Т р е т и й г р а ж д а н и н
О, Цезарь царственный!

А н т о н и й
Дослушайте меня!

В с е
Молчанье, эй!

А н т о н и й
Он завещал вам все свои сады,
Беседки и плодовые деревья
Вдоль Тибра, вам и всем потомкам вашим,
На веки вечные для развлечений,
Чтоб там вы отдыхали и гуляли.
Таков был Цезарь! Где найти другого?

П е р в ы й г р а ж д а н и н
Нет, никогда. Скорей, скорей идемте!
Мы прах его сожжем в священном месте

И подожжем предателей дома.
Берите тело.

Второй гражданин
Огня добудьте.

Третий гражданин
Скамьи ломайте.

Четвертый гражданин
Скамьи выламывайте, окна, всё!

Граждане уходят с телом.

Антоний
Я на ноги тебя поставил, смута!
Иди любым путем.

Входит слуга.

Ну как дела?

Слуга
Октавий прибыл в Рим, мой господин.

Антоний
Где ж он?

Слуга
С Лепидом вместе в Цезаревом доме.

Антоний
Сейчас отправлюсь я туда к нему.
Он прибыл кстати. Весела Фортуна
И потому ни в чем нам не откажет.

Слуга
Я слышал, он сказал, что Брут и Кассий
Промчались бешено в ворота Рима.

Антоний
Пронюхали, наверно, что народ
Я подстрекнул. К Октавию идем.

Уходят.

СЦЕНА 3

Улица.

Входит поэт Цинна.

Цинна

Мне снилось, что я с Цезарем пирую.
Предчувствия гнетут воображение;
Я не хотел из дома выходить,
Но что-то тянет прочь.

Входят граждане.

Первый гражданин

Как твое имя?

Второй гражданин

Куда идешь?

Третий гражданин

Где ты живешь?

Четвертый гражданин

Женат ты или холост?

Второй гражданин

Отвечай всем прямо.

Первый гражданин

Да, и коротко.

Четвертый гражданин

Да, и толково.

Третий гражданин

Да, и правдиво, это будет лучше для тебя.

Цинна

Как мое имя? Куда я иду? Где я живу? Женат я или холост? Ответить всем прямо, коротко, толково и правдиво. Говоря толково, я холостяк.

Второй гражданин

Это все равно, что сказать: все женатые глупцы. Ты мне на это еще ответишь. Отвечай прямо.

Цинна

Прямо—я шел на похороны Цезаря.

Первый гражданин

Как друг или враг?

Цинна

Как друг.

Второй гражданин
Вот это прямой ответ.

Четвертый гражданин
Где живешь,—коротко.

Цинна
Коротко—я живу у Капитолия.

Третий гражданин
Как зовут тебя,—правдиво.

Цинна
Правдиво—меня зовут Цинна.

Первый гражданин
Рвите его на клочки: он заговорщик.

Цинна
Я поэт Цинна! Я поэт Цинна!

Четвертый гражданин
Рвите его за плохие стихи, рвите его за плохие стихи!

Цинна
Я не заговорщик Цинна.

Второй гражданин
Все равно, у него то же имя—Цинна; вырвать это имя из его сердца и разделаться с ним.

Третий гражданин
Рвите его! Рвите его! Живей, головни, эй! Головни. К дому Брута и к дому Кассия. Жгите всё. Одни к дому Деция, другие к дому Каски, третьи к дому Лигария. Живей, идем!

Уходят.

А К Т IV

СЦЕНА I

Рим. Комната в доме Антония¹⁹.

Антоний, Октавий и Лепид сидят за столом

А н т о н и й

Погибнут все, отмеченные нами.

О к т а в и й

И брат твой в их числе. Лепид, согласен?

Л е п и д

Согласен.

О к т а в и й

Так отметь его, Антоний.

Л е п и д

Но при условии, что жить не будет
И Публий, сын твоей сестры²⁰, Антоний.

А н т о н и й

Умрет и он; ему знак смерти ставлю.
В дом Цезаря иди теперь, Лепид,
За завещанием, и мы решим,
Как сократить расходы из наследства.

Л е п и д

А сами вы где будете? Иль здесь, иль в Капитолии?

О к т а в и й

Здесь или в Капитолии.

Л е п и д уходит.

А н т о н и й

Вот жалкий, недостойный человек.
Ему бы на посылках быть, а он,
Когда мы натрое разделим мир,
Получит третью часть?

О к т а в и й

Считая так,
Ты допустил, чтоб он голосовал.
Когда решалось, кто достоин смерти
И попадет в проскрипционный список.

А н т о н и й

Годами старше я, чем ты, Октавий.
Мы почести возложим на него,
Чтоб с нас самих снять этот груз позорный,
И он пойдет, как с золотом осел,
Потей и кряхтя под тяжелой ношей,
Куда мы поведем или погоним;
Когда ж он нам сокровища доставит,
Мы снимем их, его ж погоним прочь.
Пусть, как осел, он хлопает ушами,
На выгоне пасясь.

О к т а в и й

Так можно сделать,
Но он испытанный и храбрый воин.

А н т о н и й

Как и мой конь, Октавий, и за это
Ему я обеспечиваю корм;
Его я тоже обучил сражаться,
Сворачивать, и мчаться, и стоять,
Его движениями я управляю.
Примерно так же нужно и Лепида
Учить, и направлять, и понукать.
Безмозглый человек, он ум питает
Отбросами чужими, подражаньем
И старые обноски с плеч чужих
Берет за образец. О нем довольно.
Он лишь орудье. А теперь, Октавий,
Поговорим о главном: Брут и Кассий
Собрали войско, соберем и мы;
Поэтому союз наш закрепим,
Сплотим друзей, приложим все усилия.

Давай немедленно вдвоем обсудим,
Как лучше козни скрытые открыть
И явные опасности рассеять.

О к т а в и й

Согласен я. Ведь мы с тобой в облаве
И в окружение лающих врагов;
Боюсь, у многих скрыта под улыбкой
Тьма козней злых.

Уходят.

СЦЕНА 2

Перед палаткой Брута в лагере около Сард.

Барабанный бой. Входят Брут, Луцилий, Луций и солдаты; Титиний и Пиндар встречают их.

Б р у т

Стой!

Л у ц и л и й

Скажи пароль. И стой!

Б р у т

Ну как, Луцилий! Далеко ли Кассий?

Л у ц и л и й

Он близко, и уже явился Пиндар,
Чтоб передать тебе его привет.

Б р у т

Он шлет привет мне.—Господин твой, Пиндар,
Сам в раздражение или через других
Дал веский повод мне для сожаленья
О сделанном; но, если он прибудет,
Все разъяснится.

П и н д а р

Я не сомневаюсь,
Он явится к тебе таким, как был,
Исполнен и вниманья и почтенья.

Б р у т

Не сомневаюсь в том.—Скажи, Луцилий,
Какой прием оказан был тебе?

Луцилий

С почетом и любезностью, как должно,
Но не с таким доверчивым радушьем
И дружеским свободным обращеньем,
Как раньше то бывало.

Брут

Это значит,
Что пылкий друг остыл; заметь, Луцилий,
Когда любовь пресыщена и тает,
То внешний церемониал ей нужен.
Уверток нет в прямой и честной вере;
А человек пустой, как конь строптивый,
Выказывает стать свою и прыть,
Но, получив удар кровавых шпор,
Вдруг никнет и, не выдержавши пробы,
Как кляча, падает. Ведет он войско?

Луцилий

Заночевать они хотели в Сардах;
Часть бóльшая, вся конница сюда
Прибудет с Кассием.

Топот за сценой.

Брут

Чу! Вот и он.
Идем к нему навстречу.

Входит Кассий с войском.

Кассий

Эй, стой!

Брут

Стой, эй! Отдать приказ!

Первый солдат

Стой!

Второй солдат

Стой!

Третий солдат

Стой!

К а с с и й

Мой брат, как ты несправедлив ко мне.

Б р у т

О боги! Я ль несправедлив к врагам?
Могу ль я быть несправедливым к брату?

К а с с и й

Спокойствие твое зловеще, Брут,
И если только...

Б р у т

Успокойся, Кассий.

Спокойно скажешь все, тебя я знаю.
Но здесь, перед глазами наших войск,
Не будем ссориться,—им нужно видеть
Лишь знаки нашей дружбы. Отведи их,
Потом в моей палатке все упреки
Мне выскажешь открыто, Кассий.

К а с с и й

Пиндар,

Скажи начальникам, чтоб отвели
Свои отряды дальше.

Б р у т

Луцилий, сделай то же. Пусть никто
Не входит к нам во время совещанья.
У входа встанут Луций и Титиний.

Уходят.

СЦЕНА 3

Палатка Брута.

Входят Брут и Кассий.

К а с с и й

Ты оскорбил меня тем, что запятнан
И осужден тобою Люпий Пелла
За взяточничество и поборы с Сард,
А все мои ходатайства о нем
Отвергнуты, хотя его я знаю.

Б р у т

Ты оскорбил себя, прося о нем.

К а с с и й

В такое время, как сейчас, нельзя
Наказывать за мелкие проступки.

Б р у т

И про тебя ведь, Кассий, говорят,
Что будто бы ты на руку нечист
И недостойных званьем облакаешь
За золото.

К а с с и й

Я на руку нечист!
Не будь ты Брутом, то, клянусь богами,
Такая речь была б твоей последней.

Б р у т

А имя Кассия порок прикрыло,
И наказание головой поникло.

К а с с и й

Наказанье!

Б р у т

Припомни март и мартовские иды:
Иль Цезарь пал не ради правосудья?
Иль негодьями он был сражен
Несправедливо? Разве кто из нас,
Сразивших мужа первого на свете
За покровительство разбою, станет
Себя пятнать позорным лихоимством
И продавать величье нашей чести
За хлам ничтожный, липнувший к рукам?
Быть лучше псом и лаять на луну,
Чем быть таким.

К а с с и й

Брут, не травми меня,
Я не стерплю; ты, позабывшись, хочешь
Меня унижить. Я солдат и старше
Тебя по опыту, умею лучше
Вести переговоры.

Б р у т
Нет, нет, Кассий.

К а с с и й

Я прав.

Б р у т
Нет, ты не прав.

К а с с и й
Довольно, или из себя я выйду.
Остерегись, не искушай меня.

Б р у т
Ничтожный, прочь!

К а с с и й
Возможно ль?

Б р у т
Выслушай мои слова.
Иль ярости твоей мне уступить?
Иль трепетать пред взглядами безумца?

К а с с и й
О боги, боги! Как снести мне это?

Б р у т
И больше вынесешь, сломив гордыню.
Рабам показывай, как вспыльчив ты.
Пускай они дрожат. Мне ль уступать?
Иль должен я почтительно склоняться
Пред вспышками твоими? Нет, клянусь,
Яд желчный свой в себе ты переваришь,
Хотя б тебя взорвал он; я ж отныне
Над гневностью твоей смеяться буду
И потешаться.

К а с с и й
До того ль дошло?

Б р у т
Ты говоришь, что как солдат ты лучше.
Так докажи на деле хвастовство,

Доставь мне удовольствие: ведь я
Учиться рад у доблестных людей.

К а с с и й

Ты всячески меня поносишь, Брут.
Я говорил, что я как воин старше,
Иль я не так сказал?

Б р у т

Мне все равно.

К а с с и й

И Цезарь так не оскорблял меня.

Б р у т

И ты его не смел так раздражать.

К а с с и й

Не смел?!

Б р у т

Нет.

К а с с и й

Не смел так раздражать?!

Б р у т

Не смел из страха.

К а с с и й

Не злоупотребляй моей любовью,
Иль то свершу, о чем сам пожалею.

Б р у т

Ты сделал то, о чем жалеть сам должен.
Мне не страшны твои угрозы, Кассий,
Вооружен я доблестью так крепко,
Что все они, как легкий ветер, мимо
Прносятся. Я посылал к тебе
За золотом и получил отказ.
Я не могу добыть бесчестьем денег;
Скорее стану я чеканить сердце,
Лить в драхмы кровь свою, чем вымогать
Гроши из рук мозолистых крестьян

Бесчестным способом. Ведь я просил
Те деньги на оплату легионам,
И ты мне отказал. Так сделал Кассий?
Иль Каю Кассию я отказал бы?
Когда Марк Брут так скуп и алчен станет,
Чтоб прятать деньги от своих друзей,
Тогда, о боги, молниями всеми
Его сразите!

К а с с и й
Я не отказал.

Б р у т
Ты отказал.

К а с с и й
Нет, и безумен тот,
Кто мой ответ принес. Мне сердце ранил Брут.
Друг переносит недостатки друга,
А Брут преувеличивает их.

Б р у т
Ты начал их выказывать на мне.

К а с с и й
Меня не любишь ты.

Б р у т
Я не люблю твои пороки.

К а с с и й
Глаз друга должен их не замечать.

Б р у т
Лстецы не видят даже и пороки
Величиной с Олимп.

К а с с и й
Придите же, Антоний и Октавий,
И одному лишь Кассию отмстите,
Мир Кассию постыл, он ненавидим
Любимым другом, опорочен братом,
Как раб, поруган. Все его ошибки

Записаны, затвержены на память,
Чтоб в зубы мне швырнуть. О, душу всю
Я б выплакал из глаз! Вот мой кинжал,
Вот грудь моя нагая, и в ней сердце
Богаче золота и руд Плутона²¹.
Когда ты римлянин, возьми его;
Я, отказавший в золоте, дам сердце;
Рази меня, как Цезаря. Я знаю,
Что в ненависти ты его любил
Сильней, чем Кассия.

Б р у т

Вложи кинжал,
Излей свой гнев как хочешь на свободе,
Как хочешь поноси, ты только вспылчив.
О, Кассий, ты в ярмо впряжен с ягненком,
В нем гнев таится, как в кремне огонь;
Он при ударе высекает искру
И тотчас остывает.

К а с с и й

Будет Кассий
Посмешищем для Брута своего,
Когда он распалится в раздраженье?

Б р у т

Я тоже в раздраженье говорил.

К а с с и й

Ты сознаешься в этом? Дай мне руку.

Б р у т

И сердце вместе с ней.

К а с с и й

О, Брут.

Б р у т

В чем дело?

К а с с и й

Иль нет в тебе любви ко мне настолько,
Чтобы сносить ту вспылчивость, что мать
Передала мне?

Б р у т

Да, отныне, Кассий,
Когда вспыхнешь на Брута, знать он будет,
Что мать твоя бранится с ним, и только.

П о э т
(за сценой)

К военачальникам меня пустите,
У них там ссора, и нельзя одних
Их оставлять.

Л у ц и л и й
(за сценой)

Нет, к ним ты не пойдешь.

П о э т
(за сценой)

Лишь смерть меня удержит.

Входит поэт в сопровождении Луцилия, Титиния
и Луция.

К а с с и й

Что там? В чем ледо?

П о э т

Военачальники! Как вам не стыдно?
Любовь и дружба быть меж вас должны,
Поверьте мне—я больше жил, чем вы.

К а с с и й

Ха-ха! Рифмует циник очень плоско²².

Б р у т

Ступай отсюда прочь. Уйди, бесстыдник.

К а с с и й

Терпенье, Брут; ведь он всегда таков.

Б р у т

Терплю я шутовство в другое время.
Война не дело этих стихоплетов.—
Любезный, прочь!

К а с с и й
Ступай, ступай отсюда!

П о э т уходит.

Б р у т
Луцилий и Титиний, мой приказ
Начальникам—встать лагерем здесь на ночь.

К а с с и й
Потом вернитесь и с собой Мессалу
К нам приведите.

Л у ц и л и й и Т и т и н и й уходят.

Б р у т
Луций, дай вина!

К а с с и й
Не знал я, что так вспыльчив ты бываешь.

Б р у т
О, Кассий, угнетен я тяжелой скорбью.

К а с с и й
Ты философию свою забыл²³,
Когда случайным бедам поддаешься.

Б р у т
Кто тверже в скорби: ведь Порция мертва.

К а с с и й
Как, Порция?

Б р у т
Она мертва.

К а с с и й
Как смерти я избег, тебе переча?
О, тяжкая и скорбная утрата.
Что за болезнь?

Б р у т
Тоска по мне в разлуке,
Скорбь, что враги, Октавий и Антоний,
Сильнее нас, известья оба эти

Совпали; и в расстройстве чувств она,
Слуг отославши, проглотила пламя.

К а с с и й

И умерла?

Б р у т

Да, умерла.

К а с с и й

О боги!

Возвращается Л у ц и й с вином и светильником.

Б р у т

О ней ни слова больше.—Дай мне кубок!—
В нем утоплю я нашу ссору, Кассий.

(Пьет.)

К а с с и й

Тост благородный будит в сердце жажду.—
Налей мне, Луций, кубок через край.
Пить без конца готов за дружбу Брута.

(Пьет.)

Б р у т

Войди, Титиний.

Л у ц и й уходит.

Входят Титиний и Мессала.

Мой привет, Мессала.

Тесней вокруг светильника садитесь,
И наши затруднения обсудим.

К а с с и й

Нет Порции!

Б р у т

Прошу, о ней ни слова.—
Мессала, получил я извещение
О том, что Марк Антоний и Октавий

Собрали против нас большое войско
И с ним идут походом на Филиппы.

Мессала

Я получил такое ж сообщение.

Брут

И что еще?

Мессала

Проскрипцией вне всякого закона
Октавий, и Антоний, и Лепид
Предали смерти сто сенаторов.

Брут

В том наши письма разнятся немного,
Мне пишут о семидесяти павших
Сенаторах, в числе их Цицерон.

Кассий

Как — Цицерон?

Мессала

И Цицерон казнен,
Проскрипция коснулась и его.
Не от жены ль ты письма получил?

Брут

Нет, Мессала.

Мессала

И в письмах ничего о ней не пишут?

Брут

Ничего, Мессала.

Мессала

Это странно.

Брут

К чему вопрос? Иль есть о ней известья?

Мессала

Нет, Брут.

Б р у т

Как римлянин, скажи мне прямо правду.

М е с с а л а

И ты, как римлянин, снеси всю правду:
Она погибла необычной смертью.

Б р у т

Прости, о Порция.—Мы все умрем, Мессала.
Лишь мысль о том, что смертна и она,
Дает мне силу пережить утрату.

М е с с а л а

Так переносит горе муж великий.

К а с с и й

Я на словах все это также знаю,
На деле же осуществить не в силах.

Б р у т

За дело, за живое. Ваше мнение
О том, чтоб нам самим идти к Филиппам?

К а с с и й

Я против.

Б р у т

Почему?

К а с с и й

Вот почему:

Пусть лучше враг отыскивает нас,
Он утомит войска, растратит средства
И понесет урон, мы ж сохраним
На отдыхе и силы и подвижность.

Б р у т

Хороший довод лучшему уступит.
Все жители вокруг, вплоть до Филипп,
Нам подчиняются по принуждению,
Раздражены поборами и данью,
И неприятель, проходя средь них,
Свои ряды пополнить может ими,
И станет он смелее, подкрепленный.
Всех этих выгод мы его лишим,

Когда мы встретимся с ним при Филиппах,
Народ в тылу оставив.

К а с с и й

Слушай, брат мой...

Б р у т

Постой. Прими в расчет, что от друзей
Все взято нами; наши легионы
Здесь в полном сборе; наш успех созрел,
Враг на подъеме, набирает силы;
А нам с вершины под уклон идти.
В делах людей прилив есть и отлив,
С приливом достигаем мы успеха,
Когда ж отлив наступит, лодка жизни
По отмелям несчастий волочится.
Сейчас еще с приливом мы плывем.
Воспользоваться мы должны теченьем,
Иль потеряем груз.

К а с с и й

Итак, вперед!

Идем и под Филиппами их встретим.

Б р у т

Подкралась тьма во время разговора,
И мы должны природе подчиниться
И дать себе хотя бы скудный отдых.
Всё ль обсудили мы?

К а с с и й

Всё. Доброй ночи.

С рассветом выступаем мы туда.

Б р у т

Луций!

Входит Л у ц и й.

Одежду дай.

Л у ц и й уходит.

Прощай, Мессала.—

Титиний, доброй ночи!—Славный Кассий,
Спокойно спи и отдыхай.

К а с с и й

Мой брат!

Начало ночи было неспокойно.
Не будет больше между нас разлада!
Не так ли, Брут?

Б р у т

Теперь все хорошо.

К а с с и й

Спокойной ночи, Брут.

Б р у т

Спокойной ночи, брат.

Т и т и н и й, М е с с а л а

Спокойной ночи, Брут.

Б р у т

Прощайте все.

Кассий, Титиний и Мессала уходят.

Входит Луций с одеждой.

Одежду дай. А лютия где твоя?

Л у ц и й

В палатке здесь.

Б р у т

Ты говоришь так сонно.

Я не виню тебя: не спал ты долго.
Пусть Клавдий и еще один из стражи
В моей палатке лягут на подушках.

Л у ц и й

Варрон и Клавдий!

Входят Варрон и Клавдий.

В а р р о н

Что, господин?

Б р у т

Ложитесь спать здесь у меня в палатке,
Быть может, вскоре вас я подниму
И к Кассию с известием отправлю.

В а р р о н

Так лучше нам не спать и быть на страже.

Б р у т

Не нужно, лучше спать ложитесь оба.
Быть может, посылать вас не придется.—
Вот книга, Луций. Я ее искал,
Хоть сам же положил в карман одежды.

Варрон и Клавдий ложатся.

Л у ц и й

Мой господин ее мне не давал.

Б р у т

Прости меня, мой мальчик, я забывчив.
Не можешь ты пободрствовать немного
И мне на лютне что-нибудь сыграть?

Л у ц и й

Коль господин мой хочет.

Б р у т

Да, мой мальчик,
Тебя я беспокою, ты ж послушен.

Л у ц и й

Ведь это долг мой.

Б р у т

Не требую я долга свыше сил,
Я знаю, юность любит отдохнуть.

Л у ц и й

Я спал, мой господин.

Б р у т

И хорошо, и должен лечь опять.
Сыграй немного. Если жить останусь,
Тебя я отдарю.

Музыка и пение.

Дремотный звук. Не ты ли, сон-убийца,
К нему жезлом свинцовым прикоснулся
И музыку прервал? Спи, нежный отрок,
Не буду я тебя будить, ты дремлешь

И можешь лютню, выронив, разбить.
Возьму ее; спокойной ночи, мальчик.
Взгляну—не перевернута ль страница,
Где я читал? Вот, кажется, она.

Входит призрак Цезаря.

Как потускнел светильник? Эй, кто там?
Глаза мои устали; оттого
Почудилось им страшное виденье.
Но близится оно... Что ты такое?
Кто ты такой—бог, добрый дух иль демон,
Что леденеет кровь и волос дыбом
Становится? Ответь мне, кто ты?

Призрак

Я твой злой гений, Брут.

Брут

Зачем явился?

Призрак

Сказать, что встретимся мы при Филиппах.

Брут

Тебя увижу вновь?

Призрак

Да, при Филиппах.

Брут

Тебя готов я при Филиппах встретить.

Призрак уходит.

Пришел в себя, а он уже исчез.
Злой гений, я с тобой поговорил бы.—
Эй, Луций! Клавдий и Варрон! Проснитесь!
Клавдий!

Луций

Я не настроил струны.

Брут

Он думает, что все еще играет.—
Проснись же, Луций!

Луций

Мой господин?

Б р у т

Какой ты видел сон, что так кричал?

Л у ц и й

Я не заметил, чтобы я кричал.

Б р у т

Нет, ты кричал. Ты видел что-нибудь?

Л у ц и й

Нет, господин.

Б р у т

Спи, Луций.—Пробудись же, Клавдий.

(Варрону.)

Вставай и ты!

В а р р о н

Мой господин?

К л а в д и й

Мой господин?

Б р у т

Что вы кричали громко так во сне?

В а р р о н, К л а в д и й

Кричали мы?

Б р у т

Да, что вы увидали?

В а р р о н

Я ничего не видел.

К л а в д и й

И я тоже.

Б р у т

Спешите к Кассию с моим посланьем.

Пусть с войском раньше выступит, а мы
За ним последуем.

В а р р о н, К л а в д и й

Приказ исполним.

Уходят.

А К Т V

СЦЕНА I

Равнина у Филипп.

Входят О к т а в и й, А н т о н и й и их войска.

О к т а в и й

Сбылись надежды наши, Марк Антоний.
Ты говорил, что враг вниз не сойдет,
А будет на горах вверху держаться.
Совсем не так: вон их войска, вблизи,
Они хотят нас у Филипп настигнуть,
Ударив раньше, чем на них ударят.

А н т о н и й

Я лучше знаю их и понимаю,
Что гонит их сюда. Они бы рады
Уйти в другое место, но спустились
С трусливой храбростью, надеясь этим
Нам выказать свою неустрашимость.
Но это ложь.

Входит вестник.

В е с т н и к

Готовьтесь, полководцы;
Противник движется в порядке стройном,
И поднял он знамена боевые.
Немедленно мы действовать должны.

А н т о н и й

Октавий, ты веди свои войска.
Не торопясь, налево по равнине.

О к т а в и й

Направо поведу, а ты налево.

А н т о н и й

Зачем перечишь мне в такое время?

О к т а в и й

Я не перечу; просто так хочу.

Движение войск.

Барабанный бой. Входят Брут, Кассий и их войска;
Луцилий, Титиний, Мессала и другие.

Б р у т

Они стоят и ждут переговоров.

К а с с и й

Титиний, стой: мы выйдем говорить.

О к т а в и й

Антоний, дать ли нам сигнал к сражению?

А н т о н и й

Нет, Цезарь, лучше отразим их натиск.
Пойдем; вожди их говорить хотят.

О к т а в и й

Ни с места до сигнала.

Б р у т

Начнем с речей, а биться после будем.

О к т а в и й

Но мы речей не любим так, как вы.

Б р у т

Речь добрая удара злого лучше.

А н т о н и й

Ты злой удар приправил речью доброй.
Не ты ли, Брут, его ударив в сердце,
Кричал: «Да здравствует! Живи, о Цезарь!»

К а с с и й

Как ты разишь, не знаем мы, Антоний,

Слова ж твои ограбили пчел Гиблы²⁴,
Ты мед у них похитил.

А н т о н и й

Но не жало.

Б р у т

Не только мед и жало, но и голос.
Ведь ты жужжанье их украл, Антоний,
И, прежде чем ударить нас, жужишь.

А н т о н и й

Не так, как вы, злодеи, чьи кинжалы
Сшибались, в тело Цезаря вонзаясь.
По-обезьяньи скалясь, ластясь псами,
Вы рабски Цезарю лобзали ноги,
А Каска, трус, как пес подкравшись сзади,
Ударил в шею Цезаря. Лстецы!

К а с с и й

Лстецы! Ну, Брут, благодари себя:
Язык его не поносил бы нас,
Когда бы внял ты Кассию.

О к т а в и й

Поближе к делу: спор нас в пот бросает,
А битва выжмет капли покрасней.
Смотрите:
На заговорщиков я вынул меч.
Когда он в ножны вложится опять?
Не раньше, чем отмстятся тридцать три
Все раны Цезаря иль новый Цезарь²⁵
Вновь кровью обагрят мечи убийц.

Б р у т

От рук убийц ты, Цезарь, не падешь,
Коль ты с собой их не привел.

О к т а в и й

Надеюсь.

Я не рожден для Брутова меча.

Б р у т

О юноша, и отпрыск самый лучший
Почетней этой смерти не найдет.

К а с с и й

Школяр-драчун не стоит этой чести
В придачу с маскарадником, кутилой.

А н т о н и й

Все тот же Кассий!

О к т а в и й

Прочь пойдем, Антоний!—
Убийцы, вызов вам в лицо бросаем:
Осмелитесь—сегодня ждем вас в поле,
Коль нет—в другой раз наберитесь духа.

Октавий, Антоний и их войска уходят.

К а с с и й

Дуй, ветер! Бей, прибой! Плыви, корабль!
Поднялась буря, и всем правит случай.

Б р у т

Луцилий, на два слова.

Л у ц и л и й

(выходя вперед)

Что, начальник?

Брут и Луцилий разговаривают в стороне.

К а с с и й

Мессала!

М е с с а л а

(выходя вперед)

Что прикажешь мне?

К а с с и й

Мессала,

Сегодня день рожденья моего,
Родился Кассий в этот день. Дай руку
И будь свидетелем, что против воли
Я на одно сраженье, как Помпей,
Поставить должен все свободы наши.
Ты знаешь, я сторонник Эпикура,
Но мнение свое переменял
И склонен верить в предзнаменования²⁶.

Когда от Сард мы шли, на наше знамя
Спустились два орла, как на насест.
Из рук солдат они хватали пищу
И до Филипп сопровождали нас.
Сегодня ж утром вдруг они исчезли,
И вороны и коршуны взамен их
Кружат над нами и на нас глядят
Как на добычу; тени их сгустились,
Как полог роковой, и наше войско
Под ним готово испустить свой дух.

Мессала

Не думай так.

Кассий

Я верю лишь отчасти,
Но дух мой бодр, и я решился твердо
Опасностям всем противостоять!

Брут

Вот так, Луцилий.

Кассий

Благородный Брут,
К нам боги благосклонны; да продлятся
Нам дни до старости средь дружбы мирной!
Но переменчивы дела людские,
И к худшему должны мы быть готовы.
Ведь если мы сражение проиграем,
То здесь беседуем в последний раз.
Что ты тогда решишься предпринять?

Брут

Согласно философии своей
Катона за его самоубийство
Я порицал; и почему, не знаю,
Считаю я и низким и трусливым
Из страха перед тем, что будет,—жизнь
Свою пресечь. Вооружась терпением,
Готов я ждать решения высших сил,
Вершительниц людских судеб.

Кассий

Так, значит,
Согласен ты, сражение проиграв,
Идти в триумфе пленником по Риму?

Б р у т

Нет, Кассий, нет. Ты, римлянин, не думай,
Что Брута поведут в оковах в Рим.
Нет, духом он велик. Но этот день
Окончит начатое в иды марта.
Не знаю, встретимся ли мы опять,
Поэтому простимся навсегда.
Прощай же навсегда, навеки, Кассий!
И если встретимся, то улыбнемся;
А нет,—так мы расстались хорошо.

К а с с и й

Прощай же навсегда, навеки, Брут!
И если встретимся, то улыбнемся;
А нет,—так мы расстались хорошо.

Б р у т

Так выступай. О, если б знать заранее,
Чем кончится сегодня наша битва!
Но хорошо, что будет день окончен,
Тогда конец узнаем.—Эй, вперед!

Уходят.

СЦЕНА 2

Поле битвы.

Боевой сигнал. Входят Б р у т и М е с с а л а.

Б р у т

Скачи, скачи, Мессала, и приказ
К тем легионам отвези скорей.

Громкий боевой сигнал.

Пусть разом нападают; я заметил,
Что дрогнуло Октавия крыло,
Удар внезапный опрокинет их.
Скачи, Мессала: пусть ударят сверху.

Уходят.

СЦЕНА 3

Другая часть поля.

Боевые сигналы. Входят К а с с и й и Т и т и н и й.

К а с с и й

Смотри, Титиний, как бегут мерзавцы!
И для своих я сделался врагом.
Вот этот знаменосец побежал,
И, труса заколовши, взял я знамя.

Т и т и н и й

О Кассий, Брут приказ дал слишком рано.
Октавия он одолеть успел,
Но грабить кинулись его солдаты,
А нас Антоний окружил кольцом.

Входит П и н д а р.

П и н д а р

Беги, мой господин, беги скорей!
Ведь Марк Антоний захватил твой лагерь.
Спасайся, Кассий доблестный, спасайся!

К а с с и й

Но холм от них далек. Взгляни, Титиний,
Не там ли лагерь мой, где видно пламя?

Т и т и н и й

Да, там.

К а с с и й

Титиний, из любви ко мне
Вскочи на моего коня и мчись,
Его пришпорив, до того вон войска
И вновь назад—чтобы я знал наверно,
Враги ли это там или друзья.

Т и т и н и й

Вернусь назад я с быстротою мысли.

Уходит.

К а с с и й

Ты, Пиндар, поднимись на холм повыше²⁷,

Я зреньем слаб; следи за ним глазами
И говори о всем, что видно в поле.

Пиндар всходит на холм.

Дал жизнь мне этот день и жизнь возьмет.
И там, где начал, должен я окончить.
Круг жизни завершен. Что там ты видишь?

П и н д а р
(сверху)

О господин!

К а с с и й
Какие вести?

П и н д а р
Титиний отовсюду окружен.
За ним, пришпорив, всадники несутся;
Он скачет. Вот они его нагнали.
Титиний! Спешились. С коня сошел он.
Он взят.

Крик.

Они от радости кричат.

К а с с и й
Довольно. Не смотри.
Я трус и дожил до того, что вижу,
Как лучший друг взят на глазах моих!

Пиндар спускается.

Ко мне приблизься.
Тебя в плен захватил я у парфян,
И ты тогда, спасенный мной, поклялся
Исполнить все, что прикажу тебе.
Теперь приблизься и исполни клятву.
Свободен будь; и этим вот мечом,
Сразившим Цезаря, убей меня.
Не возражай; держись за рукоять;
Как только я лицо свое закрою.
Убей меня мечом.

Пиндар закалывает его.

Отмщен ты, Цезарь,
Мечом тем самым, что тебя сразил.
Умирает.

П и н д а р

Свободен я; но не такой ценой
Хотел добыть свободу я. О Кассий!
Далеко Пиндар убежит отсюда,
И не услышат римляне о нем.

Уходит.

Входят Титиний и Мессала.

М е с с а л а

В расчете мы, Титиний; ведь Октавий
Разбит войсками доблестного Брута,
Как легионы Кассия Антонием.

Т и т и н и й

Известье это Кассия подбодрит.

М е с с а л а

Где ты его оставил?

Т и т и н и й

В скорби здесь,
На этом вот холме, с ним Пиндар, раб.

М е с с а л а

Не он ли это на земле лежит?

Т и т и н и й

Лежит, как мертвый, он. О, горе мне!

М е с с а л а

То он?

Т и т и н и й

Нет, это было им, Мессала,
Нет больше Кассия. Как ты, о солнце,
Кроваво заходящее пред ночью,
День Кассия померк в его крови,—
Угасло солнце Рима! День наш кончен;
Мгла, гибель близки; завершён наш подвиг!
Неверье в мой успех его сгубило.

М е с с а л а

Неверие в успех его сгубило.
Ужасная ошибка, дочь печали,

Зачем морочишь ты воображенье
Несуществующим? Зачавшись быстро,
Не знаешь ты счастливого рожденья
И губишь мать, родившую тебя.

Т и т и н и й

Эй, Пиндар! Где ты, Пиндар, отзовись!

М е с с а л а

Ищи его, Титиний. Я ж пойду,
Чтоб доблестного Брута прямо в уши
Сразить известьем этим; да сразить,—
Пронзающая сталь и копья с ядом
Приятней были б для ушей его,
Чем эта весть.

Т и т и н и й

Спешу к нему, Мессала,
Я ж Пиндара куда поищу.

М е с с а л а уходит.

Зачем меня послал ты, храбрый Кассий?
Иль не нашел друзей я? Не они ль
Меня венком победным увенчали,
Чтоб передать тебе? Не слышал ты их кликов?
Увы, ты это все превратно понял.
Прими же на чело свое венок,
Твой Брут дал для тебя его, и я
Исполню порученье. Брут, приди
Взглянуть, как мной увенчан Кассий Кай.
Вот, боги, римлянина долг: найди,
Меч Кассия, и сердце здесь в груди.

Убивает себя.

Боевой сигнал. Входит Мессала вместе с Брутом,
юным Катонем, Стратоном, Луцилием и другими.

Б р у т .

Где, где, Мессала, прах его лежит?

М е с с а л а

Вон там, и вместе с ним Титиний в скорби.

Б р у т

Простерт Титиний навзничь.

К а т о н

Тоже мертв.

Б р у т

О Юлий Цезарь, ты еще могуч!
И дух твой бродит, обращая наши
Мечи нам прямо в грудь.

Отдаленные боевые сигналы.

К а т о н

Титиний Храбрый!

Взгляните: мертвый Кассий им увенчан!

Б р у т

Таких двух римлян больше нет на свете!
Последний из всех римлян, о прости!
Не сможет никогда Рим породить
Подобного тебе. Друзья, я должен
Ему слез больше, чем сейчас плачу.
Сейчас не время, Кассий, нет, не время.
На остров Фазос²⁸ прах его доставьте:
Не место в лагере для погребенья.
Оно расстроит нас.—Идем, Луцилий,
И ты, Катон; на поле все пойдем.—
Войска ведите, Лабеон и Флавий.
Час третий. Римляне, еще до тьмы
В бою вновь счастье попытаем мы.

Уходят.

СЦЕНА 4

Другая часть поля.

Боевой сигнал. Входят, сражаясь, солдаты обеих армий; затем—
Брут, юный Катон, Луцилий и другие.

Б р у т

Вперед, сограждане, не падать духом!

К а т о н

Меж нас нет вырожденцев! Эй, кто со мной?
Свое я имя оглашаю в поле.
Отец мой Марк Катон, я сын его!

Тиранам враг и друг своей отчизне!
Я сын Катона Марка, эй вы там!

Б р у т

Я—Брут, Марк Брут! Узнайте же, кто я.
Брут, друг своей страны! Узнайте Брута!

Уходит сражаясь.

Юный Катон, сраженный, падает.

Л у ц и л и й

О юный доблестный Катон, ты пал?
Ты умираешь храбро, как Титиний,
И доказал, что ты Катона сын.

П е р в ы й с о л д а т

Сдавайся иль умри!

Л у ц и л и й

Сдаюсь, чтоб умереть.
Довольно ли, чтоб ты меня убил?

(Предлагает деньги.)

Убей же Брута, славься этой смертью.

П е р в ы й с о л д а т

Нет, не убьем. Ведь это знатный пленник!

В т о р о й с о л д а т

Антонию скажите: Брут захвачен.

П е р в ы й с о л д а т

Сейчас скажу. Вот он сюда идет.

Входит А н т о н и й.

Брут взят, Брут нами взят, мой господин.

А н т о н и й

Где ж он?

Л у ц и л и й

Не здесь, Антоний. Брут вам не отдастся.
Ручаюсь я, что никогда живым
Враг не захватит доблестного Брута.
Ему защитой боги от позора!
Найдете ль вы его живым иль мертвым,
Все ж верен Брут останется себе.

А н т о н и й

Не Брута взяли вы, друзья; но все же
Цена его не меньше. Охраняйте
Его с почетом. Я б хотел иметь
Таких людей друзьями, не врагами.
Узнайте, жив ли Брут или убит,
И обо всем в Октавия палатку
Нам сообщите после.

Уходят.

СЦЕНА 5

Другая часть поля.

Входят Брут, Дарданий, Клит, Стратон и Волумний.

Б р у т

Остатки жалкие друзей, на отдых!

К л и т

Стабий поднял факел²⁹, господин мой,
Но не вернулся: в плен взят иль приколот.

Б р у т

Присядь же, Клит. Приколот, да, сейчас
Прикалывают нас. Послушай, Клит.

(Шепчет ему.)

К л и т

О, господин? Нет, ни за что на свете.

Б р у т

Молчи.

К л и т

Нет, я скорей убью себя.

Б р у т

Дарданий, слушай.

(Шепчет ему.)

Д а р д а н и й

Чтоб я это сделал?

К л и т

Дарданий!

Д а р д а н и й

О Клит!

К л и т

О чем ужасном Брут тебя просил?

Д а р д а н и й

Убить его. Смотри, он размышляет.

К л и т

Перепополняет душу Брута скорбь
Так, что она из глаз его струится.

Б р у т

Волумний добрый, на одно лишь слово...

В о л у м н и й

Что хочешь ты сказать?..

Б р у т

Вот что, Волумний,

Тень Цезаря ко мне являлась дважды
Средь мрака ночи,—в первый раз у Сард
И прошлой ночью в поле у Филипп.
Я знаю, что мой час пришел.

В о л у м н и й

Нет, Брут!

Б р у т

О нет, не ошибаюсь я, Волумний.
Ты видишь, что свершается на свете:
Врагами загнаны мы к ловчей яме.

Звучит боевой сигнал.

И лучше прыгнуть нам в нее самим,
Чем ждать, пока столкнут. Волумний добрый,
Ты помнишь, в школе мы учились вместе.
Прошу тебя во имя старой дружбы,
Держи мой меч—я брошусь на него.

В о л у м н и й

Не дружеская то услуга, Брут.

Снова боевой сигнал.

К л и т

Беги, мой господин. Нельзя здесь медлить!

Б р у т

Прощайте все, и ты, и ты, Волумний.—
Стратон, все это время ты дремал,
Прощай и ты, Стратон.—Сограждане.
Я рад сердечно, что ни разу в жизни
Людей мне изменивших не встречал.
Прославлюсь я несчастным этим днем,
И больше, чем Октавий и Антоний,
Достигшие своей победы низкой.
Прощайте все; язык мой досказал
Повествование о жизни Брута.
Перед глазами ночь. Покоя жажду,
Я заслужил его своим трудом.

Боевой сигнал. Крик за сценой: «Бегите! Бегите! Бегите!»

К л и т

Беги, мой господин!

Б р у т

Сейчас! За вами!

Клит, Дарданий и Волумний уходят.

А ты, Стратон, останься с господином.
Ведь ты как будто человек достойный
И не лишенный искры благородства.
Ты отверни лицо и меч держи,
Я брошусь на него. Стратон, согласен?

С т р а т о н

Дай руку мне. Прощай, мой господин.

Б р у т

Прощай, Стратон. О Цезарь, не скорбя,
Убью себя охотней, чем тебя!

(Бросается на свой меч и умирает.)

Боевой сигнал. Отступление. Входят Октавий, Антоний,
Мессала, Луцилий и войско.

О к т а в и й

Кто этот человек?

М е с с а л а

Служитель Брута. Где же Брут, Стратон?

С т р а т о н

Не будет он в плену, как ты, Мессала,
И победитель может сжечь его.
Брут лишь самим собою побежден.
Никто его убийством не прославлен...

Л у ц и л и й

Не сдался Брут живым. Спасибо, Брут,
Ты подтвердил Луцилия слова.

О к т а в и й

Беру к себе всех, кто служил у Брута.
Скажи—согласен ли ты мне служить?

С т р а т о н

Да, коль на то Мессала согласится.

О к т а в и й

Мессала, согласись.

М е с с а л а

Как умер Брут, Стратон?

С т р а т о н

Он бросился на меч, что я держал.

М е с с а л а

Октавий, так возьми к себе на службу
Того, кто Бруту до конца служил.

А н т о н и й

Он римлянин был самый благородный.
Все заговорщики, кроме него,
Из зависти лишь Цезаря убили,
А он один—из честных побуждений,
Из ревности к общественному благу.
Прекрасна жизнь его, и все стихии
Так в нем соединились, что природа
Могла б сказать: «Он человеком был!»

О к т а в и й

За эту доблесть мы его как должно,
Торжественно и пышно похороним,
Положим прах его в моей палатке,
Все воинские почести отдав.
Войска на отдых! И пойдем скорее
Делить счастливейшего дня трофеи.

Уходят.

Макбет

Трагедия в 5 актах

Перевод
Б. Пастернака

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Дункан, король шотландский.

Малькольм }
Дональбайн } его сыновья.

Макбет¹, родственник короля }
Банко } шотландские полководцы.

Макдуф }
Ленокс }
Росс } владетели шотландских областей.
Ментейс }
Ангус }
Кэтнес }

Флинс, сын Банко.

Сивард, граф Нортумберлендский, английский полководец.

Молодой Сивард, его сын.

Сейтон, оруженосец Макбета.

Малолетний сын Макдуфа.

Английский врач.

Шотландский врач.

Сержант.

Привратник.

Старик.

Леди Макбет.

Леди Макдуф.

Придворная дама при леди Макбет.

Геката².

Три ведьмы³.

Дух Банко и другие призраки.

Лорды, знать, офицеры, солдаты, убийцы, слуги
и гонцы.

Действие происходит в Шотландии и Англии в середине XI века.

А К Т I

СЦЕНА I

Пустынное место. Гром и молния.

Входят три ведьмы.

Первая ведьма

Когда средь молний, в дождь и гром
Мы вновь увидимся втроем?

Вторая ведьма

Когда один из воевод
Другого в битве разобьет.

Третья ведьма

Заря решит ее исход.

Первая ведьма

Где нам сойтись?

Вторая ведьма

На пустыре.

Третья ведьма

Макбет там будет к той поре.

Первая ведьма

Мурлычет кот, зовет. Иду!

Третья ведьма

Зов жабы⁴ слышу я в пруду.

Все вместе

Зло есть добро, добро есть зло.

Летим, вскочив на помело!

Исчезают.

СЦЕНА 2

Лагерь близ Форреса.

Боевые клики за сценой.

Входят Дункан, Малькольм, Дональдбайн и Леонок
со свитой.

Навстречу им попадает раненый сержант.

Д у н к а н

Кто этот окровавленный солдат?
Мне кажется, мы от него узнаем
О ходе мятежа.

М а л ь к о л ь м

Он—тот сержант,
Который мне помог избежать плена.
Здорово, друг! Король желает знать,
В каких условиях ты оставил схватку.

С е р ж а н т

Еще не выяснилось, чья возьмет.
Противники—как два пловца, которым
Борьба мешает двигаться в воде.
Безжалостный Макдональд, сочетавший
В себе все низости бунтовщика,
Набрал отряд ирландских копьеносцев
И поднял западные острова.
Судьба старалась поддержать повстанца.
Но ничего поделаться не могла.
Храбрец Макбет (он назван так по праву)
Пробил себе отважно путь мечом,
Дымившимся кровавым воздаяньем,
И, став с изменником лицом к лицу,
Руки не жал, прощальных слов не тратил,
Но голову ему с размаху снес
И водрузил ее на частоколе.

Д у н к а н

Наш храбрый родич! Чести образец!

С е р ж а н т

Но как безоблачность сменяют тучи
И буря топит в море корабли,
Так и источник нашего спасенья
Вдруг превратился в гибели родник.
Внимательней, король шотландский, слушай:

Едва лишь восторжествовал закон,
Оружьем обратив ирландцев в бегство,
Король норвежский, улучивши миг,
На нас повел нетронутые силы.

Д у н к а н

И что ж, скажи, он этим устранил
Командующих—Банко и Макбета?

С е р ж а н т

Да, устранил, как воробей—орла
И заяц—льва! Сказать тебе по правде,
Они, как пушки мощности двойной⁵,
Удвоили решительность ударов.
Омыться ль жаждали они в крови,
Увековечить новую ль Голгофу,
Не знаю...
Слабею. Раны жгут.

Д у н к а н

Твои слова

И эти раны говорят о чести.
Доставьте поскорей ему врача.

Сержанта уводят.

Кто там идет?

Входит Р о с с.

М а л ь к о л ь м

Почтенный русский тан.

Л е н о к с

Как у него горят глаза! Наверно,
Он новость необычную принес.

Р о с с

Да здравствует король!

Д у н к а н

Откуда ты,

Достойный тан⁶?

Р о с с

Я, государь, из Файфа,
Где небо овевал норвежский стяг
И наводил на наше войско холод.
Там полчища норвежские слились
С отпавшим от тебя кавдорским таном
И завязали с нами страшный бой.

Но подоспел Макбет, жених Беллоны⁷,
В своей непроницаемой броне,
Сошелся с ними в жаркой рукопашной,
И враг обуздан. Проще говоря—
Мы победили.

Д у н к а н
Какова удача!

Р о с с
Норвежцы мира просят. Мы же им
Не разрешили хоронить убитых,
Пока король их Свен не заплатил
В Сент-Кольме десять тысяч золотыми.

Д у н к а н
Поправший верность нам кавдорский тан
Наказан будет смертью за обман.
А с областями вражьего клеветы
И с титулом его поздравь Макбета.

Р о с с
Исполню все.

Д у н к а н
Чего лишился тот,
Достойнейший Макбет приобретет.
Уходят.

СЦЕНА 3

Степь. В отдалении гром.
Входят три ведьмы.
Первая ведьма
Где ты была, сестрица?
Вторая ведьма
Мор насылала на свиней.
Третья ведьма
А ты, сестра?

Первая ведьма
Со шкипершой сидела.
У той каштанов полон был подол.
Сама знай щелк себе да щелк!
«Дай погрызу»,—я попросила.

А эта тварь как гаркнет: «Вон отсюда,
Проклятая карга!»
Плывет на «Тигре» муж ее в Алеппо,
А я на днище решета
Пушусь, как крыса без хвоста⁸,
За ним, за ним, за ним в погоню.

В т о р а я в е д ь м а

А я подую в решето.

П е р в а я в е д ь м а

Благодарю тебя за то.

Т р е т ь я в е д ь м а

Я тоже ветров напущу.

П е р в а я в е д ь м а

А я своими угощу.

Дуновеньем их задеты
Все края и страны света,
Как по компасу штурвал
Направленья б ни держал.
Я в дорогу моряку
Дам в подруги грусть-тоску,
Чтоб, скучая, ни на час
Не смыкал он ночью глаз,
Чтоб забыл покой и сон
Девяносто девять дён,
Чтобы таял он и сох,
Торопя последний вздох.
Но ни бурям, ни волнам
Потопить его не дам.

Гляди, что у меня.

В т о р а я в е д ь м а

Дай я взгляну.

П е р в а я в е д ь м а

Это палец морехода:
Близ земли свалился в воду.

Бой барабана за сценой.

Т р е т ь я в е д ь м а

Слышишь, слышишь—барабанят!
Скоро нам Макбет предстанет.

В с е

Взявшись за руки, бегом
Вкруговую в пляс пойдем.
Замелькает хоровод,
Из-под ног земля уйдет.
Десять раз кругом, кругом
Обежим и круг замкнем.
Круг заклят, и слово наше крепко!

Входят Макбет и Банко.

Макбет

Прекрасней и страшней не помню дня.

Банко

Далёко ли до Форреса? Кто это?
Как жалок вид их и как дик наряд!
Они так отличаются от прочих
Жильцов земли, и все ж они на ней!
Кто вы такие? Вы живые твари?
Вас можно спрашивать? Как будто да.
Вы поняли меня и приложили
Сухие пальцы к высохшим губам.
Вы—женщины, но бороды на лицах
Как будто говорят нам о другом.

Макбет

Кто вы, ответьте, если речь дана вам!

Первая ведьма

Хвала тебе, Макбет, гламисский тан!

Вторая ведьма

Хвала тебе, Макбет, кавдорский тан!

Третья ведьма

Хвала Макбету, королю в грядущем!

Банко

Зачем ты содрогнулся? Их слова
Ласкают слух. А вас прошу, признайтесь:
Вы вправду существуете иль нам
Мерещитесь? Вы предрекли Макбету
Сверх скорого наследства новый сан
И королевский титул. Он в смятенье.

А мне вы не сказали ничего.
Но если, наперед судьбу предвидя,
Вы знаете, что станется, что нет,
Поворожите также человеку,
Который милости от вас не ждет
И ненависти вашей не боится.

Первая ведьма

Хвала!

Вторая ведьма

Хвала!

Третья ведьма

Хвала!

Первая ведьма

Ты менее Макбета, но и больше.

Вторая ведьма

Без счастья, но счастливее его.

Третья ведьма

Ты предок королей, но не король.

Хвала, хвала вам, Банко и Макбет!

Первая ведьма

Хвала вам, Банко и Макбет, хвала вам!

Макбет

Гадальщицы скупые, не таитесь!

Понятно, если умер мой отец,

Гламисский тан, я, значит, тан гламисский.

Но жив и здравствует кавдорский тан,

И сделаться им так же невозможно,

Как трудно стать шотландским королем.

Откуда ваши сведенья? Откуда

Вы сами, встретившие нас в степи

Пророческим приветствием? Скажите.

Ведьмы исчезают.

Банко

Земля пускает так же пузыри,

Как и вода. Явились на поверхность

И растеклись.

М а к б е т

Рассеялись, как пар,
И в воздухе растаяли бесследно.
А жаль, что скрылись. Я б их расспросил.

Б а н к о

Действительно ли тут они стояли,
Иль мы с тобой объелись белены?

М а к б е т

Твои потомки станут королями.

Б а н к о

Ты будешь сам при жизни королем.

М а к б е т

А также и кавдорским таном. Правда?

Б а н к о

Да, в точности. Кто там идет?

Входят Р о с с и А н г у с.

Р о с с

Макбет!

Король был рад узнать про твой успех.
Уже и утренней твоей победе
Он расточал в восторге похвалы,
Когда ж к исходу дня ты оказался
В бою с норвежцами, не устрасаясь
Тобой нагроможденных зрелищ смерти,
Для прославлений не хватило слов.
Летели градом вести с поля битвы
И прибавляли новые черты
К твоим заслугам перед королевством.

А н г у с

Король награды с нами не послал,
А благодарность лишь и приглашенье
Пожаловать к нему.

Р о с с

Но он велел

Именовать тебя кавдорским таном
В залог дальнейших благ. Хвала тебе!
По праву заслужил ты новый титул.

Банко
(в сторону)

Как! Черт умеет правду говорить?

Макбет

Но тан кавдорский жив. Не понимаю,
Зачем рядить меня в чужой наряд?

Ангус

Кто таном был, еще живет, но жизнью
Заплатит, так он тяжко обвинен.
Норвежский ли союзник или бунта
Негласный соучастник, только он
Виновен в государственной измене,
В ней уличен, сознался и умрет.

Макбет
(в сторону)

Гламисский и кавдорский тан! А дальше
Венец!

(Россу и Ангусу.)

Благодарю вас за труды.

(В сторону, Банко.)

Ну, как твои надежды, основатель
Династии! Действительно ведь я—
Кавдорский тан?

Банко
(в сторону, Макбету)

На этом основанье
Ты мог бы о короне возмечтать.
Но духи лжи, готовя нашу гибель,
Сперва подобьем правды манят нас,
Чтоб уничтожить тяжестью последствий.

(Обращается к Россу и Ангусу.)

Послушайте...

Отходит.

Макбет
(в сторону)

Две истины сбылись,
Вводящие к предвестью высшей власти.
Начало есть.

(Россу и Ангусу.)
Спасибо, господа!
(В сторону.)

Те сверхъестественные поощренья
Не могут быть ни к худу, ни к добру.
Они не к худу: в этих предсказаниях
Скрывалась правда. Я кавдорский тан.
Они не могут быть к добру: иначе
Я б разве мог внушеньям уступать,
Которых ужас волосы мне дыбит
И заставляет сердце в ребра бить?
Воображаемые страхи хуже
Действительных. Я весь оледенел
При допущенье этого убийства,
И жизнь передо мной заслонена
Плодом воображенья, небылицей.

Б а н к о
(Россу и Ангусу)

Вы видите, как он ушел в себя.

М а к б е т
(в сторону)

Когда судьба мне хочет дать корону,
Пусть и дает без помощи моей.

Б а н к о
Он должен к новой почести привыкнуть.
Ее, как платье, надо обносить.

М а к б е т
(в сторону)
Ах, будь что будет! Всякий день пройдет,
Какой бы он ни принял оборот.

Б а н к о
Мы ожидаемся, Макбет достойный.

М а к б е т
Простите, господа. Я вспоминал
Упущенное. Ваши одолженья
Я на страницах сердца запишу,
Которые читаю ежедневно.
Пойдемте к королю.
(В сторону, Банко.)

В досужий час
О случае подумай. Будет время,
Поговорим об этом по душам.

Банко
(в сторону, Макбету)
С готовностью!

Макбет
(в сторону, Банко)
А до тех пор ни слова!
Идем, друзья.

Уходят.

СЦЕНА 4

Форрес. Комната во дворце. Трубы.

Входят Дункан, Малькольм, Дональбайн, Ленокс
и свита.

Дункан
Казнен Кавдор? Вернулись верховые,
Отвезшие приказ?

Малькольм
Нет, государь.
Но мне сказал свидетель смерти тана,
Что он во всем покаялся, просил
У вашего величества прощенья
И умер с миром. Жизнь он завершил
Достойнее, чем прожил. Он скончался
В сознание неизбежности конца
И с жизнью, как с игрушкой, распростился.

Дункан
Вот как обманчив внешний вид людей!
Ведь человеку этому я верил
Неограниченно.

Входят Макбет, Банко, Росс и Ангус.

Любезный брат!
Я б не хотел прослыть неблагодарным,
Но за полетом подвигов твоих
Моей признательности не угнаться.
Несоответственно велик размер
Твоих заслуг, и равной нет награды.
Сам на себя пеняй и не досадуй.

Макбет
Я вашему величеству служу
Из верности престолу, вот и плата.

Быть господином—дело короля,
Долг подданного—быть слугой и сыном
И вместе с остальными делать все,
Что требуется честью и любовью.

Д у н к а н

Желанный гость! Тебя я возвышал
И буду возвеличивать и дальше.—
Здорово, благородный Банко! Будь
Не меньшим гостем по своим заслугам.
Дай к сердцу крепко я тебя прижму.

Б а н к о

Пушу я корень в нем, плоды все—ваши.

Д у н к а н

Мне высказаться слезы не дают.
От избытка радости я плачу.
Друзья, соратники и сыновья,
Ближайшие из приближенных, знайте:
Мы право на престол передаем
В наследство сыну старшему, Малькольму,
Который этим самым возведен
В сан принца Комберленда⁹. Я прибавлю:
С ним наряду, подобно блеску звезд,
Осыплет почестями всех достойных.
Макбет, мы едем в Инвернес к тебе
В залог скрепленья нашей тесной дружбы.

М а к б е т

Часы, потраченные не на вас,—
Не отдых, а тяжелая работа.
Чтоб эту радость возвестить жене.
Поеду сам вперед.

Д у н к а н

Мой тан кавдорский!

М а к б е т

(в сторону)

Принц Комберленд мне преграждает путь.
Я должен пасть или перешагнуть.
О звезды, не глядите в душу мне,
Такие вожделья там на дне!

Как ни страшило б это, все равно,
Закрыв глаза, свершу, что суждено.

Уходит.

Д у н к а н

Ты, Банко, прав. Я им не нахваляюсь.
Храбрец Макбет мой—пир души и праздник.
Поедем вслед. Он ускакал вперед.
Чтоб приготовить встречу порадушной,
Да, это несравненный человек.

Уходят.

СЦЕНА 5

Инвернес. Комната в замке Макбета.

Входит л е д и М а к б е т, читая письмо.

Л е д и М а к б е т

«Я встретил их в счастливый день и удостоверился, что
знание их безмерно. Мне не терпелось расспросить их по-
подробнее, но они улетучились в воздухе. Пока я стоял,
пораженный виденным, явились люди от короля, назвавшие
меня кавдорским таном, точь-в-точь как незадолго перед
тем величали меня эти вещие сестры; перенеся в более отда-
ленное будущее восклицанием: «Хвала тебе, будущий ко-
роль!» Я счел долгом сообщить тебе это, дорогая
участница моего торжества, чтобы по неведению ты не ли-
шилась доли ожидающей тебя радости. Сложи это в сердце
и прощай».

Да, ты гламисский и кавдорский тан
И будешь тем, что рок сулил, но слишком
Пропитан молоком сердечных чувств,
Чтоб действовать. Ты полон честолюбья.
Но ты б хотел, не замаравши рук,
Возвыситься и согрешить безгрешно.
Мошенничать не станешь ты в игре,
Но выигрыш бесчестный ты присвоишь.
И ты колеблешься не потому,
Что ты противник зла, а потому что
Боишься сделать зло своей рукой.
Спешి домой! Я неотступно в уши
Начну тебе о мужестве трубить

И языком разрушу все преграды
Между тобой и золотым венцом,
Который на тебя возложен свыше
Как бы заранее.

Входит слуга.

Что скажешь ты?

Слуга

Король к нам едет.

Леди Макбет

Что за вздор! А разве
Твой господин не с ним? Тогда бы он
Распорядился о приготовлениях.

Слуга

Макбет сейчас приедет сам. Гонец
Сказал, что обогнал его в дороге.
Вот все, что вымолвить гонец и мог,
Так задыхался.

Леди Макбет

Будь с ним полубезней.
Он с важной новостью.

Слуга уходит.

С зубцов стены

О роковом прибытии Дункана
Охрипший ворон громко возвестил.
Сюда, ко мне, злодейские наитья,
В меня вселитесь, бесы, духи тьмы!
Пусть женщина умрет во мне. Пусть буду
Я лютою жестокостью полна.
Сгустите кровь мою и преградите
Путь жалости, чтоб жизни голоса
Не колебали страшного решения
И твердости его. Сюда, ко мне,
Невидимые гении убийства,
И вместо молока мне желчью грудь
Наполните. Оденься дымом ада,

Глухая ночь, чтоб нож не видел ран,
Которые он нанесет, и небо
Напомнить не могло: «Остановись!»

Входит М а к б е т.

Великий тан гламисский и кавдорский,
Стократ великий тем, что впереди!
Твое письмо меня перенесло
Из нынешнего в будущее время,
И вся я в нем.

М а к б е т

Любовь моя, Дункан
Приедет вечером.

Л е д и М а к б е т

Когда уехать
Он полагает?

М а к б е т

Завтра поутру.

Л е д и М а к б е т

Такого «завтра» никогда не будет.
Мой друг, как в книге, на твоём лице
Легко прочесть диковинные вещи.
Их надо утаить. Чтоб обмануть
Людей, будь сам, как все. Смотри радушной.
Кажись цветком и будь змеей под ним.
Придется позаботиться о госте.
Ты мне самой подумать предоставь,
Как сделать лучше нам ночное дело,
Чтоб остальные ночи все и дни
Царили безраздельно мы одни.

М а к б е т

Поговорим потом.

Л е д и М а к б е т

Но не робей,
Старайся быть как можно веселей
И предоставь все мне.

Уходят.

СЦЕНА 6

Там же. Перед замком Макбета. Трубы и факелы.

Входят Дункан, Малькольм, Дональдбайн, Банко,
Ленокс, Макдуф, Росс, Ангус и свита.

Д у н к а н

В хорошем месте замок. Воздух чист,
И дышится легко.

Б а н к о

Тому порукой

Гнездо стрижа. Нам этот летний гость
Ручается, что небо благосклонно
К убежищу. Нет выступа, столба,
Угла под кровлей, где бы не лепились
Подвешенные люльки этих птиц.
А где они гнездятся, я заметил,—
Здоровый край.

Входит леди Макбет.

Д у н к а н

Вот леди и сама!

Хотя любовь приносит нам заботы,
Однако все мы ею дорожим.
Вот вы и нас тем более цените,
Чем больше мы вам принесли хлопот.

Л е д и М а к б е т

Двойных услуг, учетверенных мало
В сравненье с милостями, государь,
Которыми вы прежде нас дарили
И снова осыпаете. За вас
Мы бога молим.

Д у н к а н

Где же тан кавдорский?

Мы мчались вслед за ним, чтоб обогнать
И встретить здесь, но он ездок хороший,
К тому же шпорами ему в пути
Любовь к жене служила. Так сегодня
Мы—ваши гости.

Л е д и М а к б е т

Мы себя самих

И дом считаем собственностью вашей,
И мы скорей в нем гости, а не вы.

Д у н к а н

Тогда позвольте предложить вам руку.
Ведите к мужу. Он нас покори́л.
Мы будем отличать его все больше.
Идемте, леди.

Уходят.

СЦЕНА 7

Замок Макбета. Трубы и факелы.

Входят и пересекают сцену кравчий и несколько слуг
с кушаньями и посудой. Затем входит Макбет.

М а к б е т

Добро б удар, и делу бы конец,
И с плеч долой! Минуты бы не медлил.
Когда б вся трудность заключалась в том,
Чтоб скрыть следы и чтоб достичь удачи,
Я б здесь, на этой отмели времен,
Пожертвовал загробным воздаяньем.
Но нас возмездье ждет и на земле.
Чуть жизни ты подашь пример кровавый,
Она тебе такой же даст урок.
Ты в кубок яду льешь, а справедливость
Подносит этот яд к твоим губам.—
Король ночует под двойной охраной.
Я—родственник и подданный его,
И это затрудняет покушение.
Затем он—гость. Я должен был бы дверь
В его покой стеречь от нападений,
А не подкрадываться к ней с ножом.
И, наконец, Дункан был как правитель
Так чист и добр, что доблести его,
Как ангелы, затрубят об отмщенье.
И в буре жалости родится вихрь,
И явит облако с нагим младенцем,
И, с этой вестью облетев весь мир,
Затопит морем слез его. Не вижу,
Чем мне разжечь себя. Как шалый конь,

Взовьется на дыбы желанье власти
И валится, споткнувшись в тот же миг.

Входит леди Макбет.

Ну, как дела?

Леди Макбет

Он ужинать кончает.

Зачем ты вышел, встав из-за стола?

Макбет

Он спрашивал меня?

Леди Макбет

Спросил, конечно.

Макбет

Откажемся от замысла. Я всем
Ему обязан. Я в народном мненье
Стою так высоко, что я б хотел
Пожить немного этой доброй славой.

Леди Макбет

А что ж твоя мечта? Была пьяна,
Не выспалась и видит в черном цвете,
Что до похмелья радовало взор?
Так вот цена твоей любви? В желаньях
Ты смел, а как дошло до дела—слаб.
Но совместимо ль жаждать высшей власти
И собственную трусость сознавать?
«И хочется и колется», как кошка
В пословице¹⁰.

Макбет

Прошу тебя, молчи!

Решусь на все, что в силах человека.
Кто смеет больше, тот не человек.

Леди Макбет

Так что за зверь в тот раз тебя заставил
Мне открывать намеренья свои?
Тогда ты мог, и ты был человеком.
Чем раньше вступишь ты на этот путь,
Тем больше будешь им. Хотя ни время,
Ни место не годились, ты в тот раз

Готов был их найти. Искомый случай
Представился, и вот ты отступил!
Кормила я и знаю, что за счастье
Держать в руках сосущее дитя.
Но если б я дала такое слово,
Как ты,—клянусь, я вырвала б сосок
Из мягких десен и нашла бы силы
Я, мать, ребенку череп размозжить!

М а к б е т

А вдруг мы промахнемся?

Л е д и М а к б е т

Промахнемся!

Настройся поотважнее, и мы
Не промахнемся. Целый день проездив,
Дункан устал, и только лишь уснет,
Я напою его оруженосцев
Обоих так, что разведу пары
У них в мозгах, как в перегонных кубах¹¹.
Когда они, уснувши мертвым сном,
Растянутся, как две свиные туши,
Чего не сможем сделать мы вдвоем
Над беззащитным? Что нам помешает
Свалить вину на пьяных сонных слуг
И с ними рассчитаться за убийство?

М а к б е т

Рожай мне только сыновей. Твой дух
Так создан, чтобы жизнь давать мужчинам!
Чтоб выставить убийство делом слуг,
Употребим на это их кинжалы
И выпачкаем кровью их самих.
Поверят ли?

Л е д и М а к б е т

Еще бы не поверить,
Когда подыдем мы свой громкий вопль
Об этой смерти!

М а к б е т

Хорошо, решаюсь.
Готовностью все мышцы налились.
Вернемся в зал и замысел свой черный
Прикроем беззаботностью притворной.

Уходят.

А К Т II

СЦЕНА I

Инвернес. Двор в замке Макбета.

Входит Б а н к о и перед ним Ф л и н с с факелом.

Б а н к о

Который час?

Ф л и н с

Луна зашла. Я боя

Часов совсем не слышал.

Б а н к о

А луна

Заходит в полночь.

Ф л и н с

Но сейчас позднее.

Б а н к о

Возьми мой меч. На небе свеч не жгут

И стали их беречь. Ни зги не видно.

Сон, как свинец, мне веки тяжелит,

А лечь я не решусь. Святые силы!

Меня избавьте от проклятых дум,

Нас искушающих в ночное время.

Входят Макбет и слуга с факелом.

Дай мне мой меч. Кто это?

М а к б е т

Это друг.

Б а н к о

Как, ты еще не спишь? Король был весел,

Когда ложился спать, и одарил

Всех ваших слуг. А этим вот алмазом

Велел пожаловать твою жену,
Как лучшую хозяйку. Он безмерно
Доволен всем.

М а к б е т

Он нас застал врасплох,
Неподготовленными. Угощали
Чем бог послал.

Б а н к о

Все было хорошо.
А я о сестрах вспомнил. Доля правды
Была в их предсказанье о тебе.

М а к б е т

А я о них забыл. Однако можем
Продолжить разговор о них всегда,
Как вздумаешь.

Б а н к о

Когда ты сам захочешь.

М а к б е т

Советуйся со мной—и в должный срок
Достигнешь чести.

Б а н к о

Если не придется
Добыть потерей чести эту честь,
Рад буду слушаться твоих советов.

М а к б е т

Спокойной ночи!

Б а н к о

И тебе того же.

Банко и Флиис уходят.

М а к б е т

Скажи, чтоб позвонила госпожа,
Когда питье мне приготовит на ночь,
И спать ступай.

Слуга уходит.

Откуда ты, кинжал,
Возникший в воздухе передо мною?
Ты рукояткой обращен ко мне,
Чтоб легче было ухватить. Хватаю—
И нет тебя. Рука пуста. И все ж
Глазами не перестаю я видеть
Тебя, хотя не ощутил рукой.
Так, стало быть, ты—бред, кинжал сознания
И воспаленным мозгом порожден?
Но нет, вот ты, ничем не отличимый
От вынутого мною из ножен.
Ты мой дорожный знак, напоминанье,
Куда идти и что мне захватить.
Так близоруко ль я обманут или,
Наоборот, так вижу далеко,
Но ты маячишь снова пред глазами,
В крови, которой не было пред тем,
Обман, которого не существует,
Как бы собой наглядно воплотив
Кровавый шаг, который я задумал.—
Полмира спит, природа замерла,
И сновиденья искушают спящих.
Зашевелились силы колдовства
И прославляют бледную Гекату.
Издаেকে заслышав волчий вой,
Как вызов собственного часового,
Убийство к цели направляет шаг,
Подкрадываясь к жертве, как Тарквиний¹².
Надежно утвержденная земля!
Моих шагов не слушай, чтобы камни,
Заговорив, не выдали меня
И гнета тишины не облегчили.
Но я грожу, а обреченный жив,
И речи охлаждают мой порыв.

Звон колокола.

Пора! Сигнал мне колоколом подан.
Дункан, не слушай: по тебе звонят
И в рай препровождают или в ад.

Уходит.

СЦЕНА 2

Там же.

Входит леди Макбет.

Леди Макбет

Глоток вина и то, что их свалило,
Меня зажгло. В них все угашено,
А я горю огнем одушевления.
Что это? Крик совы. Совиный крик—
К покойнику. Макбет взялся за дело.
Дверь отперта, и сторожа храпят,
Смеясь над званьем собственным. В напиток
Я подмешала сонного. Их хмель—
И полусмерть и жизнь наполовину.

Макбет

(за сценой)

Кто там? Кто там?

Леди Макбет

Ах, он их разбудил
При самом входе! Мы пропали! Тише!
Он должен был найти кинжалы слуг—
Я рядом на виду их положила.
Когда б так не был схож Дункан во сне
С моим отцом, я следила сама бы.

Входит Макбет.

Макбет!

Макбет

Готово. Дело свершено.
Ты не слыхала шума?

Леди Макбет

Крик совиный
Да треск сверчка. А с кем ты говорил?

Макбет

Когда?

Леди Макбет

Сейчас.

Макбет
Когда я вниз спускался?

Леди Макбет
Да.

Макбет
Тсс!.. Кто спит в соседней спальне?

Леди Макбет
Дональбайн.

Макбет
(*глядя на свои руки*)
Смотри, какой печальный вид.

Леди Макбет
Не вижу,
О чем жалеть.

Макбет
Один из них во сне
Захотел, другой вскричал: «Убийство!»
И вдруг проснулись оба. Притаясь,
Я слушал. Помолившись, оба снова
Уснули.

Леди Макбет
Там, за стенкой, двое спят.

Макбет
Один воскликнул: «Господи помилуй!»,
Другой: «Аминь!»—как будто увидав,
Как прячусь я во тьме, и оградившись
Молитвой от соседства палача.
А я, услышав: «Господи помилуй»,—
За ними вслед не мог сказать: «Аминь».

Леди Макбет
Зачем вдаваться в пустяки такие?

Макбет
Что помешало мне сказать «аминь»?
Я жаждал благодати, и, однако,
«Аминь» застряло в горле у меня.

Л е д и М а к б е т

Напрасно в сделанное углубляться.
Сойдешь с ума.

М а к б е т

Почудился мне крик:
«Не надо больше спать! Рукой Макбета
Зарезан сон!»—Невинный сон, тот сон,
Который тихо сматывает нити
С клубка забот, хоронит с миром дни,
Дает усталым труженикам отдых,
Врачующий бальзам больной души.
Сон, это чудо матери-природы,
Вкуснейшее из блюд в земном пиру.

Л е д и М а к б е т

О чем ты это?

М а к б е т

Всюду разносилось:
«Не надо больше спать. Гламисский тан
Зарезал сон, и больше тан кавдорский
Не будет спать, Макбет не будет спать!»

Л е д и М а к б е т

Но кто ж так мог кричать? Не падай духом,
Мой благородный тан. Достань воды
И на руках отмой улики эти.
Зачем кинжалы ты сюда принес?
Их место в спальне. Отнеси обратно
И слуг запачкай кровью.

М а к б е т

Не могу.
На сделанное вновь взглянуть не в силах.

Л е д и М а к б е т

Какой безвольный! Дай я отнесу.
Я не боюсь покойников и спящих,
Как нарисованных на полотне.
Лишь детям страшны черти на картинах.
Я кровью, если он кровоточит,
Так слуг раскрашу, чтоб на них сказали.

Уходит.

Слышен стук за сценой.

Макбет

Стучат! Кто к нам стучится? Что со мной?
Теперь меня пугает каждый шорох.
А руки, руки! Мне их вид глаза
Из впадин вырывает. Океана
Не хватит их отмыть. Скорей вода
Морских пучин от крови покраснеет.

Возвращается леди Макбет.

Леди Макбет

Ведь и мои в крови. А я не рук,
Я белокровья сердца бы стыдилась!

Стук за сценой.

Я в южные ворота слышу стук.
Уйдем за дверь к себе. Воды немного
Смыть пятна, вот и все. И с плеч долой!
Как мы легко вздохнем! Но что с тобою?
Воспрянь!

Стук за сценой.

Опять стучат. Смени наряд,
А то поймут, что мы и не ложились,
Когда на нас наткнутся. И оставь
Свои раздумья.

Макбет

Самому б забыться,
Чтоб происшедшего не вспоминать!

Стук за сценой.

Стучи! Стучи! Когда б ты этим стуком
Мог ото сна Дункана разбудить!

Уходит. Стук продолжается.

СЦЕНА 3

Там же.

Стук за сценой. Входит привратник.

Привратник

Ну и стукотня! Если служить в сторожах при воротах ада,
это, верно, работа! Только знай отпирай.

Стук за сценой.

Кологи себе, колоти. Кто там, во имя Вельзевула? Уж воображаю! Какой-нибудь земледелец, повесившийся в ожидании большого урожая. Милости просим! Платков с тобой достаточно? Напотеешься в пекле!

Стук за сценой.

Кологи себе, колоти! Кто там, во имя другого дьявола? А, понимаю! Это подкупной свидетель, который надувал в судьях обе стороны и нагромоздил подлогов с гору, но не мог по ней взобраться на небо. Милости просим! Входи, подкупной свидетель!

Стук за сценой.

Кологи себе, колоти! Кто там? А, понимаю. Это английский портной, который урезал французские брюки¹³ и припрятал остаток. Проходи, портной, в пекле будет тебе где нагреть утюг!

Стук за сценой.

Новый какой-то. Ни минуты покоя! Куда вы? Для пекла тут слишком холодно. Нечего, нечего! Наслужился я в адских привратниках, напустил людей всякого звания, идущих степей веселья в вечный огонь ада, и—будет.

Стук за сценой.

Сейчас, сейчас! Не обойдите милостью привратника.

Отворяет ворота.

Входят М а к д у ф и Л е н о к с.

М а к д у ф

Ты, видно, поздно лег в постель, приятель,
Что поздно так встаешь?

П р и в р а т н и к

Гуляли, сударь, чтобы не соврать, до вторых петухов, а множество, известное дело, всегда до трех вещей доводит.

М а к д у ф

До каких же это трех вещей?

П р и в р а т н и к

Покраснеет нос, завалятся люди спать и без конца на муор бегают. Ведет вино также к бабничанью, волокитству.

Наводит на грех и от греха уводит. Хочется согрешить, а дело и не выходит. В отношении распутства—вино вещь предательская, лукавая. Само ставит на дыбы, само заставляет падать силами. Само обольщает, само уличает в обмане.

Макдуф

Кажется, и с тобой оно сегодня ночью сыграло такую штуку?

Привратник

Было дело, было дело, сударь, но в отношении водки еще неизвестно, чья взяла. Не поддался я ей и, думается, положил-таки проклятую на лопатки.

Макдуф

Что, господин твой встал?

Входит **Макбет**.

Мы разбудили

Его с тобой, стучась. Вот он идет.

Ленокс

Сэр, с добрым утром.

Макбет

Вас обоих с тем же.

Макдуф

Король проснулся?

Макбет

Нет.

Макдуф

Он мне велел

Зайти к нему чуть свет. Я с опозданием.

Макбет

Я провожу вас.

Макдуф

Знаю, этот труд

Приятен вам, но это труд, однако.

М а к б е т

Приятный труд—не труд для нас. Вот дверь.

М а к д у ф

Войти осмелюсь. Так мне приказали.

Уходит.

Л е н о к с

Король сегодня едет?

М а к б е т

Да, хотел.

Л е н о к с

Ночь бурная была. С того строенья,
Где ночевали мы, снесло трубу.
Передают, что многие слышали
Предсмертный чей-то вопль и голоса,
Пророчившие смуты и пожары.
Кричали совы, и тряслась земля.

М а к б е т

Да, ночь была тревожна.

Л е н о к с

Не припомню

Такой на молодом моем веку.

М а к д у ф возвращается.

М а к д у ф

О ужас, ужас! Ни язык, ни сердце
Найти не в силах имени тому!

М а к б е т и Л е н о к с

Да что случилось?

М а к д у ф

Светопреставленье!

Кошунство! Святотатство! Взломан храм
Помазанника божья! Жизнь из тела
Похищена!

М а к б е т

Вы говорите—жизнь?

Л е н о к с

И—жизнь его величества?

М а к д у ф

Войдите

В ту дверь, и вас Горгона ослепит¹⁴.

Не спрашивайте. Сами поглядите

И будете не в силах говорить.

Макбет и Ленокс уходят.

Звоните в колокол! Измена! Встаньте!

Убийство! Банко! Дональдбайн! Малькольм!

Страхните сон с себя, подобье смерти,

Чтоб смерти подлинной взглянуть в лицо!

Малькольм и Банко! Встаньте, встаньте, встаньте,

Как души из могил на Страшный суд!

Вот ужас! Видите? В набат ударьте!

Звон колокола.

Входит леди Макбет.

Л е д и М а к б е т

Скажите, что за горе тут стряслось,

Что на ноги всех спящих подымают?

М а к д у ф

Сударыня, ваш нежный женский слух

Не вынесет ответа. Объяснение

Убьет вас.

Входит Б а н к о.

Банко, Банко, умерщвлен

Наш государь!

Л е д и М а к б е т

О боже! В нашем доме!

Б а н к о

При чем тут дом? Ты говоришь, убит!

Не может быть! Скажи, что я ошибся!

Возвращаются Макбет и Ленокс.

М а к б е т

Когда б за час я умер перед тем,
Я б мог сказать, что прожил век счастливый.
Что ценного осталось? Ничего.
Он все унес. Он был красою жизни.
Ее вино все выпито. На дне
Один осадок горький.

Входят Малькольм и Дональбайн.

Д о н а л ь б а й н

Что случилось?

М а к б е т

Вы существуете, а ключ иссяк,
Источник вашей жизни, рода, крови.

М а к д у ф

Отец ваш умерщвлен.

М а л ь к о л ь м

О! Кем? Когда?

Л е н о к с

Двумя своими спальниками, видно.
Кровь на лице у них и на руках,
В крови и неотертые кинжалы.
Они без смысла пялили глаза,
И жизнь доверить было им опасно.

М а к б е т

Теперь себе простить я не могу,
Что их убил.

М а к д у ф

Зачем вы их убили?

М а к б е т

Кто может быть разумен и взбешен,
Горяч и трезв в одно и то же время?
Никто. Слепая преданность моя
Сломила нерешительность рассудка.
Передо мной лежал Дункан в крови,
Позолотившей серебристость кожи.
На ней зияли раны, говоря,
В какие трещины вломилась гибель.

У ног убийцы спали, сплошь
В следах и знаках своего деянья.
На их кинжалах просыхала кровь.
При зрелище таком кто б удержался
И делом чувств своих не доказал?

Л е д и М а к б е т

Ах, помогите!

М а к д у ф

Помогите леди.

М а л ь к о л ь м

(в сторону, Дональбайну)

Что ж мы молчим, имея больше всех
Причины горевать?

Д о н а л ь б а й н

(в сторону, Малькольму)

А что ты скажешь

Средь этого осинового гнезда,
Где всюду нас подстерегает гибель?
Бежим отсюда. Будет наш черед.
Еще не накалились наши слезы.

М а л ь к о л ь м

(в сторону, Дональбайну)

И вслух не время к действиям взывать.

Б а н к о

На помощь к леди!

Леди Макбет уносят.

Надо бы одеться,

А то мы все от холода дрожим,
А после соберемся и подробно
Расследуем убийство до конца,
Чтоб доискаться нитей. Мы в смятенье
И ужасе, но мне защитой бог,
И с тем бросаю я открытый вызов
Тящемуся злу.

М а к д у ф

И я.

В с е
Мы все.

М а к б е т

Сойдемся в воинском вооруженье
На совещанье в зале.

В с е
Хорошо.

Все, кроме Малькольма и Дональбайна, уходят.

М а л ь к о л ь м

Что предпринять? Нам с ними не ужиться.
Притворна показная скорбь лжецов.
Я в Англию уеду.

Д о н а л ь б а й н

Я отправлюсь
В Ирландию. Нам безопасней врозь.
Здесь скрыт кинжал за каждою улыбкой,
И чем родней по крови человек,
Тем кроважаднее.

М а л ь к о л ь м

Стрела убийцы
Еще летит и не попала в цель.
Благодарней посторониться.
И потому—немедля на коней,
Без всяких церемоний, не прощаясь.
Ведь тот не вор, кто, козням вопреки,
Уносит ноги тайно, воровски.

Уходят.

СЦЕНА 4

Там же. За оградой замка Макбета.

Входят Росс и старик.

С т а р и к

Мне семьдесят годов. За этот срок
Я навидался всякого. Бывали
И страсти всякие, и чудеса,
Но перед этой ночью все бледнеет.

Р о с с

Да, дед, прогневали мы небеса,
Уж по часам давно дневное время,
А солнца нет как нет. Одно из двух:
Иль одолела ночь, иль день стыдится
Лицо негодным людям показать.

С т а р и к

Да, против естества потемки эти,
И случай этот против естества.
В минувший вторник, веришь ли, я видел,
Как заклевала сокола сова.

Р о с с

А лошади Дункана, цвет породы,
Красавицы и все как на подбор,
Взбесились, выломали дверь конюшни
И ускакали, всё кругом круша.

С т а р и к

Они, слышал, друг друга перегрызли?

Р о с с

Да, дед, представь себе. Я был при том.
А вот Макдуф.

Входит М а к д у ф.

Что делается, сэр,
На белом свете?

М а к д у ф

Разве ты не видишь?

Р о с с

Дознались, кто убийство совершил?

М а к д у ф

Да эти же, кого Макбет прикончил.

Р о с с

Дела, дела! Какой им был расчет?

М а к д у ф

Их подкупили. Сыновья Дункана,

Малькольм и Дональдбайн, ушли тайком.
Побег наводит мысль на их виновность.

Р о с с

Опять вразрез с природой. До чего
Дурманит человека властолюбье!
Под самый корень жизнь свою рубить!
На трон, наверно, возведут Макбета?

М а к д у ф

Уже он избран и поехал в Скон
Короноваться¹⁵.

Р о с с

Где же прах Дункана?

М а к д у ф

Перевезли на остров Колмескиль,
Где королей покоятся останки.

Р о с с

Ты в Скон поедешь?

М а к д у ф

Нет, дружок, я в Файф.

Р о с с

Я в Скон направляюсь.

М а к д у ф

Отправляйся с богом,
Да на дорогу надо пожелать,
Чтобы не жали новые уборы:
Ведь старые нам были больше впору.

Р о с с

Прощай, старик.

С т а р и к

Благослови вас бог
И всех, кто злого случая игру
Направить хочет к миру и добру.

Уходят

А К Т III

СЦЕНА 1

Форрес. Комната во дворце.

Входит Б а н к о.

Б а н к о

Теперь ты все, что предсказали сестры:
Гламисский и кавдорский тан, король,
И я боюсь, ты сплутовал немного.
Однако ими же возведено,
Что твой престол не перейдет к потомкам,
А я — начало ветви королей.
Но если все сбылось с тобой, не вижу
Причины не надеяться и мне.
Я верю в то, что мне они сулили.
Но полно, тише!

Трубы. Входят М а к б е т и леди М а к б е т в королевских одеждах,
Ленокс, Росс, лорды, леди и свита.

М а к б е т

Вот наш главный гость.

Л е д и М а к б е т

Наш званый пир не мог бы состояться,
Когда б его забыли пригласить.

М а к б е т

Мы вечером даем сегодня ужин.
Прошу вас быть.

Б а н к о

Располагайте мной.

Повиновеньем долгу неразрывно
Навек я связан с вами, государь.

М а к б е т

Вы едете сейчас?

Б а н к о

Да, до обеда.

М а к б е т

Жаль. Я мечтал услышать голос ваш
В сегодняшнем совете. Но отложим
До завтрашнего дня. Ваш путь далек?

Б а н к о

Поездка в два конца займет все время
До ужина. И если подведет
Мой конь, я час-другой займу у ночи.

М а к б е т

Не опоздайте только.

Б а н к о

Буду в срок.

М а к б е т

Один из братьев-кровопийц, по слухам,
В Ирландии, и в Англии — другой.
Они отцеубийство отрицают
И сеют басни для отвода глаз.
Об этом мы на завтрашнем совете
Подумаем. Счастливого пути.
До скорого свиданья. Торопитесь.
Вы с Флинсом едете?

Б а н к о

Да, государь.

Мы едем, не теряя ни минуты.

М а к б е т

Желаю прыти вашим лошадям.
Скорее доскачите и вернитесь.

Банко уходит.

Освобождаю всех вас до семи,
Чтоб в вашем обществе полней развлечься,
До ужина побуду я один.
Так с богом — и до скорого свиданья.

Уходят все, кроме Макбета и одного слуги.

Эй, ты! Те люди здесь?

С л у г а

Да, государь.

За крепостной оградой.

М а к б е т

Приведи их.

Слуга уходит.

Не стоит царствовать, когда престол
Непрочен под тобой. Мой страх пред Банко
Понятен. Банко создан вызывать
Боязнь в душе. При царственном размахе
И смелости он действует с умом,
Обдумывая до конца поступки.
Из всех людей мне страшен он один.
В его присутствии мой дух мельчает,
Как Марк Антоний Цезаря робел¹⁶.
Когда кудесницы мне обещали
Власть короля, он тоже попросил
Поворожить ему, и я услышал,
Что Банко будет предком королей,
А мне никто наследовать не будет.
Бесплоден скипетр мой. Из рук моих
Не сыну он достанется — чужому.
Для внуков Банко зло я совершил,
Для них убил я доброго Дункана,
Для них я ненавистен стал себе.
Я дьяволу, врагу людского рода,
Свое спасенье продал для того,
Чтоб после царствовали внуки Банко!
Нет, выходи, поборемся, судьба,
Не на живот, а на смерть! Кто там?

Возвращается слуга с двумя убийцами.

Выйди,
Понадобисься — позову.

Слуга уходит.

Вчера
Я с вами говорил?

Первый убийца
Да, повелитель.

Макбет
Обдумали вы то, что я сказал?
Я доказал вам, что не я виновник
Несчастий ваших, как решили вы.
Не я, а он ввергал вас в разоренье,
Обманивал надеждами, топил,
Топтал ногами и мешал подняться,
Расстраивал вам планы. Я вчера
Так ясно описал вам, кто виновник,
Что и безмозглый должен был понять,
Что это Банко.

Первый убийца
Да, вы намекали.

Макбет
Тот разговор был только первый шаг.
Сегодня я вас вызвал для второго.
Что ж, вы и дальше будете терпеть?
Или вас заповеди научили
Молиться о спасении того,
Кто медленно вгоняет вас в могилу
И вас с семьей довел до нищеты?

Первый убийца
Что делать, государь, — мы только люди.

Макбет
Да, люди вы по росписи пород,
Как гончие, борзые, волкодавы
И прочие считаются у нас
Собаками. Однако есть различья.
Та зла, та ласкова, у той хороший нюх

И выдержка у той, смотря какое
Ей назначенье. Так же и с людьми.
Что вы за люди? На каком вы месте
Средь вам подобных? Если я найду,
Что по отваге вы не из последних,
Я в ваши руки способ передам,
Как вам с врагом заклятым рассчитаться
И этим нашу милость заслужить.
Пока он жив, мне, как и вам, житья нет.
Лишь смерть его в нас может жизнь вдохнуть.

Второй убийца

Я, государь, на целый свет в обиде.
Меня ожесточила так судьба,
Что я пойду на все, чтоб за несчастья
Отмстить другим.

Первый убийца

Я тоже, государь.
Меня вконец сломили неудачи.
Одно из двух: или поправлю жизнь,
Или мгновенно от нее избавлюсь.

Макбет

Итак, вы знаете, что Банко — враг
Обоим вам?

Оба убийцы

Мы знаем, ваша милость.

Макбет

Но он и мой непримиримый враг,
Который всем своим существованьем
Мне отравляет жизнь. Мне власть дана
Стереть его с лица земли открыто,
Но так нельзя. Есть общие друзья,
Которых дружбу я тогда утрачу.
Пред ними мне придется сожалеть
О том, кого сгублю я. Вот причина,
Зачем я к вашей помощи прибег,
И вот причина также, по которой
Хочу я это скрыть от глаз толпы.

В т о р о й у б и й ц а
Мы, государь, исполним порученье.

П е р в ы й у б и й ц а
Хоть стоило бы жизни.

М а к б е т

Мне видна
Решимость ваша. Через час, не больше,
Разведчик вам покажет, где вам стать,
И вам назначит миг для нападения.
Кончайте все поодаль от дворца
Сегодня ночью. Что бы ни случилось,
Я должен оказаться в стороне.
Во избежанье пагубных последствий
Флинс, сын его, который едет с ним,
Разделит ту же участь. Я не меньше
Желаю смерти сыну, чем отцу.
Посоветуйтесь и, когда решитесь,
Скажите.

О б а у б и й ц ы
Мы решились, государь.

М а к б е т

Я скоро позову вас. Подождите
За этой дверью.

Убийцы уходят.

Дело решено.
И если, Банко, в рай тебе дорога,
Ты нынче будешь там спустя немного.

Уходят.

СЦЕНА 2

Там же. Другая комната.

Входят леди Макбет и слуга.

Л е д и М а к б е т

Уехал Банко?

С л у г а

Как же, госпожа,
И будет к ночи.

Л е д и М а к б е т
Скажешь государю,
Что я прошу его к себе.

С л у г а
Сейчас.

Уходит.

Л е д и М а к б е т
Конца нет жертвам, и они не впрок!
Чем больше их, тем более тревог.
Завидней жертвою убийства пасть,
Чем покупать убийством жизнь и власть.

Входит М а к б е т.

Ну что, мой друг? Ты все один, в кругу
Печальных размышлений? Эти мысли
Должны бы умереть со смертью тех,
К кому они относятся. Что пользы
Тужить о том, чего не воротить?
Что сделано, то сделано.

М а к б е т

Мы только
Поранили змею. Она жива
И будет нам по-прежнему угрозой.
Но лучше пусть порвется связь вещей,
Пусть оба мира, тот и этот, рухнут,
Чем будем мы со страхом есть свой хлеб
И спать под гнетом страшных сновидений.
Нет лучше быть в могиле с тем, кому
Мы дали мир для нашего покоя,
Чем эти истязания души
И этих мыслей медленная пытка.
Теперь Дункан спокойно спит в гробу.
Прошел горячечный припадок жизни.
Пережита измена. Ни кинжал,
Ни яд, ни внутренняя рознь, ни вражье
Нашествие — ничто его теперь
Уж больше не коснется.

Л е д и М а к б е т

Успокойся.

Смягчи свой взор. Будь весел средь гостей
На нынешнем пиру.

М а к б е т

Я буду весел,
Будь весела и ты и за столом
Побольше уделяй вниманья Банко.
Пока мы не уверены в себе,
Придется долго нам потоки лести
Притворно изливать на всех кругом
И наши лица превращать в личины.

Л е д и М а к б е т

Брось эти мысли.

М а к б е т

Не могу, жена!
Опять мне душу жалят скорпионы.
Ведь Флинс и Банко живы, милый друг.

Л е д и М а к б е т

Но ведь они не вечны.

М а к б е т

В этом счастье.
К ним можно подступить. Подбодрись:
Чуть замелькает тень летучей мыши
И сонный жук к Гекате полетит,
Свершится то, что всех повергнет в ужас.

Л е д и М а к б е т

Что ты задумал?

М а к б е т

Лучше не скажу,
Будь временно в неведение, голубка,
Когда ж свершится дело, похвали.
Ночь, завяжи глаза платком потуже
Участливому, любящему дню
И разорви кровавою рукою
Мои оковы. Меркнет свет. Летит

К лесной опушке ворон. На покое
Все доброе, зашевелилось злое.
Но ты удивлена? Что мне сказать?
Кто начал злом, для прочности итога
Все снова призывает зло в подмогу.
Пойдем, мой друг.

Уходят.

СЦЕНА 3

Парк около дворца.

Входят трое убийц.

Первый убийца
Тебя кто к нам послал сюда?

Третий убийца
Макбет.

Второй убийца
Ему поверить можно. Он подробно
Нам все, что надо сделать, объяснил.

Первый убийца
Тогда стой здесь. На западе бледнеют
Следы зари. На постоянный двор
Коня торопит запоздалый путник,
И близко тот, кого мы стережем.

Третий убийца
Чу! Конский топот.

Банко
(за сценой)

Эй, огня подайте!

Второй убийца
Наверно, это он. Другие все
Уж во дворце.

Первый убийца
Их кони повернули.

Т р е т и й у б и й ц а

Их увели. Дорога для езды

Идет обходом с милю. Верно, Банко

Пройдет чрез парк пешком, как ходят все.

Входят Банко и Флинс с факелом.

В т о р о й у б и й ц а

Огонь!

Т р е т и й у б и й ц а

Вот он!

П е р в ы й у б и й ц а

За дело! Не зевайте!

Б а н к о

А ночью будет дождь.

П е р в ы й у б и й ц а

Уж он идет!

Втроем бросаются на Банко.

Б а н к о

Предательство! Беги, мой Флинс! Спасайся!

Беги и отомсти! Презренный раб!

Умирает.

Флинс убегает.

Т р е т и й у б и й ц а

Кто факел потушил?

П е р в ы й у б и й ц а

К чему огонь?

Т р е т и й у б и й ц а

Отец готов. А сын ушел.

В т о р о й у б и й ц а

Полдела

Не сделано.

Первый убийца

Пойдемте к самому,
Доложим, что мы в силах были сделать.

Уходят.

СЦЕНА 4

Зал для приемов во дворце. Накрытый стол.

Входят Макбет, леди Макбет, Росс, Ленокс,
лорды и свита.

Макбет

Прошу занять места по старшинству.
Мы рады всем, и первым и последним.

Лорды

Благодарим.

Макбет

Я сяду посреди.
Чтоб запросто ухаживать за вами.
Хозяйка — во главе стола. Мы просим
Приветом добрым пиршество открыть.

Леди Макбет

Вы за меня гостям скажите слово.
Добро пожаловать. Я рада всем.

Макбет

Они благодарят тебя глазами.
Места разобраны. Я сяду здесь.

Первый убийца показывается в дверях.

Дадим веселью волю. Для начала
Мы выпьем круговую.

Подходит к дверям.

У тебя

Кровь на лице.

У б и й ц а

Ну да. Кровь Банко это.

М а к б е т

Она милей мне на тебе, чем в нем.
Готово?

У б и й ц а

Насмерть. Перерезал горло.
Я сам. Своей рукой.

М а к б е т

Ты образец
Головореза. Но и тот не хуже,
Кто стукнул Флинса. Если это ты,
Ты несравненен.

У б и й ц а

Флинс бежал и спасся.

М а к б е т

(в сторону)

Тогда я болен вновь. Я полагал,
Что ожил, стал несокрушим, как мрамор,
Тверд, как скала, неудержим, как вихрь,
А я сбит с ног, прижат к земле и отдан
В добычу снам и страхам. Банко мертв?

У б и й ц а

Да, добрый государь! Он в ров свалился.
На голове и теле двадцать ран,
И каждая — смертельная.

М а к б е т

Спасибо!

(В сторону.)

Змея убита, а змееныш жив
И будет мне со временем опасен,
Когда нальется ядом. — Ну, ступай.
Мы снова, будет время, потолкуем.

Убийца уходит.

Л е д и М а к б е т

Мой друг, вы невнимательны к гостям.
За деньги ведь обедать можно дома.
Тем и приятно пировать в гостях,
Что пир приправлен ласкою хозяев.

М а к б е т

Забылся, дорогая. Ты права.
Простите, гости. Ешьте на здоровье.

Л е н о к с

Угодно ль будет сесть вам, государь?

Появляется д у х Б а н к о и садится на место, предназначенное
Макбету.

М а к б е т

Вся знать была б тут в сборе, если б Банко
Был налицо. Отсутствие его
Я б объяснить хотел изменой слову,
А не бедой в пути.

Р о с с

Он поступил

Нехорошо, нарушив обещанье.
За стол садитесь с нами, государь.

М а к б е т

Места все заняты.

Л е н о к с

Одно свободно.

М а к б е т

Где?

Л е н о к с

Вот оно. Что с вами, государь?

М а к б е т

Кто это сделал?

Л о р д ы

Что, наш повелитель?

М а к б е т

Меня не можешь в смерти ты винить.
Зачем киваешь головой кровавой?

Р о с с

Его величеству не по себе.
Вставайте, господа.

Л е д и М а к б е т

Нет, не тревожьтесь.
С ним это смолоду. Прошу сидеть.
Все это вмиг пройдет. Не обращайтесь
Вниманья, чтоб припадка не продлить.
Садитесь, кушайте.

(Макбету.)

И ты — мужчина?

М а к б е т

Да, и бесстрашный, если я могу
Смотреть на то, что дьявола б смутило.

Л е д и М а к б е т

Опять, наверное, какой-то вздор,
Тебе внушенный глупым малодушьем,
Как тот кинжал, который ты видал
Пред спальнею Дункана. Пот холодный,
И дрожь, и бледность — словом, все черты
Нелепых дамских страхов у камина,
Зимой, за сказками! Какой позор!
Лица нет на тебе. Ты испугался
Пустого кресла, правду говоря.

М а к б е т

Взгляни туда! Ты видишь? Что ты скажешь?
Чем мне кивать, скажи мне лучше, дух,
Чего ты хочешь? Если своды склепов
Покойников нам шлют назад, пускай
Нам гробом будут коршунов утробы.

Дух исчезает.

Л е д и М а к б е т

Нет, видно, ты совсем сошел с ума!

Макбет

Клянусь, его я видел!

Леди Макбет

Постыдился б!

Макбет

Кровь лили встарь, когда еще закон
В защиту людям не возвысил нравов,
И после продолжали совершать
Ужасные убийства. Но бывало,
Когда у жертвы череп размозжен,
Кончался человек, и все кончалось.
Теперь, имея даже двадцать ран
На голове, они встают из гроба,
Чтобы согнать нас с места за столом,
Что пострашней, чем ужасы убийства.

Леди Макбет

Без вас скучают гости, государь.

Макбет

Задумался. Друзья, не беспокойтесь.
Нисколько не серьезен мой недуг,
И близкие привыкли. За здоровье
Вас всех, друзья! Налейте мне вина.
Полней налейте, и тогда я сяду.
За процветание всего стола
И за недостающего нам друга,
За дорогого Банко! О, как жаль,
Что с нами нет его!

Лорды

Здоровье ваше!

Дух возвращается.

Макбет

Сгинь! Скройся с глаз моих! Пускай земля
Тебя укроет. Кровь твоя застыла,
Без мозга кости и, как у слепых,
Твои глаза.

Л е д и М а к б е т

Не удивляйтесь, гости.
Припадок повторился. Жаль, что он
Расстраивает праздник.

М а к б е т

Я отважусь
На все, что может человек. Явись
Медведем русским, страшным носорогом,
Гирканским тигром, чем-нибудь другим,
И я не дрогну. Можешь появиться
Опять живым и вызови на бой
И выругай девчонкой, если струшу,
Но в этом облике не приходи!
Ступай отсюда! Скройся, мертвый призрак!

Дух исчезает.

(В сторону.)

Вот он ушел, и вновь я человек.

(Ко всем.)

Зачем вы встали, господа? Садитесь.

Л е д и М а к б е т

Вы оборвали общий разговор,
И всех пугает ваше поведение.

М а к б е т

Но это ведь не летом облака,
Чтоб увидеть их и не поразиться!
Наоборот, я удивляюсь вам,
Когда перед лицом таких явлений
Румянец свежий на щеках у вас
Не пропадает! Я же весь белею.

Р о с с

Каких таких явлений, государь?

Л е д и М а к б е т

Не говорите с ним. Ему все хуже.
Распросы злят его. Прервемте пир.
Спокойной ночи. Расходитесь разом,
Без церемоний.

Л е н о к с

Надо пожелать
Скорей его величеству здоровья.

Л е д и М а к б е т

Благодарю. Прощайте, господа.

Уходят все, кроме Макбета и леди Макбет.

М а к б е т

Он хочет крови. Кровь смывают кровью.
Преданье есть: сходили камни с мест,
Деревья говорили, и по крику
Сорок, грачей и галок колдуны
Разыскивали скрытого убийцу. —
Который час?

Л е д и М а к б е т

Уже к рассвету дело.

М а к б е т

Как это нравится тебе? Макдуф
Осмелился к нам не явиться!

Л е д и М а к б е т

Разве

Ты посылал за ним?

М а к б е т

Не посылал,

Но знаю о его холодных чувствах.
У всех в домах я содержу средь слуг
Доносчиков. С утра я собираюсь
К трем вещим сестрам, чтобы заглянуть
Поглубже в будущее. Я пред худшим,
Что скажут мне они, не отступлю.
Все средства хороши для человека.
Который погрузился в кровь, как в реку.
Чрез эту кровь назад вернуться вброд
Труднее, чем по ней пройти вперед.
Еще немало неотложных дел,
К которым я бы приступить хотел.

Л е д и М а к б е т

Ты мало спишь, а сон — спасенье жизни.

М а к б е т

Да, ляжем спать. Ведь вся моя тоска —
Неопытность и робость новичка.
Привычки нет к решительным поступкам.

Уходят.

СЦЕНА 5

Степь. Раскаты грома.

Входят три ведьмы и навстречу им Геката.

П е р в а я в е д ь м а

Геката, здравствуй. Чем ты недовольна?

Г е к а т а

На вас сердита — и права.
Без соблюдения старшинства
Вы тайно от меня, вдали,
Дела с Макбетом завели.
А я, царица вам и мать,
Должна все сбоку наблюдать.
Я, давшая вам знания в дар,
Изобретательница чар!
Но горе в чем? Макбет — злодей
Без ваших колдовских затей.
Не из-за вас он впал в порок,
А сам бездушен и жесток.
Чтоб обеспечить наш успех,
Загладить надо этот грех.
В пещере я вас соберу,
Куда придет он поутру,
Чтоб дальше про свою судьбу
Узнать чрез вашу ворожбу.
Там вы во всеоружье зла
Колдуйте около котла,
А я за эту ночь введу
Макбета в верную беду.
К луне несет меня тропа.
На кончике ее серпа
Слезой повис смертельный сок.

Схвачу, покамест он не стек.
Тот яд Макбета ослепит,
И он, забывши страх и стыд,
Вообразит, что вправду он
От ран и смерти огражден.
Людей погибель — в похвальбе,
В уверенности их в себе.

Музыка и пение за сценой.

Но я спешу. Нам надо разойтись.
Меня малютки-духи кличут ввысь.

Исчезает.

Первая ведьма
Ну, не зевай. Она вернется скоро.

СЦЕНА 6

Форрес. Комната во дворце.

Входят Ленокс и другой лорд.

Ленокс

Мои намеки — только ведь ответ
На ваши мысли. Правда, сопоставим:
Как о Дункане горевал Макбет!
И как не плакать — человек ведь умер.
Наш храбрый Банко ехал в поздний час,
Вот и погиб. И вы подумать вправе,
Что Флинс его убил: ведь Флинс бежал.
Итак, не надо ездить слишком поздно.
Найдется ль кто, кого б не потрясло
Злодейство Дональбайна и Малькольма?
Убить такого редкого отца!
Чудовищно! Как этим огорчился
Макбет! Как к месту был священный гнев,
В котором он убил двух негодяев,
Добычу опьянения и сна!
Как благородно! Как умно! Иначе
Мерзавцы стали бы все отрицать,
Бессовестностью всех нас возмущая.
И если бы Малькольм и Дональбайн
Попались, от чего храни их боже,

Он им, а также Флинсу б показал,
Что значит убивать отца! Но тише,
За вольные слова и за отказ
Прийти на пир к тирану, как я слышал,
В немилость впал Макдуф. Где он сейчас?

Л о р д

Дункана сын, которого права
Присвоил этот похититель власти, —
Желанный гость английского двора.
Ему там Эдуард благочестивый
Помог забыть превратности судьбы.
Туда отправился Макдуф с мольбою
О помощи, чтобы святой король
Послал в защиту нам Нортумберленда
И Сиварда¹⁷ и с помощью творца
Мы возвратили то, что потеряли:
Хлеб за обедом и спокойный сон.
Чтоб не грозили нам в гостях кинжалы,
Чтоб искренне любили мы престол
И пользовались полными правами.
Макбет узнал про все. Он вне себя
И, кажется, готовится к походу.

Л е н о к с

А звал ли сам Макбет к себе Макдуфа?

Л о р д

О да. Но тан ответил: «Не явлюсь».
Гонец нахмурился и удалился,
Ворча: «Поплатишься ты за ответ».

Л е н о к с

Вот это-то его и побудило
К предосторожности, и он бежал,
Чтоб переждать тот гнев на расстоянии.
Пусть добрый ангел будет на пути
К английскому двору его защитой,
Чтобы благословенье низошло
На бедную отчизну под проклятой
Рукою притеснителя.

Л о р д

Аминь!

Уходит.

А К Т IV

СЦЕНА 1

Пещера. Посреди нее — кипящий котел. Раскаты грома.

Входят три ведьмы.

Первая ведьма
В третий раз мяукнул кот.

Вторая ведьма
Ежик писк свой издает.

Третья ведьма
Гарпии кричат.

Первая ведьма
Пора
В хоровод вокруг костра.
Хоровод пошел, пошел.
Все, что с вами, — шварк в котел!
Жаба, в трещине камней
Пухнувшая тридцать дней,
Из отрав и нечистот
Первою в котел пойдет.

Все
Взвейся ввысь, язык огня!
Закипай, варись, стряпня!

Вторая ведьма
А потом — спина змеи
Без хвоста и чешуи,

Песья мокрая ноздря
С мордою нетопыря,
Лягушиное бедро
И свиное перо,
Ящериц помет и слизь,
В колдовской котел вались!

В с е

Взвейся ввысь, язык огня!
Закипай, варись, стряпня!

Т р е т ь я в е д ь м а

Волчий зуб кидай в горшок
И драконий гребешок.
Брось в него акулы хрящ,
Хворост заповедных чащ,
Запасенный в холода,
Печень нехристя-жида,
Турка нос, татарский лоб,
Матерью в грязи трущоб
При рожденье, миг спустя,
Удушенное дитя,
Погребенное во рву,
Чтобы обмануть молву.
Эй, кипи, кипи, бурда!
А последнею сюда,
Чтоб бурлила наверху,
Бросим тигра требуху!

В с е

Взвейся ввысь, язык огня!
Закипай, варись, стряпня!

В т о р а я в е д ь м а

Чтоб отвар остыл скорей,
Обезьяньей крови влей.

Входит Г е к а т а.

Г е к а т а

Мы все сварили к кутежу.
Я вас за это награжу.
Но надо цель иметь в виду:

Попеть, сплясать и на ходу
Заклясть, заговорить бурду.

Музыка и пение. Геката уходит.

В т о р а я в е д ь м а

Пальцы чешутся. К чему бы?
К посещенью душегуба,
Чей бы ни был стук,
Падай с двери крюк.

Входит **М а к б е т**.

М а к б е т

Чем заняты, ночные вы чертовки?

В с е

Нельзя назвать.

М а к б е т

Откуда бы ни шли
Познания ваши, я вас заклинаю
Тем, что творите вы, ответьте мне.
Пусть ваш ответ повалит колокольни,
Утопит в океане корабли,
Прибьет хлеба поднявшеюся бурей,
Деревья с корнем вывернет в лесах,
Обрушит крыши замков на владельцев,
Пускай перемешает семена
Всего, что существует во вселенной,
Ответьте все равно на мой вопрос!

П е р в а я в е д ь м а

Так спрашивай.

В т о р а я в е д ь м а

Задай вопрос.

Т р е т ь я в е д ь м а

Ответим.

П е р в а я в е д ь м а

Ты хочешь знать ответ из наших уст
Или от высших духов?

М а к б е т

Пусть предстанут.

Первая ведьма

Кровь свиньи, три дня назад
Съевшей девять поросят,
И повешенного пот
На огонь костра стечет.

Все

Мал ли ты или велик,
Призрак, покажи свой лик.

Гром. Подымается первый призрак: голова в шлеме.

Макбет

Скажи, неведомый...

Первая ведьма

Он знает мысль твою.
Лишь слушай и не говори ни слова.

Первый призрак

Макбет, Макбет, Макдуфа берегись,
Макдуфа, тана файфского. Довольно.

Уходит в землю.

Макбет

Кто б ни был ты, спасибо, что меня
Предостерег так метко. Но послушай...

Первая ведьма

Он просьб не слушается. Вот другой,
Сильнее первого.

Гром. Подымается второй призрак: окровавленный младенец.

Второй призрак

Макбет! Макбет! Макбет!

Макбет

Я б слушать мог тебя тремя ушами.

Второй призрак

Ней кровь, играй людьми. Ты защищен
Судьбой от всех, кто женщиной рожден.

Уходит в землю.

Макбет

Живи, Макдуф! Что мне тебя бояться!
Но нет, упрочу свой покой вдвойне.
Судьба судьбою, а тебя не станет.
Тогда меня уж не обманет страх
И гром не помешает спать ночами.

Гром. Подымается третий призрак: дитя в короне с мечом
в руке.

А это вышел кто из-под земли?
По-видимому, царственного рода,
С короной на младенческом челе.

Все

Не разговаривай. Молчи и слушай.

Третий призрак

Будь смел, как лев. Никем и никаким
Врагом и бунтом ты не победим.
Пока не двинется наперерез
На Дунсинанский холм Бирнамский лес.

Макбет

Но этого не может быть! Я рад.
Нельзя нанять деревья, как солдат.
Нельзя стволам скомандовать: вперед.
Пророчество мне духу придает.
Цари, Макбет, покамест не полез
На Дунсинанский холм Бирнамский лес.
Всю жизнь носи уверенно венец
В надежде на естественный конец.
Еще одно, прошу, ответьте мне:
Род Банко будет ли царить в стране?

Все

Довольно спрашивать.

Макбет

Я знать хочу,
Иль будьте прокляты вы все навеки!

Котел проваливается сквозь землю.

Куда пропал котел? И что за шум?

Музыка.

Первая ведьма

Инитесь!

Вторая ведьма

Инитесь!

Третья ведьма

Инитесь!

Все

Чуть мелькнете, скройтесь с глаз!

Болью он запомнит нас.

«Исчезают призраки»¹⁸: восемь королей, из которых последний с зеркалом в руке. За ними следует дух Банко.

Макбет

Ты чересчур похож на Банко! Сгинь!

Глаза мне колешь ты своей короной.

Второй похож на первого. За ним

Еще один! Все три — одной породы.

Проклятые колдуньи, для чего

Меня вы злите видом их? — Четвертый!

Чтоб я ослеп! До Судного ли дня

Продлится эта ветвь? — Какой-то новый!

Сельмой! Я больше не хочу смотреть!

Но в зеркале я вижу у восьмого

Сплошную вереницу королей

Со скипетром тройным, с двойной державой¹⁹.

И зрелище — не сказка. С торжеством

Дух Банко мне показывает пальцем

На правнуков своих.

Призраки исчезают.

Так быть должно?

Первая ведьма

Так быть должно, так рок судил.

Но ты, Макбет, что приуныл?

Давайте обществом своим

Иго втроем развеселим.

И песню затяну без вас,

А вы пуститесь обе в пляс,

Чтобы король Макбет потом

Не жаловался на прием.

Музыка. Ведьмы танцуют и затем исчезают.

М а к б е т

Где ведьмы? Скрылись? Пусть же этот час
Останется отмеченным проклятьем
В календаре! — Эй, вы! Кто там? Сюда!

Входит Л е н о к с.

Л е н о к с

Что вам угодно?

М а к б е т

Ты старух не видел?

Л е н о к с

Нет, государь.

М а к б е т

Они сейчас с тобой
Не разминулись?

Л е н о к с

Нет, я не заметил.

М а к б е т

Чума возьми их по пути и всех,
Кто верит в них! Я слышал конский топот.
Кто это?

Л е н о к с

Это трое верховых.
Со срочным донесеньем о Макдуфе.
Он в Англию бежал.

М а к б е т

Макдуф бежал?

Л е н о к с

Да, государь.

М а к б е т

(в сторону)

Ты предварило, время,
Мои деянья страшные. Нельзя
Откладывать решения. Да будут
Создания чувств, родясь, созданьем рук.

Так я и стану поступать отныне.
Я Файф возьму себе и захвачу
Макдуфа замок. Все, что будет в замке —
Его жену, детей, родню и слуг, —
Я вырежу. Не буду знать покоя,
Пока не кончу этого всего.
И это не пустое хвастовство.
Довольно духов вызывать!

(Леноксу.)

А где же
Гонцы? Пойдем, и покажи мне их.

Уходят.

СЦЕНА 2

Файф. Комната в замке Макдуфа.

Входят леди Макдуф, ее сын и Росс.

Л е д и М а к д у ф
Что сделал он такого, чтоб бежать?

Р о с с
Терпение.

Л е д и М а к д у ф
А он имел терпенье?
Его побег — безумье. По делам
Он не предатель, по своим же страхам
Им кажется.

Р о с с
Нам рано говорить,
Что это — страх или благоразумье.

Л е д и М а к д у ф
Благоразумье! Бросить дом, жену,
Детей и всех в таком опасном месте,
Откуда сам он вынужден бежать!
Он нас не любит, чувств лишен природных.
Малейшая из птичек, королек,
Своих птенцов отстаивает грудью

От страшных сов. А он? От нелюбви
И страхи лишние. Благоразумье!

Р о с с

Спокойнее, сестрица! Ваш супруг
Умен и добр. Он лучше многих знает,
Что делать в наше время. Ничего
Я не прибавлю. Времена ужасны,
Когда винят в измене и никто
Не знает почему; когда боятся
Ползущих слухов, не имея средств
Опасность уяснить; когда безвестность
Колышется кругом, как океан,
И всех подбрасывает, как скорлупку.
Прощайте. Я вас скоро навещу.
Мы у предела. Хуже быть не может,
И либо должен наступить конец,
Иль наконец настанет облегченье.
Прощай, малыш! Храни тебя господь!

Л е д и М а к д у ф

Отец в живых, а сын осиротел!

Р о с с

Нельзя у вас мне медлить. Я напорчу
Себе и вам. Прощайте. Ухожу.

Уходит.

Л е д и М а к д у ф

Отец твой умер. Что ты будешь делать?
Чем жить?

С ы н

Чем птички, мамочка, живут.

Л е д и М а к д у ф

Червями? Мошкарюю?

С ы н

Чем придется.

Как птички.

Л е д и М а к д у ф

Ах ты, бедный воробей!
А ты силков и клеток не боишься?

Сын

Не ставят их на бедных воробьев. —
Отец мой жив. что б ты ни говорила.

Леди Макдуф

Нет, умер. Где ты нового возьмешь?

Сын

А где ты мужа нового добудешь?

Леди Макдуф

Куплю на каждом рынке двадцать штук.

Сын

Чтобы на следующий день продать их.

Леди Макдуф

Ты судишь в меру сил своих и все ж
Не по летам умен.

Сын

Отец — изменник?

Леди Макдуф

Да.

Сын

А что такое изменник?

Леди Макдуф

Тот, кто клянется и не держит своего слова.

Сын

И все, кто так делает, изменники?

Леди Макдуф

Да, всякий, кто так поступает, изменник и должен быть
наказан.

Сын

Все, кто клянется и не держит своего слова?

Леди Макдуф

Да, все.

Сын

А кто их должен вешать?

Леди Макдуф

Честные люди.

Сын

Так ведь эти изменники попросту дураки! Этих изменни-
ков так много, что они сами могли бы напасть на честных
людей и их перевешать.

Леди Макдуф

Спаси тебя господь, бедная мартышка! Где же ты все-
гда раздобудешь отца?

Сын

Если б он умер, ты бы плакала. А если бы не плакала,
то тогда это был бы хороший знак, что я скоро запою
нового отца.

Леди Макдуф

Только послушать, что ты мелешь, болтунишка!

Входит гонец.

Гонец

Храни вас бог, сударыня. Я вам
Неведом, хоть и полон к вам почтения.
К вам близится опасность. Мой совет,
Хотя я человек простой: спешите
Бежать с детьми. Вам в замке быть нельзя.
Бесчеловечно вас пугать. Но много
Бесчеловечней не предупреждать.
Беда уже близка. Храни вас небо!
Я должен скрыться.

Уходит.

Леди Макдуф

Но куда бежать?

Я ничего не сделала дурного!
Но я забыла: я ведь на земле,
Где делать нехорошее похвально
И безрассудно совершать добро.
Что ж я хочу по-женски защититься
Тем, что не причинила людям зла?

Входят убийцы.

О, что за лица!

Первый убийца

Где ваш муж?

Леди Макдуф

Надеюсь,

Не в месте воровском каком-нибудь,
Где б мог с тобой столкнуться.

Первый убийца

Он изменил.

Сын

Лжешь, негодяй лохматый!

Первый убийца
Ишь какой!
Изменника последыш!

Закалывает его.

Сын
Мама, мама!
Убили, мамочка! Беги, беги!

Умирает.

Леди Макдуф убегает с криком: «Убийцы!»
Убийцы преследуют ее.

СЦЕНА 3

Англия. Перед дворцом короля.

Входят Малькольм и Макдуф.

Малькольм
Уединимся где-нибудь в тиши
И выплачем все горе.

Макдуф
Лучше вынем
Мечи и встанем за несчастный край,
Откуда каждый день несется новый
И новый слезный стон сирот и вдов
И заставляет небо содрогаться
И как бы над Шотландией рыдать.

Малькольм
Я плачу лишь о том, чему я верю,
И верю лишь тому, что знаю сам.
Я выступлю, когда найду опору
И время подойдет. Из ваших слов
Мне ясно вот что: этот притеснитель,
Чье имя режет слух, когда-то слыл
Порядочным, и вы его любили.
Он вам еще ничем не досадил.
Я молод, слаб. Вам ничего не стоит
Разгневанному богу принести
Меня, невинного ягненка, в жертву
И тем умилоствовать божество.

М а к д у ф

Я не предатель.

М а л ь к о л ь м

Но Макбет — предатель.

Повиноваться воле короля —
Ваш долг, долг подчиненного. Простите,
Но вашей скрытой сущности никак
Не переделают мои догадки.
Пресветлы ангелы, хотя из них
Пал самый светлый. Оттого что подлость
Глядит невинностью, нельзя хотеть,
Чтобы невинность изменила внешность.

М а к д у ф

Конец моим надеждам!

М а л ь к о л ь м

А ведь с них

И начались мои сомненья. Странно,
Как вы могли уехать, не простясь
С женою и детьми, ценнейшим в жизни?
Не гневайтесь, наверно, я не прав
И только вынужденно осторожен.

М а к д у ф

Мой край несчастный, кровью истекай!
Насилье, зло, царите безраздельно!
На вас не смеет посягнуть добро,
Ваш произвол надежно узаконен.
Прощайте, принц! Ценою всех земель
Шотландии и всех богатств Востока
Не согласился б быть тем подлецом,
Каким кажусь я вам.

М а л ь к о л ь м

Не обижайтесь.

Тут не одно лишь недоверье к вам.
Страна исходит кровью и слезами
Под тяжким игом. Каждый божий день
Ей прибавляет раны. Знаю это.
Немало, знаю, рук бы поднялось
В мою защиту. Англия готова
Дать много тысяч войска. А меж тем,
Когда бы даже я и сверг тирана
И поднял голову его на меч,

Не потерпела б родина ущерба
И не попала б в худшую беду,
Когда на трон взойдет преемник.

М а к д у ф

Кто он?

М а л ь к о л ь м

Я сам. Моим порокам нет числа.
Когда их выяснят, со мною рядом
Макбет, как он ни черен, станет бел,
Как снег, и вам покажется овечкой.

М а к д у ф

О нет! Никто из дьяволов в аду
С чудовищным Макбетом не сравнится.

М а л ь к о л ь м

Согласен: он жесток, распутен, лжив,
Коварен, необуздан и повинен
Во всех семи грехах. Но нет границ
Разгулу моему. Мои желанья
Не знают удержу. Еще сильней
Мое корыстолюбие. Из корысти
Переказнил бы я всю знать страны,
Чтоб отобрать ее дома и земли.
Чем больше б я сокровищ загребал,
Тем только б становился ненасытней
И заводил бы с лучшими людьми
Суды и тяжбы ради их богатства.

М а к д у ф

Такая жадность хуже и страшней,
Чем сластолюбье. Эта ненасытность
Сгубила многих королей. И все ж
Шотландия достаточно богата,
Чтоб вас законно удовлетворить.
Нет, это все терпимо, если только
Есть чем пороки эти уравнивать.

М а л ь к о л ь м

Но их во мне уравновесить нечем —
Достоинств нет во мне, вот в чем беда.
Что требуется королю? Правдивость,
Разумность, справедливость, доброта,
Бесстрашие, постоянство, благочестье,

А я — собрание всех обратных свойств.
Нет, обладай я королевской властью
Я б в царстве все перевернул вверх дном,
Разрушил нравственность, покой, порядок
И молоко согласия вылил в ад.

М а к д у ф

О бедный край!

М а л ь к о л ь м

Ну как, достоин править,
По-вашему, подобный человек?

М а к д у ф

Достоин ли он править? Жить на свете
Он недостоин! Бедный мой народ!
Как вырваться теперь тебе на волю
И как дожидаться лучших дней, когда
Твоя надежда, твой прямой наследник
Сам низложил себя и запятнал
Свое рождение сделанным признанием!
Отец твой был святейшим королем,
А мать стояла чаще на коленях,
Чем подымалась с них, молясь всю жизнь.
Твои разоблачения преграждают
Мне путь назад в Шотландию. Прощай.
Всему конец. О, горькое изгнание!

М а л ь к о л ь м

Макдуф, твой гнев, рожденный прямою,
В моей душе рассеял подозренье.
Ты чист и прав. Я сердцем всем с тобой.
Макбет не раз мне расставлял ловушки
И научил не верить ничему.
Но ты — другое дело, и отныне
Лишь бог судья меж мною и тобой.
Я отдаюсь в твое распоряжение
И тут же объявляю клеветой
Все, что возвел я на себя нарочно,
Чтоб испытать тебя. Я не такой.
Я девственник еще, ни разу клятве
Не изменял, не трясся над своим,
Не то чтоб позавидовать чужому.
Я черта не предаю другим чертам.
Мне правда дорога, как жизнь. Впервые

Я лгал сегодня, оболгав себя.
Все, что я есть, Макдуф, на самом деле
Принадлежит отчизне и тебе.
Уже готово войско в десять тысяч
Под Сиварда командой, и теперь
Мы выступим. Да будет в правом деле
Удача нам! Что ж ты молчишь?

Макдуф

Нельзя

Перелетать от горя сразу к счастью.

Входит врач.

Малькольм

Ну хорошо. Поговорим потом. —
Что, выйдет ли король сегодня, доктор?

Врач

Да, принц. Там собралась уже толпа
Несчастных в ожидание исцеленья.
Перед болезнью их бессилен врач,
А он — едва притронется к больному,
И тот здоров. Такая благодать
Дана его руке.

Малькольм

Спасибо, доктор.

Врач уходит.

Макдуф

Что это за болезнь?

Малькольм

Народ зовет

Не тут немощью. Угодник божий —
Король с ней производит чудеса.
Я сам бывал свидетелем нередко,
С тех пор как в Англии. Не знаю, чем
Он вымолил у неба эту силу,
Но золотушных в язвах и прыщах,
Опухших, гнойных и неизлечимых
Он лечит тем, что молится за них
И вешает монетку им на шею.

Я слышал, будто этот чудный дар
Останется в роду его.

Входит Р о с с.

М а к д у ф

Не знаешь,

Кто это там?

М а л ь к о л ь м

По платью — наш земляк,

А кто, не знаю.

М а к д у ф

Друг ты мой, откуда?

Мой свойственник!

М а л ь к о л ь м

Теперь и я узнал.

Все мы — скитальцы, чуждые друг другу.
Верни домой нас, господа!

Р о с с

Аминь!

М а к д у ф

В Шотландии по-прежнему?

Р о с с

К несчастью.

Страна неузнаваема. Она
Уже не мать нам, но могила наша.
Улыбку встретишь только у блажных.
К слезам привыкли, их не замечают.
К мельканью частых ужасов и бурь
Относятся, как к рядовым явлениям.
Весь день звонят по ком-то, но никто
Не любопытствует, кого хоронят.
Здоровяки хиреют на глазах
Скорей, чем вянут их цветы на шляпах,
И умирают, даже не болев.

М а к д у ф

Как верно это все и как ужасно!

М а л ь к о л ь м

Кто новый пострадавший?

Р о с с

Каждый час

Их прибавляет, новости стареют,
И я освистан буду за рассказ.

М а к д у ф

Ну, как моя жена?

Р о с с

Без перемены.

М а к д у ф

А дети как?

Р о с с

Все так же.

М а к д у ф

Изувер

Их мира не нарушил?

Р о с с

Не нарушил.

Я в мире их оставил.

М а к д у ф

Не цеди

Слова так скупю. Расскажи подробней,
Как там дела.

Р о с с

Когда я выезжал

С такими тягостными новостями,
По слухам, много наших поднялось,
И это подтвердилось по дороге.
Я заставлял передвиженья войск,
Которые Макбет готовит к бою.
Теперь пора. Спешите. Ваш приход
Родит солдат в Шотландии, заставит
Вооружиться женщин, чтобы всем
Стряхнуть с себя порабощенья бремя.

М а л ь к о л ь м

Утешь их: мы решили выступать.
Нам Англия дает большое войско

И полководца Сиварда, бойца
На зависть прочим в христианском мире.

Р о с с

О, если б мог за радость я воздать
Такой же вам! Но, то, что мне известно,
В пустыне мог бы только я провить,
Чтобы никто не слышал.

М а к д у ф

Это горе

Для всех или кого-то одного?

Р о с с

Для всех, кто только наделен душою,
Но главное касается тебя.

М а к д у ф

Но если так, рассказывай скорее!

Р о с с

Но не возненавидь, не прокляни!
Ты будешь оглушен сейчас. Такого
Еще не слышал в жизни ты.

М а к д у ф

Догадываюсь.

Р о с с

Замок твой захвачен,
Зарезаны жена и дети все.
Подобным описанием этой бойни
Я б умертвил тебя в придачу к ним.

М а л ь к о л ь м

Всемиловитый боже!.. Друг мой, шляпу
Не надвигай на брови. Волю дай
Отчаянью. Та скорбь, что не рыдает,
Закравшись в душу, сердце разрывает.

М а к д у ф

Ты говоришь, и дети?

Р о с с

Да, жена

И дети, слуги — все, кто им попался,
Зарезаны.

М а к д у ф
А я был далеко!
Жена убита тоже?

Р о с с
Ты ведь слышал.

М а л ь к о л ь м
Макдуф, мужайся и найди исход
В достойном мщенье.

М а к д у ф
Но Макбет бездетен! —
Всех бедненьких моих? До одного?
О изверг, изверг! Всех моих хороших?
Всех, ты сказал? И женушку мою?
Всех разом?

М а л ь к о л ь м
В горе будь теперь мужчиной.

М а к д у ф
Я буду им. Но я и человек,
И не могу забыть того, что жизни
Давало смысл. И сверху небеса
Видали это и не заступились?
Из-за тебя убили их, Макдуф.
Не их вина, но ты тому причиной.
Ты, недостойный, ты на них навлек
Такую гибель, упокой их небо!

М а л ь к о л ь м
Точи свой меч об этот оселок,
Не знай покоя, распаляйся гневом.

М а к д у ф
Не надо бесноваться на словах
И слезы лить, как женщина. О боже,
Скорей сведи меня лицом к лицу
С моим врагом и демоном шотландцев,
И если от меня уйдет он цел,
Прости и ты ему!

М а л ь к о л ь м
Мужские речи!
Теперь пойдем скорее к королю.
Поход обдуман, надо лишь проститься.
Макбет созрел для гибели, и меч
Небесной кары поднят над злодеем:
Длиннейшей ночи долгая пора
Продлиться может только до утра.

Уходят.

А К Т V

СЦЕНА I

Дунсинан. Комната в замке.

Входят врач и придворная дама.

В р а ч

Я уже две ночи дежурю с вами и не мог проверить наших показаний. Когда в последний раз бродила спящая?

П р и д в о р н а я д а м а

После отъезда его величества к войску я это видела довольно часто. Она встает с постели, накидывает ночное платье, отпирает письменный стол, берет бумагу, раскладывает, что-то пишет, перечитывает написанное, запечатывает и снова ложится в постель. И все это не просыпаясь.

В р а ч

Какое раздвоение всей нашей природы! Пользуясь покоем ночного сна и быть охваченной дневной заботой! Скажите, в этом сонном возбуждении, кроме таких промахов и названных вами движений, вы не слыхали, чтобы она что-нибудь говорила?

П р и д в о р н а я д а м а

Этого, сэр, я никому не повторю.

В р а ч

Напрасно. Мне бы вы могли это сказать не колеблись.

П р и д в о р н а я д а м а

Не скажу ни вам, ни кому другому, потому что не знаю человека, который подтвердил бы мои слова.

Входит леди Макбет со свечою.

Смотрите, вот она идет! Это ее обычный вид. И, кля-
сь вам, она крепко спит. Наблюдайте за ней. Станьте
еще.

В р а ч

Где она взяла свечу?

П р и д в о р н а я д а м а

Свеча стояла около ее постели. Спальня всегда освеще-
на. Это ее приказание.

В р а ч

Видите, глаза ее смотрят на нас!

П р и д в о р н а я д а м а

Да, но они ничего не видят.

В р а ч

Что это она делает? Как беспокойно она трет свои руки!

П р и д в о р н а я д а м а

Это ее привычка. Ей кажется, будто она их моет. Иног-
да это продолжается целые четверть часа.

Л е д и М а к б е т

Вот еще пятно.

В р а ч

Ис, она говорит! Я запишу все, что она скажет, для
памяти.

Л е д и М а к б е т

Ах ты, проклятое пятно! Ну когда же ты сойдешь? Раз,
она... Ну что же ты? Пора за работу. Ада испугался? Фу,
фу, солдат, а такой трус! Кого бояться? После того как это
было сделано, кто осмелится нас спрашивать? Но кто бы
мог думать, что в старике окажется столько крови!

В р а ч

Вы слышали?

Л е д и М а к б е т

У тана файфского была жена. Где она теперь? Что это,
уж если больше никогда я не отмою этих рук дочиста? До-
статочно, довольно, милый мой! Ты все погубишь этим
сравниванием.

В р а ч

Дальше, дальше. В жизни ты познала что-то недозво-
нное.

П р и д в о р н а я д а м а

Она выдала, чего не должна была говорить. Одно небо
светит, какие у нее тайны.

Л е д и М а к б е т

И рука все еще пахнет кровью. Никакие ароматы Ароматизаторов не отобьют этого запаха у этой маленькой ручки! О, о, о,

В р а ч

Вы слышали этот вздох? Как отягощено ее сердце!

П р и д в о р н а я д а м а

Я бы не согласилась носить его в груди ни за какие годы ее положения.

В р а ч

Еще бы, еще бы!

П р и д в о р н а я д а м а

Помоги ей, господи!

В р а ч

Ее недуг не по моей части. Но я знал лунатиков, ничем не повинных, которые спокойно умирали в своих постелях.

Л е д и М а к б е т

Вымой руки. Надень ночное платье. Почему ты так бледный? Повторяю тебе, Банко похоронили. Он не может выйти из могилы.

В р а ч

Скажите пожалуйста!

Л е д и М а к б е т

В постель, в постель. Слышишь, стучат в ворота. Идем, идем. Дай мне руку. Сделанного не воротишь. И постель, в постель, в постель.

Уходит.

В р а ч

Теперь она ляжет.

П р и д в о р н а я д а м а

Немедленно.

В р а ч

Недобрая молва кругом. Насилья
Всегда ведут к насильственным концам.
Больная совесть лишь глухой подушке
Свои секреты смеет поверять.
Священник больше нужен ей, чем доктор.
Прости нас, грешных, господи! За ней
Смотреть необходимо. Удалите

Все острые предметы. Потрясен
Услышанным сейчас! Спокойной ночи.
От страшных дум захватывает дух,
Но не осмелюсь высказать их вслух.

Придворная дама
Спокойной ночи, доктор.

Уходит.

СЦЕНА 2

Местность близ Дунсинана. Барабаны и знамена.

Ментейс, Кэтнес, Ангус, Ленокс и солдаты.

Ментейс

Отряды англичан недалеко.
Малькольм, Макдуф, Малькольмов дядя Сивард
Начальствуют над войском. Все полны
Непримиримости. Их огорченья
Могли бы мертвого расшевелить.

Ангус

Наверно, мы их встретим по дороге
В Бирнамский лес. Туда лежит их путь.

Кэтнес

Что, Дональдбайн сопровождает брата?

Ленокс

Я выяснил, что нет. Я видел лист
Со списком близких нам дворян. Меж ними
Сын Сиварда и множество юнцов,
Мечтающих о боевом крещенье!

Ментейс

Что делает наш деспот?

Кэтнес

Укрепил

Свой Дунсинан. Одни предполагают,
Что он взбесился. Люди подобрей
Находят в этом бешеную храбрость.
Одно лишь ясно: что в своих делах
Не может он свести концов с концами.

А н г у с

Так вот когда убийце отлилась
Кровь жертв его! В бесчисленных восстаньях
Прочел он приговор своим делам.
Ведь не любовь. — одни приказы движут
Оставшимися у него людьми.
Вот наконец когда он убедился,
Что титул короля на нем висит,
Как мантия гиганта на воришке.

М е н т е й с

Понятно, как клянет он сам себя
И все на свете, если поразмыслить,
Чем полон он, что делается в нем!

К э т н е с

Так в путь, друзья! Пойдем, изъявим верность
Тому, кто заслужил ее, — врачу
Больной страны, и, чтоб ее очистить,
Прольем за родину всю нашу кровь.

Л е н о к с

По крайней мере, столько, сколько нужно,
Чтоб цвет венчанный не остался сух
И захлебнулся и погиб лопух.
Итак, вперед, к Бирнаму!

Уходят.

СЦЕНА 3

Дунсинан. Комната в замке.

Входят Макбет, врач и свита.

М а к б е т

Не доносите больше ничего.
Пусть все бегут. Покамест лес Бирнамский
Не двинулся на Дунсинанский холм,
Мне страх неведом. Что в Малькольме этом?
Не женщиною разве он рожден?
Всезнающие духи мне сказали:
«Никто из тех, кто женщиной рожден,
Макбет, тебе не страшен, будь спокоен».

Бегите ж, таны лживые, толпой
На сторону английских сластолюбцев.
Не дрогнет сердце у меня в груди,
Ничто мне не опасно впереди.

Входит слуга.

Чтоб черт тебя обуглил, беломордый!
Ты отчего так бледен? Вот глупец!

С л у г а

Там десять тысяч...

М а к б е т

Видимо, таких же

Глупцов, как ты?

С л у г а

Нет, государь, — солдат.

М а к б е т

Ты бел, как холст. Ступай и нарумянсья.
Солдат, ты говоришь? Каких солдат?
Каких солдат, ничтожество?

С л у г а

Английских.

М а к б е т

Пошел ты к черту!

Слуга уходит.

Сейтон! — А в душе

Я сам встревожен. — Сейтон! — Это битва
Меня погубит или утвердит.

Я пожил на своем веку. Я дожил

До осени, до желтого листа.

На то, что скрашивает нашу старость —

На преданность, любовь и круг друзей, —

Не вправе я рассчитывать. Проклятья,

Прикрытые трусливой лестью, — вот

Что мне осталось да дыханье жизни,

Которую б не прочь я прекратить,

Когда бы с нею мог расстаться. — Сейтон!

Входит С е й т о н²⁰.

Сейтон

Здесь, государь.

Макбет

Что нового!

Сейтон

Увы,

Известья подтвердились.

Макбет

Буду биться,

Пока не снимут мяса мне с костей.

Дай мне мой панцирь.

Сейтон

В нем еще покамест

Нет надобности.

Макбет

Я вооружусь.

Пошли побольше конных. Пусть объедут

Окрестности. На месте вешай всех,

Кто скажет про опасность.

Дай мой панцирь.

Сейтон уходит.

Ну, как больная, доктор?

Врач

Государь,

Она не так больна, как вихрь видений

Расстраивает мир ее души.

Макбет

Избавь ее от этого. Придумай,

Как удалить из памяти следы

Гнездящейся печали, чтоб в сознание

Стереть воспоминаний письмена

И средствами, дающими забвенье,

Освободить истерзанную грудь

От засоряющих ее придатков.

Врач

Тут должен сам больной себе помочь.

Макбет

Так выбрось псам свои лекарства!

Возвращается Сейтон с офицером.

Сейтон!

Стяни броню на мне. Подай копье.
Ты выслал верховых? — А таны, доктор,
Бегут к врагам. Когда б ты распознал
Болезнь страны и на ноги поставил
Ее, как встарь, я похвалой тебе
Надолго бы греметь заставил эхо.

(Пытаясь снять доспехи, Сейтону.)

Сними броню! — Каким же ревенем
Или листом александрийским, доктор,
Очистить край от этих англичан?
О них ты слышал?

Врач

Как же, повелитель.

Приготовленья ваши нам дают
Понятье о вторженье.

Макбет

(Сейтону и офицеру)

Понесите

Ненужную броню за мною вслед.
Я смерти не боюсь, пока не сдан
Бирнамской роще замок Дунсинан.

Все, кроме врача, уходят.

Врач

Когда б из замка я убрался цел,
В него я вновь вернуться б не хотел.

Уходит.

СЦЕНА 4

Бирнамский лес. Барабаны и знамена.

Ихходят Малькольм, Сивард-отец и Сивард-сын,
Макдуф, Ментейс, Кэтнес, Ангус, Ленокс, Росс
и солдаты.

Малькольм

Друзья, я верю, близок день, когда
Жилища ваши станут безопасны.

Ментейс

В том нет сомненья.

Малькольм

Это что за лес?

Ментейс

Бирнамский, принц.

Малькольм

Пусть каждый воин срубит

По ветви и несет перед собой.

Скрыв нашу численность, мы тем обманем

Противника.

Солдаты

Сейчас исполним все.

Сивард

Как видно, деспот так в себе уверен,

Что укрепляет Дунсинан, решив

Выдерживать осаду.

Малькольм

Это ставка

Последняя. Вне укрепленных стен

Кто может, все, от мала до велика,

Бегут, и только этот гарнизон

Остался с ним, служа по принуждению.

Макдуф

Увидим по исходу. А пока

Доверимся солдатской нашей хватке.

Сивард

По счастью, пора недалека,

Когда мы выясним наверняка,

Кто истинный союзник, кто наш враг.

Гаданьями тут не помочь никак.

Исход войны решит последний бой,

Которого и жду я всей душой.

Уходит.

СЦЕНА 5

Дунсинан. Внутри крепости.

Входят с барабанным боем и знаменами **Макбет**, **Сейтон**
и солдаты.

Макбет

Повесь вдоль стен знамена наши. Всюду
По-прежнему я слышу крик: «Идут!»
Смеется над осадой эта крепость.
Пусть окружают нас. Голод и болезнь
Их уничтожат. Если б наши таны
Их не усилили, я, не смутясь,
Одной бы вылазкой отбил их натиск.

Женские крики за сценой.

Что там за шум?

Сейтон

Крик женщин, государь.

Уходит.

Макбет

А я совсем утратил чувство страха.
Бывало, не шутя я леденел
От вскрика ночью, а от страшных сказок
Вздымались волосы на голове.
С тех пор я ужасами сыт по горло,
Чудовищность сродни моей душе.
Что может напугать ее?

Возвращается **Сейтон**.

Откуда

Кричали?

Сейтон

Королева умерла.

Макбет

Не догадалась умереть попозже,
Когда б я был свободней, чем сейчас!
Мы дни за днями шепчем: «Завтра, завтра».
Так тихими шагами жизнь ползет
К последней недописанной странице.

Оказывается, что все «вчера»
Нам сзади освещали путь к могиле.
Конец, конец, огарок догорел!
Жизнь — только тень, она — актер на сцене.
Сыграл свой час, побегал, пошумел —
И был таков. Жизнь — сказка в пересказе
Глупца. Она полна трескучих слов
И ничего не значит.

Входит г о н е ц.

Ты явился
Работать языком. Руби скорей!

Г о н е ц
Не знаю, государь, как и сказать.

М а к б е т
Скажи скорей.

Г о н е ц
Я был сейчас в дозоре
И вдруг увидел, как Бирнамский лес
Как бы задвигался.

М а к б е т
Обманщик подлый!

Г о н е ц
Казните гневом, если я соврал.
Пойдемте покажу. В трех милях виден
Навстречу замку шествующий лес.
Шагающая роща.

М а к б е т
Если это
Обман, повешу тут же на суку,
Чтобы живьем от голода ты высох,
А если правда, сам меня повесь.
Теперь я начинаю сомневаться.
Я веровал в двусмысленность. Меня
Поймал на правде дьявол, обнадежив:
«Спокоен будь, пока Бирнамский лес
Не двинулся на Дунсинан». И что же?
Какой-то лес идет на Дунсинан.
К оружию, к оружию — и в поле!
Коль скоро то, что он сказал, не ложь,

Ни здесь, ни там спасенья не найдешь.
Я жить устал, я жизнью этой сыт
И зол на то, что свет еще стоит.
Бить сбор! Тревогу! Если гибель мне,
Хочу погибнуть в воинской броне.

Уходят.

СЦЕНА 6

Там же. Равнина перед крепостью. Барабаны и знамена.

Входят Малькольм, Сивард-отец, Макдуф
и их войско с ветвями.

М а л ь к о л ь м

Мы перед замком. Бросим ветви прочь
И явимся без лиственных прикрытий.

(Сиварду.)

Нам, дядя, с вашим сыном начинать
И передовом отряде. Мы с Макдуфом
Все прочее закончим, как о том
Условлено.

С и в а р д

Желаю вам удачи.

И если мы его не разобьем,
Гула нам и дорога, поделом.

М а к д у ф

Пускай трубят горнисты во весь дух,
Чтоб оглушить предвестьем смерти слух.

Уходят.

СЦЕНА 7

Другая часть равнины. Шум битвы.

Входит М а к б е т.

М а к б е т

И как цепной медведь. Бежать нельзя,
Но буду защищаться от облавы.

Кто женщиною не рожден? Лишь он
Мне страшен.

Входит молодой Сивард.

Молодой Сивард
Назови свое мне имя.

Макбет
Ты задрожешь, узнав его.

Молодой Сивард
О нет,
Будь это имя хуже самых страшных
Имен в аду!

Макбет
Меня зовут Макбет.
Молодой Сивард
Сам дьявол не сумел бы ненавистней
Моим ушам назваться.

Макбет
И страшней.
Молодой Сивард
Неправда, лжешь, презренный притеснитель!
Мечом я докажу, что ты не прав.

Они бьются, молодой Сивард падает мертвый.

Макбет
Ты женщиной рожден. Каким мечом
Не угрожал бы женщиной рожденный,
Я буду цел без всякой обороны.

Уходит.

Шум битвы.
Входит Макдуф.

Макдуф
Вот где шумят. Мучитель, покажись!
Когда б ты пал не от моих ударов,
Меня бы продолжали посещать
Не отомщенные навеки духи

Моей жены и маленьких детей.
Я не могу рубить крестьян наемных.
Явись, Макбет, иль я вложу назад
В ножны свой меч, не побывавший в деле.
Ты где-то там — по выкрикам сужу,
Что там боец испытанный дерется.
Судьба моя, Макбета мне найди,
Другого счастья в жизни мне не надо!

Уходит.

Шум битвы.

Входят Малькольм и старый Сивард.

С и в а р д

Сюда, принц. Замок сдался без борьбы.
Их люди рубятся в обоих станах.
Я танов храбростью не нахваляюсь—
Мы выиграли без труда сраженье.
Еще немного — и конец.

М а л ь к о л ь м

Наш враг

В душе за нас.

С и в а р д

Мой принц, войдемте в замок.

Уходят.

Шум битвы.

СЦЕНА 8

Там же. Другой конец равнины.

Входит М а к б е т.

М а к б е т

Зачем, подобно римскому безумцу²¹,
Кончать с собою, бросившись на меч?
Пока живых я вижу, лучше буду
Их убивать.

Входит М а к д у ф.

М а к д у ф

Сюда, проклятый пес!

Макбет

Из всех людей я лишь с одним тобой
Встречаться не хотел. И так уж кровью
Твоих домашних дух мой отягчен.

Макдуф

Я слов не нахожу. Тебе их скажет
Мой меч. Ты негодяй, какому нет
Достойного названья.

Они бьются.

Макбет

Труд пропащий.
Ты легче можешь воздух поразить,
Чем нанести своим мечом мне рану.
Бей им по уязвимым черепам—
Я защищен заклатьем от любого,
Кто женщиной рожден.

Макдуф

Так потеряй
Надежду на заклатье! Пусть твой демон,
Которому служил ты, подтвердит:
До срока из утробы материнской
Был вырезан Макдуф, а не рожден.

Макбет

Язык отсохни, это возвестивший!
Он сразу мужество во мне сломил!
Не надо верить прорицаньям ада,
Проклятье им за их двоякий смысл!
Слова их не обманывают слуха,
Чтоб тем полней надежды обмануть.
Я не дерусь с тобой.

Макдуф

Так сдайся, трус!
Останься жить диковинкою века.
Твое изображение на шесте
Поставим мы, как выставляют чудищ,
И выведем под вывескою: «Здесь
Тирана можно видеть».

Макбет

Я не сдамся.
Перед Малькольмом землю целовать

И яростной толпы проклятья слушать?
Хотя Бирнам напал на Дунсинан
И не рожден ты женщиной, мой недруг,
Мне хочется, свой щит отбросив прочь,
Пробиться напролом в бою с тобой,
И проклят будь, кто первым крикнет: «Стой!»

Удаляются, сражаясь.

Шум битвы. Отбой. Трубы.

Входят с барабанным боем и знаменами Малькольм,
Сивард-отец, Росс, Ленокс, Ангус, Кэтнес,
Ментейс и солдаты.

М а л ь к о л ь м

Хотел бы я, чтоб были невредимы
Отсутствующие.

С и в а р д

Нельзя без жертв.

Но по тому, что вижу я, победу
Купили мы недорогой ценой.

М а л ь к о л ь м

Нет сына вашего и нет Макдуфа.

Р о с с

Ваш сын уж заплатил солдатский долг.
Он юношею жил и умер мужем,
Что он неоспоримо доказал
Бесстрашием в последнюю минуту.

С и в а р д

Так он убит?

Р о с с

И с поля унесен.

Не меряйте его заслуги горем,
А то безмерна будет ваша скорбь.

С и в а р д

Он ранен спереди?

Р о с с

Да, в лоб.

С и в а р д

Он будет

Воителем господним. Сыновьям,

Когда б я больше, чем волос, имел их,
Я б лучшей смерти не желал. Вот мой
Надгробный звон по нем.

М а л ь к о л ь м

О нет, я память
Его сильнейшей скорбию почту.

С и в а р д

Скорбеть сильней обозначает слабость.
Он пал в бою, он с честью смерть нашел,
Он честно жил и с жизнью счеты свел.
Да будет с ним господь.

Входит М а к д у ф, неся голову Макбета.

Вот утешенье.

М а к д у ф

Живи, Малькольм! Теперь ты наш король.
Вот голова злодея. Край свободен.
Вокруг тебя, как жемчуг на венце,
Цвет королевства. Братья, грянем хором
От всей души: «Да здравствует король
Шотландии!»

В с е

Да здравствует шотландский
Король!

Трубный туш.

М а л ь к о л ь м

Не будем тратить время. Всем
Спасибо за любовь и помощь. Таны
И родственники, я решил ввести
В Шотландии впервые графский титул
И вам его даю. Нам надлежит
Вернуть друзей, бежавших от гонений,
К себе на родину. Переловить
Пособников и близких кровопийцы
И дьявола в венце, его жены,
Которая сама, как полагают,
Покончила с собой. Хоть дел не счесть,
Надежда есть, что лишь найдется время,
Мы с божьей помощью займемся всеми,
Друзья, еще раз низкий вам поклон,
Всех просим на коронаваньe в Скон.

Трубы.

Уходят.

Трагедия о Кориолане

в 5 актах

Перевод
под редакцией
А.Смирнова

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Кай Марций, затем Кай Марций Кориолан¹.
Тит Ларций } римские полководцы в войне с вольсками
Коминий }
Менений Агриппа, друг Кориолана.
Сициний Велут } народные трибуны.
Юний Брут }
Молодой Марций, сын Кориолана.
Тулл Авфидий, полководец вольсков.
Военачальник вольсков, подчиненный Авфидию.
Заговорщики Авфидия.
Горожанин из Анциума.
Два вольских часовых.
Волумния, мать Кориолана.
Виргилия, жена Кориолана.
Валерия, подруга Виргилии.
Римские и вольские сенаторы, патриции,
эдилы, ликторы, воины, горожане, гонцы,
слуги Авфидия и другие слуги.

Место действия: Рим и его окрестности; Кориолы
и их окрестности; Анциум.

А К Т I

СЦЕНА I

Рим. Улица.

Иходит толпа восставших горожан с палками, дубинами и другим оружием.

1-й Г о р о ж а н и н

Слушайте, слушайте, прежде чем идти дальше.

В с е

Говори, говори.

1-й Г о р о ж а н и н

Решились вы все скорее умереть, чем терпеть голод?

В с е

Решились, решились.

1-й Г о р о ж а н и н

А известно ли вам, что Кай Марций — главный враг города?

В с е

Известно, известно.

1-й Г о р о ж а н и н

Так убьем его — и хлеб подешевеет. Таков ли наш договор?

В с е

Не сто́ит и толковать; убьем, и больше ничего; идем, идем!

2-й Г о р о ж а н и н

Одно слово, добрые граждане...

1-й Г о р о ж а н и н

Мы тебе не добрые граждане: всё добро — у патришья. Нас могло бы спасти одно то, что богачам уже в горло лезет. Если бы они отдали нам объедки со своего стола, пока они не прокисли, мы сказали бы, что нам помогли человечески; но они находят, что мы и без того им дорожно обходимся. Наша худоба, вид нашей нищеты — это вид их благосостояния. Чем больше мы страдаем, тем лучше для них. Отомстим им нашими кольями, покуда мы не сохли еще совсем, как жерди. Богов призываю в свидетели — не от жажды мщения, а от голода говорю я это.

2-й Г о р о ж а н и н

И вы хотите начать с Кая Марция?

В с е

Да, с него первого: он истинный пес для народа.

2-й Г о р о ж а н и н

А помните вы про его заслуги перед родиной?

1-й Г о р о ж а н и н

Очень даже помню. И похвалил бы его, если бы сам не спесью себя не вознаграждал.

2-й Г о р о ж а н и н

Постой, постой! Ты только говори без озлобления

1-й Г о р о ж а н и н

Говорю тебе — всё, чем он прославился, сделано ради этой самой спеси. И хотя добродушные простаки готовы признать, что это для родины, а на самом деле он делает угоду матери; ну, конечно, и ради собственной спеси, которая не меньше его славы.

2-й Г о р о ж а н и н

То, чего он не может изменить в своей природе, ты считаешь пороком. Но уж ты никогда не скажешь, что жаден.

1-й Г о р о ж а н и н

Это-то правда; зато в других обвинениях недостатка меня не будет. Пороков у него не оберешься, — устанешь их перечисляя.

За сценой крики.

Что это за шум? Восстала и другая часть города. Что мы даром теряем время? В Капитолий!

Все

Идем, идем.

1-й Горожанин

Ишше! Кто идет к нам?

Входит Менений Агриппа.

2-й Горожанин

Достойнейший Менений Агриппа — тот, который всегда был народ.

1-й Горожанин

Да, он честный человек; если бы все были такими!

Менений

Что с вами, земляки? Куда идете
С дубинами и палками? Скажите.

1-й Горожанин

Сенату известно, в чем дело. Там уже недельки две как
мы догадаться, что мы задумали, а теперь мы это на де-
ло покажем. Говорят, что от бедняков крепко пахнет; а те-
перь узнают, что у нас и руки не слабые.

Менений

Друзья мои, почтенные соседи,
Ужель вы ищите себе беды?

1-й Горожанин

Не ищем мы, — попали уж в нее.

Менений

Скажу, друзья, заботою своей
Патриции не забывают вас.
Но в бедствиях, в нужде, в страданиях вам
Подняться против Рима — это то же,
Что против неба с палкой восставать.
Поверьте, воля Рима устранил
С пути порядка тысячи препятствий
И посильней, чем в замыслах у вас.

Ведь не патриции, а боги вам
Создали голод, и помочь должны
Не руки, а колени и молитвы.
Увы! Беда послала вас туда,
Где худшее вас ждет, и вы без толку
Порочите отчизны рулевых.
Они о вас пекутся, как отцы,
А вы проклятья шлете, как врагам.

1-й Г о р о ж а н и н

Пекутся о нас! Нечего сказать! Да они никогда о нас
заботились. У них амбары от хлеба ломаются, а они нас
нас голодом да издают законы о ростовщичестве, которые
идут на пользу ростовщикам; всякий день отменяют
нибудь хороший закон, тяжкий для богачей, а для бедняков
что ни день, издают новые постановления, чтобы поправить
скрутить и прижать их. Если только война не пожрет нас,
они сами это сделают; вот какова их любовь к нам.

М е н е н и й

Иль вы должны
Признать в себе чудовищную злобу,
Иль вы глупы. Но я вам предложу
Рассказ отличный, — может, вам знакомый,
А все ж вполне уместный, — постарайтесь
Раскрыть его значенье шире.

1-й Г о р о ж а н и н

Ладно уж, послушаем. Только не рассчитывай, что тебе
удастся замаслить своим рассказом наши лишения. Им
быть, начинай.

М е н е н и й

Однажды в человеке части тела
Восстали против чрева, утверждая,
Что будто бы оно, как омут в теле,
Всю пищу поглощает, а само,
Ленивое, не занято работой,
Меж тем как все другие члены тела
Глядят, изобретають, слышат, ходят
И осязают, учат, принимая
Взаимное участие в стремленьях
И склонностях всего живого тела;
А чрево им ответило...

1-й Г о р о ж а н и н
Ну, ну, говори; что чрево им ответило?

М е н е н и й

Я расскажу вам. С тонкою улыбкой,
Не очень радостной, а вот как эта
(Взгляните — волен я заставить чрево
И улыбаться, как и говорить),
Язвительно ответило оно
Мятежникам, завистникам доходов,
Которые точь-в-точь шумели так,
Как вы сейчас сенаторов хулите
За то, что вы им не чета...

1-й Г о р о ж а н и н

Но что же,
Что голове под царственным венцом,
Что бдительному глазу и руке-
Борцу, и сердцу, что дает советы,
Ноге-коню, и языку-горнисту,
И всем помощникам и мелким слугам,
Что в нашем теле трудятся, могло
Ответить чрево, коль они...

М е н е н и й

Ну что?
Ты перебил меня — кончай же сам!
Ну говори!

1-й Г о р о ж а н и н

Когда прожора этот,
Живот, ведет их к истощенью...

М е н е н и й

Ну?

1-й Г о р о ж а н и н

На жалобу всех органов телесных
Что он ответит?

М е н е н и й

Я вам расскажу.
Хотя у вас короткое терпенье,
Но всё ж вниманье уделите мне.

1-й Г о р о ж а н и н

Ты очень тянешь.

М е н е н и й

Слушай, добрый друг.

Живот степенный был нетороплив,
Не опрометчив, как они. Ответил:
«Друзья-сочлены, вы сказали правду:
Я принимаю общий харч сначала,
Которым вы живете. Так и надо:
Для тела я и лавка и амбар.
Но помните: я рассылаю соки
По всем рекам, несущим кровь по телу²,
И к сердцу во дворец, и к трону-мозгу.
Чрез все проходы тела и извивы,
От крепкой мышцы до последней жилки —
Всё получает силу от меня,
Чтоб жить. Но, добрые мои друзья,
Хоть всем вам...»

(1-му Горожанину.)

Так, заметь, сказала чрево!

1-й Г о р о ж а н и н

Ну, хорошо...

М е н е н и й

«Хоть всем вам и не видно,
Что отдаю я каждому из вас,
Однако я могу закончить так:
Вы от меня берете всю муку, —
Мне остаются отруби».

(1-му Горожанину.)

Что скажешь?

1-й Г о р о ж а н и н

Ответ неглупый. А какой твой вывод?

М е н е н и й

Сенаторы — разумнейший живот,
Вы ж — члены непокорные. Лишь стоит
Вам оценить их доброе усердье,
Заботы их об общем нашем деле —
И согласитесь вы, что благо всех
Всегда исходит и приходит только

От них, а не от вас. — Что скажешь ты,
Большой в собрание палец?

1-й Г о р о ж а н и н

Большой палец! Но почему я — большой палец?

М е н е н и й

А потому, что в этом мудром бунте
Ты, самый слабый, жалкий и ничтожный,
Зачинщиком желаешь быть и рвешься
Вперед, ища поживы. Коля, палки
Готовы к битве. И за это кто-то
Поплатится.

Входит К а й М а р ц и й.

Привет, достойный Марций!

М а р ц и й

Спасибо.

(Толпе.)

Эй, в чем дело? Для чего вы,
Мятежные бездельники, мерзавцы,
Поддавшись духу ваших жалких мнений,
Себе коросту начесали?

1-й Г о р о ж а н и н

Вечно

Для нас ты доброе словцо имеешь.

М а р ц и й

К тебе кто с добрым словом обратится,
Тот с омерзеньем будет льстить, конечно.

(Толпе.)

Что надо вам, дворнягам, недовольным
И миром и войной? Война пугает,
А без войны становитесь спесивы.
Чуть положишь на вас — найдешь гусей,
Где ждал лисиц, и зайцев вместо львов.
Вы не верней каленого угля
На льду, вы — градины под жарким солнцем.
О нет! Способны вы хвалить того,
Кто склонен к преступленью, а закон,
Карающий его, вам ненавистен.
Кто истинно велик — противен вам.

Желанья ваши — лишь больного блажь,
Способная недуг его усилить.
Тот с плавниками из свинца плывет
И хрупким тростником дубы срубает,
Кто положился в чем-либо на вас.
Идите к черту! Верить, верить вам,
Раз каждый час меняете вы мненья,
Готовые того перевознести,
Кто только что вам ненавистен был,
И очернить вчерашнего любимца?
В чем дело? Почему везде кричите
Вы против благородного сената,
Который волею бессмертных в страхе
Вас держит, чтобы не пожрали вы
Друг друга?

(Менению.)

Объясни мне, что им надо?

М е н е н и й

На хлеб цены дешевой. Говорят,
Есть в городе запасы.

М а р ц и й

Говорят?

К чертям их! Заседают на насесте —
И в Капитолий нос совать дерзают:
Кто в ход пошел, кто преуспел в делах,
Кто ослабел; кто с кем в союзе там,
Кто женится, по их предположеньям.
Чуть кто им люб, так за того горой;
Не люб — так с грязью тотчас же смешают.
Они толкуют про запасы хлеба?
Когда б сенат отбросил состраданье
И мне позволил в ход пустить мой меч,
Тогда из тысяч этих всех рабов,
Что рыскают по городу сейчас,
Я навалил бы гору — вышиною
С мое копье.

М е н е н и й

Молчи, притихли эти уж совсем
И, несмотря на все свое нахальство,
Расходятся трусливо. Но скажи мне,
Как обстоят дела с другой толпой?

М а р ц и й

Рассеялась,—чтоб черт их всех побрал!
Они кричали, будто голодают,
Пословицами сыпали угрюмо:
Что голод даже крепости берет,
Что и собаки есть должны, а пища
Должна бы направляться в рот, что боги
Не богачам одним зерно послали,—
И изливали жалобы свои
Косноязычно, а когда им вняли
И обещали требование их
Исполнить,—а оно необычайно
(Оно должно разбить сердца всей знати,
Заставив силу власти потускнеть!),—
Они в восторге шапками кидали,
Стараясь их забросить на луну.

М е н е н и й

И что ж им обещали?

М а р ц и й

Им даны,
Для поддержанья их затей негодных,
Пять ими всеми избранных трибунов:
Сициний Велут, Юний Брут, еще...
Не помню... Черт возьми! Скорей бы чернь
Могла снести по городу все крыши,
Чем одержать победу надо мной.
Она со временем окрепнет в силе
Для худших возмущений.

М е н е н и й

Странно, странно.

М а р ц и й

(толпе)

Ну, по домам, отребье, расходись!

Входит торопливо Г о н е ц.

Г о н е ц

Здесь ли Кай Марций?

М а р ц и й

Здесь. Скажи, в чем дело.

Г о н е ц

С известьем я, что вольски поднялись.

М а р ц и й

Я очень рад. Вот случай нам извергнуть
Все затхлые излишки. Вот идут
Почтенные отцы.

Входят Коминий, Тит Ларций и другие сенаторы,
Юний Брут и Сициний Велут.

1-й С е н а т о р

Сбылось, о чем ты, Марций, говорил:
Вооружились вольски.

М а р ц и й

Тулл Авфидий—

Их вождь; наделает он вам хлопот.
Соперничаю с ним я в благородстве,
И если б я не я был, то хотел бы
Быть только им.

К о м и н и й

Ты с ним уже сражался?

М а р ц и й

Когда бы мир распался на две рати,
А он со мной остался бы в одной,—
Я поднял бы мятеж, чтоб с ним сразиться.
Он лев: горжусь охотой на него.

1-й С е н а т о р

Тогда, достойный Марций, в этих битвах
Сопровождай Коминия.

К о м и н и й

Ты это

Мне раньше обещал.

М а р ц и й

Готов и ныне:

Во всем я постоянен. Ты, Тит Ларций,
Меня увидишь снова в битве с Туллом
Лицом к лицу. А сам ты ослабел
И дома остаешься?

Т и т

Нет, Кай Марций;
Хоть мне придется драться костылем
И на костыль опершись,—не отстану.

М е н е н и й

О доблестная кровь!

1-й С е н а т о р

Скорее в Капитолий,—там друзья
Нас ждут.

Т и т

Веди же нас туда, Коминий.

(Марцию.)

Иди за ним; а мы все за тобой
Последовать должны; ты справедливо
Достоин первенства.

К о м и н и й

О славный Ларций!

1-й С е н а т о р

(горожанам)

Ну, что же вы? Ступайте по домам.

М а р ц и й

Нет, нет, пускай последуют за нами;
У вольсков много хлеба; этих крыс
Возьмем амбары грабить.

(Толпе.)

Вот, смутьяны

Почтенные, отваге вашей выход;
Прошу, за нами!

Уходят сенаторы, Коминий, Марций, Тит и
М е н е н и й. Горожане потихоньку расходятся.

С и ц и н и й

Видал ли ты на свете человека
Надменной Марция?

Б р у т

Нет, не видал.

С и ц и н и й

Когда нас избирал народ в трибуны...

Б р у т

Заметил ты его глаза и губы?

С и ц и н и й

Нет, только оскорбления его.

Б р у т

Взбесившись, он богов не пощадит.

С и ц и н и й

Над скромною луною посмеется*.

Б р у т

Пускай бы сгинул в этой он войне!
Он сделался надменным непомерно
От храбрости своей.

С и ц и н и й

Да, он таков,
Что, вознесенный доброю удачей,
И тень свою способен презирать,
Ее ногами попирая в полдень.
Но странно, что при гордости такой
Коминию готов он подчиняться.

Б р у т

Стремится к славе он, хотя он ею
Уже весьма украшен. Чтоб сберечь
То, что уж есть, или подняться выше,
Верней—иметь второе место в войске;
За промахи в ответе полководец:
Хотя бы совершил он чудеса,
Всё ж глупая, вертлявая хула
Начнет галдеть: «Ах, если б нашим делом
Руководил наш Марций!»

С и ц и н и й

При удаче ж
Народный голос, к Марцию прилипнув,
Коминия в заслугах обворует.

* Луна, посвященная богине Диане,—символ девственности.

Б р у т

Для Марция—Коминия лишат
Наполовину почестей, хотя бы
Не заслужил их Марций, и ему
Послужат в честь Коминия ошибки,
Хотя б ни в чем заслуг он не имел.

С и ц и н и й

Пойдем узнаем, что решил сенат,
А также поглядим, как этот вредный
Чудак теперь собирается в поход.

Б р у т

Идем, идем.

Уходят.

СЦЕНА 2

Кориолы. Сенат.

Входят Тулл Авфидий и сенаторы.

1-й С е н а т о р

Итак, Авфидий, полагаешь ты,
Что римляне в наш замысел проникли
И знают, что мы делаем?

А в ф и д и й

А ты?

О чем бы ни задумали у нас,
Осуществить успеем ли мы раньше,
Чем это Рим пронюхает? Да вот,
Четыре дня назад я получил
Посланье. Здесь со мной как будто... Да.

(Читает.)

«Они собрали войско. Неизвестно,
На запад иль восток его пошлют.
Хлеб в Риме дорог, а народ мятежен,
И ходит слух, что будто бы Коминий,
А также давний враг твой Марций (в Риме
Его сильнее, чем сам ты, ненавидят),
Храбрейший римлянин Тит Ларций — трое
Поход готовят. А куда направят?

Всего скорее — на тебя пойдут.
Обдумай это».

1-й С е н а т о р

Войско наше — в поле.
Мы никогда еще не сомневались
В том, что всегда готов нам Рим ответить.

А в ф и д и й

И не считал ты глупым под секретом
Все замыслы великие держать,
Пока нужда не выведет наружу.
Но выводком они гуляют в Риме;
Раскрыто всё, и нам уж не удастся
Взять много городов, как мы хотели,
Пока узнают в Риме о войне.

2-й С е н а т о р

Авфидий благородный, будь вождем
И торопись к отряду своему,
А нас оставь охраной в Кориолах.
При их осаде с войском подоспеешь,
Чтоб снять ее. Но думается мне,
Что не готовы римляне.

А в ф и д и й

Готовы,

Я это знаю. Более того:
Уже сюда направлено их войско.
Прощайте же. Случится встретить мне
Там Кая Марция — тогда, клянусь я,
Мы смертным боем будем драться с ним.

В с е

Да будет помощь от богов тебе!

А в ф и д и й

И вашу честь пускай хранят они!

1-й С е н а т о р

Счастливым путь!

2-й С е н а т о р

Прощай!

В с е

Прощай!

Уходят.

СЦЕНА 3

Рим. Комната в доме Марция.

Входят Волумния и Виргилия. Они садятся на два низеньких табурета и шьют.

Волумния

Прошу тебя, дочь моя, спой что-нибудь или будь повеселее. Если бы Марций был моим мужем, меня больше радовало бы его отсутствие, когда он создает себе славу, чем жаркие брачные поцелуи. В ту пору, когда его тело было еще очень нежным и он был единственным сыном моего чрева, когда его юношеская красота пленяла взоры встречных, в эту пору, когда ни одна мать ни за что не расталась бы с сыном ни на час, даже если бы об этом просили цари, — я охотно разрешала ему искать опасностей и славой — славы; ибо я понимала, что такому сыну подобает честь и не годится ему быть похожим на повешенную на стене картину, оставаясь глухим к призывам славы. Я послала его на тяжкую войну, и он вернулся с дубовым венком на челе. Уверяю тебя, дочь моя, что я меньше ликовала, когда узнала, что родила мальчика, чем тогда, когда первый раз узнала, что он проявил себя храбрым.

Виргилия

А если бы он погиб на войне? Что тогда?

Волумния

Тогда добрая слава о нем стала бы моим сыном, и в ней обрела бы себе потомство. Говорю по правде тебе: будь у меня двенадцать сыновей, любимых мною столь же сильно, как наш добрый Марций, — я легче перенесла бы благополучную гибель одиннадцати за отечество, нежели праздную жизнь двенадцатого.

Входит Прислужница.

Прислужница

Благородная Валерия желает вас видеть.

Виргилия

Разрешите мне удалиться.

Волумния

Не уходи.

Мне кажется, я слышу барабаны

И вижу мужа твоего — как будто
За волосы Авфидия он тащит.
Бегут, как дети от медведя, вольски.
Мне кажется, он топает ногой,
Кричит войскам: «Вперед, вперед же, трусы,
Зачатые в час робости позорной,
Хотя и были в Риме рождены!»
И сам рукой, закованною в сталь,
С чела стирает кровь, вперед шагая,
Как жнец, который взялся всё убрать
Или лишиться платы за работу.

В и р г и л и я

Чело в крови! Не надо, о Юпитер!

В о л у м н и я

Глупа ты! Замолчи! Идет мужчине
Скорее кровь, чем позолота славы.
Когда кормила Гектора Гекуба,
То грудь ее не так была прекрасна,
Как сына лоб, когда у греков он
Пятнал мечи.

(Прислужнице.)

Валерии скажи:

Готовы мы приветствовать ее.

Уходит Прислужница.

В и р г и л и я

Спасет ли небо мужа мне в борьбе
С Авфидием ужасным?

В о л у м н и я

Авфидия собьет он под колено
И попирать его ногами станет.

Входит Валерия с Привратником и Прислужницею

В а л е р и я

Добрый день, дорогие мои.

В о л у м н и я

Милая Валерия!

В и р г и л и я

Я рада видеть тебя.

В а л е р и я

Как вы себя чувствуете? Всегда заняты хозяйством! Что вы шьете? Прекрасная вышивка, клянусь честью! (*Виргилии.*) А как твой сынок?

В и р г и л и я

Благодарю, он здоров.

В о л у м н и я

Он больше любит глядеть на мечи и слушать барабан, чем учиться.

В а л е р и я

Видно, пошел в отца. Право, это прелестный ребенок. Представьте, в среду я полчаса наблюдала за ним; ах, какое нежное смелое лицо! Я видела, как он бегал за золотым мотыльком: поймает, потом отпустит — и снова за ним; отпустит — и снова поймает. Иль то, что он упал, рассердило его, или что другое, но только он стиснул зубы, так вот, — и разорвал мотылька. Надо было видеть, как он рвал его!

В о л у м н и я

Вспылил по-отцовски.

В а л е р и я

Да, он замечательный ребенок.

В и р г и л и я

Шаловлив очень.

В а л е р и я

(*Виргилии*)

Опложи шитье и отдохни немного. Прогуляемся вместе.

В и р г и л и я

Нет, милая, я не пойду из дома.

В а л е р и я

Не пойдешь?

В о л у м н и я

Пойдет, пойдет.

В и р г и л и я

Нет, нет, как бы вы меня ни уговаривали, я не переступлю порога, пока мой супруг не вернется с войны.

В а л е р и я

Полно! Очень глупо так замуровывать себя. Должна же ты навестить добрую соседку, которая больна.

В и р г и л и я

Я желаю ей скорого выздоровления и помогу ей своими молитвами, но идти к ней я не могу.

В о л у м н и я

Но почему же, скажи, пожалуйста?

В и р г и л и я

Во всяком случае, не по лености и не от недостатка свободного положения.

В а л е р и я

Ты хотела бы, я вижу, стать второй Пенелопой. Одни говорят, что пряжа, сотканная ею без Улисса, только рождала моль по всей Итаке. Пойдем! Жаль, что твое полотно не может чувствовать боли, как твой палец; тогда ты не страдания перестала бы его колоть. Ну пойдем же с нами.

В и р г и л и я

Прости, милая Валерия, я не пойду.

В а л е р и я

Нет, пойдем. Я сообщу тебе хорошие вести о твоем муже.

В и р г и л и я

О нет, никакие вести еще не успели прибыть.

В а л е р и я

Уверяю тебя, я не шучу; ночью получено известие

В и р г и л и я

Неужели?

В а л е р и я

Правда; один из сенаторов рассказывал при мне. Но они выступили в поле; против них пошел полководец Корнелий с частью римских сил. Твой муж и Тит Ларций осадили тогда их город Кориолы; они не сомневаются, что победят и быстро закончат войну. Это правда, честное слово. Пойдем же с нами.

В и р г и л и я

Прости меня, дорогая. Когда это кончится, я во всем буду слушаться тебя.

В о л у м н и я

Оставь ее. В таком состоянии, как сейчас, она только нагонит на нас тоску.

В а л е р и я

Да, и я то же думаю. — Прощай же. — Пойдем, милая. — Прошу тебя, Виргилия, выгони за двери свою стеснительность, и пойдем с нами.

В и р г и л и я

Нет, нет, я ни за что не пойду. Желаю вам развлечься.

В а л е р и я

В таком случае прощай.

Уходят.

СЦЕНА 4

Перед Кориолами.

ИХОДЯТ с барабанами и знаменами **М а р ц и й**, **Т и т Л а р ц и й**, военачальники и войско. Навстречу им — **Г о н е ц**.

М а р ц и й

Есть новости. Побьемся об заклад:
Сражение было.

Л а р ц и й

Нет, коня я ставлю,
Что не было.

М а р ц и й

И я.

Л а р ц и й

Идет.

М а р ц и й

(Гонцу)

Скажи-ка нам, вступил ли в бой
С врагом наш полководец?

Г о н е ц

Повстречались;
Готовятся к сраженью.

Л а р ц и й

Добрый конь
Достался мне.

М а р ц и й

Я выкуплю его.

Л а р ц и й

Нет, не хочу дарить иль продавать.
А одолжить тебе его согласен —
Так, лет на пятьдесят. — Начнем осаду.

М а р ц и й

Войска далеко?

Г о н е ц

Милях в двух отсюда.

М а р ц и й

Их бранный крик тогда дойдет до нас,
А наш — до них. — Молю тебя, о Марс,
Дай быстроту нам, чтоб могли отсюда
С дымящимся оружием скорым маршем
Прийти друзьям на помощь в их сраженье.
Трубите, эй!

Трубят к переговорам.

На стены всходят двое сенаторов и прочие.

Скажите, Тулл Авфидий с вами здесь?

1-й С е н а т о р

Нет, хот и нет здесь никого, кто вас
Бойтся менее, чем он, — а страха
У Тулла менее, чем мало.

(Вдали барабаны.)

Слушай!

Вот барабанный бой зовет к сраженью
Всю нашу молодежь. Скорее мы
Разрушить стены предпочли б, чем видеть
Опору в них. Ворота тростником
Скрепили мы для виду; сами мы

Откроем их. Вот, слышишь?

(Доносится шум сражения.)

Там Авфидий
Творит сейчас кровавую расправу
Над вашим жалким войском.

Марций

Да, там бьются!

Ларций

Пусть этот бой зовет нас к наступлению.
Эй, лестниц!

Входят войска вольсков.

Марций

Из города выходят, — не боятся.
Теперь щитом прикройте вашу жалость.
Сражайтесь с сердцем, более надежным,
Чем щит. Вперед, наш благородный Тит!
Они нас презирают чересчур;
Меня бросает в жар от гнева. Ну,
Вперед, друзья, а кто отступит, я
Сочту того за вольска и ему
Почувствовать дам острие меча.

Сражение. Римляне отступают.

Позор для Рима! Южная чума
Пушай на вас нагрянет! Ах вы, стадо!..
Нарывами и язвами пушай
Оштукатурит вас, чтоб отвращенье
Питали к вам издалека, а вы
По ветру друг от друга заражались!
Скажите, как, гусиные вы души
В людском обличье, как могли бежать вы,
Спасаясь от рабов, которых бить
И обезьяны могут? Силы ада!
Все сзади ранены, и спины красны!
И бледны вы от лихорадки бегства
И трусости! Пред родиной вину
Загладьте, или я — огнем небесным
Клянусь — врагов забуду и пойду
На вас! Смотрите! Эй, вперед! И если
Вы устоите, — к женам их загоним,
Вот как они загнали нас во рвы!

Снова битва. Вольски бегут.
Марций преследует их до ворот города.

Так, так: ворота настезь! Упускать
Такой удобный случай нам нельзя.
Судьба не беглецам их распахнула,
А тем, кто наступает. Все за мной,
И действуйте, как я!

Входит в ворота.

1-й В о и н

На безрассудство не пойду!

2-й В о и н

Я тоже.

Ворота запираются.

1-й В о и н

Гляди: за ним захлопнулись ворота.

Шум битвы продолжается.

В с е

Пропал наверно он.

Входит Т и т Л а р ц и й

Л а р ц и й

Что с Марцием случилось?

В с е

Без сомненья,

Убит теперь.

1-й В о и н

За беглецами гнался

Он по пятам, и с ними он вошел.
Но вдруг захлопнулись ворота. Он
Пред целым городом один в ответе.

Л а р ц и й

О доблестный товарищ мой! Живой,
Меча безжизненного тверже ты:
Когда он гнется, ты несокрушим.
Ты, Марций, нас покинул, и потерял

Алмаз чистейший, более прекрасный,
Чем все другие в мире. Сам Катон
Такого воина в мечтах не видел³;
Не только ты свирепым и ужасным
В ударах был, но потрясал врагов
И грозным видом, голосом своим
Громоподобным. Мир как будто бился
Весь в лихорадке, трепетал...

Входит М а р ц и й, обливаясь кровью; за ним — в р а г и.

1-й В о и н

Смотри...

Л а р ц и й

Да это Марций! Мы должны
Его отбить иль вместе в нем погибнуть!

Сражаясь, врываются в город.

СЦЕНА 5

Улица в Кориолах.

Входят несколько римских воинов с добычей.

1-й Р и м л я н и н

Вот это я возьму с собой в Рим.

2-й Р и м л я н и н

А я — это.

3-й Р и м л я н и н

Чтоб тебе сдохнуть! Я принял это за серебро!

Вдали шум продолжающейся битвы.

Входят М а р ц и й и Т и т Л а р ц и й с Т р у б а ч о м.

М а р ц и й

Вот полюбуйся на вояк! Они
Ни в грош не ценят дорогое время.
Не решено сражение, а они
Укладывают, низкие рабы,
Подушки, ложки из свинца, и лом
Железный, и нательную одежду,
Которую палач зарыл бы в землю

С тем вместе, кто ее носил⁴. Убить их! —
Послушай, Тит, какую суматоху
Затеял полководец наш. К нему!
Авфидий там, проклятый, режет римлян.
Ну, добрый Тит, бери отряд пригодный,
Чтоб город охранять, а я людей
Из тех, кто посмелее, отберу
И поспешу к Коминию.

Л а р ц и й

О друг мой
Достойнейший, ты истекаешь кровью,
И слишком ты суровую задачу
Берешь, когда стремишься снова в бой.

М а р ц и й

Нет, не хвали; я не успел еще
Разгорячиться в битве. Ну, прощай,
Потеря крови для меня скорей
Целебна, чем опасна. Покажусь
Авфидию я вот таким и с ним
Сражусь.

Л а р ц и й

Тогда прекрасная богиня,
Фортуна, пусть тебя полюбит крепко
И чарами волшебными введет
Мечи противников твоих в смятенье!
Да будет для тебя слугой удача,
Храбрый из людей!

М а р ц и й

И пусть к тебе
Она не менее благоволит,
Чем к вознесенным ею. Ну, прощай!

Л а р ц и й

Достойнейший наш Марций!

Уходит Марций.

(Трубочу.)

Иди на площадь и сзывай трубою
Всех городских начальников ко мне:
Им волю нашу сообщу. Ступай!

Уходят.

СЦЕНА 6

У лагеря Коминия.

Входит Коминий с войсками (они отступают).

Коминий

Переведите дух, друзья; сражались
Прекрасно вы — без дерзости безумной;
И в этот час, когда мы отступаем,
Средь вас трусливых не было. Такими
Всегда должны быть римляне. Поверьте —
Мы скоро нападём на них опять.
Порой, когда стихал шум битвы, к нам
По ветру доносился клич друзей.
О боги Рима! Дайте им победу,
И дайте нам ее: пусть обе рати
Сойдутся радостно, с улыбкой, здесь
На жертву благодарственную.

Входит Гонец.

Эй,

Что нового?

Гонец

Покинув Кориолы,
Там с Ларцием и Марцием в сраженьё
Вступили горожане. Видел я —
В окопы наших гнали. А потом
Я поскакал сюда.

Коминий

Хотя бы правду
Ты говорил, — но мне твои слова
Не по душе. Давно ли это было?

Гонец

Да час тому назад.

Коминий

Отсюда в миле слышны барабаны.
Так как же мог ты к нам так долго ехать
И с вестью опоздать?

Гонец

Шпионы вольсков
Устроили облаву на меня:

Я мили три-четыре прокружил;
Иначе донесенье я принес бы
И полчасу тому назад.

Входит М а р ц и й.

К о м и н и й

О, кто

Пришел к нам, весь в крови? Благие боги!
На Марция похож; случилось мне
Видать его таким.

М а р ц и й

Не опоздал я?

К о м и н и й

Пастух не отличит скорее грома
От звуков бубна, чем я — голос этот
Средь шума заурадных голосов;
То голос Марция!

М а р ц и й

Не опоздал я?

К о м и н и й

Да, если не в крови врагов пришел,
А собственной покрыт.

М а р ц и й

Позволь обнять

Тебя так крепко, как жену когда-то;
На сердце весело, как в брачный день.
Когда он был закончен и зажглись
У ложа свечи.

К о м и н и й

Цвет храбрецов, скажи нам, где Тит Ларций?

М а р ц и й

Порядком в городе теперь он занят:
Одних он приговаривает к казни,
Других — к изгнанию; тем назначит выкуп,
Других простит, — чтоб всех их утешить.
В узде во имя Рима Кориолы
Он держит, как собаку, что виляет
Хвостом, чтоб отпустил ее на волю.

К о м и н и й

Но где тот раб, который говорил,
Что вас они прогнали до окопов?
Где он? Позвать!

М а р ц и й

Оставь его в покое:

Он прав. Одни патриции дрались.
Плебеи же... Чума на них! И им
Дают трибунов!— Мыши никогда
Не бегали от кошки так, как эти
От сволочи, что хуже их самих,
Бежали.

К о м и н и й

Как же победить ты мог?

М а р ц и й

Да время ли рассказывать? Едва ли!
А где наш враг? За вами поле битвы?
И если нет,— зачем не бьетесь вы?

К о м и н и й

Не без потерь сразились, Марций, мы
И отступили, чтоб иметь успех.

М а р ц и й

Как расположены войска врагов?
Не знаешь ли, с которой стороны
Стоят отряды верные у них?

К о м и н и й

Насколько знаю, Марций, во главе
У них стоят отряды анциатов,
Их лучшая опора; там — Авфидий:
Он сердце их надежд.

М а р ц и й

Молю тебя

Во имя битв, в которых мы сражались,
И крови, вместе пролитой, обетов
Быть неизбежно в дружбе, — дай сейчас
Мне на Авфидия и анциатов
Обрушиться. Не пропускай минуты;
Пусть в воздухе сверкнут мечи и копья,
Чтоб испытать нам этот час успеха.

К о м и н и й

Хотя тебе я пожелал бы баню,
Для ран твоих целительный бальзам,
Однако никогда я не решусь
В той просьбе отказать тебе. Возьми
На выбор лучших, кто тебе полезен
В сражение будет.

М а р ц и й

Я возьму с собою
Лишь тех, кто пожелает сам идти.

(К войску.)

Когда из всех найдется здесь один
(А сомневаться было бы грешно),
Кому глядеть приятно на румяна,
Которыми измазан я, кому
Страшней дурная слава, чем опасность,
Кто понимает, что кончина храбрых —
Превыше прозябанья, и кому
Милей отчизна самого себя, —
Пусть воин тот иль все, кто тех же мыслей,
Поднимут руку так вот, в знак согласия
Пойти за Марцием.

Крики. Воины потрясают мечами и, подхватив Марция, поднимают
его высоко над собой, кидая вверх шлемы.

Пустите!⁵ Приняли меня за меч?
Когда из вас чистосердечен каждый,
Так кто ж не равен вольскам четверем?
Таких здесь нет, чтоб не могли сойтись,
Щит со щитом, сурово и с самим
Авфидием прославленным. Хоть всех
Благодарю, но выберу немногих.
Для остальных, по прихоти войны,
Найдется дело и в других боях.
Вперед, друзья! Пусть четверо из вас
Тех отберут, которые со мною
Всего охотнее пойдут в поход.

К о м и н и й

Вперед! Себя на деле покажите —
И будете во всем подобны нам.

Уходят.

СЦЕНА 7

У ворот Кориол.

Т и т Л а р ц и й, оставив отряд для защиты Кориол. выходит
под звуки труб и барабанов на помощь к Коминию и Каю Марцию.
При нем В о е н а ч а л ь н и к, воины и П р о в о д н и к.

Л а р ц и й
(военачальнику)

Мои приказы соблюдайте строго.
Когда дам знать, — отправить сотни те
Нам в помощь. С остальными ты пока
Удержишь власть. Коль битву проиграем, —
Нам города не удержать.

В о е н а ч а л ь н и к
Ты можешь,
Конечно, положиться на меня.

Л а р ц и й
Ворота вслед за нами запирайте.
Ну, проводник, вперед, и проводи
Нас в римский стан.

Уходят.

СЦЕНА 8

Поле битвы между лагерями римлян и вольсков.

Шум битвы.
Входят с разных сторон М а р ц и й и А в ф и д и й.

М а р ц и й
Дерусь с тобой одним. Клятвопреступник
Мне ненавистен менее, чем ты.

А в ф и д и й
По ненависти оба мы равны.
Ты мне гнусней, чем африканский гад,
Со всей твоею злобою и славой.
Готовься к бою.

М а р ц и й
Кто отступит первый —

Пусть станет навсегда рабом другого,
И пусть богами будет проклят он!

А в ф и д и й

Меня, как зайца, Марций, улюлюкай,
Когда я побегу.

М а р ц и й

Послушай, Тулл:

Я три часа, ворвавшись в Кориолы,
Один сражался и себя потешил.
Я не в своей крови измазан так.
Готовься мстить — сberi свои все силы!

А в ф и д и й

Когда б ты был сам Гектор, — этот бич
Для вас, его хвастливые потомки⁶, —
Ты всё же бы не спасся от меня.

Они сражаются. Несколько вольсков бросаются на помощь к Авфилиям
Марций теснит их.

Услуга вялая! Меня вы ею
Лишь в стыд вогнали. К черту вашу помощь!

Уходят.

СЦЕНА 9

Римский лагерь.

Трубы. Шум битвы. Отбой.

Входят с одной стороны К о м и н и й и римляне, с другой стороны
М а р ц и й с рукой на перевязи и его отряд.

К о м и н и й

Когда б я стал рассказывать тебе
О всех делах, тобой свершенных нынче,
Ты в подвиги свои бы не поверил.
Составлю донесенье: пусть с улыбкой
Сенаторы смешают слезы; будут
И славные патриции внимать,
Плечами пожимая, а потом
Придут в восторг. В волнении приятном,
Вздыхая, будут наши жены жадно
Слова ловить; и глупые трибуны,

Которые, с своим плебейством затхлым,
Хотя твою и ненавидят славу,
А всё же скажут нехотя: «Хвала
Богам, что в Риме есть такой вонитель». —
Но ты на пир явился лишь к концу,
Уж раньше пообедав.

Входит Т и т Л а р ц и й с войском, преследовавшим
неприятеля.

Л а р ц и й

Полководец.

Вот бранный конь, мы — лишь его попона.
Когда б ты видел...

М а р ц и й

Замолчи, прошу!

Хоть мать моя и вправе кровь свою
Во мне превозносить, но я бываю
При похвалах ее лишь огорчен.
Как вы, я совершил, что мог, и так же
Я это сделал только для отчизны.
Кто от души сражался, тот свершил
Не менее, чем я.

К о м и н и й

Мы не позволим

Тебе могилой быть твоих заслуг:
Пусть знает Рим своих сынов деянья.
Скрывать твои дела — то было б кражей,
Поистине предательством, — хотя бы
Ты скромностью облечь старался то,
Чем выше всех похвал. Прошу тебя
Поэтому (не для наград за подвиг,
А ради правды) пред войсками здесь
Меня послушать.

М а р ц и й

Я изранен. Если

О ранах вспоминать, они заново.

К о м и н и й

А если вспоминать не будем ран,
Их может загнать неблагодарность
И к смерти привести. Из всех коней
(Мы взяли их немало) и сокровищ,
Что в городе и в битве мы забрали,
Мы часть десятую тебе даем.

Ее возьми пред общим дележом,
И выбирай свободно.

Марций

Полководец,
Благодарю! Но сделать меч корыстным
При неподкупном сердце невозможно.
Я отклоняю и стою за долю
С другими наравне, кто был в бою.

Продолжительный звук труб. Все кричат: «Марций, Марций!»,
бросая вверх шлемы и копья. Коминий и Ларций снимают шлемы

Не оскверняйте этих бранных труб!
Пусть замолчат они! Уж если станут
Они лъстецами на полях сражений,
То, видно, при дворах и в городах
Найдем мы только худших лицемеров.
Когда железо делается мягким,
Как шелк на паразите, уж оно
Для битвы не годится.
Послушайте, довольно! Иль за то,
Что не успел кровь отереть с лица,
Или за то, что нескольких несчастных,
Тщедушных победил, — что совершили
И многие из вас, но неприметно, —
Вы шумно мне кричите одобренье,
Раздув его, как если бы я сам
Своих заслуг ничтожных не припомнил
Без лживой похвалы?

Коминий

Ты слишком скромн:
Не столько благодарен нам за то,
Что искренно тебя мы одобряем,
Как сам жесток к своей ты доброй славе,
И если постоянно раздраженным
Ты будешь против самого себя
(Как тот, кто сам себе вреда желает), —
Ручные кандалы тебе наденем,
Чтобы спокойней говорить с тобой.
Поэтому — пусть знают все на свете,
Как знаем мы, что в настоящей брани
Венок победный Марций заслужил;
В залог того мой благородный конь,
Известный всем, со всей своею сбруей,

К нему, как дар, на память переходит.
А сверх того, за всё, что сделал Марций
У Кориол, пускай получит он,
При шумных и хвалебных криках войска,
От нас прозвание — Кориолан.
Пусть он вовек его со славой носит!

Трубы и барабаны.

В с е

Кориолан — Кай Марций!

К о р и о л а н

Пойду, умоюсь — и тогда увижу,
Не покраснел ли. Так или иначе,
Я вас благодарю.

(Коминию.)

А на коне

Я буду ездить и всегда стараться
Свое прозвание доблестью украсить.

К о м и н и й

Пойдем в палатку. Там, не отдыхая,
Напишем об успехах наших в Рим. —
Тит Ларций, ты в Кориолы вернешься,
Вождей их в Рим пошли для мира с нами
На выгодных и им и нам условиях.

Л а р ц и й

Исполню, полководец.

К о р и о л а н

Боги стали

Меня дразнить. От царственных даров
Сейчас я отказался; между тем
Тебя просить я должен, полководец...

К о м и н и й

Бери, что пожелаешь. Просьба в чем?

К о р и о л а н

Случалось в Кориолах мне не раз
У бедняка в дому иметь ночлег.
Он был со мной приветлив. А теперь
Он в плен попался и взывал ко мне;
Но я в тот миг Авфидия заметил,

И гнев во мне всю жалость подавил;
Прошу тебя бедняге дать свободу.

К о м и н и й

Счастливейший проситель! Если б был
Он даже сына моего убийцей,
Он должен быть свободен, точно ветер.

(Ларцию.)

Освободи его.

Л а р ц и й

Как имя, Марций?

К о р и о л а н

Клянусь Юпитером, забыл. Устал я.
Да, утомилась память. Есть вино?

К о м и н и й

Пойдем в палатку. На лице твоём
Кровь запеклась. Подумать бы пора
О перевязке. — Ну, пойдемте все.

Уходят.

СЦЕНА 10

Лагерь вольсков.

Трубы и рожки.

Входят Тулл Авфидий весь в крови и два или три нинны

А в ф и д и й

Наш город взят!

1-й В о и н

Вернется к нам на выгодных условиях.

А в ф и д и й

Условиях!

Хотел бы быть я римлянином, если
Самим собою быть я не могу
Как вольск! Условия! Добрые условия
Возможны ль для того, кто побежден? —
Пять раз сходились мы с тобою, Марций,
И всякий раз меня ты побеждал;

И будешь побеждать, хотя б так часто
Встречались мы с тобой, как хлеб едим.
Стихиями клянусь, что если снова
Когда-нибудь лицом к лицу я встречу, —
Он — мой, иль я — его. Раз не могу я
Сломить его, сражаясь с ним как равный, —
От чести отказаться я готов:
К иным прибегнув средствам, одолею
Не яростью, так хитростью его.

1-й В о и н

Он сущий дьявол!

А в ф и д и й

Смелей его, хотя не так хитер.
Он доблесть отравил мою: позором
Он запятнал мне честь, и для него
Теперь я отрекаюсь от себя.
Будь в храме он, нагой иль безоружный,
В священном Капитолии, в часы
Молитв иль жертвоприношений, — все
Обычаи и ржавые законы,
Что ярости могли б служить помехой,
Меня не сдержат. Если б в доме я
Его нашел и защищал его
Мой брат родной, то даже там, забыв
Закон гостеприимства, у него
Свирепо в сердце руку бы омыл.
Идите в город и узнайте там —
Что там решили и кого для Рима
В заложники назначили.

1-й В о и н

А ты

Идти не хочешь?

А в ф и д и й

Нет, ждут меня здесь в роще кипарисов.
За городскими мельницами к югу
Я подожду известий. Там решу,
Что делать мне.

1-й В о и н

Исполню непременно.

Уходят.

А К Т II

СЦЕНА I

Рим. Площадь.

Входят Менений и народные трибуны Сициний и Брут

Менений

Авгур сказал мне, что к вечеру будут вести.

Брут

Хорошие или дурные?

Менений

Не по вкусу народа, потому что он не любит Марция

Сициний

Природа и зверей учит, как распознавать друзей.

Менений

А скажи мне, кого любит волк?

Сициний

Ягненка.

Менений

Да, чтобы пожрать его; так и голодные плебеи бы уничтожить благородного Марция.

Брут

Он — ягненок, который только блеет по-медвежьи

Он — медведь, который живет по-овечьи. Вы оба — ста-
ки, ответьте мне на один вопрос.

О б а т р и б у н а

Спрашивай.

М е н е н и й

Какой гнусностью Марций беден, тогда как у вас она
цветает?

Б р у т

Да он ни одной не беден, а всеми недостатками украшен.

С и ц и н и й

Особенно гордостью.

Б р у т

А хвастливостью и того больше.

М е н е н и й

Странно, а известно вам, за что осуждают вас в горо-
де не все, конечно, а мы, люди почтенные? Знаете?

О б а т р и б у н а

Ну, за что же вы нас осуждаете?

М е н е н и й

Да вы, пожалуй, рассердитесь. Вы сейчас толковали как
о про гордость.

О б а т р и б у н а

Ладно, ладно, продолжай.

М е н е н и й

И в самом деле, большой беды не будет, раз все равно
самый пустяк может расхитить всё ваше терпение. Дай-
те своему нраву и сердитесь себе сколько угодно, если
он может доставить вам удовольствие. Итак, вы порицаете
Марция за гордость?

Б р у т

Не одни мы.

М е н е н и й

Знаю, что одни вы не много значите. Помощников у вас много; не будь их, всё, что вы делаете, было бы только смешно. Ума у вас не больше, чем у младенцев, и один из вас много не сделает. Вы толкуете про гордость, а не знаете бы было заглянуть в свои мешки за спинами и полюбоваться своими особами! Очень не плохо было бы!

Б р у т

А что тогда было бы?

М е н е н и й

Да то, что тогда вы увидели бы пару недостойных, гордых, наглых, злобных трибунов, — проще сказать, дураков, каких Рим еще не видывал.

С и ц и н и й

Мы тебя, Менений, хорошо знаем.

М е н е н и й

Меня все знают за весельчака-патриция, любителя кубка горячего вина, не разбавленного ни одной каплей воды из Тибра⁷. Во мне считают недостатками только то, что я так от первой жалобы и вспыхиваю, как трут, из-за всякого пустяка, что я больше знаком с хвостом ночи, чем со лбом утра; что я говорю то, что думаю, а в сердцах молчать не умею. Встретив таких двух государственных мужей, как вы (я не назову вас Ликургами), я морщусь от напитка, который вы мне преподносите, ибо он мне не вкусу. Не могу я сказать, что речи ваших милостей искусны, когда в моем доме звуке, издаваемом вами, я слышу ослиный рев. И когда я терпеливо слушаю, когда другие называют вас почтенными и серьезными, я всё же скажу, что бесстыдники лгут утверждающие, что у вас добродушные лица. Если вы всё это замечаете на карте моего малого мира*, то скажите мне, откуда, что вы меня хорошо знаете? Какие же ваши глаза проникающая сумела найти в моей личности изъяны, позволяющие сказать, что вы меня хорошо знаете?

Б р у т

Брось, брось, мы тебя хорошо знаем.

* То есть моего лица.

М е н е н и й

Ни меня, ни себя, да и вообще ничего вы не знаете. Вам нравится, что разные голяки вам кланяются. Вы способны целое утро убить, решая спор между торговкой апельсинами и трактирщиком, и отложить тяжбу из-за трех грошей на следующий день. Если при выслушивании сторон у вас схватит живот, — вы начинаете гримасничать, словно шуты, теряете терпение, злитесь, шумно требуя себе ночной горшок, распалаете тяжбу и, плохо прислушиваясь к говорящим, еще больше запутываете дело. И правый и виноватый у вас оказываются мошенниками. Да, вы замечательная парочка чудаков!

Б р у т

Ты, видно, и сам понимаешь, что тебе легче балагурить за столом, чем дельно говорить в Капитолии.

М е н е н и й

Сами жрецы научатся смеяться, если будут иметь дело с такими чудаками, как вы. Даже в вашей лучшей речи смысла меньше, чем в потряхивании ваших бород; а бороды эти не заслуживают даже такой почтенной могилы, как дрянная подушка или ослиное вьючное седло. А вы еще говорите, что Марций горд; да он, по самому скромному суждению, лучше всех ваших предков, начиная с Девкалиона*, хотя лучшие из них, кажется, были потомственными палачами. Пожелаю вам всего хорошего, а то боюсь, как бы долгая беседа с вами, пастырями плебейского стада, не замусорила моих мозгов. Будьте здоровы.

Брут и Сициний отходят в сторону.

Входят Волумния, Виргилия и Валерия.

Что с вами, прекрасные и благородные дамы, столь же острые, как была бы луна, если бы она спустилась на землю? Куда устремляются с таким нетерпением ваши взоры?

В о л у м н и я

Почтеннейший Менений, мой сын Марций подходит к Гиму. Ради Юноны, не задерживай нас.

М е н е н и й

Как! Марций возвращается?

* Согласно античному мифу, единственный человек, спасшийся от потопа и сделавшийся таким образом прародителем человеческого рода.

В о л у м н и я

Да, достойнейший Менений, и с великой славой.

М е н е н и й

(бросая вверх шапку)

Вот тебе шапка, Юпитер! Благодарю тебя. Неужели Марций к нам возвращается?

В и р г и л и я и В а л е р и я

Да, да, это верно.

В о л у м н и я

Смотри, вот его письмо ко мне; в сенате получено первое, к его жене пришло третье, да и тебя, наверно, до твоего письма дожидается.

М е н е н и й

Весь дом мой сегодня заплещет от радости! Неужели письмо ко мне?

В и р г и л и я

Да, да, письмо к тебе. Я видела его.

М е н е н и й

Письмо ко мне! Да оно сделает меня здоровым на семь лет, и я натяну нос моему лекарю. Лучшие рецепты Гилена по сравнению с этим — сущее шарлатанство или, самое большее, слабительное для лошадей. А он не ранен? Он всегда возвращается раненым.

В и р г и л и я

Ах, нет, нет, нет.

В о л у м н и я

О, ранен, конечно, и я благодарю богов за это.

М е н е н и й

И я тоже, если раны не слишком тяжелые. А победу он принес в кармане? Раны ему к лицу.

В о л у м н и я

Он принес победу на челе, Менений. Третий раз поощряется он с дубовым венком.

М е н е н и й

А здорово он проучил Авфидия?

В о л у м н и я

Тит Ларций пишет, что они сразились в единоборстве, но что Авфидий бежал.

М е н е н и й

И хорошо сделал, даю мое слово. Потому что, если бы он не сбежал, Марций так бы его разавфидил, что я не согласился бы быть на месте Авфидия за все кориольские ларцы с золотом. Знает ли обо всем этом сенат?

В о л у м н и я

(Валерии и Виргилии)

Идемте, милые. (Менению.) Да, да, да, сенат получил письма от полководца, в которых он говорит, что вся слава этой войны принадлежит моему сыну. В этом походе он превзошел свои прежние деяния.

В а л е р и я

Действительно, о нем рассказывают чудеса.

М е н е н и й

Чудеса? Ручаюсь вам, что только самые правдивые!

В и р г и л и я

Да подтвердят боги истину этих слов!

В о л у м н и я

Истину? Еще бы!

М е н е н и й .

Истину? Могу поклясться, что это истина. — В какое место он ранен? (Трибунам.) Привет вам, почтеннейшие! Марций возвращается, и теперь у него еще больше причин гордиться. (Волумнии.) Куда же он ранен?

В о л у м н и я

В плечо и в левую руку; у него теперь достаточно рубцов, чтоб показать их народу, когда он будет требовать себе консульского звания. Когда мы отбивались от Ларквиния, Марций получил семь ран.

М е н е н и й

Одну — в шею и две — в бедро; всего девять, мне известных.

В о л у м н и я

У него еще до этого похода было двадцать пять ~~рим~~

М е н е н и й

Теперь их двадцать семь, и каждая из них была ~~мощней~~
для врага.

Крики и трубы за сценой.

Слушайте, трубы!..

В о л у м н и я

О Марции то вести. Перед ним
Ликут все, а позади — рыдают.
Едва протянет руку всем на страх —
И гибнут люди под ее размах.

Трубы.

Входят К о м и н и й и Т и т Л а р ц и й; между ними К о р и о л а н ,
увенчанный дубовым венком; за ними — в о е н а ч а л ь н и к и ,
в о и н ы и Г л а ш а т а й .

Г л а ш а т а й

Пусть знает Рим: в воротах кориольских
Один сражался Марций, и со славой
Он прозвищем почтенным награжден:
Добро пожаловать, Кориолан,
Желанный Риму, славный, знаменитый!

Трубы.

В с е

Добро пожаловать, Кориолан!

К о р и о л а н

Довольно! Это мне не по душе,
Прошу...

К о м и н и й

Взгляни, вот мать твоя подходит!

К о р и о л а н

О, знаю я, ты всех богов молила
Послать мне счастье!

Становится на колени.

В о л у м н и я

Встань, мой славный воин,
Мой Марций благородный, Кай достойный

И нареченный заново за подвиг...
Ну, как?... Кориолан — так звать должна я?
Но вот твоя жена.

К о р и о л а н

Привет тебе,
Прелестная молчальница моя!
При торжестве моем ты вся в слезах!
Ужель смеяться стала бы, когда б
В гробу к тебе я прибыл? Дорогая,
Так только вдовы в Кориолах плачут
И матери, лишённые детей.

М е н е н и й

Увенчан будь богами ты теперь.

К о р и о л а н

Ты жив ещё?

(Валерии.)

Прости, душа моя!

В о л у м н и я

Не знаю я, куда и повернуться...

(Коминию.)

Привет вернувшимся. И полководцу
Привет. Добро пожаловать вам всем!

М е н е н и й

Сто тысяч вам приветов! Я готов
И плакать и смеяться. Мне легко
И вместе тяжело. До корня сердца
Пусть будет проклят тот, кому с тобой
Теперь не весело при встрече станет!
А вас троих обязан до безумия
Весь Рим любить. Однако, наряду
С людьми честнейшими, здесь дома есть
И несколько дичков закоренелых;
Как пням, им не привить достоинств ваших.
Но это вздор! Всем воинам привет!
Ведь мы зовём крапиву лишь крапивой
И дурью — дурь глупцов.

К о м и н и й

Всегда он прям.

К о р и о л а н
Всегда, во всем — Менений!

Г л а ш а т а й
Вперед. Вперед! Дорогу!

К о р и о л а н
(*Волумнии и Виргилии*)

Дайте руки!
Но прежде чем в тени родного дома
Главу склонить, мне надо навестить
Патрициев почтенных, от которых,
Помимо слов привета, получил
Я много почестей.

В о л у м н и я
Мне удалось
Дожить до исполнения всех желаний —
Того, о чем всегда мечтала я.
Недостает мне только одного;
Но, несомненно, Рим исполнит это.

К о р и о л а н
Пойми, мать добрая моя, что лучше
По-своему служить я буду им,
Чем править с ними и по их указке.

К о м и н и й
Идемте в Капитолий!

Трубы и рожки.

Все уходят в торжественной процессии.
Б р у т и С и ц и н и й выступают вперед.

Б р у т
Все говорят о нем. Слепые люди,
Чтоб на него взглянуть, очки надели.
О нем болтает нянька в восхищенье,
Не слыша криков своего малютки.
Глаза таращит с кухни судомойка,
Скрепив на потной шее грубый шарф
Булавою, она на стену лезет.
Заполнены ларьки, прилавки, окна,
На крышах люди, на коньках верхом

Сидят на кровле: всё кругом пестрит,
И всё слилось в одном желанье жадном —
Его увидеть. Средь толпы народной
Затворники-жрецы явились нынче:
Пыхтят и ищут места поудобней.
Матроны в покрывалах отдают
Свое лицо, где белизна и алость
Воюют, жгучим поцелуям Феба.
Толпа шумит, как будто некий бог,
Ведущий Марция, в него проник,
Придав ему свое очарованье.

С и ц и н и й

Ручаюсь, скоро консулом он будет.

Б р у т

Достигнув власти, нашу должность он
Сведет к тому, что будем почивать.

С и ц и н и й

Он власть свою осуществлять разумно
И кончить так, как начал, не сумеет —
И потеряет то, что приобрел.

Б р у т

Всё утешенье — в этом.

С и ц и н и й

Будь уверен:

Народ, который защищаем мы,
Народ, ему недавно так враждебный,
Забудет славу новую его
При первом поводе. А повод этот,
Поверь мне, явится: он сам создаст
Его своею гордостью.

Б р у т

Я слышал,

Как клялся он, что если пожелает
Он консульство искать, то никогда
Не выйдет он на рыночную площадь,
Надев смиренья ветхую одежду,
И не покажет ран (как подобает)
Народу, чтобы помогаться их
Вонючих голосов.

С и ц и н и й
Недурно это.

Б р у т

Он говорил, что консульскую должность
Он получить желает не иначе,
Как если знать о том его попросит
И станет уговаривать его.

С и ц и н и й

Желаю от души ему исполнить
Всё это поскорее.

Б р у т

Так и будет.

С и ц и н и й

Его наверняка погубит это,
Как мы того хотим.

Б р у т

Одно из двух:

Иль он, иль наша власть. Для этой цели
Плебеям мы напоминать должны,
Что их всегда он ненавидел; если б
Он мог, их в мулов превратил бы он
И вольностей лишил бы, рот зажал бы
Защитникам народа, полагая,
Что по природе чернь к делам и к чести
Не более способна, чем верблюды,
Которых кормят при войсках за то,
Что тяжести они всегда таскают,
Хотя при этом бьют нещадно тех,
Что падают под грузом.

С и ц и н и й

Это всё

Внушим народу мы, как только Марций
Его своею спесью оскорбит
(Случится скоро это, без сомненья),
И подстрекнем его, — а это просто,
Как натравить собаку на овцу:
Тогда плебеи вспыхнут, точно хворост,
И дымом закопят его навек.

Входит Г о н е ц.

Б р у т

В чем дело?

Г о н е ц

Зовут вас в Капитолий. Полагают,
Что Марций консулом назначен будет;
Толпятся все: немые — чтоб взглянуть,
Слепые — чтоб послушать. От матрон,
Когда проходит он, летят перчатки;
От женщин, девушек — платки и шарфы;
Пред статуей Юпитера как будто
Склонилась знать пред ним. А из толпы
Дождем летят и шапки и приветы.
Я никогда подобного не видел!

Б р у т

Идем же в Капитолий. Пусть пока
И уши и глаза понаблюдают;
Сердца же наши будут наготове.

С и ц и н и й

Идем, идем.

Уходят.

СЦЕНА 2

Там же. Капитолий.

Входят два служителя с подушками для скамеек.

1-й С л у ж и т е л ь

Скорей, скорей — они сейчас придут. А сколько всех, кто
ег консульства?

2-й С л у ж и т е л ь

Да, говорят, трое. Но все говорят, что будет избран Ко-
лан.

1-й С л у ж и т е л ь

Он храбрый малый, но только дьявольски горд и не лю-
простого народа.

2-й С л у ж и т е л ь

Сказать по правде, немало сильных людей льстили наро-
а все-таки народ их не любил; а других он любил неиз-

вестно за что; так что можно сказать: если народ любит без причины, то и ненавидит без всякого основания. А Кориолан это знает: ему всё равно, любит или ненавидит его народ, и из-за своей благородной откровенности он не скрывает этого.

1-й Служитель

Если бы ему было всё равно, любит или не любит его народ, он держался бы в стороне и не делал бы ему ни добра, ни зла. Между тем он словно добивается народной ненависти и не упускает ни малейшего случая показать это своим врагам. А стараться пробудить к себе злобу и раздражение народа, по-моему, так же плохо, как льстить тем, кого ненавидишь, чтобы добиться их любви.

2-й Служитель

Он достойно послужил родине. И возвышение дается ему не так легко, как многим другим, которые, любезничая с народом и всячески угождая ему, не делают ничего такого, что должно было бы пробудить в народе уважение и почтение к ним. А он так запечатлел свою славу в глазах народа и свои подвиги в сердцах, что молчать и не признавать этого было бы черной неблагодарностью; отзываться о нем иначе было бы злобой, которая сама себя обличает во всем, вызывая упрек и осуждение со стороны каждого, кто его слушает.

1-й Служитель

Ну, довольно; он — достойнейший человек. Прочь с дороги, они идут.

Трубы.

Входят консул Коминий, предшествуемый ликторами, Менений Кориолан, сенаторы, Сициний и Брут. Сенаторы занимают свои места; трибуны садятся на свои. Кориолан стоит.

Менений

Мы с вольсками покончили, и дан
Приказ вернуться Ларцию. Теперь
Собранию нашему осталось только
(И мы для этого сейчас сошлись) —
Вознаградить за славные заслуги
Того, кто так отважно постоял
За родину. А потому позвольте,
Почтенные и мудрые отцы,

Просить, чтоб здесь присутствующий консул
И полководец, ведший нас к победам,
Нам рассказал о подвигах достойных,
Которые Кориолан Кай Марций
Свершил; вот он стоит, и мы должны
Благодарить его и честь воздать,
Как следует.

1-й С е н а т о р

Коминий благородный,
Речь за тобой. Не сокращай рассказа
И убеди, что государство наше
Поистине не может слишком щедро
За доблестную службу наградить.

(Трибунам.)

У вас, избранники народа, просим
Вниманья благосклонного, затем —
Поддержки дружеской перед народом
Того, что мы решим.

С и ц и н и й

Готовы мы
Способствовать согласию всегда
И поддержать всё то, что благородно
Решит собрание это.

Б р у т

Но охотней
Мы сделали бы это, если б Марций
Ценил и уважал народ побольше,
Чем до сих пор.

М е н е н и й

Некстати речь твоя!
Ты лучше помолчал бы. Что ж, желаешь
Коминия послушать?

Б р у т

Да, но всё же
Мое уместней предостереженье,
Чем брань твоя.

М е н е н и й

Он любит твой народ,

Но спать не хочет с ним в одной постели. —
Достойнейший Коминий, говори.

Кориолан встает, намереваясь уйти.

Нет, ты останься.

1-й С е н а т о р

Сядь, Кориолан,
И слушать не стесняйся никогда
О подвигах, свершенных благородно.

К о р и о л а н

Прошу сенаторов простить меня:
Заняться лучше мне леченьем ран,
Чем слушать, как их получил.

Б р у т

Надеюсь,
Не речь моя тебя прогнала с места?

К о р и о л а н

О нет, хотя, ударов не страшась,
От слов пустых я убегал нередко.
Ты мне не льстил, и, значит, ты меня
Не оскорблял. А твой народ — его я
Готов любить, когда того он стоит.

М е н е н и й

Прошу тебя — садись.

К о р и о л а н

Сидеть бы я на солнце предпочел,
Почесывая голову, когда
Тревогу бьют, чем, праздно сидя здесь,
Делам моим ничтожным похвалу
Выслушивать.

Уходит.

М е н е н и й

Избранники народа,
Как может плодovitой милюзге
Он угодить (на тысячу у них —
Один иль два достойных), если он,
Как видите, скорей во имя чести
Отважится отдать всего себя,
Чем краем уха слушать восхваленья
Своим делам? — Коминий, начинай.

К о м и н и й

Мой голос слаб. Обыденною речью
Кориолана дел не передать.
Когда не ложь, что храбрость — добродетель,
Которая превыше всех достоинств,
То воин, о котором речь веду,
Себе подобных в мире не имеет.
Уже в шестнадцать лет, когда на Рим
Войною шел Тарквиний, он, сразившись,
Всех превзошел. Там был диктатор наш
Прославленный и видел сам, как Марций,
С лицом еще без бороды тогда,
Напоминавшим юных амазонок,
Гнал пред собой щетинистых врагов.
В сражение увидав, что перед ним
Теснили римлянина, он рванулся
Ему помочь и трех врагов убил, —
Наш консул видел это. Сам Тарквиний
Был в стычке опрокинут им на землю
В тот славный день, когда с лицом своим
Он женщину играть бы мог на сцене.
На поле брани лучшим оказался
И был венком дубовым награжден.
Он начал так — и рос, подобно морю,
В семнадцати сражениях с тех пор
Отбив у всех венки. И наконец,
Сражаясь под стенами Кориол
И в городе самом (не знаю я,
Найду ль слова, достойные его),
Он беглецов остановил, заставив
Всех трусов редкостным своим примером
Их жалкий страх в отвагу обратить.
Как под плывущим кораблем — трава
Морская, так повиновались люди
И падали пред ним. Мечом своим —
Печатью смерти — всех он поражал;
Залитый кровью с головы до пят,
Движеньем каждым исторгая вопли
Предсмертные, ворвался он один
В ворота гибельные Кориол
И их отметил кровью — знаком рока,
Без помощи, один оттуда вышел,
И, сразу же собрав всю нашу рать,
Он, как планета, в город снова вторгся —
И Кориолы взял. Достиг всего!

Но тут он чутким ухом уловил
Шум битвы вдалеке; воспрянул вновь
Он духом, сжатым в утомленном теле,
И снова — в битву; там в крови носился
По грудам мертвых тел, что были словно
Его неиссякающей добычей.
И так, пока своими не назвал
И города и поля битвы там,
Сражался он без всякой передышки.

М е н е н и й

Достойнейший из смертных!

1-й С е н а т о р

Пусть же примет
Те почести, которых он достоин.

К о м и н и й

Добычу нашу оттолкнул ногой,
А на дары ценнейшие взглянул,
Как на земную грязь. Он хочет меньше,
Чем мог бы нищий дать ему; награду
В своих деяньях видит и готов
Так провести всю жизнь.

М е н е н и й

Он благороден!

Пускай его попросят.

1-й С е н а т о р

Позовите

Сюда Кориолана.

С л у ж и т е л ь

Он идет.

Входит К о р и о л а н.

М е н е н и й

Кориолан, сенат тебе вручает
Сан консула.

К о р и о л а н

Ему принадлежат
И жизнь моя и служба.

М е н е н и й

Остается
Тебе к народу речь держать.

К о р и о л а н

Позвольте

Мне этого обычая избегнуть:
Не в силах в тоге я, полунагим,
Молить, свои показывая раны,
Отдать мне голоса. Прошу — избавьте
Меня от этого.

С и ц и н и й

Народа голос тут необходим:
Ни капли не уступит он в обряде.

М е н е н и й

Не досаждай народу, я прошу:
Смирись перед обычаем старинным
И сан добудь себе, как добывали
Его все те, кто были до тебя.

К о р и о л а н

Играя роль такую, покраснею,
И лучше было бы народ избавить
От выступленья моего такого.

Б р у т

(Сицинию)

Ты слышишь?

К о р и о л а н

Похвалиться перед ними:
«Я сделал то да се...» — и обнажать
Рубцы зажившие, что скрыть бы надо, —
Как будто приобрел я эти раны
Для голосов их только...

М е н е н и й

Не противься.

Народные трибуны, поручаем
Вам передать немедленно народу
Решенье наше.—

(Кориолану.)

Благородный консул,
Желаем вам всех радостей и славы.

С е н а т о р ы

Кориолану—радостей и славы!

Трубы.

Уходят все, кроме Сициния и Брута.

Б р у т

Ты видишь, как намерен поступить
С народом он?

Сициний

Вот если б догадались!

Просить он станет, будто презирая
Всё то, на чем настаивает сам
И что от них он получить бы должен.

Б р у т

Идем. Расскажем им о том, что было.
Я знаю, что на площади у рынка
Они нас ожидают.

Уходят.

СЦЕНА 3

Форум.

Входят семь или восемь горожан.

1-й Г о р о ж а н и н

Нечего толковать, уж если он попросит наших денег, отказ ему не будет.

2-й Г о р о ж а н и н

Получит, если мы захотим.

3-й Г о р о ж а н и н

Конечно, это наше право; но вправе ли мы теперь пользоваться этим правом? Если он покажет нам свои раны, расскажем про свои подвиги, мы вложим свои языки в его раны и будем за них говорить. Да, если он расскажет о своих благородные подвиги, мы тоже должны будем благодарно выказать ему свою признательность. Неблагодарность чудовищна, и, когда народ неблагодарен, он чудовище. А так как мы принадлежим к народу, то и мы должны оказаться чудовищами.

1-й Г о р о ж а н и н

Да нас и теперь считают почти что чудовищами. Ведь когда мы восстали из-за хлеба, он не постеснялся назвать нас многоголовой толпой.

3-й Г о р о ж а н и н

Многие нас так называли; и не за то, что у одних из нас головы черные, у других каштанового цвета или русые, а у некоторых просто лысые, а за то, что у нас умы пестрые. Но правде сказать, я думаю, что если бы все наши умы вынули даже из одного черепа, то они разлетелись бы во все стороны—на восток, на запад, на север, на юг—и по разным дорогам сошлись бы одновременно на одном круге только в разных точках.

2-й Г о р о ж а н и н

Ты так думаешь? Ну, а в какую сторону, по-твоему, пошел бы мой ум?

3-й Г о р о ж а н и н

Ну, твоему уму не легко быстро выскочить: так крепко он забит в свою голову; а если бы он всё же вырвался на свободу, то наверно полетел бы на юг.

2-й Г о р о ж а н и н

Почему же именно в таком направлении?

3-й Г о р о ж а н и н

Чтобы затеряться в тумане*; там три четверти его растают среди гнилых паров, а четвертая часть из добросовестных вернется к тебе, чтобы помочь тебе раздобыть жену.

2-й Г о р о ж а н и н

Ты без шуток своих никак не обойдешься. Ну, продолжай, продолжай!

3-й Г о р о ж а н и н

Так как же? Решили дать ему свои голоса? Ясное дело, большинство наших его поддержит. Скажу правду: будь он добрее к народу, более достойного человека не найти бы.

Входят К о р и о л а н в одежде смирения** и М е н е н и й.

Вот он идет в одежде смирения; смотрите, как он будет держать себя. И не будем толпиться все вместе, а начнем

* Южный берег в Англии обычно нагоняет тучи.

** В простой тоге, без украшений и оружия.

подходить к тому месту, где он стоит, по одному или вдвое, по трое. Пусть просит каждого в отдельности, чтобы всякому выпала честь дать ему голос своим языком. Идите за мной: я покажу вам, как следует проходить мимо него.

В с е

Согласны, согласны.

Уходят горожане.

М е н е н и й

Нет, ты не прав: не знаешь разве ты?
Так делали достойнейшие люди.

К о р и о л а н

Ну, как начать?—«Пожалуйста, мой друг...»
Тьфу, черт! Вот не могу язык настроить
На этот лад.—«Смотри, вот раны, друг!
За родину их в битвах получил я
В тот самый час, когда твои собратья
Ревели и бежали врассыпную,
Услышав бой своих же барабанов!»

М е н е н и й

О боги! Это не годится. Надо
Просить их о тебе подумать.

К о р и о л а н

Их?

Подумать обо мне?—Послать их к черту!
Пусть лучше бы они меня забыли.
Как добродетели, которым их
Жрецы без пользы учат.

М е н е н и й

Всё испортишь!
Ну, я пойду. А всё ж прошу тебя—
Поговори ты с ними, сделай милость,
Приветливее!

Уходит.

К о р и о л а н

Ты велел бы им

Умыться, зубы вычистить.

Входят двое горожан.

Я вижу,

Подходят двое.

Входит 5-й Горожанин.

Вам, конечно, известно, зачем я здесь стою.

3-й Горожанин

Известно, известно. А все-таки скажи, что привело тебя
сюда?

Кориолан

Мои заслуги.

2-й Горожанин

Твои заслуги!

Кориолан

Да, но я не по доброй воле пришел сюда.

3-й Горожанин

Не по доброй воле!

Кориолан

Нет, я сам никогда не стал бы нищему докучать попрошайничаньем.

3-й Горожанин

Помни, однако, что если мы что-нибудь дадим, то за
надеемся кое-что получить и от тебя.

Кориолан

Отлично! В какой цене у вас должность консула?

1-й Горожанин

Ее цена—ласковая просьба.

Кориолан

Ласковая? Приятель, дай мне, пожалуйста, твой голос.
раны я покажу, когда мы будем наедине.—

(2-му Горожанину.)

И ты дай мне свой голос. Что скажешь?

2-й Г о р о ж а н и н

Ты его имеешь, достойный воин.

К о р и о л а н

Ну, вот и сторговались. В общем, приобрел два почтенных голоса. Благодарю за подаянье. Прощайте.

3-й Г о р о ж а н и н

Как-то странно всё это.

2-й Г о р о ж а н и н

Если бы снова... Ну, да всё равно.

Уходят три горожанина.

Входят два других горожанина.

К о р и о л а н

Если вы расположены избрать меня консулом, дайте мне, пожалуйста, ваши голоса. Видите, я одет, как полагается в таких случаях.

4-й Г о р о ж а н и н

Ты честно служил отечеству и не служил ему.

К о р и о л а н

Что это за загадка?

4-й Г о р о ж а н и н

Ты был бичом для его врагов и розгой для его друзей. Ты никогда не любил простого народа.

К о р и о л а н

Тогда тем более ты должен ценить меня, раз я не люблю без разбора всякого встречного. Но теперь, приятель, я стану льстить моему нареченному братцу-народу, чтобы заслужить его драгоценное уважение: он придает этому большую цену. Если мудрый народ любит больше поклоны, чем сердце, я научусь низенько кланяться и гримасничать по вкусу; усвою замашки некоторых угодливых людей и буду прислуживаться ко всем и каждому. Поэтому—помогите мне сделаться консулом.

5-й Г о р о ж а н и н

Мы надеемся, что ты будешь нашим другом, и потому охотно даем тебе наши голоса.

4-й Г о р о ж а н и н

Ведь ты получил много ран, сражаясь за отечество.

К о р и о л а н

Я не стану их показывать, раз ты про них знаешь. Я
нѣ ценю ваши голоса—и не буду вас больше беспокоить.

О б а г о р о ж а н и н а

От души желаем тебе, чтобы боги послали тебе счастье!

Уходят.

К о р и о л а н

О, как мне сладки эти голоса!—
Нет, лучше умереть голодной смертью,
Чем клянчить то, что заслужили мы.
Зачем стою я здесь в одежде жалкой,
Проя у Дика с Хобом голосов⁸,
Что вовсе не нужны? Таков обычай!
Но если делать будем мы всё то,
Что нам велит обычай,—пыль веков
Горой всё выше будет громоздиться.
И истина сокроется за ней.
Чем мне стоять шутлом среди толпы,
Не лучше ль предоставить честь и должность
Тому, кто это вытерпеть готов?
Но половина пройдена пути,—
Так надо и вторую мне пройти.

Входят еще три горожанина.

Вот голоса еще.—
Прошу... Для ваших голосов сражался,
Не спал для ваших голосов; для них
Две дюжины ношу на теле ран,
Участвовал в семнадцати сраженьях.
Для ваших голосов свершил я много
И важных и не очень важных дел.
Давайте ж голоса: я в самом деле
Хочу быть консулом.

6-й Г о р о ж а н и н

А ведь он вел себя благородно, и ни один порядочный
овек не откажет ему в голосе.

7-й Г о р о ж а н и н

Ну, пусть он будет консулом. Пусть пошлют ему биии
радостей и сделают его истинным другом народа!

В с е

Аминь. Бог в помощь, благородный консул!

Уходят горожане.

К о р и о л а н

Почтеннейшие голоса!

Входит Менений с Брутом и Сицинием.

М е н е н и й

Ты испытанье выдержал; несут
Тебе трибуны голоса народа.
Теперь тебе осталось лишь облечься
В одежду консула, чтобы в сенат
Тотчас явиться.

К о р и о л а н

Кончено ли дело?

С и ц и н и й

Обычай просьбы выполнен. Допущен
Народом ты. Теперь лишь остается
Избрание утвердить.

К о р и о л а н

В сенате?

С и ц и н и й

Да.

К о р и о л а н

Так я могу переменить одежду?

С и ц и н и й

Да, можешь.

К о р и о л а н

Я сейчас переодеюсь
И, сделавшись опять самим собой,
В сенат отправлюсь.

М е н е н и й

И я иду с тобой.

(Трибунам.)

А вы куда?

Б р у т

Останемся с народом.

С и ц и н и й

В добрый путь.

Уходят К о р и о л а н и М е н е н и й.

Добился цели он. Однако видно,
Что он взбешен.

Б р у т

Как гордо он стоял
В смиреннейшей одежде. Что же, хочешь
Ты распустить народ?

Входят г о р о ж а н е.

С и ц и н и й

Ну, как, мои друзья? Его избрали?

1-й Г о р о ж а н и н

Ему мы дали голоса.

Б р у т

Молю богов, чтобы он дружбу, вами
Проявленную, заслужил.

2-й Г о р о ж а н и н

Аминь.

Но я простым моим умом заметил:
Над нами издевался он, когда
Просил о наших голосах.

3-й Г о р о ж а н и н

Конечно,

Он явно насмехался.

1-й Г о р о ж а н и н

Нет, он не насмехался. Просто так
Привык он говорить.

2-й Г о р о ж а н и н

Что поступал презрительно он с нами,
Все говорят,—лишь ты один не видел.
Он должен был следы заслуг своих,
Те раны, что за родину имфет,
Нам показать.

С и ц и н и й

Он, без сомненья, показал их вам!

Г о р о ж а н е

(отдельные голоса)

Нет, нет; никто и не видал их вовсе.

3-й Г о р о ж а н и н

Сказал — наедине покажет раны;
Махнув с презреньем шапкой, говорил:
«Хотел бы консульства; обычай старый
Без ваших голосов не позволяет;
А потому мне дайте голоса».
Когда мы согласились, он сказал:
«Благодарю за ваши голоса;
Я их весьма ценю; спасибо вам;
Ну, а теперь, как голоса мне дали,
Мне с вами делать нечего». Так разве
Все это не насмешка от него?

С и ц и н и й

Ужели вы настолько глупы были,
Что не могли понять, или, поняв,
Вы все же уступили голоса
С ребяческим доверьем?

Б р у т

Разве вы
Ему ответить не могли при этом,

Как мы учили, — что врагом для вас
Он был еще в те дни, когда слугою
Ничтожнейшим он в государстве был?
Что против ваших вольностей и прав
В общественных собраниях всегда
Он восставал? И что теперь, достигнув
Могущества и власти в государстве,
Коль он останется врагом плебеев,
То ваши голоса на вас самих
Накликают беду? Вам надо было
Сказать, что если все его дела
Заслуживают этот сан, который
Он получить хотел, то с добротой
Он должен быть признательным за выбор.
Былую злобу в дружбу превратить
И стать защитником.

С и ц и н и й

Вот если б так
Сказали вы, как мы внушали вам,—
Разгорячился бы и обнаружил
Себя он сразу: или обещанье
Он дал бы вам, которое потом
Могли б ему при случае напомнить.
Иль раздражился б дух его угрюмый,
Который не выносит никакого
Насилия. Так, разъярив его,
Вы в бешенстве его найти могли бы
Предлог удобный, чтоб не утвердить
Его избранья.

Б р у т

Иль вам не ясно,
Что он просил, открыто презирая,
Когда нуждался в дружбе? Неужели
Его презренье в палочный удар
Для вас не превратится, если он
Получит власть, чтоб вас давить, как хочет?
Иль сердца больше нет у вас в груди?
Иль языки лишь для того даны вам,
Чтоб восставать на разум?

С и ц и н и й

Разве вам
Отказывать ни разу не случалось
Тем, кто просили ваших голосов?
Так почему же их теперь вы дали
Тому, кто даже не просил, а только
Над вами насмехался?

3-й Г о р о ж а н и н

Он еще
Не утвержден. Его отвергнуть можно.

2-й Г о р о ж а н и н

И мы его отвергнем!
Я голосов пятьсот сейчас добуду.

1-й Г о р о ж а н и н

Я — вдвое больше; соберу друзей
Еще в придачу к этим.

Б р у т

Так сейчас же
Идите и скажите тем друзьям:
Они избрали консула, а он
Лишить их хочет прав и голосов,—
Совсем как тех собак, которых бьют
Частенько и за лай, хотя для лая
Как раз их держат.

С и ц и н и й

Собирайте всех.
И, с толком обсудив, пускай отменят
Нелепое избранье. Вы поставьте
На вид ему и злобу к вам и гордость;
Припомните и то, с каким презреньем
Смирненную одежду он носил
И как, прося, глумился он над вами.
Скажите, что лишь память о заслугах
Его недавних помешала вам
Понять его насмешки и кривлянья,
Внушенные закоренелой злобой
Его к народу.

Б р у т

На трибунов ваших,
На нас вину свалите и скажите,
Что в этом деле постарались мы
(Ни в чем тому препятствий не встречая)—
И вы невольно выбрали его.

С и ц и н и й

Скажите прямо — выбор сделан был
По приказанью нашему скорей,
Чем вами по свободной, доброй воле;
Что ум ваш тем всецело занят был,
Что надо было сделать, а не тем,
Что вам хотелось бы, и так случилось,
Что консулом его избрали вы
Наперекор себе. Вините нас.

Б р у т

Да, не щадите нас. Скажите им,
Как поучали мы, твердили вам,
Что с юных лет отечеству служил он
И нынче служит и что род его —
От дома славных Марциев, откуда
Произошел Анк Марций, бывший внуком
В колене женском Нумы, что царем был
Великому Гостилию вослед;
Свой род ведут оттуда Квинт и Публий;
Устроили они водопровод,
Снабдив водой хорошей; Цензорин
Великим предком был, народу милый;
Почетно так был прозван потому,
Что цензором он дважды был.

С и ц и н и й

Скажите,

Что, наряду с его происхождением,
Хвалили мы достоинства его,
Считая, что вполне они пригодны
К тому, чтоб занял он высокий пост;
Но, взвесив все его поступки ныне,
Вы поняли, что он — ваш вечный враг,

А потому решили отменить
Поспешное согласие.

Б р у т

Говорите,—
Да посильней на это напирайте,—
Что сами вы его бы никогда
Не выбрали, без наших настояний,
Затем, собравши голоса, скорее
Идите в Капитолий.

Г о р о ж а н е

Непременно,
Почти уж все раскаялись теперь
В своем голосованье.

Б р у т

Пусть идут!
Уж лучше на восстание рискнуть
Сейчас, чем ждать, покуда бунт страшнейший
Произойдет,—а это несомненно.
Коль Марция, как надо ожидать,
Лишение консульства повергнет в ярость,—
Из этого мы пользу извлечем.

С и ц и н и й

Идем же в Капитолий поскорей,
Пока поток людской туда не хлынул.
Пускай подумают, что сам народ
(Отчасти так и есть) решил все дело,
К которому его мы подстрекнули.

Уходят.

А К Т III

СЦЕНА I

Улица в Риме.

Рожки.

Входят Кориолан, Менений с патрициями, Коминий,
Тит Ларций и другие сенаторы.

Кориолан

Итак, Авфидий снова в бой готов?

Ларций

Да, поднял голову; вот почему
Мы поспешили заключить с ним мир.

Кориолан

Так, значит, вольски, вновь вооружившись,
По-прежнему минуты поджидают,
Чтобы на нас нагрянуть?

Коминий

Нет, они
Изнурены, достойный консул, так,
Что колыханье их знамен едва ли
В наш век придется снова увидеть.

Кориолан

Авфидия ты видел?

Ларций

Он ко мне
Являлся под охраной в стан и вольскам

Проклятья изрыгал за то, что сдали
Так подло город. В Анциум затем
Он удалился.

К о р и о л а н

Не было ли речи
С ним обо мне?

Л а р ц и й

Рассказывал он...

К о р и о л а н

Что же?

Л а р ц и й

Что часто вы сходились меч с мечом,
Что в мире ты ему всех ненавистней,
Что все добро отдал бы, без надежды
На возвращенье, в ссуду, если б мог
Быть назван победителем твоим.

К о р и о л а н

Так в Анциуме он живет теперь?

Л а р ц и й

Да, в Анциуме он.

К о р и о л а н

Желал бы я к нему туда пробраться,
Чтоб грудью встретить ненависть его.—
Тебя же я приветствую с возвратом.

Входят Сициний и Брут.

Смотри: идут народные трибуны,
Глашатаи толпы. Их презираю
За то, что должностью своей они
Сильнее чванятся, чем это можно
Нам всем перенести.

С и ц и н и й

Остановись.

К о р и о л а н

Ха-ха! В чем дело?

Б р у т

Стой! Идти вперед

Опасно для тебя: остановись.

К о р и о л а н

Но почему?

М е н е н и й

В чем дело?

К о м и н и й

Разве он

Не избран знатью и народом вашим?

Б р у т

Не избран, нет.

К о р и о л а н

Голосовали разве

Ребята малые?

1-й С е н а т о р

Трибуны, прочь!

Он держит путь на Рыночную площадь.

Б р у т

Народ разгневан на него.

С и ц и н и й

Ни с места,

Иль тотчас вспыхнет бунт.

К о р и о л а н

Вот ваше стадо!

Ему ль голосовать, когда свой голос

Дает затем он, чтобы через минуту

Отречься языком?—В чем ваша служба?

Уж раз теперь вы стали глоткой стада,

Зачем не правите его зубами?

А может быть, вы сами подстрекнули?

М е н е н и й

Не горячись, не горячись, будь сдержан.

К о р и о л а н

Тут умысел, тут заговор устроен,
Затем чтоб власть патрициев сломить!—
Что ж, уступите, поживите вместе
С народом, не способным управлять
И над собой не признающим власти.

Б р у т

Тут заговора нет. Народ кричит,
Что насмеялся ты над ним, а раньше,
Не так давно, негодовал, когда
Был роздан даром хлеб; что ты позорил
Защитников народа, называл
Их подлипалами, врагами знати.

К о р и о л а н

Ну, это уж давно известно всем.

Б р у т

Не всем.

К о р и о л а н

Ты, значит, разболтать успел?

Б р у т

Я — разболтать?

К о м и н и й

Способен ты на это.

Б р у т

Способен я на лучшее, чем ты
И даже лучшие твои собратья.

К о р и о л а н

Тогда зачем же консулом мне быть?
Клянусь тем облаком, я быть хотел бы
Столь низким, как и вы. Меня возьмите
В товарищи-трибуны.

С и ц и н и й

Слишком много
В тебе того, чего народ не терпит;
Но если хочешь ты того добиться,
К чему стремишься,—спрашивай учтивей
О том пути, с которого ты сбился;
Без этого ты консулом не будешь,
Да и трибуном тоже.

М е н е н и й

Тише, тише.

К о м и н и й

Народ в обман ввели и подстрекнули⁹.
Такая плутня Риму не к лицу.
Не заслужил Кориолан таких
Препятствий подлых, заваливших гнусно
Его заслугам чистую дорогу.

К о р и о л а н

О хлебе вспомнил! Да, что говорил я,
То снова повторю.

М е н е н и й

Лишь не теперь.

1-й С е н а т о р

Ты слишком возбужден.

К о р и о л а н

Клянусь в том жизнью,
Скажу сейчас.—Честнейшие друзья,
Меня простите вы.
А что касается толпы зловонной,
Непостоянной,—знайте, я не стану
Прислуживаться к ней: пускай она
В моих речах сама себя увидит.
Я повторю, что, потакая ей,
Против сената сеем сами мы
Посевы буйства, дерзости и бунта;
Что сами мы для них вспахали землю,

Что сами мы взрастили это семя,
Позволивши смешаться с нами черни,
Лишенной добродетели и силы,
И власти часть отдавши этим нищим.

М е н е н и й

Ни слова больше!

1-й С е н а т о р

Замолчи! Мы просим.

К о р и о л а н

Ни слова! Как! Я, не страшась врагов,
За родину лил кровь на поле брани,—
Так побоюсь ли я слова чеканить,
Покуда в легких сила не иссякла,
На обличенье прокаженных этих,
Которых мы должны бы избегать,
Меж тем как сами к ним идем навстречу!

Б р у т

Ты здесь против народа говоришь,
Как будто бог карающий, не смертный,
Во всем с народом равный.

С и ц и н и й

Не мешало б,
Чтобы народ слова твои узнал.

М е н е н и й

Как! Те слова, что гнев ему внушил?

К о р и о л а н

Гнев!
Да будь я терпелив, как сон полночный,
Клянусь Юпитером, то и тогда
Ту мысль я высказал бы.

С и ц и н и й

Эта мысль
Лишь одному тебе отравой будет:
Не сможешь ею отравить других.

К о р и о л а н

Сказал он: «будет!»—Слышали Тритона*
Рыбешки мелкой? Властно он сказал
Нам слово «будет».

К о м и н и й

Нет в том ничего
Противного законам.

К о р и о л а н

«Будет! Будет!»—

О добрые, но слабые отцы,
Сенат почтенный, но недалёковидный!
Затем ли вы народной гидре дали
Трубу и голос в этих болтунах,
Чтобы они своим строптивым «будет»
Старались с явной наглостью направить
В болото ваш властительный поток?
Когда у них вся власть,—пусть перед ними
Согнет свои колени ваша глупость,
Которая дала им эту власть;
А если нет,—опомнитесь и сбросьте
Вы гибельную слабость. Мудры вы,
Так не сходитесь с глупыми, но если
Вы сами глупы, то сажайте их
С собою рядом! Надо полагать,
Они — сенаторы, а вы — плебеи,
Раз голос их звучит сильнее в общем
Собрании. Они себе избрали
Сановников, как, например, вот этот,
Который здесь кидает слово «будет»
В лицо совету доблестных мужей,
Какого и у греков не бывало.
Клянусь Юпитером, он унижает
Здесь званье консула! Мне больно видеть,
Как между двух разрозненных властей
Засела смута и одну из них
Другою хочет подорвать.

Морской бог, который, трубя в раковину, смотря по надобности, ет или успокаивает море.

К о м и н и й

Довольно!

Идемте все на Рыночную площадь.

К о р и о л а н

Тот, кто совет вам дал — запасы хлеба
Без платы раздавать, как иногда
То в Греции бывало...

М е н е н и й

Ну, довольно!

К о р и о л а н

Хотя народ имел там больше власти,
Я вам скажу, что этим своеволье
И будущие смуты в государстве
Подготавливались.

Б р у т

Как! Народ свой голос

Отдаст тому, кто это говорит?

К о р и о л а н

Я доводы ценнее приведу,
Чем эти голоса. Известно им,
Что хлеб был роздан вовсе не в награду:
Они его ничем не заслужили.
Когда народ мы звали на войну
И сердцу родины враги грозили,—
Он отказался выйти за ворота.
За подвиги такие не дают
Бесплатно хлеба. А служа в войсках,
Они свою отвагу проявили—
Бунтуя, поднимая мятежи.
Едва ль нелепейшие обвинения,
Которые так часто предъявляли
Они сенату, побудить могли
К такому дару щедрому. И что же?
Как понял эту доброту сената
Желудок черни? Все дела плебеев
Нам говорят яснее слов: «Нас больше,
Мы попросили хлеба — и от страха
Они нам дали хлеб». Природа власти

Унижена, и снисхождение наше
Зовется трусостью. Наступит время,
Когда спадут замки с ворот сената,
И станут вороны, в него ворвавшись,
Клевать орлов.

М е н е н и й

Довольно!

Б р у т

Довольно, и с излишком!

К о р н о л а н

Нет, послушай.

Скреплю людской и божескою клятвой
Последние слова.—Где часть одна
По праву презирает, а другая
Без всяких оснований оскорбляет,
Где мудрость, сан и род бессильны стали
Пред голосом невежественной черни,—
Такое двоевластье очевидно
Насущные потребности упустит
И неустойчивости даст опору.
Коль мы загородим дорогу к цели,
То ясно, что и цели не достигнем.

(К сенаторам.)

А потому молю вас,—знаю: вы
Не столько робки, сколь благоразумны,
Любви к порядку прочному в вас больше,
Чем страха перемен, достойно жить
Для вас важней, чем долго; вы способны
Решиться на опасное лечение,
Коль без него нас верная ждет смерть,—
Я вас молю — без промедленья вырвать
Язык толпы, чтоб сладостного яда
Уж больше не лизала. Ваш позор
Лишает власть единства и свободы:
Коль зло ее опутало, добро
Творить она не может.

Б р у т

Все сказал он!

Сициний

В словах его измена; и ответит
Он как изменник.

Кориолан

Негодяй! Ты лопнешь
От бешенства!—Я вас спрошу: к чему
Плешивые трибуны у народа,
Когда при их поддержке здесь народ
В покорности отказывает власти?
Избрали их во время мятежа,
Когда не мысль о том, что надо делать,
Была законом, а лишь неизбежность.
Но в этот лучший час скажите вы:
«Что быть должно, пусть будет»—и их власть
Развейте прахом!

Брут

Явная измена!

Сициний

И это — консул? Нет!

Брут

Эдилы, эй!

Входит Эдил.

Арестовать его!

Сициний

Иди, зови народ сюда.

Уходит Эдил.

Ты мной

Задержан здесь от имени народа:
И за предательство и за вражду.
Иди и повинуйся; обвиняю
И требую ответа от тебя.

Кориолан

Эй, прочь, седой козел!

Сенаторы и прочие

Мы отвечаем за него.

К о м и н и й
Старик,
Его не трогать!

К о р и о л а н
Прочь отсюда, гниль,
Иначе из твоей одежды кости
Я вышибу.

С и ц и н и й
На помощь, горожане!
Входят эдилы с шумной толпой горожан.

М е н е н и й
Опомнитесь, сдержитесь оба вы!

С и ц и н и й
Вот, горожане, человек, который
Хотел бы всякой власти вас лишить!

Б р у т
Схватить его, эдилы!

Г о р о ж а н е
Смерть ему!
Кончайте с ним!

С е н а т о р ы и п р о ч и е
К оружию, к оружию!

Все с криком окружают К о р и о л а н а.
Патриции!.. Трибуны!.. Горожане!..
Сициний!.. Брут!.. Кориолан!.. На помощь!..
Постойте!.. Горожане!.. Успокойтесь!..*

М е н е н и й
Что это! Задыхаюсь я. Лишь шаг
До гибели! Не в силах говорить!—
Народные трибуны!—Успокойся,
Кориолан!—Ну что же, говори,
Сициний добрый!

С и ц и н и й
Тише, горожане!
Послушайте меня!

Разрозненные восклицания отдельных лиц.

Г о р о ж а н е

**Молчите! Тише!
Послушаем трибуна!—Говори.**

С и ц и н и й

**Вам всем грозит утрата ваших прав.
Отнять задумал Марций их, тот самый,
Кого сейчас вы консулом избрали.**

М е н е н и й

**Тьфу, тьфу! Ты этим поджигаешь только,
Совсем не тушишь.**

1-й С е н а т о р

**Чтоб разрушить город,
Сравнять с землей.**

С и ц и н и й

**А что такое город,
Как не народ?**

Г о р о ж а н е

**Вот правильно сказал:
Народ есть город.**

Б р у т

**С соизволения всех утверждены
Мы судьями народными.**

Г о р о ж а н е

**Вы ими
И остаетесь.**

М е н е н и й

Так оно и есть.

К о м и н и й

**Чтоб город весь с землей сровнять, снести
До основанья крыши и зарыть
Под грудями развалин весь порядок.**

Сициний

Заслуживает смерти он*.

Брут

Иль власть
Свою покажем мы, иль потеряем.—
Мы были избраны народной волей;
Провозглашаем в силу власти нашей:
Достойн Марций смерти неотложной.

Сициний

Поэтому хватайте и тащите
Его к скале Тарпейской, чтоб оттуда
Его низвергнуть.

Брут

Взять его, эдилы!

Горожане

Сдавайся, Марций!

Менений

Слушайте, трибуны!
Одно лишь слово!

Эдилы

Тише, замолчите!

Менений

Тем, чем вы кажетесь, на деле будьте—
Отечества друзьями. Хладнокровно
Обдумайте все то, что в страсти дикой
Хотели сделать вы.

Брут

Но хладнокровье,
Похожее на медленную помощь,
Таит в себе опасный яд, когда
Болезнь дошла до крайности.—Хватайте
Его и на скалу тащите!

* Это относится к Кориолану.

К о р и о л а н
(вынимая меч)

Нет!

Я здесь умру. Ведь кое-кто из вас
Меня видал в сраженьях,—так теперь
Проверьте сами на себе, каков я.

М е н е н и й

Вложи свой меч!—Трибуны, удалитесь
На время.

Б р у т

Взять его, схватить!

М е н е н и й

На помощь!

На помощь Марцию, кто благороден!
Кто стар иль молод, все к нему на помощь!

Г о р о ж а н е

Вали его, долой!

Происходит схватка.

Трибуны, эдилы и народ прогнан за сцену.

М е н е н и й

(Кориолану)

Иди, ступай домой скорей! Иначе
Пропало все.

2-й С е н а т о р

Ну, уходи.

К о м и н и й

Останься:

У нас друзей не меньше, чем врагов.

М е н е н и й

Ужели мы до этого дойдем?

1-й С е н а т о р

Да не допустят боги!—В дом к себе
Иди, прошу, наш благородный друг,
А нас оставь уладить это дело...

М е н е н и й

Ведь это — язва общая: без нас
Тебе не сладить с ней. Прошу тебя,
Иди скорей домой.

К о м и н и й

Пойдем же вместе.

К о р и о л а н

Зачем не варвары они, о боги,
А римляне, к стыду родной земли
Зачатые у входа в Капитолий?¹⁰

М е н е н и й

Иди. Не выражай свой правый гнев
Речами. Час возмездия наступит.

К о р и о л а н

Я в чистом поле сорок человек
Таких измолотил бы.

М е н е н и й

Я бы сам

За пару лучших взялся — двух трибунов.

К о м и н и й

Теперь же перевес не в нашу пользу,
И храбрость будет только сумасбродством,
Когда стоим пред падающим зданьем.—
Пока не возвратилась чернь, уйдешь ли
Отсюда ты? Она, подобно морю,
Преграды разрушает, подавляя
Все то, пред чем привыкла отступать.

М е н е н и й

Прошу, уйди. А я здесь попытаю,
Что может изобрести мой старый ум
Против безумных. Мы беду поправим
Какой-нибудь заплатой.

К о м и н и й

Ну, идем.

Уходят Кориолан, Коминий и другие.

1-й Патриций

Сам погубил он счастье свое.

Менений

Он слишком чист и прям душой для мира:
Что думает, то он и говорит.
Не стал бы льстить Нептуну за трезубец,
Юпитеру — за силу грома. В нем
Что совесть выкует, то речью льется;
В сердцах он забывает, что когда-то
Он слышал слово «смерть».

За сценой шум.

Ну, будет дело!

2-й Патриций

Вот желал бы я,
Чтоб улеглись в постели поскорей.

Менений

А я их уложил бы лучше в Тибр.—
Ах, черт возьми! Не мог поговорить
Повежливее с ними!

Входят Брут и Сициний с толпой плебеев.

Сициний

Где ехидна,
Где тот, что хочет город обезлюдить,
А сам быть всем?

Менений

Почтенные трибуны...

Сициний

Он будет сброшен со скалы Тарпейской
Суровыми руками. Он закону
Противился, а потому закон
Пренебрегает следствием над ним,
Передавая прямо власти строгой,
Которую он ставил ни во что.

1-й Горожанин

Узнает, что в трибунах благородных—
Уста народа, мы же — руки их.

Г о р о ж а н е

Узнает, верно!

М е н е н и й

Выслушай...

С и ц и н и й

Молчи!

М е н е н и й

Зачем беснуетесь вы, если можно
Без шума все покончить?

С и ц и н и й

Для чего

Ему помог ты вырваться от нас?

М е н е н и й

Но дай же мне сказать.—Как знаю я
Заслуги консула, так недостатки
Я мог назвать бы.

С и ц и н и й

Консула? Какого?

М е н е н и й

Кориолана-консула.

Б р у т

Он — консул?

Г о р о ж а н е

Нет, нет, нет, нет!

М е н е н и й

С согласия трибунов можно ль мне
Здесь, люди добрые, сказать два слова?
Вы потеряете на этом только
Немного времени.

С и ц и н и й

Что ж, говори,

Да только покороче: надо нам
С предателем покончить поскорее!

Изгнать его — опасно будет, здесь же
Его оставить — верная нам гибель;
А потому — сегодня ж он умрет.

М е н е н и й

Пускай благие боги не допустят,
Чтоб славный Рим — чья благодарность к лучшим
И самым доблестным его сынам
Записана в Юпитерову книгу—
Подобен стал бесчувственному зверю,
Что пожирает собственных детей!

С и ц и н и й

Он — язва, что мы вырезать должны.

М е н е н и й

Он — тела член больной. Отсечь его—
Смертельно; вылечить его — легко.
Какой же вред он Риму причинил,
Что стал достоин смерти? Разве тем,
Что наших убивал врагов? Та кровь,
Что потерял он (смею поручиться—
На многих унций больше, чем осталось),
За родину лилась; и если вы
Остаток тот прольете, это ляжет
На всех, кто сделал то иль допустил,
Клеймом позорным до кончины мира.

С и ц и н и й

Ты говоришь слова пустые!

Б р у т

Вздор!

Когда любил он родину, ему
И честь была.

М е н е н и й

Но разве мы не ценим
За службу прежнюю свою же ногу,
Когда случится омертветь ей?

Б р у т

Больше

Мы не желаем слушать.—Вслед за ним

Идите в дом и — вытащить оттуда,
Чтобы его прилипчивой заразе
Не дать распространиться.

М е н е н и й

Слово мне!

Еще одно лишь слово! Вы за ним,
Как тигры, в ярости своей несетесь.
Когда поймете, что за быстротой
И легкомыслием идет беда,—
Придется к пяткам вам свинцовый груз
Привязывать, но будет слишком поздно.
Преследуйте судом, чтобы не вышло
(Ведь он любим) мятежных выступлений
И римлянами не был бы разграблен
Великий Рим.

Б р у т

Когда бы так случилось...

С и ц и н и й

Ну, что болтаешь?
Его повиненья разве мы
Не испытали? Он не бил эдилов?
И не противился он нам самим?—
Идите...

М е н е н и й

Вы подумайте о том,
Что с той поры, как меч свой обнажать
Он научился,—в битвах рос все время;
Ему с трудом давался в этой школе
Язык ученый, и не мудрено,
Что без разбора он кидает все—
Муку и отруби. Позвольте мне
Пойти к нему,—ручаюсь, приведу,—
Чтоб мог ответить он в законной форме
Пред высшею опасностью спокойно.

1-й С е н а т о р

Трибуны благородные, вот это—
По-человечески; а путь другой
Кровавым слишком будет, и неведом
Его конец, хоть знаем мы начало.

С и ц и н и й

Менений благородный, будь тогда
Служителем народа.—

(К народу.)

Эй, на время
Оружие сложить!

Б р у т

Но по домам
Не расходиться!

С и ц и н и й

Встретимся с тобою
На площади,—тебя там будем ждать;
Но если Марция не приведешь,
Исполним наше первое решенье.

М е н е н и й

Я приведу его.

(Сенаторам.)

Позвольте мне
Вас пригласить с собой. Прийти он должен,—
Иначе все пропало.

1-й С е н а т о р

Да! Идемте.

Уходят.

СЦЕНА 2

Комната в доме Кориолана.

Входят К о р и о л а н и п а т р и ц и и.

К о р и о л а н

Пускай грозятся растоптать меня
Копытами коней; пусть обещают
Мне смерть на колесе; пусть взгромоздят
Утесов десять на утес Тарпейский,
Чтоб я, пред тем как брошен буду ими,
Не видел дна,—я все же буду с ними
Таким, как прежде был.

1-й Патриций

Ты благороден!

Кориолан

Мне странно только:
Меня сейчас не одобряет мать,
Которая всегда их называла
Рабами шерстяными¹¹, чье призванье—
Грошовою торговлей заниматься,
Без шапок головы свои на сходках
Показывать¹², затем зевать, молчать,
Дивиться, если кто-либо когда—
Но только из моих рядов—расскажет
О мире и войне.

Входит Волумния.

Я о тебе.

Зачем ты хочешь, чтобы стал я мягче?
По-твоему, своей природе должен
Я изменить. Скажи, чтоб я остался
Таким, каким я создан.

Волумния

Сын мой, сын мой!

Ты прежде одлекись во власть, а там уж
Изнашивай ее.

Кориолан

Пускай она

Износится!

Волумния

И без тревог всех этих
Ты мог всегда остаться тем, чем создан.
Они не так бы на тебя восстали,
Когда бы ты намеренья свои
Скрывал до той поры, покуда силу
У них не отняли б идти тебе
Наперекор.

Кориолан

Их надо перевешать!

В о л у м н и я

И сжечь вдобавок.

Входят Менений и сенаторы.

М е н е н и й

Признайся, что ты слишком резок был,
Пожалуй, слишком резок; должен ты
Опять туда пойти и попытаться
Исправить дело.

1-й С е н а т о р

Нет другого средства.
Откажешься—тогда наш славный город
Расколется от смуты и погибнет.

В о л у м н и я

Прошу тебя, послушай их совета.
Упорная не менее, чем ты,
Я все же подчиняю вспышки гнева
Веленьям разума, что ими правит,
К своей же пользе.

М е н е н и й

Хорошо сказала!
Ведь если бы разнузданное время
Сейчас в таком лекарстве не нуждалось
Для пользы общей, я надел бы латы,
Которые с трудом ношу, чтоб только
Ему пред этим стадом унижаться
Не надо было.

К о р и о л а н

Что ж я должен делать?

М е н е н и й

Пойти к трибунам.

К о р и о л а н

Так. А что же дальше?

М е н е н и й

В своих речах пред ними повиниться.

К о р и о л а н

Пред ними? Я не мог бы пред богами,—
Могу ли я пред ними повиниться?

В о л у м н и я

Ты слишком непреклонен. Но когда
Нужда уступок требует от нас,—
Должны мы поступиться благородством.
Ты сам мне говорил, что на войне
Дружат друг с другом мужество и хитрость:
Так если их при мире разлучить,
Не будет ли для них ущерб огромный?

К о р и о л а н

Молчи, молчи!

М е н е н и й

Разумен твой вопрос.

В о л у м н и я

Коль на войне притворство не бесчестит
(Ведь хитрость там способствует победе),
То почему ж и тут оно не будет
В согласье с доблестью, когда оно
В войне и в мире нам равно полезно?

К о р и о л а н

К чему ты это говоришь?

В о л у м н и я

К тому,

Что должен ты поговорить с народом
Не так, как хочешь, как подскажет сердце,
А звуками, которые язык
Рождает, как детей своих побочных,
Словами, что от сердца не исходят
И истинную мысль не выдают.
Поверь, бесчестья тут не больше будет,
Чем в том, чтоб город кротким словом взять,
Вместо того чтобы идти к удаче
Ценой кровавых жертв,—
Готова и сама я притворяться,

Когда судьба моя или друзей
Поставлена на карту: нет для чести
Ущерба в этом. Я, твой сын, жена,
Сенаторы, вся знать—об этом просим
Тебя. Но ты предпочитаешь черни
Показывать, как хмуришься пред нею,
Чем, ласковой улыбкой ей польстив,
Приобрести ее расположение,
Когда известно нам, что без него
Мы все погибнем.

М е н е н и й

Дивная жена.—

(Кориолану.)

Идем же с нами. Ласкою спасешься
Ты от опасности и возвратишь
То, что потеряно.

В о л у м н и я

Мой сын, прошу,
Пойди к ним с этой шапкою в руке,
Отставь ее подальше — так (похожим
На них ты в этом будь), и прикоснись
Коленями к камням (в таких делах
Поступки заменяют красноречье:
Глаза невежд чувствительней гораздо,
Чем уши их), и головой вот так
Покачивай, чтобы смирялось сердце,
Как будто бы плодом на шелковице,
Когда созреет он и не выносит
Давленья рук. Или скажи им там,
Что ты их воин, вскормленный боями,
Затем сознайся им, что мягко стлать,
Как требуют они, ты не обучен,
Но просишь доброй дружбы их к себе
И обещаешь впредь приноровиться
К толпе, насколько хватит у тебя
Способностей и сил.

М е н е н и й

Ты только сделай,
Что говорит она,—и все сердца

Твоими будут, ибо на прощенье
Они, когда их просят, столь же щедры,
Как на пустые речи.

В о л у м н и я

Я прошу—
Иди, послушайся совета. Правда,
Я знаю, ты скорее за врагом
Последовал бы в огненную бездну,
Чем стал бы льстить ему в цветущей роще.

Входит К о м и н и й.

Но вот идет Коминий.

К о м и н и й

Я был на площади. Или готовься
Ты силой силу встретить, иль смиришь,
Или беги из Рима. Все восстало!

М е н е н и й

Одна лишь речь покорная!..

К о м и н и й

Конечно,
Она поможет, если он смирит
Свой гордый дух.

В о л у м н и я

Он должен—стало быть,
И сделает.—Мой сын, прошу тебя—
Скажи, что ты согласен, и иди.

К о р и о л а н

Итак, я с непокрытой головой
К ним должен напоказ идти? И должен
Я подлой речью доблестное сердце
Позорить? Что ж, я уступаю вам.
Скажу, однако: если б дело шло
О гибели моей лишь,—этой плоти,—
О форме Марция,—я б им позволил
В прах истолочь меня, чтобы по ветру

Развеять...*—Ну, на Рыночную площадь!
Вы дали мне такую роль сейчас,
Что никогда мне в жизни не исполнить.

К о м и н и й

Идем! Подсказывать тебе мы будем.

В о л у м н и я

Прошу еще, мой милый сын, тебя:
Ты говорил, что похвалы мои
В тебя вдохнули воинскую доблесть;
Теперь, чтоб снова я тебя хвалила,
Исполни роль, что внове для тебя.

К о р и о л а н

Так, я решился! Прочь, мой дух! Пускай
Душа распутницы в меня вселится!
Пускай и голос бранный мой, привыкший
Под барабаны рокотать, свистком
Пискливым, как у евнуха, вдруг станет
Иль в голос девственницы превратится,
Малюток усыпляющий! Пускай!
Улыбки негодаев поселятся
В моих щеках гримасой! Буду плакать,
Как школьники, мрача слезами взор,
И через губы стану я цедить
Слова, как нищий, а мои колени,
Которые лишь гнулись в стременах,
Пускай, как у него за подаяньем,
Согнуты. Нет! Не в силах, не могу
Перед собою лгать: подобным делом
Приучишь к подлости себя навек!

В о л у м н и я

Ну что ж, как хочешь! Просьбами своими
Я более унизила себя,
Чем ты себя унизил бы пред чернью.

* В своем возбуждении Кориолан не заканчивает фразы. Подражая...
ется: «Скорее, чем пошел бы на такое унижение».

Пусть гибнет все — и матери твоей
От гордости сыновней гибнуть легче,
Чем от упрямства твоего страдать.
Я так же, как и ты, смеюсь над смертью
С высокомерным сердцем. Поступай,
Как хочешь. Мужество свое всосал
Ты с молоком моим, но эту гордость
Ты сам добыл себе.

К о р и о л а н

Ну, успокойся—
И не брани меня. Сейчас пойду
На Рыночную площадь. Их любовь
Я выклянчу, кривляясь, как паяц,
Сердца похищу их и возвращусь
Любимцем римских торгашей. Смотри—
Вот, я иду. Привет мой передай
Моей жене. Я консулом вернусь,
Иль никогда тому не верьте больше,
Что мой язык умеет льстить.

В о л у м н и я

Как хочешь.

Уходит.

К о м и н и й

Идем! Трибуны ждут. Вооружись
Ответом кротким; ибо, как я слышал,
Они готовы к новым обвинениям,
И посерьезнее.

К о р и о л а н

Пароль мой: кротость.
Прошу, идем. Пускай предъявят мне
Все выдумки свои. Я возражу
С достоинством.

М е н е н и й

Да, да, но только кротко.

К о р и о л а н

Я кротко им отвечу, очень кротко.

Уходят.

СЦЕНА 3

Там же. Форум.

Входят Сициний и Брут.

Б р у т

Всего сильнее напирай на то,
Что он тираном стать хотел; а если
Он в этом оправдается, припомни
Его вражду всегдашнюю к народу
И то, что до сих пор не роздал он
Добычу, взятую у анциатов.

Входит Э д и л.

Ну что? Придет?

Э д и л

Идет уже.

Б р у т

Кто с ним?

Э д и л

Менений и сенаторы из тех,
Которые особенно ему
Благоволят.

Сициний

А у тебя ли список
Всех голосов, какие мы собрали
С подсчетом поголовным?

Э д и л

У меня.

Готов.

Сициний

Ты собирал по трибам?¹³

Э д и л

Да.

С и ц и н и й

Ну, так немедленно собирай народ,
И только я скажу: «Да будет так
Во имя прав народа» и прибавлю:
«Изгнание», «пения» или «смерть»,—пускай
При слове «пения» тотчас крикнут: «пения!»,
А если «смерть» скажу, пусть крикнут «смерть!»—
Ссылаясь на старинные права,
Как и на то, что правду защищают.

Э д и л

Я им скажу.

Б р у т

А как начнут кричать,
Пускай уж более не замолкают,
Пока мы не заставим этим шумом
Исполнить приговор наш.

Э д и л

Так. Отлично.

С и ц и н и й

Пусть действуют решительно, как только
Мы знак дадим.

Б р у т

Теперь иди. За дело.

Уходит Эдил.

Ты сразу же взбеси его. Привык он
Господствовать и слова не спускать
Противнику при споре. Стоит только
Его разжечь— и сразу осторожность
Забудет он и выскажет нам все,
Что думает, а этого довольно,
Чтоб шею он сломал.

С и ц и н и й

Вот он идет.

Входят Кориолан, Менений, Коминий,
сенаторы и патриции.

М е н е н и й

(Кориолану)

Прошу тебя, будь сдержан.

К о р и о л а н

Да, словно конюх, что за грош глотает
Любую ругань.—Праведные боги,
Храните Рим! Нам дайте честных судей!
Любовь посейте между нами! Пусть
Все прославляют мир в обширных храмах,
И распря нас не посетит.

1-й С е н а т о р

Аминь.

М е н е н и й

Желанье благородное.

Входит Э д и л с горожанами.

С и ц и н и й

Плебеи,

Поближе станьте.

Э д и л

Слушайте трибунов.

Вниманье! Тише!

К о р и о л а н

Я скажу сперва.

О б а т р и б у н а

Ты можешь говорить.—

(Горожанам)

Молчать и слушать!

К о р и о л а н

Все ль обвиненья здесь услышу я?
И здесь ли будет принято решение?

С и ц и н и й

Ответь сперва: смиришься ль пред народом,
Признаешь власть избранных его
И примешь ли ты приговор законный,
Когда тебя осудят за проступки,
В которых будешь обвинен?

К о р и о л а н

Согласен.

М е н е н и й

Вот, горожане, он сказал: «согласен»;
Подумайте о том, что у него—
Военные заслуги; не забудьте,
Что много он на теле носит ран,
Которые имеют вид могил
Священного кладбища.

К о р и о л а н

Пустяки!

Царапины пустые!

М е н е н и й

И заметьте—

Не так он говорит, как горожанин,
Но говорит всегда как воин он;
Не принимайте грубости его
За злобу; я сказал, что речь его—
Солдата речь, но не враждебна вам.

К о м и н и й

Довольно же об этом.

К о р и о л а н

Как случилось,
Что вы, избрав меня единогласно,
Тотчас же отменили выбор свой,
Меня тем опорочив?

С и ц и н и й

Ты — ответчик.

К о р и о л а н

Ты прав, и я отвечу. Говори.

С и ц и н и й

Тебя мы обвиняем в том, что ты
Пытался ниспровергнуть строй законный
И в Риме ты хотел себе присвоить
Тирана власть,—за что объявлен ты
Изменником народу.

К о р и о л а н

Я — изменник!

М е н е н и й

Спокойнее! Ты обещал нам это.

К о р и о л а н .

Спали народ, о пламя адской бездны!
Назвать меня изменником! Трибун,
Ты — клеветник! Так знай, когда б смертей
В глазах твоих гнездилося двадцать тысяч.
Когда бы ты миллионы их зажал
В своих руках и столько же сидело
На лживом языке, то все же я
Сказал бы: «Лжешь!»—да, это я сказал бы
Таким же вольным голосом, каким
Молю богов.

С и ц и н и й

Народ, ты слышишь это?

Г о р о ж а н е

Тащите на скалу его! Тащите!

С и ц и н и й

Молчанье! Обвинять его еще
Нам больше нет нужды. Как он себя
Ведет — вы видели; как говорит—
Вы слышали; он бил эдилов ваших,

А вас он проклинал; сопротивлялся
Закону кулаками; оскорблял
Он тех, кто в силу высшей власти должен
Его судить. Все это так преступно,
Так близко к государственной измене,
Что он достоин злейшей казни — смерти.

Б р у т

Но так как Риму хорошо служил он...

К о р и о л а н

К чему болтать о службе?

Б р у т

Говорю

О том, что знаю.

К о р и о л а н

Ты?

М е н е н и й

А обещанье,

Что дал ты матери своей?

К о м и н и й

Припомни,

Прошу тебя...

К о р и о л а н

Ни знать, ни помнить больше

Я не хочу. Пускай же объявляют
С Тарпейской крутизны мне смерть они,
Сдерут мне кожу иль пошлют в изгнание,
Пусть голодом морят в тюрьме, давая
В день по зерну,—я все ж не соглашусь
Купить у них пощаду кротким словом,
Свой дух за все дары не обуздаю,
Какие мог бы получить от них,
Когда б сказал им только: «С добрым утром».

С и ц и н и й

За то, что он, по мере средств и сил,
Вражду нередко проявлял к народу

И случая искал отнять права,
И, наконец, за то, что ныне он
Позорил власть в час грозного суда
И исполнителям, ведущим дело,
Враждебен был,—мы, именем народа
И в силу власти, нам, трибунам, данной,
Из города его изгнать решили
Немедленно. Под страхом низверженья
С скалы Тарпейской, не войдет вовек
В ворота Рима он. Да будет так—
От имени народа!

Г о р о ж а н е

Да будет так, да будет так! Он изгнан!
Пушай покинет Рим! Да будет так!

К о м и н и й

Послушайте, друзья мои простые...

С и ц и н и й

Он осужден, и нечего нам слушать.

К о м и н и й

Послушайте! Я консулом был тоже,
И мог бы показать следы ударов,
Полученных в боях на службе Риму.
Люблю я благо родины и чту
Ее я глубже, выше и нежней,
Чем жизнь свою, и честь своей жены
Милейшей, и детей своих, рожденных
От нашей плоти. Если б я сказал...

С и ц и н и й

К чему ты клонишь, знаем мы. Что скажешь?

Б р у т

Нам толковать тут нечего; он изгнан,
Народа враг и родины своей.
Да будет так.

Г о р о ж а н е

Да будет так! Да будет так!

К о р и о л а н

О свора подлая ничтожных псов!
Дыханье ваше ненавижу я,
Как вонь болот гнилых; мне ваша дружба—
Как трупы незарытых мертвецов,
Которые лишь воздух отравляют.
Я — изгоняю вас; живите здесь
С непостоянством вашим! Пусть малейший
Тревожный слух на все наводит страх!
Пусть развевающейся гривой шлемов
Враги отчаянье навеют вам.
Храните власть, чтобы в изгнание слать
Защитников, покуда ваша глупость
(Ей надо всё изведать, чтоб понять)—
При вашей неспособности к защите
(Ведь вы — враги себе) — не ответит вас
Как пленников, униженных глубоко,
К врагу, который победит без боя!
Я презираю вас и этот город
И становлюсь спиной к нему теперь:
Есть жизнь вне этих стен.

Уходят Кориолан, Коминий, Менений, сенаторы и патриции.

Э д и л

Уходит враг народа, он уходит!

Г о р о ж а н е

Врага изгнали! Он уходит! У!..

Кричат и кидают шапки вверх.

С и ц и н и й

Его вы проводите до ворот;
Преследуйте его с такой же злобой,
С какою сам преследовал он вас.
Он заслужил все эти оскорбления—
А мы пройдем со стражей через город.

Г о р о ж а н е

Проводим до ворот его! Идем!—
Да здравствуют трибуны!—Ну, идем же!

Уходят.

А К Т IV

СЦЕНА 1

Перед воротами Рима.

Входят Кориолан, Волумния, Виргилия, Менений,
Коминий и несколько молодых патрициев.

Кориолан

Ну, полно плакать. Сократим прощанье.—
Я вытолкнут из города скотом
Многоголовым.—Мать, куда девалась
Твоя бывая бодрость? Говорила,
Бывало, ты, что крайняя беда
Бывает испытаньем силы духа,
А заурядным людям по плечу
Переносить беду простую только,—
Ведь по морю в спокойную погоду
Нетрудно плыть любому кораблю,—
И только тот, кто бодро переносит
Тягчайшие судьбы удары, этим
Выказывает благородство духа.
И ты тем правилам меня учила,
Что делают непобедимой душу,
Проникшуюся ими.

Виргилия

О боги, боги!

Кориолан

Перестань, жена,
Прошу тебя.

В о л у м н и я

Багровая чума
Ремесленников римских, торгашей
Пусть поразит.

К о р и о л а н

Зачем, зачем? Когда
Я удалюсь, они меня оценят.
Нет, мать, верни себе былую бодрость;
Припомни, как ты говорила прежде,
Что, будь женою Геркулеса, ты
Свершила бы шесть подвигов его,
Всю тяжесть разделив с своим супругом.—
Прощай, Коминий, и не падай духом.—
Моя жена и мать моя, прощайте!
Я поживу еще!—Менений верный,
Мой добрый старый друг, слеза твоя
Богаче солью, чем у молодых;
Для глаз твоих она вредна, как яд.

(Коминию.)

Мой бывший полководец, помню я,
Как ты взира́л всегда суровым оком
На душу леденящие картины.
Прошу тебя, печальным этим женам
Скажи, что при ударах неизбежных
Рыданья безрассудны, как и смех.—
Послушай, мать, ты знаешь хорошо,
Что доблестью моей ты утешалась.
Верь твердо,—хоть один теперь иду я,
Подобный одинокому дракону,
Который, спрятавшись в пещере, ужас
Внушает оттого, что он невидим
И знают лишь по рассказам его,—
Что сын твой над толпой восторжествует,
Коль хитростью не обойдут его.

В о л у м н и я

Мой первенец, куда же ты пойдешь?
Ты доброго Коминия с собой
Возьми на время. Избери дорогу
Получше, чтоб себя не подвергать
Нелепым, злым случайностям.

К о р и о л а н

О боги!

К о м и н и й

На месяц я иду с тобой, а там
Придумаем, где поселишься ты,
Чтоб от тебя нам вести получать,
Тебе—от нас, и чтоб потом, как только
Здесь явится возможность отменить
Твое изгнание,—нам бы не пришлось
Тебя искать везде по белу свету,
С задержкою, которая способна
Расхолодить, когда в отлучке тот,
Кто в милости нуждается.

К о р и о л а н

Прощай!

Ты стар, и слишком бранными трудами
Ты пресыщен, чтобы со мной скитаться;
А я ведь свеж совсем и полон сил.
Лишь за ворота проводи меня.—
Идемте, милая моя жена
И дорогая мать, и вы, друзья
Мои чистейшей, благородной пробы.
Как только выйду за ворота я,
Счастливого пути мне пожелайте
И улыбнитесь. Я прошу—идемте.
Пока я жив, к вам от меня немало
Вестей придет. Но только никогда
Не скажут обо мне, что стал не тем,
Чем был я прежде.

М е н е н и й

Слов, достойней этих,

Не слыхивали люди никогда.—
Идемте, плакать перестанем.—Эх.
Вот если б с этих старых рук и ног
Стряхнуть я мог одну семерку лет,—
Клянусь богами, всюду за тобой
Побрел бы я.

К о р и о л а н

Дай руку мне.—Идем.

Уходят.

Там же. Улица неподалеку от ворот.

Входят два трибуна — С и ц и н и й и Б р у т — в сопровождении Э д и л а.

С и ц и н и й

Вели всем расходиться по домам.
Он удалился — мы теперь притихнем.
Та знать, что сторону его держала,
Раздражена.

Б р у т

Всё сделав, что хотели,
Мы показали нашу власть. Теперь
Казаться будем мы скромней, чем были.

С и ц и н и й

Пусть разойдутся по домам! Скажи:
Ушел их главный враг, и власть плебеев
Крепка опять, как было в старину.

Б р у т

(Эдилу)

Отправь их по домам.

Уходит Эдил.

Входят Волумния, Виргилия и Менений.

Ну вот, гляди,
Проходит мать его.

С и ц и н и й

Свернем с дороги.

Б р у т

Зачем?

С и ц и н и й

Да говорят, она безумна.

Б р у т

Останемся: они нас увидали.

В о л у м н и я

А, вот! Вы кстати мне попались оба!

Пускай же боги все чумные язвы
Нашлют на вас в отплату за приязнь!

М е н е н и й

Ну, тише, тише! Громко так не надо.

В о л у м н и я

Когда б не слезы эти, вам пришлось бы...
Нет, вы должны услышать кое-что.

(Бруту.)

Ты хочешь уходить?

В и р г и л и я

(Сицинию)

Нет, должен ты
Остаться, как и он.—О, если б я
Имела власть сказать супругу то же!

С и ц и н и й

(Волумнии)

Уж не мужской ли ты породы будешь?

В о л у м н и я

Ну да, глупец. Чего же тут стыдиться?—
Заметьте только, как он глуп!—Да разве
Отец мой не был мужем? А ты сам
Не лисьего ли нрава, что в изгнание
Того отправил, кто за Рим ударов
Нанес побольше, чем наговорил
Ты всяких слов?

С и ц и н и й

О всеблагое небо!

В о л у м н и я

Не больше ль он нанес ударов славных,
Чем слов премудрых у тебя? И всё—
Для блага Рима! Я б тебе сказала...
А впрочем, уходи... Нет, ты еще
Остаться должен... Если б сын мой был
В Аравии, и весь твой род пред ним,
И добрый меч в его руке...

С и ц и н и й

А дальше?

В и р г и л и я

А дальше? Он твое потомство всё
Прикончил бы.

В о л у м н и я

Вплоть до детей побочных.—
О, сколько ран он получил за Рим!

М е н е н и й

Ну, полно, успокойся.

С и ц и н и й

Желал бы я, чтоб кончил он, как начал,
Трудясь для родины,—не развязав
Узла заслуг, который завязал он.

Б р у т

И я желал бы.

В о л у м н и я

«Я желал бы!» Вы
Ведь сами же и возбудили чернь,
Вы, кошки злые, что судить способны
Настолько ж о достоинствах его,
Насколько я—судить о тайнах неба,
От нас сокрытых.

Б р у т

Ну, пойдем, Сициний.

В о л у м н и я

О да, теперь вы можете идти,
Хороших дел наделав. Лишь прибавлю:
Насколько Капитолий превышает
Ничтожнейшие римские лачуги,
Настолько же мой сын, что вами изгнан,—
Муж этой женщины, вот здесь стоящей,—
Настолько же он превышает вас.

Б р у т

Ну, хорошо; нам надо уходить.

С и ц и н и й

К чему нам тут стоять и толковать
С безумною?

В о л у м н и я
Мои молитвы—с вами.

Уходят трибуны.

Других занятий пусть не знают боги,
Как только утверждать мои проклятья!—
Когда б я каждый день встречала их,
Спадала б тяжесть с сердца моего.

М е н е н и й

Ты дельно говорила и, конечно,
Вполне права. Поужинаем вместе?

В о л у м н и я

Мне пища—гнев. Моя печаль—мой ужин;
Питаясь так, я с голода умру.—
(*Виргилии.*)

Ну что ж, идем, и перестань уныло
Так охать и оплакивай, как я,—
Как сетовала гневная Юнона.
Идем, идем, идем.

Уходят Волумния и Виргилия.

М е н е н и й

О, гнусно, гнусно!

Уходит.

СЦЕНА 3

Дорога между Римом и Анциумом.

Входят Римлянин и Вольск навстречу друг другу.

Р и м л я н и н

А я тебя хорошо знаю, приятель, и ты меня тоже. Как
жется, тебя зовут Адрианом?

В о л ь с к

Да, так, приятель. А вот как тебя звать, по правде ска-
зать, забыл.

Р и м л я н и н

Я—римлянин; только служу теперь, как и ты, против
Рима. Ну что, признал меня?

В о л ь с к

Никанор, что ли?

Р и м л я н и н

Верно, друг мой.

В о л ь с к

У тебя борода была больше, когда я видел тебя в последний раз, но твою милость уж очень выдает голос. Что нового в Риме? Мне дано было поручение от начальников—разыскать тебя; это хорошо, что ты сберег мне день пути.

Р и м л я н и н

В Риме был большой мятеж: народ восстал против сенаторов, патрициев и знати.

В о л ь с к

Был! Значит, теперь кончился? А наши правители рассчитывали на другое: они усердно готовятся к войне, надеясь обрушиться на Рим в разгар этой сумятицы.

Р и м л я н и н

Главный-то пожар погасили, но по малейшему поводу он может вспыхнуть снова. Знать до того раздражена изгнанием доблестного Кориолана, что готова в любую минуту отнять всю власть у народа и навсегда отделаться от трибунов. Всё это тлеет под пеплом и, уверяю тебя, может сразу прорваться наружу.

В о л ь с к

Неужели Кориолан изгнан?

Р и м л я н и н

Да, приятель, изгнан.

В о л ь с к

Ну, Никанор, за такую весть тебя ласково встретят.

Р и м л я н и н

Момент для ваших—самый благоприятный. Недаром говорится, что соблазнить чужую жену легче всего, когда она поссорится со своим мужем. Ваш благородный Тулл Авфидий покажет себя в этой войне, раз его великий противник Кориолан отвергнут своей родиной.

В о л ь с к

Еще бы! Очень мне повезло, что я встретился с тобой. Теперь дело мое кончено, и я с радостью провожу тебя до дому.

Р и м л я н и н

А дорогой, до ужина, я тебе порасскажу весьма странные вести из Рима. Всё складывается наилучшим для вас образом. Ты говоришь, что и войска у вас наготове?

В о л ь с к

В самом лучшем виде: центурионы с их отрядами уже расставлены по местам, жалованье им роздано, и все готовы выступить в поход по первому приказу.

Р и м л я н и н

Превосходно: вот от моих вестей они и тронутся в путь. Очень рад, приятель, встрече с тобой, а еще больше—тому, что отсюда пойдем мы вместе.

В о л ь с к

Я хотел, голубчик, сказать то же самое. Я рад этому не меньше тебя.

Р и м л я н и н

Идем же вместе.

Уходят.

СЦЕНА 4

Анциум. Перед домом Авфиция.

Входит К о р и о л а н, переодетый в бедную одежду, прикрывая лицо плащом.

К о р и о л а н

Хороший город Анциум. А я Тебя наполнил вдовами. Со стоном Владельцы этих зданий величавых Передо мною падали в бою. Не узнавай меня—не то сбегутся С камнями и жены и младенцы И умертвят меня в бесславной битве!

Входит Г о р о ж а н и н.

Здорово, друг.

Г о р о ж а н и н
Здорово.

К о р и о л а н
Укажи,
Где тут живет Авфидий знаменитый?
Он в Анциуме?

Г о р о ж а н и н
Да. Как раз сегодня.
Дает он пир всем городским вельможам.

К о р и о л а н
А где же дом его?

Г о р о ж а н и н
Перед тобой.
Вот дом Авфидия.

К о р и о л а н
Прощай! Спасибо.

Уходит Горожанин.

О свет, изменчив ты! Друзья по клятвам,
В ком бьется сердце на двоих одно,
Бессменные товарищи друг другу,
В трудах и в сне, в трапезе и в забавах
Друзья, которых, словно близнецов,
Любовь сроднила,—по пустой причине
В единый час меняют дружбу эту
На горькую и смертную вражду.
А рядом—вдруг заклятые враги,
Во сне своем не знавшие покоя
От ярости и помыслов враждебных,
По поводу ничтожнейшему станут
Нежнейшими друзьями и потомство
Перемешают браком. Так—со мной;
Я ненавижу место, где родился,
А вражий город этот полюбил.
Войду в него. Коль он убьет меня,
Он будет прав; но если кротко примет,
Его земле я окажу услуги.

Уходит.

СЦЕНА 5

Там же. Зала в доме Авфилия.

Внутри дома музыка.
Входит С л у г а.

1-й С л у г а

Вина, вина, вина! Прямо безобразие! Должно быть, все наши слуги уснули.

Уходит.

Входит другой С л у г а.

2-й С л у г а

Где Котус? Господин зовет его. Котус!

Уходит.

Входит К о р и о л а н.

К о р и о л а н

Прекрасный дом, и всюду пахнет пиром.
Лишь я пришел не гостем.

Входит 1-й С л у г а.

1-й С л у г а

Что тебе нужно, приятель? Откуда ты? Здесь тебе не место. Ступай-ка за двери.

Уходит.

К о р и о л а н

Кориолан, конечно, недостоин
Приема лучшего.

Входит 2-й С л у г а.

2-й С л у г а

Откуда ты явился? Или у привратника глаз нет, что он впускает сюда всякий сброд? Убирайся, пожалуйста.

К о р и о л а н

Эй, прочь!

2-й С л у г а

Прочь? Сам ты убирайся прочь!

К о р и о л а н

Ты надоел мне!

2-й С л у г а

Да ты что это храбришься? Вот я поговорю с тобой сейчас.

Входят 1-й и 3-й Слуги.

3-й С л у г а

А это что за человек?

1-й С л у г а

Чудак, какого я не видывал; не могу выпроводить его из дома. Пожалуйста, попроси сюда господина. *(Отходит в сторону.)*

3-й С л у г а

Ты по каким же это делам сюда явился? Убирайся, сделай одолжение.

К о р и о л а н

Пускай меня оставят лишь в покое;
Я в доме очага не оскорблю.

3-й С л у г а

Да кто ты такой?

К о р и о л а н

Я знатен родом.

3-й С л у г а

И очень беден при этом!

К о р и о л а н

Да, правда, беден я.

3-й С л у г а

Пожалуйста, бедный знатный господин, выбери себе какое-нибудь другое пристанище, а здесь тебе не место; прошу тебя, убирайся! Ну!..

К о р и о л а н

Знай свое дело. Пошел к своим объедкам!

Отталкивает его.

3-й С л у г а

Как, ты сопротивляешься? (2-му Слуге.) Пойди-ка, скажи господину, что за гость сюда забрался.

2-й С л у г а

Иду.

3-й С л у г а

Где ты живешь?

К о р и о л а н

Под открытым небом.

3-й С л у г а

Под открытым небом?

К о р и о л а н

Да.

3-й С л у г а

Где же это?

К о р и о л а н

В царстве коршунов и воронов.

3-й С л у г а

В царстве коршунов и воронов? (В сторону.) Ну и осел! (Громко.) Значит, ты живешь и с галками тоже?¹⁴

К о р и о л а н

Нет, я твоему хозяину не служу.

3-й С л у г а

Как! Ты еще задеваешь моего господина?

К о р и о л а н

Да; такая услуга честнее, чем трогать твою хозяйку. Довольно болтовни! За дело! Прочь! (Бьет и выталкивает его.)

Уходит 3-й С л у г а.

Входят А в ф и д и й и 2-й С л у г а.

А в ф и д и й

Где этот молодец?

2-й С л у г а

Вот, господин. Только не хотел тревожить господ в доме, а то избил бы его, как собаку. (Отходит в сторону.)

А в ф и д и й

Откуда ты пришел? Чего желаешь?
Как имя? Почему не говоришь?
Скажи, любезный, как тебя зовут?

К о р и о л а н

(открывая лицо)

Но если, Тулл, теперь меня увидев,
Ты всё же не узнаешь, не сочтешь
Ты за того меня, кто я, тогда
Назвать себя мне самому придется.

А в ф и д и й

Скажи свое мне имя!

К о р и о л а н

Не сладостно оно для слуха вольсков;
Звучит оно сурово для тебя.

А в ф и д и й

Послушай, как тебя зовут? По виду
Свиреп ты, на лице же—власти знаки;
Хоть снасти все изодраны твои,
Но из-под них корабль великолепный
Глядит; скажи мне, как тебя зовут?

К о р и о л а н

Нахмурить брови приготовься ты.
Меня узнал?

А в ф и д и й

Не узнаю. Как имя?

К о р и о л а н

Меня зовут Кай Марций, тот, который
Нанес ударов много, зла наделал
Тебе особенно, а также вольскам,
А прозвище мое—Кориолан:
Улика явная. За все труды,
За крайние опасности, за кровь,
Пролитую за родину мою
Неблагодарную,—я награжден
Лишь этим прозвищем: напоминает
Оно, что злобу и вражду питать
Ко мне ты должен. Это имя только
И остается; прочее пожрал
Жестокий и завистливый народ
При попустительстве трусливой знати,
Которая покинула меня,

Стерпевши то, что голоса рабов
Меня из Рима с гиканьем изгнали.
И вот, теснимый крайнею нуждою,
Я к твоему явился очагу.
Не ошибись во мне: пришел к тебе
Я не в надежде жизнь свою спасти,—
Поверь, когда бы я страшился смерти,
Тебя из всех я в мире избегал бы,—
Но только гневное мое желанье
Разделаться с изгнавшими меня
К тебе меня толкнуло. Если носишь
Ты в сердце злобу, если хочешь ты
И отомстить за личные обиды,
И возместить урон своей отчизне,—
Воспользуйся моею жаждой мести,
Из бед моих всю пользу извлеки
Скорее, ибо я сражаться буду,
Как лютый дух из адской глубины,
С отчизной зараженной. Если ж ты
На это не дерзнешь, уставши слишком,
Чтобы еще пытаться свою судьбу,
То знай: и я измучен слишком жизнью,
Чтоб жить еще. Вот грудь моя: рази
Во имя старой ненависти нашей.
Коль не убьешь меня, ты будешь глуп:
Ведь я всегда преследовал со злобой
Тебя, выцеживая бочки крови
Из самой груди родины твоей,—
И жить могу лишь на позор тебе.
Когда не окажу тебе услуги.

А в ф и д и й

О Марций, Марций, каждым этим словом
Из сердца с корнем вырываешь ты
Вражду мою старинную к тебе.
Когда б Юпитер сам из облаков
Со мной заговорил о тайнах неба
И подтверждал правдивость слов своих,
Ему б не больше верил я, чем нынче—
Тебе, всецело благородный Марций!
Позволь моим рукам обнять тебя,
На ком сто раз мое копьё ломалось,
Обломками взлетая до луны
И нанося ей раны.

(Обнимает Кориолана.)

Вот сжимаю

Я наковальню своего меча
В объятиях и нынче состязуюсь
С тобой в любви я пламенной и верной,
Как некогда из гордого упрямства
Я состязался в доблести с тобой.
Скажу тебе, я девушку любил,
На ней женился, и едва ль кто в жизни
Так искренне вздыхал тогда, как я;
Но сердце восхищенное мое
Танцует больше от того, что встретил
Я здесь тебя—высокое творенье,
Чем в миг, когда избраница моя
Ступила через мой порог. Знай, Марс:
Мы здесь собрали войско; и хотел я
Еще раз щит рвануть с руки твоей
Или своей рукою поплатиться.
Двенадцать раз ты побеждал меня,
И ни одной не проходило ночи,
Чтоб не видал во сне я наших стычек;
Мы наземь падали с тобой во сне,
Срывали шлемы и один другого
За горло брали; я изнемогал—
И просыпался. Благородный Марций!
Когда б других причин мы не имели
Для ссоры с Римом,—за одно изгнание
Тебя оттуда соберем мы всех—
И отроков в двенадцать лет и старцев
Семидесятилетних—и вольемся
В неблагодарный Рим, в его пределы
Войной, чтоб яростным потоком в нем
Всё опрокинуть. О, войди же в дом,
Там руки ты пожмешь моим друзьям
Сенаторам; они сегодня здесь
Прощаются со мной перед походом
В твою страну, хоть не на самый Рим.

К о р и о л а н

О боги, вы меня благословили!

А в ф и д и й

Теперь ты здесь хозяин. Если хочешь
Своею мстью сам руководить,—
Тебе отдам я половину власти.
Что хочешь, делай: опыт твой богаче,

И силы родины и недостатки
Тебе известны. Прямо ли нагрянуть
Нам на ворота Рима, или раньше
Нам в областях далеких разгромить их,
Чтоб в них посеять ужас,—сам решай.
Войди ж ко мне. Позволь сначала тем
Тебя представить, от кого услышишь
Согласие на замыслы твои.
Стократ привет! Ты больше стал нам другом,
Чем раньше был врагом; а враждовали
Мы сильно, Марций. Руку дай. Привет!

Уходят Кориолан и Авфидий.

1-й и 2-й слуги выходят вперед.

1-й С л у г а

Вот необычайная перемена!

2-й С л у г а

Право, я уже собирался угостить его палкой, да только смекнул вовремя, что он не то, чем кажется по одежде.

1-й С л у г а

Ну и ручища же у него! Он повернул меня двумя пальцами, словно кубарь какой-нибудь.

2-й С л у г а

Уж по лицу его я догадался, что тут что-то неспроста. В его лице есть что-то такое... не знаю, как бы это назвать.

1-й С л у г а

Да, да, что-то особенное... пусть меня повесят, если я сразу не догадался.

2-й С л у г а

Клянусь, и я тоже. Другого такого не часто встретишь.

1-й С л у г а

И мне так кажется; хоть мы знаем с тобой война почише его.

2-й С л у г а

Кто это? Наш господин, что ли?

1-й С л у г а

А кто же еще?

2-й С л у г а

Да, он шестерых таких стоит.

1-й С л у г а

Ну, это, положим, уж слишком, хотя я и считаю его отличным воином.

2-й С л у г а

Тут, видишь ли, решать трудно; по части того, чтобы оборонять город, наш полководец большой мастер.

1-й С л у г а

Да и брать города он умеет.

Входит 3-й С л у г а.

3-й С л у г а

Ну, голубчики, и новости я вам сейчас расскажу; удивительные новости, дорогие мои плуты!

1-й и 2-й С л у г и

Что? Что? Какие? Скорей рассказывай.

3-й С л у г а

Ни за что на свете не хотел бы я сейчас быть римлянином; уж лучше быть повешенным.

1-й и 2-й С л у г и

А почему так? Почему?

3-й С л у г а

Почему? Да ведь здесь тот, который всегда колотил нашего полководца,—Кай Марций.

1-й С л у г а

Как это ты говоришь—колотил нашего полководца?

3-й С л у г а

Ну, если не колотил, так вроде того.

2-й С л у г а

Ну, мы здесь приятели, свои люди. Марций был всегда жестковат для нашего; я слышал, как он сам говорил это.

1-й С л у г а

Да уж нечего сказать, жестковат: под Кориолами он искромсал и отколотил нашего, как котлету.

2-й С л у г а

Так что, будь он каннибалом, пожалуй, он изжарил бы его и съел бы.

1-й С л у г а

А еще какие новости?

3-й С л у г а

Наши его так чествуют, как если бы он был сыном и наследником Марса. За столом ему отвели первое место, и если кто из сенаторов с ним заговаривает, так не иначе, как стоя и с непокрытой головой. Наш полководец ухаживает за ним, как за любовницей; то бережно дотронется до его руки, то слушает его, вытаращив глаза, а главная новость — то, что полководец наш разделен пополам, и теперь он только половинка того, чем вчера был, потому что другой половинкой, по желанию и с согласия всех собравшихся, сделался теперь Марций. Он уверяет, что схватит римского привратника за уши, всё сметет на своем пути и, где ни пройдет, после него останется гладкое место.

2-й С л у г а

Что ж, он способен, по-моему, сделать это лучше, чем кто-либо.

3-й С л у г а

Не только способен сделать, но и сделает, потому что,—смекни, дружок,—у него там столько же друзей, как и врагов; только друзья эти,—смекни, дружок,—не смеют, как бы это сказать, прямо выступить за него, покуда он д е к р е д и т и р о в а н.

1-й С л у г а

Д е к р е д и т и р о в а н? Как это так?

3-й С л у г а

А как только, дружок, они снова увидят, что он поднял гребень своего шлема и в полной своей силе, так они вылезут из своих нор, как кролики после дождя, и запляшут с ним вместе.

1-й С л у г а

А когда же это будет?

3-й С л у г а

Завтра, сегодня, сию минуту. После обеда забьют в бабан; это будет им словно десерт, и они двинутся вперед, же не утерев губ.

2-й С л у г а.

Значит, мы снова повеселимся! В мирное время только мезо ржавеет, портные плодятся, рифмачи разводятся.

1-й С л у г а

И по мне тоже, война—лучше; она—ясный день, а мир—это ночь. Война живет, веселит, полна слухов и розгазней. А мир—будто сон или паралич: скука, пустота, ухота, вялость. В мирное время побочных детей больше дится, чем на войне людей гибнет.

2-й С л у г а

Да, это верно. Если на войне, надо сознаться, иной раз насилюют женщин, то в мирное время, вы должны с этим гласиться, жены мужьям рога наставляют.

1-й С л у г а

Да, и потому люди ненавидят друг друга.

3-й С л у г а

А почему? Да потому, что в мирное время они меньше жны друг другу. То ли дело война! Вот теперь и римляне дут так же дешевы, как и вольски.—Они встают из-за ола!

1-й и 2-й С л у г а

Идем, идем скорее!

Уходят.

СЦЕНА 6

Рим. Площадь.

Входят С и ц и н и й и Б р у т.

С и ц и н и й

О нем не слышно ничего, и нам
Не следует бояться: он безвреден
Теперь, когда в согласии и мире
Живет народ, который раньше жил

В смятенье яростном. Пускай краснеют
За этот мир друзья Кориолана,
Которые, хоть и страдали сами
От этого, предпочитали видеть
На улицах побоища и схватки,
Чем наблюдать, как распевают в лавках
Довольные ремесленники наши,
Трудясь спокойно.

Б р у т

Да, в добрый час мы отстояли дело.

Входят Менений.

Менений, кажется?

С и ц и н и й

Он, он. С тех пор

Куда поласковее стал.—Привет,
Почтенный муж!

М е н е н и й

Привет и вам обоим!

С и ц и н и й

О том, что нет Кориолана, только
Друзья его жалеют. Государство,
На зло ему, теперь прочнее стало.

М е н е н и й

Всё это хорошо. Но вдвое лучше
Могло бы быть, когда б он уступил.

С и ц и н и й

А где он, знаешь?

М е н е н и й

Ничего не знаю.

Жена и мать известий не имеют.

Входят трое или четверо горожан.

Г о р о ж а н е

Обоих вас да охраняют боги!

С и ц и н и й

Соседи наши, добрый вечер вам.

Б р у т

Всем добрый вечер, добрый вечер всем.

1-й Г о р о ж а н и н

Мы сами, жены, дети на коленях
Обязаны молить за вас обоих.

С и ц и н и й

Живите, процветайте!

Б р у т

До свиданья,
Соседи добрые. Как мы вас любим,
Когда б вас так любил Кориолан!

Г о р о ж а н е

Пускай хранят вас боги!

О б а т р и б у н а

До свиданья!

Уходят горожане.

С и ц и н и й

Теперь живется легче и спокойней,
Чем в дни, когда, бывало, горожане
Вопили и по улицам метались.

Б р у т

Умел Кай Марций доблестно сражаться,
Но дерзок был, безудержно спесив,
Честолюбив...

С и ц и л и й

Всегда стремился к власти
Неограниченной.

М е н е н и й

Едва ли так.

С и ц и н и й

Когда бы консулом остался он,
На горе нам мы б в этом убедились.

Б р у т

Но, к счастью, боги отвратили это:
Рим без него спокоен, невредим.

Входит Э д и л.

Э д и л

Достойные трибуны, раб какой-то
Болтал (его в тюрьму мы заключили),
Что во владенья Рима вольски вторглись
Двумя отрядами и в ярое злобе
Всё истребляют на пути своем.

М е н е н и й

Авфидий это. Он, узнав, что Марций
В изгнание, снова высунул рога,
Что прятал тщательно, покуда Марций
Стоял за Рим.

С и ц и н и й

Да что ты всё толкуешь
Про Марция?

Б р у т

(Эдилу)

Чтобы болтун сейчас
Был высечен! Не может быть, чтоб вольски
Посмели мир нарушить.

М е н е н и й

Как, «не может»?

Нам память говорит, что очень может.
Я трижды видел на своем веку
Подобное. Чем бить того раба,
Вы расспросили бы его сначала,
Чтоб в спешке вам не выпороть того,
Кто весть принес и предостерегает
Вас от опасности.

С и ц и н и й

Что ты толкуешь?

Не может быть, я знаю.

Б р у т

Невозможно.

Входит Г о н е ц.

Г о н е ц

Патриции толпой бегут в сенат.
Все лица бледны. Весть пришла плохая.

С и ц и н и й

Всё этот раб...—

(Эдилу.)

Пусть высекут его
Там на глазах народа. Верно, всех
Он взволновал своею болтовнею.

Г о н е ц

Достойный муж, того раба известья.
Уж подтвердились, и пришли другие,
Еще ужаснее.

С и ц и н и й

Еще ужасней?

Г о н е ц

Все говорят открыто (правда ль это,
Не знаю я), что будто бы и Марций,
Вступив в союз с Авфидием, ведет
Войска на Рим, поклявшись отомстить
Всем в городе от мала до велика.

С и ц и н и й

Нелепость!

Б р у т

Распустили этот слух
Слабейшие*, чтобы иметь им повод
Потом похлопотать о возвращенье
Любезного им Марция.

С и ц и н и й

Вот ловко!

М е н е н и й

Не верю я!
Кай Марций и Авфидий—никогда
Две крайности такие не сойдутся.

Входит 2-й Г о н е ц.

2-й Г о н е ц

Сенат вас призывает.
Кай Марций и Авфидий во главе
Огромнейшего войска нас громят.
Они уже ворвались в наши земли,

* Партия аристократов.

Огнем всё истребляют, грабят всё,
Что на пути лежит.

Входит Коминий.

Коминий
(трибунам)

Наделали вы дел!

Менений
Какие вести?

Коминий
(трибунам)

Вы сами виноваты в том, что скоро
Бесчестить будут ваших дочерей,
Что на башку теперь вам литься будет
Расплавленный свинец от ваших кровель,
Что ваших жен позорить будет враг
Пред самым носом...

Менений
Говори скорей:
Какие вести? Ну, какие вести?

Коминий
Они сожгут дотла все наши храмы,
А ваши все права, столь дорогие,
Загонят в мышью норку.

Менений
Вести! Вести!—
(трибунам)

Боюсь я, поработали вы славно!—
(Коминию)

Скажи, какие вести? Если б Марций
Соединился с вольсками...

Коминий
Как, «если б»!
Он—бог для них; ведет он их, подобно
Созданию не природы—высшей силы,

Создавшей лучший облик. И они
Идут за ним на всё отродье наше
Со смелостью не меньшей, чем мальчишки,
Бегущие за бабочками летом,
Иль мясники, когда идут бить мух.

М е н е н и й

Наделали вы дел
С поддержкою ремесленников жалких!
Не понапрасну вы за чернь стояли,
Так чесноком пропахшую.

К о м и н и й

Он Рим

Тряхнет—и затрещат у вас башки.

М е н е н и й

Так Геркулес сбивает зрелый плод.
Наделали вы славных дел.

Б р у т

Однако

Всё это правда ли?

К о м и н и й

О да. И раньше

Ты побледнеешь, чем найдешь иное.
Все области* с улыбкой восстают
И только издеваются над теми,
Которые, как храбрые невежды,
Сопротивляются и гибнут, словно
Упрямые глупцы. Хулить его
Кто может? Кое-что в нем признают
Его враги и ваши.

М е н е н и й

Если только

Не пощадит нас благородный муж,
Мы все погибнем здесь.

К о м и н и й

А кто пойдет

Просить пощады? От стыда трибуны

* Раньше завоеванные Римом.

Идти не могут, а народ достоин
Такой же точно жалости, как волк
От пастухов. Когда б его друзья
Ближайшие сказать ему решились:
«Будь к Риму добрым», этими мольбами
Они б себя сравнивали с остальными,
Кого по праву ненавидит он,
И стали бы его врагами.

М е н е н и й

Правда!

Когда бы подошел он с головнею,
Чтобы поджечь мой дом, я не посмел бы
Ему сказать: «Не надо! Пощади!»—

(Трибунам.)

Да, вы удачно правите делами
С мастеровыми вместе. И недурно
Вы дельце смастерили.

К о м и н и й

Да, нагнали

Вы дрожь на Рим такую, что бессильны
Все средства тут.

Т р и б у н ы

Напрасно говоришь,

Что мы нагнали.

М е н е н и й

Как! А разве мы?

Любили мы его, но, как скоты
И трусы знатные, мы уступили
Ватаге вашей, а она со свистом
Его изгнала.

К о м и н и й

Боюсь, они его обратно ревом
Сюда пригонят. Тулл Авфидий стал
Вторым по войску, словно воин младший,
Ему во всем покорный,—и для Рима
Опора, сила и подмога вся—
Одно отчаянье.

Входит толпа горожан.

М е н е н и й

А, вот и чернь!

Так и Авфидий с ним?—

(Толпе.)

На Рим заразу

Вы навлекли в тот час, когда кидали

Свои засаленные шапки вверх,

В тот час, когда приветствовали криком

Изгнание Кориолана. Вот,

Он сам идет к нам и несет с собою

Для вас бичей не меньше, чем волос

У воинов его на головах.

За шапки, что кидали вы когда-то,

Он столько же снесет голов безмозглых.

Что толковать? Да если всех нас в уголь

Он пережжет,—мы заслужили это!

Г о р о ж а н е

Ужасна эта весть.

1-й Г о р о ж а н и н

Что до меня,—

Сказав: «Изгнать», прибавил я: «А жалко».

2-й Г о р о ж а н и н

Да и я тоже.

3-й Г о р о ж а н и н

И я. Сказать по правде, так говорили очень многие из нас. Мы заботились об общем благе и хоть соглашались на изгнание, однако это было против нашей воли.

К о м и н и й

Да что и говорить: голосовать

Вы мастера!

М е н е н и й

Вы натворили дел

Своим галденъем!

(Коминию)

Что же? В Капитолий?

К о м и н и й

Куда же больше?

Уходят Коминий и Менений.

С и ц и н и й

Ну, по домам, друзья. Не унывайте:
Ведь это всё сторонники его;
Они довольны были бы, когда
Всё подтвердилось бы, чего они
Как будто испугались. По домам;
Да пободрей глядите.

1-й Г о р о ж а н и н

Да смилостивятся боги над нами! Идем домой, друзья.
Говорил я вам, что мы напрасно изгнали его!

2-й Г о р о ж а н и н

И мы все говорили то же самое. Ну, идем домой.

Уходят горожане.

Б р у т

Не по сердцу мне эта весть.

С и ц и н и й

И мне.

Б р у т

Идем же в Капитолий. Я бы отдал
Сейчас же половину состоянья,
Чтоб услышать, что это ложь.

С и ц и н и й

Идем.

Уходят.

СЦЕНА 7

Лагерь поблизости от Рима.

Входит Авфидий с одним из военачальников.

А в ф и д и й

Так к римлянину льнут?

В о е н а ч а л ь н и к

Он словно всех околдовал;
Его лишь имя всюду поминают:
Во время предобеденной молитвы,
И за едой, и встав из-за стола,

Взамен «спасибо» снова имя то же.
Да, полководец наш, в походе этом
Своими ты забыт.

А в ф и д и й

Бессилен я:

Начав борьбу, я погубить бы мог
Наш план. Он и со мной надменной стал
С тех пор, как я обнял его впервые;
Того ль я ждал? Но неизменен он—
Таков уж по природе. Должен я
Оправдывать, чего нельзя поправить.

В о е н а ч а л ь н и к

Мой господин, для собственного блага
Ты должен был с ним власти не делить,
А самому вести войска, иль вовсе
Ему начальство сдать.

А в ф и д и й

Тебя я понимаю хорошо,
Но будь уверен, что, когда дойдет
До общего расчета, он не знает,
В чем я сумею обвинить его.
Хотя он сам считает,—и толпа,
По-видимому, так же рассуждает,—
Что он походом славно руководит
И делу вольсков служит превосходно,
В бою дерется, как дракон, и всё
Решает взмахом своего меча,—
Он всё же нечто упустил, на чем
Себе сломает шею,—если только
Мне шею он не сломит,—в час расчета.

В о е н а ч а л ь н и к

Ты думаешь, он овладеет Римом?

А в ф и д и й

Все города сдаются до осады,
А в Риме знать на стороне его;
Патриции, сенат—ему друзья;
Не воины трибуны; а народ
С такой же легкостью вернет его,
С какой услал в изгнание. И Рим
Он схватит так же, как морской орел
Хватает рыбу, по природе властный¹⁵.
Он им слугою верным был вначале,

Но перенести свою не мог он славу.
То гордость ли была, что при удачах
Бессменных развращает человека;
Иль пылкость, не способная вести
Весь ряд удач к одной разумной цели;
Иль, может быть, сама его природа,
Упорная, несклонная к уступкам,
Из-за которой на скамьях совета
Он шлема не снимал и в мирном деле
Был грозен, словно вождь на поле брани,—
Из этого иль то, или другое
(Хоть в нем задатки есть всех этих свойств,
Я не скажу, чтоб все они сполна
Ему присущи были) в том повинно,
Что страх и ненависть к себе он вызвал
И изгнан был за то. Свои заслуги
Он уничтожил, говоря про них.
Зависит наша честь от мненья света,
И силе, хоть и стоящей похвал,
Могилой верной станет та трибуна,
Где превозносится она.
От одного огня другой спасает*;
Гвоздем мы выбиваем вбитый гвоздь;
Мы право через право умаляем,
А силу силой же и ослабляем.—
Идем.—О Кай, коль станет Рим твоим,
То сам, несчастный, будешь ты моим.

Уходят.

* Раны от ожогов лечили прижиганиями.

А К Т V

СЦЕНА I

Рим. Площадь.

Входят Менений, Коминий, Сициний, Брут и другие.

Менений

Нет, не пойду. Вы слышали, что Марций
Сказал тому, который был когда-то
Начальником его и свыше меры
Его любил. Меня он называл
Отцом, а прок какой? Идите вы,
Изгнавшие его, падите ниц
За милю пред палаткой и ползите
Так, на коленях, к милости его.
Когда Коминия не стал он слушать,
Я дома посижу.

Коминий

Не захотел он
Узнать меня.

Менений

(трибунам)

Вы слышите?

Коминий

А всё же

Разок назвал по имени меня.
Ему напомнил я про дружбу нашу,
Про то, как кровь мы вместе проливали,—
Сказал, что все прозванья отвергает,
Что он—никто, безвестный, безыменный,

Пока в огне пылающего Рима
Не выкует он имени себе.

М е н е н и й

Да, да, вы поработали на славу,
Трибуны! Уголь станет нынче дешев.
Вас долго будут в Риме вспоминать.

К о м и н и й

Я говорил о том, как благородно
Простить того, кто милости не ждет;
Ответил он, что Рим просить не должен
Того, кого он сам же покарал.

М е н е н и й

И дельно: что ж сказать он мог иное?

К о м и н и й

Я пробовал в нем жалость пробудить
К друзьям его ближайшим. Он ответил,
Что некогда ему их отбирать
В гнилой мякинной куче и что глупо
Оставить несожженной эту кучу
Зловонную, чтоб из нее спасти
Два или три несчастные зерна.

М е н е н и й

Два или три зерна! Одно—я сам,
Другие—мать, жена его, ребенок,
Да этот храбрый воин,—вот все зерна.
А вы—мякина сгнившая, и вонь
Луны превыше здесь от вас идет.
За вас сгорим мы!

С и ц и н и й

Не сердись же. Если
Не хочешь ты помочь нам в тяжкий час,
То нас бедой хотя бы не кори.
А всё же, если бы ты согласился
За родину просить Кориолана,
Язык твой бойкий больше бы помог нам,
Чем все дружины наши.

М е н е н и й

В это дело

Я не хочу мешаться.

С и ц и н и й

Молим мы:

Иди к нему!

М е н е н и й

Зачем? С какою целью?

Б р у т

Хоть испытай, что может дружба ваша
Для Рима сделать.

М е н е н и й

Чтобы потом вернуться, как Коминий,
Невыслушанным даже? Только это?
Чтоб к вам пришел я, тяжко оскорбленный
Его холодностью?

С и ц и н и й

И всё ж тогда

От Рима благодарность ты получишь,
Поскольку постарался для него.

М е н е н и й

Что ж, попытаюсь; полагаю я,
Меня он станет слушать. Хоть и горько
Подумать, как он губы закусил
И «гм» сказал Коминию при этом!
Должно быть, был не в духе, не обедал.
С пустыми жилами, с холодной кровью,
Мы хмуримся на утреннее солнце,
Не склонны ни дарить мы, ни прощать;
Но если мы заполним эти трубы,
Каналы крови, пищей и вином,
Тогда уступчивей и души наши,
Чем в час, когда постимся, как жрецы,—
Поэтому я лучше подожду,
Пока он пообедает, а после
Начну его просить.

Б р у т

Ты к доброте его дорогу знаешь
И не свернешь с нее.

М е н е н и й

Ну, будь, что будет!
Попробую! И скоро я узнаю,
Чем это кончится.

Уходит.

К о м и н и й

Не станет Марций
Его и слушать.

С и ц и н и й

Почему бы нет?

К о м и н и й

Я расскажу тебе: он там сидит,
Весь в золоте; глаза его пылают
Огнем, способным Рим испепелить;
Его обида—милости тюремщик.
Я преклонил колени. Он едва
Промолвил: «Встань» — и удалил меня
Вот так, движением руки безмолвным.
Затем мне письменно дал знать о том,
Что станет делать и чего не станет,
Поскольку клятвой он себя связал¹⁶.
Итак, надежды тщетны,
Коль мать его с женой нам не помогут:
Они хотят его молить, я слышал,
Быть милосердным к родине. Идем же.
Попросим ласково их поспешить.

Уходят.

СЦЕНА 2

Передовой пост лагеря вольсков перед Римом.

Часовые стоят на страже. К ним подходит М е н е н и й.

1-й Ч а с о в о й

Стой! Ты откуда?

2-й Ч а с о в о й

Стой! Ступай назад!

М е н е н и й

Вы честно стражу держите—хвалю вас.
Но я сановник и имею дело
К Кориолану.

1-й Ч а с о в о й

А откуда ты?

М е н е н и й

Из Рима я.

1-й Ч а с о в о й

Нельзя пройти. Назад!
Не хочет вождь иметь сношений с Римом.

2-й Ч а с о в о й

Увидишь раньше в пламени свой Рим,
Чем говорить с Кориоланом будешь.

М е н е н и й

Любезные друзья, когда ваш вождь
О Риме и друзьях своих при вас
Говаривал,—ручаюсь, что меня
Он поминал. Зовут меня Менений.

1-й Ч а с о в о й

И всё-таки—назад. Не пропускаем
И с именем почетным.

М е н е н и й

Слушай, малый;
Твой вождь меня особенно любил.
Я книгой был его деяний добрых,
В которой о его бессмертной славе,
Преувеличенной, быть может, мною,
Читали люди; ибо я всегда
Моих друзей (а он из них был первый)
В полнейшей мере признавал заслуги,
Насколько с истиной согласно это.
Порой случалось даже—словно шар,
Что пущен по обманчивой дорожке*,

* По дорожке, длина и покатость которой неясны пустившему шар.

Я слишком уносился вдаль, готовый
Крупницу лжи прибавить к похвалам,
Поэтому пусти меня, приятель.

1-й Ч а с о в о й

Уверю тебя, когда бы ты налгал в его похвалу столько же, сколько наговорил слов в свою пользу, то и тогда я не пропустил бы тебя. Нет, даже если бы ложь считалась такою же добродетелью, как и целомудрие. Поэтому—уйди назад.

М е н е н и й

Да пойми же, приятель, что меня зовут Менений и что я всегда был на стороне твоего вождя.

2-й Ч а с о в о й

Хоть ты и был, как сам уверяешь, его облыгателем, я, обязанный на службе его говорить правду, заявляю, что не пропущу тебя. Поэтому—уйди назад.

М е н е н и й

Можешь ты мне сказать, обедал он или нет? Потому что я не хотел бы толковать с ним, пока он не пообедал.

1-й Ч а с о в о й

Ведь ты римлянин?

М е н е н и й

Так же, как и твой вождь.

1-й Ч а с о в о й

Так ты должен ненавидеть Рим так же сильно, как и он. Неужели ты думаешь, что, выбросив за ворота своего лучшего защитника и отдав врагу, в угоду бессмысленной толпе, свой собственный щит, вы так легко избегнете мести нашего вождя с помощью воплей ваших старух, сложенных рук ваших дочерей или немощных просьб такого слабоумного старика, как ты? Неужели ты надеешься своим слабым дыханием задуть пламя, которое неминуемо охватит ваш город? Нет, вы ошиблись, а потому возвращайся в Рим и готовься к казни. Вы осуждены, и наш вождь поклялся, что никому не будет пощады.

М е н е н и й

Ах ты, бездельник! Если бы твой вождь знал, что я здесь, он отнесся бы ко мне с уважением.

1-й Ч а с о в о й

Полно болтать, он тебя и не знает вовсе.

М е н е н и й

Я говорю о вашем полководце.

1-й Ч а с о в о й

Моему полководцу нет дела до тебя. Уходи назад, говорят тебе, или я выпущу последние полпинты твоей крови. Назад! Кроме пинков, ты здесь ничего не получишь. Назад!

М е н е н и й

Послушай, послушай, приятель...

Входят К о р и о л а н и А в ф и д и й.

К о р и о л а н

Что тут случилось?

М е н е н и й

(1-му Часовому)

Ну, голубчик, теперь тебе попадет! Ты увидишь, как меня здесь уважают. Ты поймешь, что какому-то жалкому часовому не отогнать меня от сынка моего Кориолана. Послушай, как мы с ним будем разговаривать, и ты смекнешь, что не миновать тебе повешения или иной смерти, еще более для зрителей продолжительной, а для тебя мучительной. Ну, смотри теперь и падай в обморок от того, что тебе предстоит.—

(Кориолану.)

Великие боги ежечасно держат совет о твоём благоденствии и любят тебя не меньше, чем твой старый отец Менений. Сын мой, сын мой! Ты готовишь пожар для нас; но гляди, вот влага, которая зальет его. Меня с трудом уговорили пойти к тебе; но так как я был уверен, что никто, кроме меня, не может тебя тронуть, вздохи римлян выдули меня за ворота города, и вот, я заклинаю тебя—прости Рим и твоих умоляющих сограждан. Да смягчат благие боги твой гнев и направят подонки его на этого вот слугу, который, как пень, загородил мне дорогу к тебе.

К о р и о л а н

Прочь!

М е н е н и й

Как! Прочь?

К о р и о л а н

Жена, и мать, и сын—я их не знаю,
Дела мои—на службе у других.
Хоть мечь—моя, но право на пощаду
Я отдал вольскам. Память дружбы нашей
Меня не склонит к милости: скорее
Я дружбу ту забвеньем отравлю.
Иди же прочь! Мой слух для слов мольбы
Надежней замкнут, чем ворота Рима
От войск моих. Но так как прежде я
Любил тебя, возьми бумагу эту.
Ее я для тебя писал и думал
Послать тебе.

(Дает ему письмо.)

Затем, Менений, слов
Передо мной не трать.—Авфидий, в Риме
Его любил я; но теперь—ты видишь...

А в ф и д и й

Да, верен ты себе.

Уходят Кориолан и Авфидий.

1-й Ч а с о в о й

Ну, достойный муж, так твое имя—Менений?

2-й Ч а с о в о й

Видишь, какая в нем оказалась сила! Дорогу домой ты,
наверно, знаешь?

1-й Ч а с о в о й

Славно нас отчитали за то, что мы не пропустили ваших
великолепие?

2-й Ч а с о в о й

Отчего же это мне надо было упасть в обморок?

М е н е н и й

Мне нет дела ни до вашего вождя, ни до всего света. А
о такой дряни, как вы, я и думать не хочу: вы слишком нич

тожны. Кто сам готов наложить на себя руки, тот не боится убийц. Пусть ваш вождь творит свое злое дело. А вы оставайтесь тем, что вы есть, только пусть ваше убожество возрастает с годами! Скажу вам то, что вы мне говорили: «Прочь!»

Уходит.

1-й Ч а с о в о й

Нечего сказать, славный человек!

2-й Ч а с о в о й

Вождь наш—достойный человек: будто скала или дуб, с которым ветру не справиться.

Уходят.

СЦЕНА 3

Палатка Кориолана.

Входят Кориолан, Авфилий и другие.

Кориолан

Так завтра мы поставим наше войско
Под римскими стенами.—

(Авфилию.)

Мой товарищ,
Ты можешь сообщить вельможам вольсков.
Что честно я служил.

Авфилий

Лишь их веленья
Ты исполнял; был глух к молениям Рима;
Не выслушал ни разу частных просьб
Друзей, уверенных в тебе.

Кориолан

Старик,
Которого сейчас с разбитым сердцем
Прогнал я в Рим, боготворил меня,
Любил меня отцовскою любовью.
Для них была последняя надежда—
Его посольство. Ради старой дружбы
К нему,—хоть он и встречен был сурово,—
Я снова предложил им те условия,
Которые они уже отвергли,
Да и теперь принять едва ли могут.

Чтобы его утешить (он ведь думал,
Что большего достигнет), я прибавил
Ничтожные уступки. Но отныне
Посольств не буду больше принимать.
И просьб ни от друзей, ни от сената
Не стану слушать я.

(За сценой шум.)

Что там за шум?

Хотят склонить меня нарушить клятву .
В тот миг, когда я дал ее? О нет!

Входят в траурной одежде В и р г и л и я, В о л у м н и я,
ведущая маленького М а р ц и я, В а л е р и я и с в и т а.

Жена моя идет сюда; за нею
Та форма благородная, в которой
Сложилось это тело,

(указывая на себя)

и ведет

С собою внука кровного. Но прочь,
Любовь! Долой оковы и права
Природы! Добродетелью пускай
Мое упорство будет! Как прелестны
Ее осанка и голубки взор!
Отрекся б ради них и бог от клятвы!
Растроган я, не тверже я других.
Передо мной склонилась мать моя,—
Перед кротовиной Олимп согнулся;
И мальчик мой меня как будто молит:
«О, пощади!» Пусть вольски вспашут Рим
И взборонят Италию,—не буду
Я никогда птенцом бессильным, слабым,
Чтобы слепым влечениям подчиниться,
Но до конца таким останусь, словно
Сам человек лишь был творцом себя,
Родства не зная никакого.

В и р г и л и я

Муж мой

И повелитель!

К о р и о л а н

Я гляжу теперь

Уже не так, как в Риме.

В и р г и л и я

Это скорбь

Так изменила нас: вот почему
Ты не узнал нас.

К о р и о л а н

Как актер дрянной,
Забыл я роль свою, и ждет меня
Позор великий.—Плоть моя родная,
Прости мою жестокость! Но при этом
Не говори мне только: «Рим прости!»
(Целует *Виргилию*.)

Твой поцелуй мне сладостен, как месть,
И так же долог, как мое изгнание.
Клянусь ревнивою царицей неба*,
Что поцелуй твой я сберег, и губы
Его всегда хранили в чистоте.—
Но, боги, я болтаю, мать оставив,
Почтеннейшую в мире, без поклона!

(*Становится на колени.*)

Склонитесь в прах, мои колени, так,
Чтоб глубже след почтения я оставил,
Чем кто-либо когда из сыновей.

В о л у м н и я

О, встань, благословенный! Пред тобой
Не на подушку, а на жесткий камень
Я опущу колени, чтоб исполнить
Долг матери пред сыном, до сих пор
Превратно толковавшийся!

(*Становится на колени.*)

К о р и о л а н

Что вижу!

Ты преклонила предо мной колени,
Пред сыном, что наказан тяжко был?
Так пусть камня с берегов голодных
Ударят вверх по звездам; ветер буйный
Захлещет пусть ветвями гордых кедров
По пламенному солнцу. Что же трудно,
Раз стало всё возможным?

* Юноной, ревнивой супругой Юпитера.

В о л у м н и я

Ты—мой воин:

Я создала тебя.—Ты узнаешь ли
Ее?

(Указывает на Валерию.)

К о р и о л а н

Достойная сестра
Публиколы, о римская луна!
Строга, как льдинка, что мороз сковал
Из снега непорочного, повесив
На храм Дианы... Милая Валерия!

В о л у м н и я

(подводя к Кориолану сына).

А вот ты сам, хотя и в малом виде;
Но срок придет—и станет он подобен
Тебе, каков теперь ты, целиком.

К о р и о л а н

Пусть бог войны, с Юпитером в согласье,
Тебя великодушьем одарит,
Чтоб для позора стал неуязвимым
И маяком великим на войне
Ты возвышался стойко в каждой буре,
Спасая тех, кто на тебя взирает.

В о л у м н и я

(мальчику)

Ну, на колени!

К о р и о л а н

Славный мальчик мой!

В о л у м н и я

С ним наравне жена твоя, затем
Валерия и я сама, мы все—
Ходатаи перед тобой.

К о р и о л а н

Молчи!

Иль перед просьбой вспомни об одном:
Не уступлю того, в чем я поклялся.
Ты мне не предлагай, чтоб распустил
Я воинов своих иль соглашенье

С мастеровыми Рима заключил.
Не говори, что я бесчеловечен.
И голосом холодного рассудка
Моей вражды и гнева не пытайся
Обуздывать.

В о л у м н и я

Довольно, о, довольно!
Сказал ты, что ни в чем нам не уступишь!
А мы просить хотели лишь о том,
В чем ты уж отказал. Но всё ж попросим,
Чтоб, в случае отказа твоего,
Пятном тяжелым на тебя легла
Твоя жестокость; выслушай меня.

К о р и о л а н

Авфиций, вольски, подойдите ближе,
Чтоб мне наедине без вас не слушать
От Рима ничего.—В чем ваша просьба?

В о л у м н и я

И без речей—по виду и по платью
Ты можешь угадать, как жили мы
С тех пор, как ты от нас ушел в изгнание.
Подумай сам, встречал ли ты когда
На свете женщин более несчастных,
Чем мы, пришедшие сюда к тебе!
Твой взгляд, который вызвать должен был
У нас у всех потоки слез счастливых,
Сердца заставить радостно забиться,—
В нас вызывает ужас и печаль.
Супруга, сын и мать—должны мы видеть,
Как ты—супруг, отец и сын—терзаешь
Отчизны сердце. И для нас, несчастных,
Твоя вражда особенно горька:
Ты отстранил нас от молитв—отрады,
Что всем доступна, лишь не нам, увы!
Возможно ли молиться за отчизну,
Как долг велит, и за твою победу,
Как долг велит? Иль мы утратим
Кормилицу бесценную—отчизну,
Или тебя—в отчизне утешенье.
Кому бы мы победы ни желали,
Нам всё равно беды не миновать;
Иль как злодей, нам чуждый, в кандалах

По улицам ты будешь проведен,
Иль гордо по развалинам пройдешь
Своей отчизны и венок получишь,
Пролив отважно кровь жены и сына.
Что до меня, мой сын, я не хочу
Прислуживать судьбе и дожидаться,
Чем кончится война. Коль я не в силах
Склонить тебя к тому, чтоб ты явил
К обеим сторонам великодушие,
А не искал бы гибели одной,—
Поверь мне, прежде чем идти на Рим,
Ты должен будешь наступить ногой
На чрево матери, тебя родившей.

В и р г и л и я

И на мое, что жизнь дало младенцу,
Который имя сохранит твое.

М а л ь ч и к

Он на меня не ступит—убегу я;
А вырасту—я сам сражаться буду.

К о р и о л а н

Тот, кто не хочет женщиною стать,
Не должен на детей глядеть и женщин.
Я засиделся с вами.

(Встает.)

В о л у м н и я

Нет, не можешь
Ты так уйти от нас. Когда бы мы
Тебя молили римлян пощадить
На гибель тем, кому теперь ты служишь,
Ты был бы вправе нас корить за то,
Что честь твою мы губим. Только мир
Тебя мы просим водворить, чтоб вольски
Могли сказать: «Мы милость проявили»,
А римляне: «Мы приняли ее».
Привет всеобщий с двух сторон получишь
От каждого: «За заключение мира
Ты будь благословен!» Мой сын великий,
Ты знаешь, что исход военных дел
Сомнителен, но верно то, что ты,
Когда раздавишь Рим, одно пожнешь,

Одну лишь выгоду—получишь имя,
Которое с проклятьем по пятам
Пойдет вослед и будет повторяться;
И впишут в летопись: «Он был велик,
Но тем свою он славу уничтожил,
Что родину сгубил, покрыв позором
Себя в веках». Промолви слово, сын!
Ведь ты всегда стремился честным быть,
По милости—богам уподобляться;
Ты громом рвал широкой тверди щеки,
Но молнией одни дубы громил.
Что ж ты молчишь? Иль честно мужу славы
Обиды помнить?—Дочь, на слезы он
Не смотрит. Говори же с ним.—Малютка,
Проси его. Быть может, детский лепет
Подействует сильнее наших слов.—
Нет в мире человека, кто бы был
Так матери обязан; и однако,
Он допускает то, что я пред ним
Здесь попусту болтаю, как колодник.
Ты к матери всегда неласков был;
А для неё, наседки одинокой,
В тебе вся жизнь была. Она тебя,
Кудахтая, взрастила для войны
И радостно встречала из походов,
Где славу добывал ты. Что ж, гони
Меня домой, в моленьях отказав мне.
Но если справедливы те мольбы,
То чести нет в тебе—и гнев богов
За матери права тебе оплатит.—
Он отвернулся—припадем же все
К его ногам и пристыдим его!

(Все падают к ногам Кориолана.)

Кориоланом прозван он, но гордость,
Не жалость, с этим именем сроднилась.
В последний раз падемте на колени.
Откажет он,—уйдемте и умрем
Среди соседей, дома.—Погляди
Хоть на малютку ты: он сам не знает.
О чем просить, но на коленях с нами
К тебе простер ручонки; этот довод
Сильней намного доводов твоих,
Которые имеешь для отказа.—
Идемте; этот человек родился

От вольской матери; его жена,
Должно быть, в Кориолах, и случайно
Наш мальчик на него похож лицом.—
Что ж ты не гонишь нас? Молчать я буду,
Покуда Рим в огне не запылает.
Тогда—поговорим.

К о р и о л а н

О мать, о мать!
Что сделала со мной! Разверзлось небо!
Смотри, глядят со смехом боги сверху
На эту небывалую картину.
О мать моя, о мать! Для Рима ты
Счастливую победу одержала;
Но сына ты—поверь мне, о, поверь!—
К опасности великой привела,
Быть может, даже для него смертельной.
Но будь, что будет.—Если не могу,
Авфидий, я вести войну, как надо,
То мир почетный заключу. Скажи
Мне сам, Авфидий добрый, если б ты
На этом месте был, ужель тогда
Ты к матери остался б равнодушным
Иль уступил ей меньше б ты, Авфидий?

А в ф и д и й

Я тоже тронут был.

К о р и о л а н

О да, дерзнул бы
Я клятвой поручиться за тебя.
Ведь и моим глазам покрыться влагой
Не так легко от сострадания, друг.
Однако, добрый друг, ты посоветуй:
Какие им условия предложить?
Что до меня, то в Рим я не вернусь:
Уйду я с вами; и прошу тебя
Теперь помочь мне.—Мать! Жена моя!

А в ф и д и й

(в сторону)

Доволен я, что ты в себе поссорил
И честь и милосердие свое.
Воспользуюсь всем этим и верну
Себе удачу прежнюю.

Женщины хотят прощаться с Кориоланом.

К о р и о л а н

Постойте!

Сначала вместе выпьем мы вина:
Свидетельство мы этим обоюдно
Скрепим, которое надежней слов.
Его вы в Рим снесете. Что ж, идемте.
О женщины, за этот подвиг вам
Должны бы храм воздвигнуть. Все мечи
Италии и государств союзных
Не привели бы нас к такому миру.

Уходят.

СЦЕНА 4

Рим. Площадь.

Входят Менений и Сициний.

М е н е н и й

Видишь ли ты этот выступ на Капитолии, угловой камень?

С и ц и н и й

Ну, что же дальше?

М е н е н и й

Если ты сдвинешь его с места мизинцем, значит, есть надежда на то, что римлянки, особенно его мать, уговорят Кориолана. Нечего надеяться, говорю тебе: наши шеи приговорены и ждут повешения.

С и ц и н и й

Возможно ли, чтобы человек в такое короткое время мог до такой степени перемениться?

М е н е н и й

Есть разница между червяком и бабочкой; а все же бабочка была червяком. Этот Марций стал драконом из человека; у него выросли крылья, и ползать он уж больше не станет.

С и ц и н и й

Он горячо любит свою мать.

М е н е н и й

И меня тоже; а теперь не больше думает о своей матери, чем восьмигодовалый конь. От его упрямого вида спелый виноград закиснет. Он ходит, как башня, и земля дрожит от его походки. Своим взглядом он способен пробить панцирь; голос его похож на колокол, и каждый звук его подобен пушечному выстрелу. Он сидит в кресле под балдахинном, словно статуя Александра¹⁷. Не успеет он приказать что-нибудь, как уж это исполнено. Он отличается от какого-нибудь бога только тем, что не обладает вечностью и троном на небе.

С и ц и н и й

Да еще не способен к милости, если ты описал его верно.

М е н е н и й

Я изобразил его в точности. Вот увидишь, какую милость принесет мать от него. Милости в нем не больше, чем молока у тигра-самца. Наш несчастный город еще почувствует это. И всё это произошло из-за вас!

С и ц и н и й

Да смилостивятся боги над нами!

М е н е н и й

Нет, на этот раз боги над нами не смилостивятся. Когда мы изгоняли его, мы не заботились о богах, и теперь, когда он придет свернуть всем нам шею, боги о нас не позаботятся.

Входит Г о н е ц.

Г о н е ц
(Сицинию)

Почтенный, если хочешь жизнь спасти,
Беги в свой дом; товарищ твой уж схвачен
Плебеями, которые его
По улицам волочат и клянутся,—
Когда и римлянки отрадной вестью
Нас не утешат,—разорвать его.

Входит 2-й Г о н е ц.

С и ц и н и й

Какие вести?

2-й Г о н е ц

Вести всем на радость—
Что римлянки победу одержали:
Ушли враги и Марций вместе с ними.
Рим не видал дня радостнее, даже
В ту пору, как Тарквиний изгнан был.

С и ц и н и й

Мой друг, то правда ли? Ты верно знаешь?

2-й Г о н е ц

Так верно, как я знаю солнца свет!
Да где же ты скрывался, что с сомнением
Встречаешь вести? Не спешил еще
Так никогда прилив, гонимый ветром,
Под арками мостов, как за ворота
Бежит утешенный народ. Послушай!..

За сценой звучат трубы и гобой, бьют в барабаны, раздаются
радостные клики.

Литавры, трубы, флейты, барабаны,
Кимвалы, ликованье римлян—всё
Плясать заставит солнце. Слушай, слушай!
Снова крики.

М е н е н и й

Благая весть! Иду навстречу женам.
Одна Волумния дорожке стоит
Патрициев и консулов, а также
Сенаторов и города всего,
Ну, и трибунов, вот таких, как вы,
Которых и на суше и на море
Без счета. Вы, должно быть, помолились
Сегодня хорошо. Не дал бы грóша
За десять тысяч глоток ваших утром!
Чу! Слышите, как веселятся там?

Крики и музыка.

С и ц и н и й

Сперва пусть боги за твои известья
Тебя благословят. Затем прими
И от меня ты благодарность.

2-й Г о н е ц

**Что ж,
Благодарить имеются у всех
У нас причины.**

С и ц и н и й
**Далеко ль они
От города?**

2-й Г о н е ц
Почти что у заставы.

С и ц и н и й
**Идем встречать, чтоб заодно со всеми
Поликовать.**

Уходят.

СЦЕНА 5

Там же. Улица близ городских ворот.

**Входят Волумния, Виргилия, Валерия и другие
в сопровождении двух сенаторов, патрициев и народа;
они проходят через сцену.**

1-й С е н а т о р
**Вот покровительница наша, в ней
Вся Рима жизнь! Сзывайте трибы ваши!
В знак радости огни зажгите всюду!
Богов благодарите! Путь цветами
Усыпьте женам! Заглушите крик,
Которым раньше Марция изгнали,
Приветом дружным матери его!
Кричите все: «Привет вам, жены Рима!»**

В с е
Привет вам, жены Рима!

Трубы и барабаны.

Уходят.

СЦЕНА 6

Кориолы. Площадь.

Входит Тулл Авфидий со свитой.

А в ф и д и й

Сказать в сенате, что вернулся я.
Пусть там теперь прочтут бумагу эту
И все немедленно идут на площадь,
Где я пред ними и пред всем народом
Удостоверю то, что написал я.
Уж обвиненный в город наш вступил
И хочет появиться пред народом
В надежде оправдать себя словами.
Спешите же.

Уходит свита.

Входят три или четыре заговорщика партии Авфидия.

Привет вам!

1-й Заговорщик

Полководец!

Что, как твои дела?

А в ф и д и й

Как у того,

Кто подаянием своим отравлен
И гибнет от своей же доброты.

2-й Заговорщик

Достойный вождь, коль ты не изменил
Своих решений прежних, для которых
Ты нас призвал, мы от такой беды
Тебя избавим.

А в ф и д и й

Я—в сомненье; надо

Тут действовать с народом заодно.

3-й Заговорщик

Но раз возможен выбор между вами,
Народ всё время будет колебаться,

Покуда не падет один из двух,
Оставивши другому всё наследство.

А в ф и д и й

Всё знаю я—и наступило время
Нанести удар. Возвысил я его,
Я за него моей ручался честью;
А он, окрепши вдруг, стал поливать
Все всходы новые рососою лести
И ею подкупать моих друзей.
Он ради этой цели обуздал
Свою природу,—он, когда-то бывший
Суровым, непреклонным и открытым.

3-й Заговорщик

А прежде, из упорства,
Он не хотел смиряться—и утратил
Сан консула.

А в ф и д и й

Про то и говорю я.

Его изгнали—он пришел в мой дом,
Подставив горло моему ножу;
Я взял его в товарищи по власти;
Я уступил всем замыслам его;
Нет, больше: чтобы мог он их исполнить,
Ему позволил выбрать из рядов
Всех лучших, сильных воинов моих,
И сам служил намереньям его,
И пожинать пошел с ним вместе славу,—
А он присвоил всю ее себе.
Отчасти я гордился даже тем,
Что о самом себе позабывал,
Пока не стало ясно, что слуга,
А не товарищ я ему, что платит
Он милостивым взглядом мне, как будто
Простой наемник я.

1-й Заговорщик

Всё это правда.

В войсках дивились этому; тогда,
Когда он к Риму подступал, а мы
Не только славы, но добычи ждали...

А в ф и д и й

Вот в том-то всё и дело; тут-то я
Со всею силой на него обрушусь.
За капли женских слез, как ложь дешевых,
Он продал кровь и труд великих битв,
Поэтому он должен умереть,
И через его паденье—я восстану.
Послушайте!

За сценой звуки барабанов, труб и радостные клики народа.

1-й Заговорщик

Ты сам в родной свой город
Как будто бы гонцом вошел и дома
Приветствий не имел; его же крики
Встречают, громом потрясая воздух.

2-й Заговорщик

И дураки прилежные, чьи дети
Убиты прежде были им, теперь
Его, надсаживая глотки, славят.

3-й Заговорщик

Коль хочешь ты своей добиться цели,—
Пока он речью не успел привлечь
Народ на сторону свою, ты дай
Почувствовать ему свой меч, а мы
Тебя поддержим. А когда он будет
Повержен, ты представишь объясненья,
Его же оправданья вместе с телом
Уложим в гроб.

А в ф и д и й

Ни слова больше. Вот
Идут сановники.

Входят сановники города.

Сановники

Привет тебе!

А в ф и д и й

Не стою я приветов.
Прочли ли вы, достойные отцы,
Что написал я?

С а н о в н и к

Да.

1-й С а н о в н и к

С большою скорбью
Все прежние проступки без труда
Мы извиняем в нем; но кончить так,
Едва начав, пожертвовать напрасно
Издержками, народом и трудами,
За наш же счет вознаградить потери,
Мир даровать поверженным врагам,—
Тут оправданий нет!

А в ф и д и й

Вот он и сам. Послушайте его.

Входит К о р и о л а н с барабанами и знаменами, толпа
г о р о ж а н следует за ним.

К о р и о л а н

Привет, отцы! Вот воин к вам вернулся;
И к родине он заражен любовью
Не более, чем был перед походом;
Как прежде, я покорен вашей воле.
Да будет вам известно, что удачно
Я вел поход; дорогою кровавой
К самим воротам Рима я привел
Войска. Добыча наша превышает
На третью часть издержки всей войны.
Мир заключен, для анциатов славный,
Для римлян же постыдный. Вот, вручаем
Вам договор; на нем печать сената;
Патриции и консулы скрепили
Его своею подписью.

А в ф и д и й

Не стоит

Читать, отцы. Изменнику скажите,
Что властью вашей злоупотребил
Чрезмерно он.

К о р и о л а н

Изменник—я!

А в ф и д и й

Да, ты изменник, Марций.

К о р и о л а н

Я—Марций!

А в ф и д и й

Марций, да, Кай Марций, да
Ужель, ты думаешь, тебя украшу
Прозваньем, что украл ты в Кориолах?—
Отцы, главы правленья, ваше дело .
Он предал вероломно; сдал жене
И матери своей ваш город Рим—
Да, он был ваш!—за несколько слезинок;
Военного совета не созвав,
Он разорвал и клятву и решимость,
Как рвут гнилую нитку; он проплакал
Победы ваши; мог он только хныкать
При виде слез кормилицы своей,
Дивя мужей и в стыд юнцов вгоняя.

К о р и о л а н

Ты слышишь, Марс?

А в ф и д и й

Тебе ль к нему звать,
Заплаканный мальчишка!

К о р и о л а н

Что?

А в ф и д и й

Мальчишка!

К о р и о л а н

О беспримерный лжец! Разгневал ты
Мне сердце, переполнив свыше меры!
«Мальчишка»! Ах ты, раб!—Отцы, простите;
Я в первый раз, достойные отцы,
Так вынужден ругаться. Обличите
Своим судом во лжи собаку эту.
Пусть этот лжец, что след моих ударов
На теле до могилы не износит,—
Пусть он во всем сознается и ложью
Своей подавится.

1-й С а н о ў н и к

Молчите оба

И слушайте меня!

К о р и о л а н

В куски меня

Рубите, вольски! Юноши и мужи,

В моей крови мечи свои омойте!—
«Мальчишка»!— Ах ты, лживая собака!
Когда правдивы летописи ваши,
То там найдете вы, что это я,
Я, как орел, влетевший в голубятню,
Загнал дружины ваши в Кориолы.
«Мальчишка»!

А в ф и д и й

Благородные отцы,
И вам в глаза хвастун безбожный этот
Осмелится твердить без наказания
О всех случайных ваших неудачах,
Позоря вас?

З а г о в о р щ и к и
За это смерть ему!

Г о р о ж а н е

Разорвать его в куски!—Убить сейчас же!—Он убил моего сына!—Мою дочь!—Моего брата Марка!—Моего отца!

2-й С а н о в н и к

Молчать, вы все! Молчать, без оскорблений!
Он—славен, и по всей земле о нем
Молва идет. Обсудим здраво мы
Его последнюю обиду нам.—
Остановись, Авфидий, и порядка
Не нарушай.

К о р и о л а н

О, как желал бы я,
Чтоб он и шесть Авфидиев, иль больше,
И племя всё его ко мне явилось
Попробовать вот этой честной стали!

А в ф и д и й

Ты — наглый негодяй!

З а г о в о р щ и к и

Убить, убить,
Убить, убить, убить его!

Заговорщики, обнажив мечи, бросаются на Кориолана
и убивают его. Авфидий наступает ногой на его труп.

С а н о в н и к и

Стой, стой!

А в ф и д и й

Достойные властители мои,
Прошу я слова.

1-й С а н о в н и к

Тулл, о Тулл!..

2-й С а н о в н и к

Заплачут

Все храбрые от твоего поступка.

3-й С а н о в н и к

Не попирай его ногою. — Тише! —
Мечи в ножны вложите.

А в ф и д и й

Отцы почтенные, когда вы все
Узнаете (а вам ведь неизвестно,
Чем этот гнев он возбудил во мне)
О той опасности великой вам,
Которую таила жизнь его,
Порадуетесь вы, что он нашел
Такой конец. Почтенные, прошу —
В сенат меня зовите; там отвечу
Я, как слуга вам верный, иль от вас
Безропотно приму я злую кару.

1-й С а н о в н и к

Несите тело; плачьте все по нем;
Пусть видят самый благородный труп,
Какого никогда еще глашатай
Не провожал до урны.

2-й С а н о в н и к

Был строптив

Кай Марций, и чрез это часть вины
С Авфиция снимается. Быть может,
Всё это к лучшему произошло.

А в ф и д и й

Прошел мой гнев, и скорбью потрясен я. —
Берите труп, вы, трое из вождей
Достойнейших; сам буду я четвертым. —

Пусть барабан гремит печальным звуком;
Стальные копья пусть пред ним склонятся.
Хоть вдовами наш город он наполнил
И потеряли многие детей,
Хоть слезы их доныне не обсохли,
Мы память славную должны почтить. —
Берите тело!

Уходят с телом Кориолана.

Похоронный марш.

ПРИМЕЧАНИЯ

**Примечания к пьесам составлены на основе
комментариев А. Смирнова.**

«РИЧАРД III»

¹ *Здесь нынче солнце Йорка...*—После битвы при Таутоне, доставившей Йоркам престол, Эдуард IV велел изобразить на своем гербе солнце.

² *...чтоб в Тауэре вас заново крестили?*—Зловещий намек на дальнейшие события, изображенные в трагедии: подсланные Глостером убийцы бросят тело Кларенса в бочку (заменяющую «купель»), только наполненную не водой, в которой крестят младенцев, а вином.

³ *Энтони Вудвил*—имя графа Риверса, брата королевы.

⁴ *Чартси* — маленький монастырь под Лондоном, куда тело Генриха VI было перенесено после отпевания в соборе св. Павла.

⁵ *Какой колдун врага сюда призвал...*—«Враг рода человеческого» (или просто «враг») — дьявол.

⁶ *Они меня разят живою смертью.* — Глостер хочет сказать: моя жизнь подобна смерти.

⁷ *Кросби*—название дома, принадлежавшего Глостеру.

⁸ *Уайт-Фрайерс* (буквально — белые монахи)—монастырь кармелитов в Лондоне.

⁹ *Хоть вам она жена, милейший лорд...*—Маргарита Бофорт, в первом браке графиня Ричмонд, мать будущего короля Генриха VII, происходила из Ланкастерского дома и, следовательно, была врагом дома Йорков.

¹⁰ *Несчастный Кларенс Уорика оставил...*—Уорик, тесть Кларенса, был сначала приверженцем Йорков, но затем изменил им и перешел на сторону Ланкастеров. Через некоторое время после того Кларенс отошел от Уорика.

¹¹ *Горбун ты, недоношенный свиньей!*—На гербе Глостера был изображен дикий кабан.

¹² *Тень—ангела со светлыми кудрями.*—Тень Эдуарда, принца Уэльского, сына Генриха VI.

¹³ *Ледло*—название дворца принца Уэльского.

¹⁴ ...который может возбудить толпа.—Большая вооруженная свита могла бы вызвать впечатление, что мир нарушен.

¹⁵ *Нортемптон и Стони-Стретфорд*—города, расположенные на дороге из Честера в Лондон.

¹⁶ *Я передам вам вверенную мне печать.*—Так называемая «большая королевская печать», хранившаяся лорд-канцлером, каковым в это время был архиепископ Йоркский.

¹⁷ ...в вашем доме.—В торжественных случаях Лондон именовался «королевским чертогом (или домом)».

¹⁸ *Любезный принц, он зданье заложил.*—Предание о том, что постройку Тауэра начал Юлий Цезарь, лишено всякого исторического основания.

¹⁹ *Кривда*, или Порок,—традиционный персонаж средневекового театра.

²⁰ *Был вскормлен ум всей доблестью его, а доблести умом запечатлел он.*—Принц Уэльский хочет сказать: доблесть Юлия Цезаря способствовала развитию его ума, а благодаря этому уму он смог закрепить в памяти потомства свою доблесть. Имеются в виду «Записки о галльской войне», где Юлий Цезарь излагает историю завоевания им Галлии. Книга эта считается образцом классической латинской поэзии.

²¹ *Пусть поцелует миссис Шор послаще.*—Сразу после смерти Эдуарда IV его любовница Джен Шор стала любовницей Хестингса.

²² ...как будто вепрь сорвал шлем с головы его.—Намек на вепря (или кабана), изображенного на гербе Глостера.

²³ ...о награде золотой.—О короне.

²⁴ *Бейнардский замок*—дом в Лондоне, принадлежавший Йоркам.

²⁵ *Шоу и Пенкер*—два августинских монаха, известные проповедники.

²⁶ *Ну, да. Сказал о договоре брачном.*—До своего брака с Елизаветой Грей Эдуард был в связи с леди Люси и, по ее словам, обещал на ней жениться. Велись также переговоры о его браке с французской принцессой.

²⁷ *Просительница жалкая.*—Елизавета Грей.

²⁸ *Я сыну напишу...*—Ричмонду, который приходился Стенли пасынком.

²⁹ *...и назвал Руджмонтом.*—Ричард испугался созвучия имен—Руджмонт и Ричмонд; второе из них—имя его врага Ричмонда и в то же время название графства, обещанного Ричардом Бекингему.

³⁰ *Брекнок*—город в Южном Уэльсе, где находился родовой замок Бекингемов.

³¹ *Или.*—Мортон, епископ Илийский.

³² *Иль выпал меч из рук?*—Меч—в смысле «власть».

³³ *В бой Серри...*—Здесь Серри—имя коня Ричарда.

³⁴ *Дикон*—уменьшительная форма имени Ричард (Дик).

³⁵ *...Полная земля*—перенаселенный край (Бретань).

«ЮЛИЙ ЦЕЗАРЬ»

¹ *Юлий Цезарь* (100—44 гг. до н. э.) был убит 15 марта 44 г. Душой заговора был Кассий, но руководящая роль в нем была предоставлена Марку Юнию Бруту (79—42 гг. до н. э.), отчасти из уважения к памяти его предка Люция Юния Брута, свергнувшего с престола царя Тарквиния Гордого (509 г. до н. э.), после чего в Риме установился республиканский строй. После того как Марку Антонию удалось своей демагогической речью восстановить римский народ против заговорщиков, Брут удалился в Грецию, а затем последовал в Малую Азию, где соединился с Кассием. Совместно с Кассием Брут получил от римского сената верховную власть над всеми провинциями Востока. Вскоре, однако, в Риме восторжествовал второй триумвират в составе Октавия, внучатого племянника и наследника Юлия Цезаря (род. в 63 г. до н. э.), Марка Антония (род. в 82 г. до н. э.) и Лепида.

Первые двое выступили против республиканцев с сильным войском. При Филиппах, в Македонии, был сначала разбит Кассий, покончивший с собой после поражения, затем через двадцать дней вынужден был принять бой в той же самой местности Брут, после поражения также умертвивший себя.

Молодой Катон был сыном Катона Младшего, или Утического, и правнуком Катона Старшего Цензора. Порция, жена Брута, была его сестрой.

² *Сарды*—столица Лидии в Малой Азии.

³ *Праздник Луперкалий*—праздник в честь оплодотворяющего божества, фавна Луперка, справлявшийся 15 февраля. Во время этого празднества происходил «священный бег» знатных юношей, стегавших ремнем на бегу всех встречных (женщин эти удары будто бы делали плодовитыми). Такой бег Антония упоминается в следующей сцене.

⁴ *Остерегись ид мартовских*.—Мартовские иды соответствуют нашему 15 марта.

⁵ ...и на обеих я взгляну спокойно.—Некоторые издатели считают, что слово «обеих» (both) поставлено ошибочно вместо слова «смерть» (death), тогда бы эту строку надо было читать: «И равнодушно я взгляну на смерть».

⁶ Как славный предок наш Эней из Трои Анхиза вынес на своих плечах...—Во второй песне «Энеиды» Вергилия рассказывается, что Эней на плечах вынес своего отца Анхиза из пылающей Трои. Далее в той же поэме описывается основание троянскими беглецами римской державы.

⁷ ...возвысясь, как Колосс.—Намек на Колосса Родосского—огромную статую Аполлона, стоявшую двумя ногами на двух берегах входа в Родосский порт, так что корабли проходили между ног ее.

⁸ В какой же век с великого потоп...—Это отнюдь не анахронизм Шекспира, так как у древних было свое сказание о потопе, в котором роль Ноя и его жены играли Девкалион и Пирра.

⁹ ...что Брут—не ты, а славный предок твой...—Имеется в виду Брут Старший, свергнувший тиранию царя Тарквиния и учредивший в Риме республику (VI в. до н. э.).

¹⁰ Когда б я Брутом был, а он был Кассий, ему б я не поддался.—Неясное место в подлиннике. «Ему» можно отнести и к Цезарю, и к Бруту.

¹¹ ...у входа брат твой Кассий...—Кассий был женат на Юнии, сестре Брута.

¹² Эреб—в античной мифологии подземное царство мрака.

¹³ ...что ловят деревом единорога...—Ловлю легендарного зверя единорога надо себе представлять так: охотник, разъярив единорога, прятался за деревом, и тогда зверь вонзал свой рог в дерево с такой силой, что потом уже не мог его вытащить. Все эти сведения о способах охоты на разных животных Шекспир мог почерпнуть из Плиния (о слоне), частью из средневековых легенд (о единороге), частью из рассказов путешественников.

¹⁴ ...лишь на окраине твоих утех я жить должна?—Обитатели окраин были менее полноправными, чем жители города.

¹⁵ И ты, о Брут! («Et tu, Brute!»)—Откуда Шекспир взял это латинское восклицание, неизвестно. У Плутарха оно не приводится. Но современники Шекспира, несомненно, знали предание о таких словах Цезаря. Например, в анонимной «Правдивой трагедии о Ричарде III» (изд. в 1594 г.) король Эдуард говорит Кларенсу: «Et tu, Brute, ты тоже хочешь поразить Цезаря?» Некоторые критики думают, что слова эти содержались в латинской пьесе «Убиение Цезаря» и дошли из нее до Шекспира понаслышке.

¹⁶ ...омоем руки Цезаревой кровью...—Омовение рук в крови—древний обряд, выполнявшийся в тех случаях, когда убийство носило «священный» характер. Плутарх, не упоминая о таком омовении, сообщает только, что заговорщики появились перед народом с окровавленными руками.

¹⁷ Как олень затравлен...—В подлиннике—игра созвучием слов hart—«олень» и heart—«сердце». Благодаря этому стих может получить смысл: «Цезарь был сердцем мира».

¹⁸ Воздвигнем статую ему, как предкам.—В Капитолии стояла статуя Люция Юния Брута.

¹⁹ Рим. Комната в доме Антония.—Одно из немногих отступлений Шекспира от Плутарха: в его рассказе беседа триумвиров происходит не в Риме, а на одном островке (на Тибре) близ Рима.

²⁰ ...жить не будет и Публий, сын твоей сестры...—Ошибка Шекспира: у Плутарха Лепид называет дядю Антония, Люция Цезаря.

²¹ Плутон—бог богатства.

²² Рифмует циник очень плоско.—Здесь имеется в виду философская школа «циников», проповедовавших первобытную простоту человеческих отношений.

²³ Ты философию свою забыл...—Брут—приверженец стоицизма, который учит быть выше невзгод; Кассий—эпикурец.

²⁴ Гибла—город в Сицилии, славившийся особенно сладким медом.

²⁵ ...иль новый Цезарь...—Октавий имеет в виду самого себя.

²⁶ ...я сторонник Эпикура, но мнение свое переменил и склонен верить в предзнаменования.—Эпикур отрицал всякое вмешательство богов в человеческую жизнь, объясняя все ее явления естественными причинами.

²⁷ Ты, Пиндар, поднимись на холм повыше...—На шекспировской сцене Пиндар поднимался на «верхнюю сцену» (балкон), изображавшую в данном случае холм, и, следовательно, оставался все время видимым для зрителей.

²⁸ Фазос—остров в северной части Эгейского моря.

²⁹ Статилий поднял факел...—Смысл «факела» выясняется только с помощью описания этого эпизода у Плутарха. Статилий должен был, пробившись сквозь ряды неприятелей в свой лагерь, в случае, если там все благополучно, поднять в качестве сигнала зажженный факел.

«МАКБЕТ»

¹ *Макбет*—шотландский король (царствовал 1040—1057).

² *Геката*—одно из мрачных божеств древнегреческой мифологии. Ее иногда изображали с тремя головами: лошадиной, песьей и львиной. В средневековых преданиях Геката превратилась в царицу ведьм.

³ *Три ведьмы*.—Во времена Шекспира по всей Англии пылали костры, на которых сжигали женщин, обвиненных в колдовстве. Книги, в которых существование ведьм отрицалось или подвергалось сомнению, изымались и публично сжигались на кострах. Однако Холинshed, английский историк XVI в., у которого Шекспир заимствовал общие контуры сюжета своей трагедии, полагал, что Макбету явились не «обычные» ведьмы. «То были,—пишет Холинshed,—три вещие сестры, то есть богини судьбы, или иные волшебные существа». В тексте шекспировской трагедии о ведьмах также говорится как о вещих сестрах. В древнескандинавских верованиях «вещими сестрами» назывались властвовавшие над судьбами людей три норны, соответствовавшие трем паркам древнегреческой мифологии.

Шотландские имена персонажей даны в форме, отступающей от их английского произношения и приближающей к их подлинному звучанию в устах шотландцев. Те из них, которые состоят из двух элементов, имеют ударение на втором из них, например: Макбёт (Мак-Бет, то есть «сын Бета»), Макдúф (Мак-Дуф), Малькóльм (Маль-Кольм) и т. д.

⁴ *Зов жабы*...—Согласно поверьям той эпохи, черный кот и жаба были неизменными спутниками ведьм; под обликом животных будто бы скрывались бесы.

⁵ ...как пушки мощности двойной...—обычный для Шекспира анахронизм: в XI в., к которому относится действие трагедии, пушек еще не было (порох был изобретен в XIV в.).

⁶ *Тан*—старинный шотландский титул, соответствующий английскому барону.

⁷ *Беллона*—богиня войны в древнегреческой мифологии.

⁸ *...крыса без хвоста...*—Согласно поверью той эпохи, ведьма могла превратиться в крысу, но только бесхвостую.

⁹ *В сан принца Комберленда...*—в старинной Шотландии титул наследника престола.

¹⁰ *...как кошка в пословице...*—Имеется в виду старинная английская пословица: «Кошка любит рыбу, но боится лапки замочить».

¹¹ *...как в перегонных кубах...*—Имеются в виду перегонные кубы алхимиков.

¹² *Тарквиний...*—Макбет вспоминает легендарного древнегреческого царя Тарквиния, обесчестившего Лукрецию. Преступление Тарквиния изображено Шекспиром в его поэме «Лукреция».

¹³ *...английский портной, который урезал французские брюки...*—Комментаторы объясняют, что французские штаны, модные в то время в Англии, были очень широкими, а потому портным было легко красть материал.

¹⁴ *Горгона*—в античной мифологии чудовище с лицом женщины, на голове которой вместо волос извивались змеи. Взглянувший на нее превращался в камень.

¹⁵ *Скон*—старинный шотландский замок, в котором происходило коронование шотландских королей.

¹⁶ *Как Марк Антоний Цезаря робел...*—Марк Антоний, сподвижник Юлия Цезаря, стал после убийства Юлия Цезаря одним из трех триумвиров. Образ этот заимствован у Плутарха, который рассказывает, что один египетский прорицатель сказал Антонию: «Твой демон (иначе «гений», «дух», хранящий человека) боится демона Цезаря; и, будучи смелым и высоким, когда он один, становится боязливым и робким, когда приближается к этому демону».

¹⁷ *...Нортумберленда и Сиварда*, то есть старого Сиварда, графа Нортумберлендского, и его сына—молодого Сиварда.

¹⁸ *Появляются призраки...*—Банко был легендарным предком шотландского королевского дома Стюартов.

¹⁹ *...со скипетром тройным, с двойной державой.*—После смерти королевы Елизаветы (1603) на английский престол взошел Иаков I Стюарт, ставший королем Англии и Шотландии («двойная держава»), а также королем Ирландии («тройной скипетр»).

²⁰ *Входит Сейтон.*—Сейтоны были наследственными оруженосцами шотландских королей. Можно предположить, что Сейтон не потому остается верен Макбету, что сочувствует ему, а потому, что боится запятнать славу своего рода.

²¹ *Зачем подобно римскому безумцу...*—Трудно сказать, имеется ли в виду Катон Утический, Марк Брут или Марк Антоний, которые все покончили с собой после того, как потерпели окончательное поражение.

«ТРАГЕДИЯ О КОРИОЛАНЕ»

¹ *Кай Марций Кориолан* (год рождения неизвестен)—римский полководец, о жизни которого сохранились полуполюгендарные предания. Неясно, принимал ли он участие в конфликте между патрициями и плебеями в 495 г. до н. э. Он был еще юношей, когда отличился, в 493 г. до н. э., при взятии Кориол. Изгнание его и предпринятая им месть Риму произошли в 491 г. до н. э. Относительно того, что последовало после его решения пощадить Рим, сведения расходятся: по одной версии, разгневанные вольски убили его, по другой—он дожил в изгнании до глубокой старости.

² *Но помните: я рассылаю соки по всем рекам, несущим кровь по телу...*—Истинный механизм кровообращения был объяснен Гарвеем лет через десять после возникновения «Кориолана». До тех пор на этот счет существовали весьма фантастические представления.

³ *Сам Катон такого воина в мечтах не видел...*—Плутарх сообщает, что Катон Старший требовал от воина не только силы и храбрости, но и громкого голоса и грозного взгляда, которые наводили бы ужас на врагов. Шекспир воспроизводит анахронизм, допущенный Плутархом: Катон жил в III—II вв. до н. э., т. е. на три столетия позже времен Кориолана.

⁴ *...одежду, которую палач зарыл бы в землю с тем вместе, кто ее носил.*—Одежда казненного переходила в собственность палача.

⁵ *Пустите!*—Выражение в подлиннике (*O me alone!*) неясно. Другое возможное толкование его: «О, я одинок!»—риторическая фигура, имеющая целью выразить противоположное: «А я еще мог думать, что я одинок! Нет, я не одинок!»

⁶ *Когда б ты был сам Гектор,—этот бич для вас, его хвастливые потомки...*—Существовало легендарное пред-

ставление, что римляне были потомками троянцев. Для трусливых римлян доблестный предок является воплощенным укором, «бичом».

⁷ *...любителя кубка горячего вина, не разбавленного ни одной каплей воды из Тибра.*—Здесь соединены вместе два обычая, древнеримский и английский. Римляне разбавляли вино водой, англичане любили подогретое чистое вино.

⁸ *Прося у Дика с Хобом голосов...*—Дик—уменьшительная форма имени Ричард, Хоб—имени Роберт. Введение английских имен (для обозначения лиц низших сословий) в пьесах, действие которых происходит в другой стране, у Шекспира встречается довольно часто.

⁹ *подстрекнули.*—В подлиннике: *set on*. Выражение это допускает, наряду с принятым в переводе, другое толкование: «Идите дальше» (вставное восклицание Коминия, обращенное к его спутникам).

¹⁰ *Зачем не варвары они, о боги, а римляне, к стыду родной земли зачатые у входа в Капитолий?*—В подлиннике сказано сложнее: «Я хотел бы, чтобы они были варварами,—каковы они и есть на деле, хотя матери выбросили их в Риме,—а не римлянами,—ибо они поистине не римляне, хотя ими и оценились у входа в Капитолий».

¹¹ *Рабами шерстяными.*—Это можно понять двояко: 1) одетыми, в отличие от воинов, в шерстяную одежду; 2) мягкими, податливыми, как шерсть.

¹² *Без шапок головы свои на сходках показывать...*—Привилегией знатных лиц было при любых обстоятельствах не снимать головного убора.

¹³ *Ты собирал по трибам?*—Плутарх поясняет, что выборы по трибам (территориально-административное подразделение римского народа), а не по центуриям (подразделение военного характера) должны были обеспечить перевес голосам бедняков.

¹⁴ *Значит, ты живешь и с галками тоже?*—В подлиннике—каламбур: *daw* значит «галка» и «глупый болтун».

¹⁵ *И Рим он схватит так же, как морской орел хватается рыбу, по природе властный.*—Существовало поверье, что морской орел одной лишь силой своего «благородства» заставляет рыб из инстинкта покорности подниматься на поверхность моря, где затем он хватается их.

¹⁶ *Поскольку клятвой он себя связал.*—Перевод этого места, очень неясного в подлиннике и, может быть, испорченного, гадателен. Возможен другой перевод его: «и заставил меня дать клятву, что я подчинюсь его условиям».

¹⁷ *...словно статуя Александра.*—Снова анахронизм: Александр Македонский жил через полтора столетия после Кориолана.

СОДЕРЖАНИЕ

РИЧАРД III. Перевод А. Радловой	5
ЮЛИЙ ЦЕЗАРЬ. Перевод М. Зенкевича	153
МАКБЕТ. Перевод Б. Пастернака	257
ТРАГЕДИЯ О КОРИОЛАНЕ. Перевод под редакцией А. Смирнова	351
Примечания	513

Литературно-художественное издание

УИЛЬЯМ ШЕКСПИР

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В ВОСЬМИ ТОМАХ

Том 2

Редактор *Т.Е.Песоцкая*

Технический редактор *Н.А.Александрова*

Корректор *В.С.Антонова*

Лицензия на издательскую деятельность
№ 063505 от 06.07.94

Сдано в набор 20.08.94. Подписано в печать 28.01.97
Формат 84х108/32. Бумага тип. Гарнитура таймс.
Печать высокая. Усл. печ. л. 16,5. Тираж 10 000 экз.
Заказ № 142.

Издательство "Интербук".
119021, Москва, Фрунзенская наб., 2/1 - 20.

Отпечатано с готовых диапозитивов
на Книжной фабрике № 1 Комитета РФ по печати
144003, Московская обл., г.Электросталь, ул.Тевосяна, 25.

